LIFE FOR GOD

О подготовке и произнесении проповедей

Джон Бродус

ИСКУССТВО ПРОПОВЕДИ

Полный русский перевод

1870 / 1898

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Полный текст нового, двадцать третьего издания: New York, A. C. Armstrong and Son, 1898; редактор — Эдвин Чарлз Дарган. Первое издание — 1870 год. Английский оригинал и новый русский перевод включают оба предисловия, введение, все пять частей, библиографию, 609 исторических примечаний и указатель из 378 статей. Три примечания современной редакции отдельно обозначают исправления библейских ссылок.

Русский перевод подготовлен священником Сергеем Кауди для Life for God.

Основа — оцифрованный экземпляр издания 1898 года из библиотеки Принстонской богословской семинарии (Internet Archive, treatiseonprepar1898broa). Электронная транскрипция того же переработанного текста использована для набора; чтения, переходы страниц, исторические сноски и указатель сверены с печатным источником. Английский текст не смешан с доредакционными изданиями. Русский перевод выполнен заново без сокращений. Библейские цитаты переданы с учётом английского текста автора; английские формулировки сохранены там, где их грамматика или звучание существенны для рассуждения. Стихи переведены по смыслу без обязательного воспроизведения рифмы. Исторические мнения и оценки принадлежат автору и редактору. Значимые для учебных примеров выделения восстановлены по скану. Номера страниц в историческом указателе и внутритекстовых отсылках относятся к набору 1898 года, а не к этой электронной книге. Повторные колонтитулы, сигнатуры листов и пустые страницы опущены; оглавление создаётся заново. Явные ошибки распознавания исправлены; три исправления ошибочно напечатанных библейских ссылок раскрыты в редакционных примечаниях.

Историческое английское издание 1898 года находится в общественном достоянии в США. Новый русский перевод подготовлен для проекта Life for God; наличие английского оригинала в общественном достоянии само по себе не определяет режим прав на новый перевод.

Богословские суждения и исторические примеры принадлежат автору. Редакционные примечания обозначены отдельно. Номера абзацев введены для ссылок и сопоставления языков.

Читать на сайте Life for God →

Источники

Internet Archive: complete 1898 Broadus/Dargan edition, Princeton Theological Seminary copy

Primary 1898 scan: A. C. Armstrong and Son, New York

Secondary electronic transcription of the revised historical text, collated with the 1898 scan

Содержание

Об издании 2
Источники 3
Содержание 4
Предисловие к переработанному изданию 6
Предисловие автора к первому изданию 10
Введение 16
Часть I. Материал проповеди. Глава I. Библейский текст: выбор . 36
Часть I. Глава II. Библейский текст: толкование 50
Часть I. Глава III. Классификация тем 97
Часть I. Глава IV. Проповеди по особым случаям и для разных групп слушателей 124
Часть I. Глава V. Общий материал для проповеди 145
Часть I. Глава VI. Особые виды материала: объяснение 182
Часть I. Глава VII. Особые виды материала: доказательство . . . 199
Часть I. Глава VIII. Особые виды материала: иллюстрация 257
Часть I. Глава IX. Особые виды материала: применение 277
Часть II. Построение проповеди. Глава I. Значение построения проповеди 291
Часть II. Глава II. Отдельные части проповеди 299
Часть II. Глава III. Различные виды проповедей 337
Часть III. Стиль. Глава I. Общие замечания о стиле 371
Часть III. Глава II. Свойства стиля: ясность 392
Часть III. Глава III. Сила стиля 410
Часть III. Глава IV. Красота стиля 434
Часть III. Глава V. Воображение в проповеди 449

Часть IV. Произнесение проповедей. Глава I. Три способа подготовки и произнесения проповеди 461

Часть IV. Глава II. Произнесение проповеди: голос 509

Часть IV. Глава III. Произнесение проповеди: выразительные движения 530

Часть V. Ведение общественного богослужения 544

Библиография 576

Указатель 590

Примечания 615

Предисловие к переработанному изданию

[1] Первое издание этого труда вышло летом 1870 года. Сразу по завершении печатания автор на несколько месяцев уехал за границу и не предполагал, что после возвращения снова будет преподавать гомилетику. Однако обстоятельства вынудили его возобновить преподавание этого предмета, который всегда был ему особенно дорог. Книга имела большой успех. Она стала самым популярным и широко читаемым учебником гомилетики в нашей стране, выдержала двадцать два издания и разошлась многими тысячами экземпляров. Во многих богословских семинариях разных исповеданий её приняли в качестве учебника; во многих других, где обучение не ведётся по учебнику, её настоятельно рекомендуют для изучения и наведения справок. Кроме того, книга широко распространилась среди служителей и принесла им немалую пользу. В Англии вышли два самостоятельных издания; в миссионерских школах Японии ею пользовались на английском языке, а для подобных занятий в китайских миссиях её перевели. Подготовлен и португальский перевод для протестантских миссий в Бразилии; чтобы его издать, остаётся лишь найти средства.

[2] Необходимость переработанного издания в настоящее время обусловлена несколькими обстоятельствами. В 1898 году предстоит возобновить авторское право, и это даёт удобный случай выпустить новое издание. Первоначальные стереотипные печатные формы сильно износились. Нужно исправить несколько небольших ошибок, а также внести дополнения и изменения,

подсказанные возросшим опытом автора в изучении и преподавании предмета. Со времени первого издания литература по гомилетике значительно обогатилась, и автор всегда внимательно следил за её развитием. Но прежде всего к обновлению книги побуждает неизменный спрос на неё после двадцати семи лет полезного служения: этот спрос обязывает привести её в соответствие с требованиями времени.

[3] Объяснить моё участие в этой переработке нетрудно. Осенью 1892 года я стал доцентом гомилетики в Южной баптистской богословской семинарии, где работал вместе с доктором Бродусом и имел честь преподавать этот предмет вместе с ним вплоть до его прискорбной кончины в марте 1895 года. Мы распределяли преподавательскую работу под его руководством и сообразно состоянию его здоровья. По мере того как здоровье его слабело, всё большая часть работы переходила ко мне.

[4] В эти годы мы часто беседовали о переработке настоящего труда. Выпустить новое, переработанное издание ещё при жизни было одним из его заветных желаний. Для этого он накопил немало материала, главным образом заметок: одни находились в различных записных книжках, другие — на полях и форзацах того экземпляра, которым он много лет пользовался на занятиях. Помимо этих записей, многие предполагаемые изменения и усовершенствования он обсуждал со мной в беседах. В начале учебного 1894–1895 года он дал мне для занятий экземпляр с вплетёнными чистыми листами и попросил записывать на них все мысли, которые возникнут у меня в связи с предстоящей переработкой. Во второй половине февраля 1895 года я принёс ему эту

книгу, и мы поговорили о новом издании; но, увы, не прошло и трёх недель, как его не стало.

[5] Поскольку переработка представлялась безусловно необходимой, я, с полного одобрения семьи доктора Бродуса, счёл своим священным долгом и честью взять на себя этот труд. Насколько удачно или неудачно он выполнен, покажут дальнейшие страницы.

[6] Внесённые изменения относятся к трём разрядам. (1) Те, на которые прямо указывали упомянутые выше авторские заметки. Их я вносил без колебаний, будучи уверен, что сам автор поступил бы именно так. (2) Некоторые изменения, не оговорённые им в записях, но о которых я хорошо помню наши разговоры или относительно которых по другим причинам имею достаточно оснований считать, что он внёс бы именно такие поправки. (3) Наконец, есть изменения, в которых мне пришлось руководствоваться собственным суждением, полагая, что они улучшат книгу. Считаю необходимым сказать, что таких изменений сравнительно немного; кроме того, ни одной поправки я не делал, не посоветовавшись с членами семьи автора, от которых получил ценную помощь и советы.

[7] Поскольку большая часть изменений принадлежит самому автору, прошу ясно понимать: всякое улучшение, которое читатель заметит в книге, следует отнести на его счёт; редактор же охотно берёт на себя ответственность за те изменения, которые могут не встретить одобрения.

[8] Я усердно молюсь и надеюсь, что книга, приносившая столь большую пользу на протяжении двадцати семи лет, и в своём новом виде продолжит служение и принесёт ещё больше пользы тем, кому вверен благословенный

труд — благовествовать неисследимое богатство Христово. Э. Ч. Дарган. Луисвилл, Кентукки, декабрь 1897 года.

Предисловие автора к первому изданию

[1] Этот труд предназначен, с одной стороны, служить учебником для занятий, а с другой — быть чтением для служителей, молодых и пожилых, желающих изучить рассматриваемые здесь вопросы.

[2] Преподавая гомилетику в течение десяти лет, автор ощущал потребность в более полном учебнике. Курс, составленный из частей нескольких разных сочинений, всё равно оставлял некоторые важные темы без рассмотрения, а другие освещал слишком скупо, так что во многом учащиеся целиком зависели от лекций. Так возникло желание при первой возможности подготовить труд, который охватывал бы предмет во всей полноте и соединял основательное обсуждение принципов с обилием практических правил и советов. Когда одновременное преподавание гомилетики и ещё одной богословской дисциплины стало чрезмерно обременительным и пришлось отказаться от гомилетики, хотя она всегда была любимым предметом, автор решил осуществить свой замысел, пока этот предмет ещё свеж в памяти.[1]

[3] Таким образом, этот трактат вырос из практики преподавания, однако он не является просто напечатанным курсом лекций. Материал, существовавший в виде кратких заметок, повсюду переработан; литература по предмету вновь тщательно изучена; вместо изложения, прежде опиравшегося на учебники, предложено самостоятельное рассмотрение вопросов.

[4] Тех, кто намеревается пользоваться книгой как учебником, прошу обратить внимание на следующее. Она разделена на самостоятельные части: хотя их последовательность определяется самим предметом, изучать их можно и в другом порядке, сообразно потребностям преподавания. Кто-то предпочтёт начать с построения проповеди, чтобы учащиеся сразу могли применить эти знания при подготовке проповедей или их планов. Другие, ради общих упражнений в сочинении, начнут со стиля, а кто-то, возможно, — с произнесения. Сам автор, пользуясь этой книгой, предпочёл бы после введения изучить первые три главы части I, затем перейти к части II и, быть может, к другим разделам, прежде чем закончить часть I. Читатель найдёт довольно много перекрёстных ссылок между разделами. Ради практического удобства в построении книги кое-где допущены отступления от строгой классификации тем. Так, вопросы, объединённые под названиями «Иллюстрация», «Изъяснительная проповедь» и «Воображение», строго говоря, относятся к разным частям труда; однако практически удобнее рассмотреть их вместе. То же относится к проповедям по особым случаям.

[5] Возможно, следует объяснить, почему в книгу включены обширные главы о толковании библейского текста и о доказательстве. Первый из этих предметов рассматривается в трудах по герменевтике. Но многие читатели этой книги прежде не изучали герменевтику; да и тем, кто её изучал, может быть интересно и полезно рассмотрение, непосредственно связанное с проповедническим трудом. Такие читатели смогут пройти эту главу быстро. За последнее столетие толкование Писания на кафедре заметно улучшилось, однако в этом

вопросе молодых служителей по-прежнему нужно особенно тщательно предостерегать от ошибок. Некоторые считают, что доказательству не место в трактате по гомилетике или даже по риторике вообще. Между тем доказательство должно составлять значительную часть и проповеди, и всякой публичной речи: даже самые необразованные люди постоянно прибегают к нему сами и всегда чувствуют его силу, когда оно изложено надлежащим образом. Однако со многих кафедр вместо доказательств звучат преимущественно бездоказательные утверждения и увещания, а приводимые доводы нередко сформулированы небрежно или даже содержат серьёзные ошибки. Учебники логики учат скорее критической проверке доказательства, чем его построению; следовательно, если где-либо и следует обсуждать последнее, то именно в трудах по риторике. Здесь широко использованы известные главы Уэйтли, но с очень значительными дополнениями и с попыткой исправить некоторые существенные ошибки. Примеры доказательств почти все взяты из области религиозной истины. После этих разъяснений преподавателям предоставляется по своему усмотрению использовать или пропускать соответствующие части книги.

[6] Но большинство молодых служителей, особенно в некоторых исповеданиях, никогда не изучают гомилетику под руководством преподавателя — независимо от того, получили ли они образование в колледже. Во всём труде автор стремился учитывать потребности этих читателей наряду с задачами учебника. Они сами выберут, с каких разделов начать, однако тех, кто не учился в колледже, хочется настоятельно попросить не откладывать книгу, пока они не прочтут разделы о построении и стиле

проповеди, а также о толковании, темах проповеди и доказательстве.

7 Даже те, кто уже приобрёл большой опыт проповедования, нередко находят интерес и пользу в чтении трактата о подготовке и произнесении проповедей. Он может подсказать новые темы и приёмы, напомнить забытое или прежде оставленное без внимания, сделать яснее и определённее мысли, постепенно сложившиеся в ходе практической работы. А если какие-либо высказанные суждения покажутся неверными, новое размышление над соответствующими вопросами всё же может оказаться небесполезным. Кроме того, такое чтение способно вновь разбудить стремление к высокому совершенству в проповеди. Эти читатели должны помнить: многие практические вопросы, ставшие для них очевидными и привычными, — именно те, по которым начинающий особенно нуждается в совете. И хотя в настоящем труде много разделов и подразделов, выделенных для удобства учащихся, автор старался, чтобы изложение не стало от этого отрывистым и трудным для чтения.

8 Больше всего автор обязан помощью Аристотелю, Цицерону и Квинтилиану, а также Уэйтли и Вине. Сочинения двух последних, наряду с книгой Рипли, служили ему учебниками; по некоторым вопросам из них приведены обширные выдержки. Немало почерпнуто у Александера, Шедда, Дэя и Хоппина, у Кокреля и Пальмера, а также у множества других писателей. Помимо цитат, даны многочисленные ссылки на сочинения, где можно найти выразительное изложение сходных взглядов или дальнейшие соображения по обсуждаемому вопросу. Включены лишь те ссылки, к

которым, по мнению автора, учащемуся действительно стоит обратиться. В конце введения[2] помещён перечень основных трудов, составляющих литературу по гомилетике, с краткими замечаниями об их характере и достоинствах. Представляется уместным и полезным дать в таком трактате некоторое представление о прежних трудах по его предмету, оценив их с точки зрения автора. Если речь идёт о современных писателях, такие заметки не следует считать проявлением неучтивости лишь потому, что, наряду с похвалой в одном отношении, они открыто выражают неодобрение в другом. Будь эти критические характеристики несколько подробнее, они принесли бы больше пользы. Помимо общего обзора литературы, при переходе к соответствующим темам в сносках кратко охарактеризованы очерки и трактаты об отдельных разделах риторики и гомилетики. Две важные и ценные книги — «Ораторское произнесение» Макилвейна (Нью-Йорк, 1870) и «Священная риторика» Дабни (Ричмонд, 1870) — были получены уже после изготовления стереотипных форм введения; однако о них сказано в главе II части IV, и они были с пользой привлечены при работе над этой и последующими главами. Две статьи автора, опубликованные в «Баптистском ежеквартальнике» в январе 1869 и январе 1870 года, включены в книгу после необходимой переработки; некоторые статьи, составившие другие её части, появлялись в «Религиозном вестнике» и «Центральном баптисте». Автор благодарен своим коллегам и своему пастору[3] за сочувственное отношение к его труду и за ценные советы. Указатель подготовлен пастором Джоном К. Лонгом из Виргинии.[4]

[9] Особое внимание в соответствующих местах книги уделено практическим советам о речи без заранее

написанного текста. Большинство сочинений ограничивают наставления по подготовке проповедей случаем, когда проповедь целиком записывается; многие рассматривают и произнесение так, словно оно всегда сводится к чтению или воспроизведению выученного наизусть. Здесь автор старался постоянно иметь в виду разные способы и, наряду с замечаниями, относящимися ко всем, отмечать особенности каждого из них.

10 По многим практическим вопросам, связанным с подготовкой и произнесением проповедей, мнения весьма расходятся. Читая любой трактат на эту тему, опытный проповедник непременно встретит положения, которые предпочёл бы видеть изложенными иначе. Ему предстоит решить, может ли книга, несмотря на это, быть полезной. Что касается настоящего труда, автор с благодарностью примет как благоприятную, так и неблагоприятную критику. Если он ошибается, ему гораздо лучше узнать об этом. А там, где высказанные взгляды верны, обсуждение может сделать их ещё полезнее.

11 Никто не мог бы подготовить труд на эту тему, не чувствуя — порой очень глубоко — принятой на себя ответственности. Проповедовать Евангелие — дело священное и исполненное ответственности; поэтому столь же ответственна всякая попытка учить или хотя бы советовать, как проповедовать хорошо. Июль 1870 года.

Введение

[1] § 1. Значение проповеди и трудность хорошего проповедования. 2. Природа красноречия. 3. Что необходимо для действенной проповеди. 4. Происхождение правил риторики. 5. Опасности изучения риторики. 6. Отношение гомилетики к риторике. 7. Изучение гомилетики.

[2] Проповедь — отличительная черта христианства. Ни одна ложная религия никогда не предусматривала регулярных и частых собраний множества людей для слушания религиозного наставления и увещания.[5] Нечто подобное существовало в иудаизме — в служении пророков, а впоследствии чтецов и учителей синагоги; но иудаизм был истинной религией, предназначенной раскрыться в христианстве.

[3] Правда, некоторые языческие религиозные учители, видя силу проповеди, порой пытались подражать в этом христианству. Так, римский император Юлиан, обычно называемый Отступником, велел языческим философам проповедовать каждую неделю, как это делали христиане.[6] Говорят, что и в новое время в Китае, Японии и Индии бывали случаи заимствования чего-то похожего на проповедь. Но, насколько известно, и по происхождению, и по своей истории проповедь остаётся установлением, свойственным именно христианству.

[4] § 1. Значение проповеди и трудность хорошего проповедования

[5] Главное установленное средство распространения благой вести о спасении через Христа — проповедь, то есть слово, обращённое к отдельному человеку или к собранию. И ничто не может её заменить. Печатное слово стало могущественным орудием и добра, и зла; христиане должны со всем усердием и всеми возможными способами пользоваться им для распространения истины. Но печатное слово никогда не займёт место живого. Когда человек, умеющий учить, душа которого горит истиной, спасшей, как он верит, его самого и способной, как он надеется, спасти других, обращается к людям лицом к лицу, глядя им в глаза; когда между ним и слушателями, словно электрические искры, пробегает живое сочувствие и они поднимают друг друга всё выше и выше, к предельному напряжению мысли и чувства, — выше и ещё выше, пока их словно огненные колесницы не вознесут над миром, — тогда действует сила, способная двигать людьми, влиять на их характер, жизнь и судьбу так, как никогда не сможет никакая печатная страница. Пастырский труд имеет огромное значение, и всякому проповеднику следует усердно его совершать. Однако он не заменяет проповеди и не может вполне восполнить отсутствие силы на кафедре. Эти два служения помогают друг другу; без взаимной поддержки ни одно не достигнет наиболее полных и благословенных результатов. Когда проповедует сочувствующий людям пастырь, советчик, которому доверяют, добрый и почитаемый друг молодых и старых, богатых и бедных, тогда «божественные истины из его уст звучат ещё прекраснее», и волшебная сила сочувствия распахивает сердца навстречу его слову. С

другой стороны, когда с посещением приходит проповедник, чьё глубокое знание Писания и возвышенное понимание жизни, чьи искусные и пламенные речи убеждали, вызывали восхищение и соединяли сердца множества людей; когда приходит тот, кого привыкли видеть перед собой как посланника Божия и с чьим образом связывают авторитет и святость Божьего Слова, — его беседа со страдающим, скорбящим или искушаемым приобретает значение и силу, которых иначе не имела бы. Если служитель чувствует особое влечение к одной из этих сторон труда, пусть понуждает себя усердно заниматься и другой.

6 Религиозные обряды могут поучать и производить глубокое впечатление. В прежнем домостроительстве они широко использовались — подобно тому, как мы пользуемся картинками, обучая детей. Даже христианство, в котором обрядов совсем немного, в двух своих простых, но выразительных установлениях наглядно представляет основополагающие события веры и нередко глубоко воздействует на религиозное чувство. Но это лишь образы, поясняющие истину, лишь вспомогательные средства в великом труде наставления и убеждения, привлечения и удержания людей, который призвана совершать проповедь, укреплённая Духом Божиим.

7 Следовательно, проповедь всегда будет необходима, а хорошая проповедь всегда будет могучей силой. Во все века христианства, начиная с того времени, когда Иоанн Креститель привлекал толпы в пустыню, ни одно великое религиозное движение, ни одно восстановление истины Писания и возрождение подлинного благочестия не происходило без обновления силы проповеди, которое

было одновременно и причиной, и следствием этого движения.

[8] Но, увы, как трудно нам проповедовать хорошо! Как мала доля действительно хороших проповедей среди всех тех, что каждую неделю звучат по всему миру! Литераторы-дилетанты, время от времени наполняющие журналы насмешками над проповедью, несомненно, судят недоброжелательно и несправедливо: они намеренно сопоставляют рядовые проповеди с лучшими образцами литературы и забывают о собственном полном отсутствии того сочувственного понимания, без которого любое суждение о литературе и искусстве неизбежно оказывается ошибочным. Но мы, любящие проповедь и старающиеся проповедовать, лучше их знаем и недостатки, омрачающие наши усилия, и трудности нашего дела. Один почтенный служитель, приносивший особенно много пользы,[7] однажды заметил, поднимаясь с дивана, на котором отдыхал: «Ну что ж, надо готовиться к сегодняшней вечерней проповеди. А ведь я не умею проповедовать — я никогда и не проповедовал — да, по правде, я и не слышал, чтобы кто-нибудь проповедовал!»

[9] И всё же в этом нашем деле — столь грозном и столь притягательном, столь трудном и ответственном, но вместе с тем столь благословенном — мы должны стремиться к высшему совершенству. Если слова Цицерона о молодом ораторе применимы к другим видам публичной речи, то к нашему служению они применимы прежде всего: «Я буду не только увещевать, но даже умолять его трудиться».[8]

[10] § 2. Природа красноречия

[11] Что такое хорошая проповедь? Или, если поставить вопрос шире, что такое красноречие? Это не просто отвлечённый вопрос: наши основные представления о предмете влияют на практическую работу сильнее, чем мы, быть может, сознаём. Не обозревая многочисленных рассуждений об этом, предложим следующее определение. Красноречие — это такая речь, которая не только убеждает разум, воспламеняет воображение и трогает чувства, но и даёт сильный толчок воле. Все эти элементы необходимы, но последний наиболее характерен. Можно наставлять и убеждать без красноречия. Воображение может быть очаровано, как бывает при чтении стихотворения или романа, хотя вы и не подумали бы назвать это красноречием. Трогательный рассказ или страшное описание могут глубоко взволновать чувства, но, если они не предполагают соответствующего действия, мы не называем их красноречием. С другой стороны, строго говоря, неверно утверждать, что «красноречие — это речь, достигающая своей цели»: на пути может оказаться непобедимый предрассудок или другое непреодолимое препятствие. Например, проповедник может быть поистине красноречивым и всё же не побудить слушателей к покаянию. Необходимо сильное воздействие на волю: слушатели должны почувствовать себя поражёнными, взволнованными, побуждаемыми к какому-либо поступку или решению действовать — или, по крайней мере, почувствовать движение в эту сторону. Слова, которые убеждают, воспламеняют воображение, возбуждают чувства и тем самым воздействуют на волю, по праву называются красноречивыми. Августин говорит: Veritas

pateat, veritas placeat, veritas moveat — «Пусть истина будет ясна, пусть она радует, пусть побуждает к действию».

12 Итак, красноречие имеет практическую цель. Если оно не стремится к реальным, практическим результатам, оно неподлинно. Знаменитому ирландскому патриоту и адвокату Дэниелу О’Коннеллу приписывают слова: «Хорошая речь — дело хорошее, но главное — приговор». Одно лишь красноречие для праздных торжеств не заслуживает этого имени. Не красноречив и проповедник, который разжигает воображение слушателей только ради их удовольствия, возбуждает их страсти лишь затем, чтобы дать им насладиться переживаниями. Проповедей такого рода слишком много. Помимо тщеславных притворщиков, заботящихся лишь о том, чтобы понравиться, есть и добрые люди, которые, сказав нечто красивое и сумев тронуть слушателей, воображают, будто хорошо проповедуют. Они не спрашивают себя, почему люди взволнованы и к каким подлинно религиозным целям направлено это чувство. Стыдно видеть, какую пресную и никчёмную чепуху нередко называют красноречием в газетных похвалах и в разговорах недоучившихся юнцов, возвращающихся из церкви.

13 Красноречие — дело серьёзное. Нельзя сказать, что речь или абзац одновременно очень забавны и очень красноречивы. Говорящий, достойный этого высокого имени, должен обладать нравственной серьёзностью. Порой, когда это уместно, он может позволить себе лёгкую игру тонкого юмора или блеснуть искрой остроумия, но всё это должно быть лишь попутным и подчиняться глубокой серьёзности и искренней убеждённости. Теремин в своём полезном небольшом

трактате «Красноречие как добродетель» настаивает на том, что красноречие принадлежит к этическим наукам: главное в нём — характер и дух говорящего. Эта теория преувеличена, но в ней содержится важная доля истины, которую отчасти заметил ещё Квинтилиан.[9]

[14] «Что составляет истинное основание красноречия, — спрашивает Вине, — если не общеизвестное? Когда красноречие соединяется с глубокими философскими рассуждениями, как во многих современных образцах, мы сначала склонны приписать философии то впечатление, которое испытываем. Но красноречие — нечто более общедоступное: это сила, заставляющая звучать в нас изначальные струны души, её чисто человеческие начала; именно в этом, и ни в чём другом, мы узнаём оратора».[10] Невозможно быть красноречивым ни на какую тему, не связав её с такими представлениями, как мать, ребёнок, друзья, дом, родина, небо и тому подобное, — всё это знакомо каждому и само по себе общеизвестно. Задача говорящего состоит в том, чтобы расположением мыслей, поясняющими образами и другими средствами, а также собственным заразительным чувством придать этим знакомым представлениям новую привлекательность, чтобы они вновь обрели власть над сердцами слушателей. Тот, кто гонится за совершенно новым материалом для речи, может прослыть оригинальным и заслужить немало восхищения, но не проявит той живой силы, которая присуща красноречию. Проповедник способен быть по-настоящему красноречивым, лишь говоря о жизненно важных евангельских истинах, которые неизбежно уже стали знакомыми. Даже если бы не существовало высших оснований, здравые принципы риторики требовали бы, чтобы проповедник проповедовал Евангелие: держался

прежних истин и трудился над тем, чтобы сообщить им новую привлекательность и силу.

[15] § 3. Что необходимо для действенной проповеди

[16] Можно назвать четыре необходимых условия: благочестие, природные дарования, знания и мастерство.[11]

[17] (1) Благочестие. Иногда люди приносят пользу проповедью, а впоследствии оказывается, что сами они были лишены благочестия. Это один из многих удивительных путей, которыми Бог извлекает добро из зла. Но такие случаи исключительны; как правило, первое условие действенной проповеди — искреннее благочестие. Оно зажигает в самом проповеднике горячую ревность и поддерживает пламя среди ледяного равнодушия, которое так часто будет его окружать. Оно завоёвывает ему доброжелательность и сочувствие слушателей: даже самые нечестивые из них чувствуют, что благоговейная искренность подобает ему и делает его достойным уважения. Трудам, проистекающим из такого благочестия, обещано Божие благословение. Многие ложные теории и дурные навыки проповедования связаны с непониманием первостепенной важности благочестия в самом проповеднике. Как уже было сказано выше по близкому вопросу, здравые принципы риторики, наряду с иными, гораздо более высокими соображениями, настоятельно требуют, чтобы проповедник Евангелия возрастал в личном благочестии. Пренебрежение им — ошибка даже с точки зрения риторики.

[18] (2) Природные дарования. Проповеднику нужны способность ясно мыслить, сильные чувства и живое воображение; нужны также способность выражать мысли и сила выразительного произнесения. Многие другие дарования помогают ему приносить пользу, но без перечисленных едва ли возможно достичь высокой действенности. Каждое из них можно совершенствовать почти безгранично; некоторые можно развить и у того, кто прежде не сознавал их в себе. Однако все они должны присутствовать как природные дарования.

[19] (3) Знания. Необходимо знание религиозной истины и всего, что помогает её понять; знание человеческой природы в её отношении к этой истине и человеческой жизни в тех действительных условиях, которые нас окружают. Цицерон любил повторять, что оратор должен знать всё. Разумеется, нет такого знания, которому проповедник не мог бы найти полезного применения. Мы можем с благодарностью признавать, что некоторые люди приносят добро, обладая весьма скромными познаниями, и всё же настаивать: самое меньшее, к чему должен стремиться проповедник, — превосходить в знаниях подавляющее большинство своих слушателей. Его священным стремлением должно быть узнать всё, что он способен усвоить за целую жизнь усердного труда и молитвы.

[20] Благочестие даёт побуждающую силу; природные дарования, развитые насколько возможно, предоставляют средства; знания дают материал; и остаётся ещё —

[21] (4) Мастерство. Речь идёт не только о стиле и произнесении, но и о собирании, отборе и расположении материала. Почти без исключения окажется, что все выдающиеся проповедники — как, впрочем, и светские

ораторы — немало потрудились, чтобы приобрести мастерство. Генри Клей, обращаясь к студентам-юристам в Олбани уже на склоне лет, рассказал, что в молодости, в Кентукки, он «начал и затем много лет продолжал ежедневно читать какую-нибудь историческую или научную книгу и произносить речь о прочитанном. Эти неподготовленные выступления происходили то на кукурузном поле, то в лесу, а нередко в каком-нибудь отдалённом амбаре, где моими слушателями были лошадь и вол». Рассказывают, что индейские ораторы Союза шести племён упражнялись в речах у прозрачного водоёма, пользуясь им как зеркалом. «Патрик Генри, самый выдающийся пример природного красноречия — насколько таковое вообще существует, — прошёл школу ежедневного изучения человеческой природы, которую сам же вызывал на проявление в своей маленькой лавке; он ежедневно испытывал силу слова на задержавшихся покупателях, глубоко и увлечённо изучал историю, а особенно — терпеливо и постоянно исследовал речи у Тита Ливия и тщательно их переводил, что, мягко говоря, встречается весьма редко».[12] Всякий, кому посчастливилось близко знать кого-либо из тех замечательных баптистских и методистских проповедников, которые начинали почти без образования, а затем собственным трудом достигли высшего совершенства в своём призвании, видел множество свидетельств — особенно в их непринуждённых частных беседах, — что умение выражаться ясно и точно, говорить сильно и увлекательно приобретено благодаря пристальному критическому вниманию, усердному и многолетнему труду. Разница между искусной и неумелой речью почти столь же велика, как разница между умелым и неумелым обращением с инструментами, например

плотницкими или кузнечными. И хотя настоящее мастерство невозможно приобрести без практики — согласно верному изречению: «Научиться проповедовать можно только проповедуя», — одна лишь практика никогда не приведёт к высшему мастерству. Она должна быть внимательной и вдумчивой, сопровождаться пристальным наблюдением за другими и строгим наблюдением за собой, направляться здравым смыслом и хорошим вкусом.

[22] Итак, в отношении мастерства проповедь представляет собой искусство. Искусство не может создать необходимые способности ума и тела или заменить их, если они действительно отсутствуют; зато оно способно развить и усовершенствовать их, помочь употребить их наилучшим образом. Поэтому цель изучения риторики — приобрести мастерство в построении и произнесении речи.

[23] § 4. Происхождение правил риторики

[24] (1) Правила риторики, собственно говоря, выводятся индуктивно. Иногда о них говорят так, будто их сочинили мнимые мудрецы, взявшиеся на основании общих соображений указывать людям, как следует говорить. В действительности они возникли из длительного и вдумчивого наблюдения за тем, как люди говорят, когда говорят действительно хорошо.[13] Время от времени каждый увидит причину отступить от этих правил. Но он должен понимать: пренебрегая «правилами риторики», он не совершает благородного освобождения от искусственных пут и преград, а лишь на время и по достаточной причине сворачивает с пути, которым обычно лучше всего идти. Разумно ли это, зависит от того, действительно ли есть основание для отступления и насколько умело оно совершено. Точно так же мы видим, что здравомыслящие люди нередко в точности следуют этим правилам, ничего о них не зная. Это означает лишь, что они говорят так, как обыкновенно говорят здравомыслящие люди.[14]

[25] (2) То, что мы называем правилом, — лишь удобное выражение принципа. Правило придаёт принципу краткую форму, чтобы его было легко запомнить и применить. Но как бы разумно ни было составлено правило, оно никогда не обладает такой гибкостью, как заключённый в нём принцип. Поэтому бывают случаи — а для некоторых правил их немало, — когда человек нарушает правило, но в действительности следует принципу. В этих случаях принцип допускает гибкое применение и приспособление к особым обстоятельствам, а правило — нет. Этим объясняются многие примеры сильного воздействия речи, совершенно нарушающей

правила риторики. В других случаях действует своего рода толчок, вызванный отступлением от привычного: так спящий мельник просыпается, когда мельница останавливается. Наконец, иногда воздействие достигается благодаря другим сильным сторонам говорящего, вопреки допущенному им нарушению правила.

[26] § 5. Опасности изучения риторики

[27] (1) Больше думать о форме, чем о содержании. Риторика занимается тем, как мы используем материал: его выбором, приспособлением к цели, расположением и выражением. Но сам материал всё же важнее. Мы полагаем, что Демосфен не намеревался этому противоречить, когда говорил — если он действительно это говорил, — что в речи на первом, втором и третьем месте стоит произнесение. Всё остальное он подразумевал как само собой разумеющееся. Никто не превзошёл Демосфена в основательном знании тех предметов, о которых он говорил. Но произнесение давалось ему особенно трудно: недостатки в этой области погубили его первые попытки, а последующее совершенство было достигнуто лишь огромным трудом. Естественно, что он подчёркивал его значение, полагая, что ни один здравомыслящий человек не упустит из виду необходимость полностью владеть своим предметом. Проповедник же прежде всего должен думать о благочестии, знаниях и Божием благословении. Мастерство, при всей своей ценности, гораздо менее важно; и есть опасность, что занятия риторикой заставят об этом забыть. Печально видеть, как часто сами проповедники в беседах и газетных отзывах ограничивают суждения о проповеди обсуждением выступления и выступающего. Недоброжелательные слушатели или читатели в таких случаях получают слишком много оснований заключить, будто проповедники озабочены лишь демонстрацией своего искусства и приобретением ораторской славы.

[28] (2) Подражание. Всем известно, что подражание бывает сознательным и бессознательным.

Бессознательное, конечно, менее предосудительно, но оно всё равно вредно; это скрытое зло, против которого необходимо самое пристальное самонаблюдение. Каждый замечает также, что подражатели особенно склонны воспроизводить чужие недостатки. Причину понять нетрудно. Достоинства хорошего оратора обычно образуют стройное целое, тогда как недостатки выступают резко и заметно. Поэтому именно они легче всего вызывают бессознательное подражание. Сознательный же подражатель наверняка является поверхностным наблюдателем: то, что особенно бросается ему в глаза у восхищающего его оратора, он принимает за тайну его силы и начинает это копировать. К тому же обезьянничать, воспроизводя один заметный недостаток, легче, чем повторить гармоническое соединение многих достоинств.

[29] Усиливается ли опасность подражания в учебных заведениях? Едва ли. Тот, кто слишком восприимчив или, напротив, настолько неразумен, что легко поддаётся этому соблазну, всюду найдёт, кому подражать. В каждой сельской местности есть любимый проповедник, которому, как можно заметить, подражают окружающие. Когда многие такие подражатели собираются в одном учебном заведении, круг образцов для подражания сужается, а сами эти образцы становятся известнее всем; потому явление сильнее привлекает внимание. С другой стороны, именно там скорее укажут на опасность и вред подражания, помогут совсем отказаться от сознательного копирования и быстро исправить бессознательное, как только оно станет заметно. В богословском учебном заведении эта опасность ничуть не больше, чем в колледже или университете. И всё же некоторые люди особенно склонны к такому недостатку. Поэтому всем,

кому предстоит много месяцев слушать одного и того же человека по нескольку раз в неделю, следует остерегаться подражания его особенностям.[15]

[30] (3) Неестественность. Многие проявления неестественности не заслуживают неприятного названия «манерность». Намерения говорящего добры; он лишь ошибается в суждении и вкусе. Но ошибка эта весьма велика. Во всякой речи, а особенно в проповеди, естественность и неподдельность, даже неловкие, гораздо успешнее служат высшим целям, чем самая изящная искусственность. «Но ведь высшее искусство — скрыть искусство». Нет, никакое искусство не способно скрыть искусственность. Мы можем не распознать её, но смутно, инстинктивно чувствуем, что что-то не так, и, быть может, недоумеваем, в чём дело: добрые намерения проповедника почему-то не достигают цели. Опасность неестественности в речи очень велика. Начинающий обычно чувствует себя неловко в новой и непривычной обстановке. Как человек, не привыкший ездить верхом, должен научиться естественно и свободно держаться в седле, так очень многие ораторы, а возможно, и все, должны научиться быть естественными. Им нужно не только отвергнуть всякую намеренную искусственность, но и тщательно остерегаться неумышленной и бессознательной. Главное средство сохранить естественность — забыть о себе, всецело проникнувшись живым желанием принести людям пользу. Отсюда следует, что проповеднику никогда не нужно проповедовать лишь ради упражнения: это неизбежно будет поощрять искусственность. Первые выступления молодого человека, которые нередко гораздо сильнее, чем он тогда сознаёт, определяют его привычки на всю жизнь, должны быть подлинной, bona fide, проповедью.

Если он и проповедует только перед товарищами по учёбе и преподавателями, то лишь на тему, действительно отвечающую их духовным нуждам, и с самым искренним, молитвенным стремлением принести им пользу.[16]

[31] Во всём, что относится к проповеди, особенно к её произнесению, наши усилия по совершенствованию ораторского искусства должны быть направлены преимущественно на устранение недостатков. Мы стараемся усвоить верные общие принципы и составить представление об ошибках и недостатках, которым обычно подвержены говорящие. Затем мы выступаем, стремясь руководствоваться этими принципами и исправлять возникающие у нас недостатки. Неразумно с самого начала устанавливать некий образец совершенства и стремиться ему соответствовать. Если кому-нибудь вздумается, что кедры красивее дубов, и он начнёт подстригать свои дубы под форму кедров и окрашивать их под кедровый цвет, результат будет лишь смешным. Пусть молодой кедр растёт кедром, а молодой дуб — дубом; но выпрямляйте, подрезайте и совершенствуйте каждый из них, чтобы он стал наилучшим деревом своего вида. Так и в речи: всегда оставайтесь самим собой, своим настоящим, естественным «я», но развивайте, исправляйте и совершенствуйте себя до той высшей степени, которой позволяют достичь ваши природные способности.

[32] § 6. Отношение гомилетики к риторике

[33] Греческое слово homilia означает беседу, взаимный разговор, а отсюда — и непринуждённую речь. Латинское слово sermo, от которого происходит английское sermon, имеет тот же смысл: разговор, беседа, обсуждение. Поучительно заметить, что первые христиане первоначально не называли свои публичные наставления теми именами, которыми обозначались речи Демосфена и Цицерона, а именовали их беседами, непринуждёнными разговорами. Под влиянием обучения риторике и распространения христианского богослужения среди широких слоёв народа беседа вскоре превратилась в более формальную и пространную речь. И хотя название «гомилия» сохранялось, в позднейшие времена проповедь всё больше приобретала характер ораторского выступления и нередко называлась logos, то есть речью.[17] От слова «гомилия» по аналогии с названиями «математика», «физика» и подобными образован термин «гомилетика», обозначающий науку или искусство христианской речи либо сочинение об этом предмете, охватывающее всё, что относится к подготовке и произнесению проповедей. Хоппин[18] даёт такое определение: «Гомилетика — наука, которая преподаёт основные принципы публичной речи применительно к возвещению и преподаванию божественной истины в регулярных собраниях, созванных для христианского богослужения». Фелпс[19] определяет её так: «Гомилетика — наука о природе, классификации, анализе, построении и составлении проповеди. Короче: это наука о том, искусством чего является проповедование, а произведением — проповедь». Гомилетику можно назвать разделом риторики или родственным ей искусством.

Основные принципы, коренящиеся в человеческой природе, разумеется, одинаковы в обоих случаях; поэтому представляется очевидным, что гомилетику следует рассматривать как риторику, применённую к данному виду речи. И всё же проповедь по своей природе существенно отличается от светской речи: первоисточником материала, подобающими проповеднику прямотой и простотой стиля, а также чуждыми мирским стремлениям побуждениями, которыми он должен руководствоваться. Эти и другие особенности не дают оснований считать гомилетику совершенно отдельной от риторики дисциплиной,[20] но и изучающему гомилетику, и проповеднику в его повседневном труде необходимо постоянно помнить о них.[21]

[34] § 7. Изучение гомилетики

[35] Очевидно, что внимание к этому предмету чрезвычайно важно как для готовящегося к служению, так и для действующего пастора. Здесь мы намерены предложить несколько советов, которые помогут изучать его с пользой.

[36] Литература по гомилетике обширна и достойна изучения. Во все века и на разных языках создано множество хороших, содержательных книг, прямо или косвенно относящихся к этому предмету. Немало общих трудов посвящено риторике, искусству произнесения и смежным вопросам; многие из них вполне заслуживают внимательного чтения проповедника. В последнее время, по мере возрождения интереса к изучению английского языка в наших колледжах и университетах, появилось множество сочинений по риторике. От них до поныне

полезных трудов древних мастеров тянется длинный ряд прекрасных исследований основных и неизменных принципов риторической науки.

[37] Существует также весьма полная и большей частью ценная литература собственно по гомилетике. Эти труды рассматривают проповедь почти со всех мыслимых точек зрения. Немало превосходных и полезных сочинений создано в нашей стране; они отличаются практической ценностью и основательностью рассмотрения. Есть и некоторые труды по истории ораторского искусства и проповеди, полезные при изучении гомилетики, хотя их не так много и они не столь хороши, как хотелось бы. Краткий критический обзор наиболее известных и полезных сочинений в этой области читатель найдёт в библиографии в конце книги.

[38] Помимо трактатов о проповеди, главные источники обучения гомилетике таковы. (1) Проповеди, которые мы слышим, если слушаем их с братским сочувствием и молитвенным желанием получить духовную пользу, но вместе с тем с критическим вниманием. (2) Опубликованные проповеди, ценность которых охотно признают все. (3) Жизнеописания проповедников: для человека, уже имеющего общее представление о гомилетике, они нередко исключительно поучительны. (4) Замечания преподавателей или рассудительных слушателей о нашей собственной проповеди. (5) Внимательное наблюдение за недостатками, выявляющимися в нашей практической работе, и решительные, терпеливые усилия по их исправлению.

Часть I. Материал проповеди. Глава I. Библейский текст: выбор

[1] § 1. Значение термина. 2. Преимущества проповеди на избранный текст. 3. Правила выбора текста.

[2] § 1. Значение термина

[3] Слово «текст» происходит от латинского texere — «ткать»; в переносном смысле этот глагол стал означать «соединять», «строить»,[22] а затем — «сочинять», выражать мысль в связной устной или письменной речи. Таким образом, существительное textus обозначает результат ткачества — ткань, полотно, а в литературном употреблении — ткань мысли, связное сочинение, написанное, а в более поздние времена напечатанное. Возник обычай читать связное повествование или рассуждение какого-либо автора и добавлять к нему замечания, преимущественно объяснительные; либо брать само авторское сочинение и делать примечания сбоку или внизу страницы. Поэтому собственно авторское произведение стали называть текстом, то есть непрерывным, связным сочинением, в отличие от отрывочных примечаний и замечаний редактора или оратора. Это употребление слова сохраняется доныне: говоря о тексте древних или иных авторов, мы имеем в виду их собственное первоначальное сочинение; а текстология — наука, устанавливающая точную словесную форму написанного ими. Так и в учебном обиходе английское слово text-book, «учебник», получило это название потому, что речь идёт об изучаемом авторском произведении, к связному изложению которого преподаватель добавляет примечания или замечания, задавая вопросы либо объясняя материал в классе. Ранняя же проповедь представляла собой непринуждённый последовательный комментарий к связному ходу мысли, или тексту, Писания, который так называли, чтобы отличить его от комментария или изъяснения проповедника. По мере того как замечания

стали развёртывать в упорядоченную речь, а изъясняемый отрывок Писания — сокращать, слово «текст» приобрело значение места из Писания, избранного в качестве отправной точки или основания проповеди.[23]

[4] История этого слова, как и слова «гомилетика», указывает на тот известный и из других источников факт, что первоначально проповедь была изъяснительной. Раннехристианские проповедники обычно говорили по поводу довольно пространных отрывков и занимались главным образом их истолкованием. Нередко, однако, они, вполне естественно, находили краткий отрывок настолько плодотворным, что ограничивались им одним. Обычай всё больше склонялся к предпочтению коротких текстов. В Англии XVII века было нередким делом произносить множество проповедей по одному краткому отрывку. Так, у Джона Хау есть четырнадцать проповедей на часть Рим. 8:24 — «Мы спасены в надежде», семнадцать — на 1 Ин. 4:20 и восемнадцать — на Ин. 3:6. Цель состояла в том, чтобы всесторонне рассмотреть какую-либо великую тему и связать все речи в одно целое, соотнеся их с одним и тем же текстом. Но такой обычай противоречил естественной любви к разнообразию. Обычно гораздо лучше, чтобы единство серии обнаруживалось в очевидной связи тем, а для каждой речи следует выбирать отдельный текст, представляющий именно тот предмет или взгляд на него, который в ней рассматривается. Таков ныне общепринятый обычай: теперь сравнительно редко произносят более одной проповеди на один и тот же краткий текст. Кроме того, в настоящее время заметна тенденция вновь чаще обращаться к пространным текстам.[24]

[5] § 2. Преимущества проповеди на избранный текст

[6] Избирать текст для проповеди — древний и прочно установившийся обычай, отступать от которого, по-видимому, нет веской причины; тем более что такая перемена наверняка оказалась бы неприятной или даже болезненной для многих достойных и благочестивых слушателей. Кроме того, этот обычай имеет превосходные основания и явные преимущества.

[7] Очевидно, что избрание библейского текста придаёт речи священный характер. Но дело не ограничивается этим. Основная мысль заключается в том, что речь раскрывает текст, объясняет, иллюстрирует и применяет заключённое в нём учение. Наше дело — учить слову Божию. И хотя нам нередко приходится рассматривать предметы или стороны предметов, которые ни в одном месте Писания не представлены именно в такой форме, мы всё же должны постоянно сохранять основополагающее представление: мы собираемся изложить то, что содержится в тексте. Когда обстоятельства определяют тему предстоящей речи и нам приходится подыскивать текст, почти всегда можно найти такой, который будет иметь к теме действительное, пусть даже общее отношение. Если же изредка это оказывается невозможным, лучше вовсе не брать текста, чем выбирать такой, связь которого с темой лишь воображаема или натянута.

[8] Постоянный обычай избирать текст имеет несколько преимуществ. (1) Он непрестанно напоминает об уже названном обстоятельстве: наша задача — не руководить людьми собственной мудростью, а передавать им Божие

учение, содержащееся в Его Слове. Это позволяет нам говорить уверенно и побуждает людей признавать авторитет сказанного нами. (2) Удачно выбранный текст с самого начала пробуждает интерес. (3) Он часто помогает слушателю запомнить ход мысли; так бывает всякий раз, когда проповедь действительно вырастает из текста. (4) Он даёт возможность объяснить какое-либо место Писания и запечатлеть его в сознании. (5) Он помогает удерживать нас от полного уклонения от библейских тем и взглядов. (6) Он обеспечивает большее разнообразие, чем если бы ум предоставлялся исключительно подсказкам обстоятельств: тогда он часто возвращался бы в привычные колеи. Это разнообразие достигается ровно в той мере, в какой проповедник ограничивает себя особой мыслью каждого отдельного текста.

[9] Возражения против употребления текстов обычно возникали по одной из двух или трёх причин. Прискорбная вольность в их толковании, получившая столь широкое распространение, побуждает некоторых считать само употребление текстов неправильным или бесполезным. Это старая история: злоупотребление чем-либо заставляет людей сомневаться в правомерности его употребления. Далее, люди, почти или вовсе не питающие истинного благоговения перед Писанием и не ценящие его богатств, говорят о тексте как об ограничении свободы мысли и потока красноречия. Так, Вольтер писал: «Можно было бы пожелать, чтобы Бурдалу, изгнав с кафедры дурной вкус, который её позорил, изгнал также обычай проповедовать на текст. В самом деле, долго говорить по поводу цитаты в одну-две строки, изнурять себя, подчиняя целую речь этой строке, кажется пустячным трудом, мало достойным величия служения. Текст превращается в своего рода девиз, или,

скорее, загадку, которую речь развёртывает».[25] Очевидно, эта насмешка была вызвана отчасти столь часто встречавшимся насилием над смыслом при толковании, а главным образом — отсутствием у критика благоговения перед Библией и незнанием подлинного отношения проповедника к ней. Наконец, возможна и третья причина возражений: некоторые способные и благочестивые проповедники, не любящие изъяснительной и даже текстовой проповеди и желающие, чтобы всякая проповедь была философским рассуждением или тщательно разработанной речью на определённую тему, склонны считать обычай непременно избирать текст неудобным ограничением. По-видимому, так относился к нему Вине.

[10] Иногда вполне уместно взять два текста или даже больше. Так, с Евр. 9:22 — «И без пролития крови не бывает прощения» — можно соединить 1 Ин. 1:7: «Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха». Или вместе с Ис. 6:3 — «Вся земля полна славы Его!» — можно взять Пс. 71:19 (72:19 в английской нумерации): «И наполнится славою Его вся земля!» Ангельским очам она уже такова; человеческий ум может лишь молиться, чтобы так было. Сравните Авв. 2:14. У Сперджена есть проповедь на слова «я согрешил», встречающиеся в Библии семь раз; в ней он интересно рассматривает различные обстоятельства и душевные состояния, в которых эти слова произносились.[26]

[11] § 3. Правила выбора текстов

[12] Правильный выбор текста имеет большое значение. Удачный выбор будет воодушевлять проповедника на протяжении всей подготовки и произнесения проповеди и поможет ему сразу привлечь внимание слушателей. Немного найдётся вопросов, в которых проповедники столь сильно различались бы по дарованию и умению, как в выборе текстов; и немного найдётся таких, где усердный, систематический труд вознаграждался бы щедрее. Служителю или готовящемуся к служению студенту следует завести тетрадь для записи текстов. При чтении Писания и богословских книг, сборников проповедей, жизнеописаний и газетных заметок, в случайном размышлении и при подготовке других проповедей постоянно будут встречаться отрывки, по поводу которых возникнет мысль: на это можно было бы составить проповедь. Пусть они немедленно заносятся в список. Пусть проповедник понуждает себя к этому, пока запись не станет привычкой. И непременно следует одновременно записывать, хотя бы кратко, предполагаемый план речи или особенно ценную мысль либо иллюстрацию, если нет уверенности, что они вновь придут на память при каждом взгляде на текст. Иначе впоследствии многие места в списке покажутся странными: непонятно будет, зачем их вообще записали, потому что связь мыслей прервётся, а точка зрения исчезнет. Временами ум находится в особенно творческом состоянии, и планы проповедей, наводящие на размышления тексты или темы быстро сменяют друг друга, пока проповедник читает, размышляет или посещает дом за домом. Эти плодотворные семена следует бережно сохранять, намечая пути их развития.

Нередко, когда человек холоден, безжизнен и в данную минуту не способен ничего создать, добрая мысль, возникшая в более счастливом расположении духа, падает в его ум, словно искра, и вскоре весь его воспламеняет. Многие превосходные тексты и многие золотые мысли, дарованные людям в лучшие минуты, теряются навсегда, хотя краткая запись или даже небольшое усилие связать их в памяти с чем-либо другим могли бы сделать их постоянным достоянием.[27]

[13] В помощь выбору текстов предлагаются следующие правила.

[14] (1) Текст не должен быть тёмным. Как правило, его смысл должен обнаруживаться без труда. Иначе люди либо отшатнутся от того, в чём не видят смысла, либо почувствуют лишь праздное любопытство: что же, собственно, проповедник сумеет из этого сделать? И всё же здесь есть важные исключения. Если проповедник уверен, что способен объяснить тёмное место и показать, что оно преподаёт ценную истину, он может его взять. Если известно, что отрывок вызывает у многих интерес, а он действительно способен прояснить его смысл и извлечь полезные уроки, выбор такого текста может быть весьма мудрым. Но заметьте, какое ударение делается на возможности сделать отрывок поучительным и полезным. Объяснять только ради объяснения — занятие, на которое у проповедника едва ли есть время. Его дело — преподать людям уроки действительной пользы, относящиеся либо к вероучению, либо к практике.[28]

[15] (2) Следует осторожно обращаться с текстами, «отличающимися величием выражения. Они словно обещают великое усилие».[29] Если в самом начале возбуждены большие ожидания, оправдать их, конечно,

очень трудно. И всё же никто не станет возводить избегание таких текстов в общее правило. Многие из самых благородных и впечатляющих мест Писания естественно достигают величия выражения, и привычное уклонение от них было бы серьёзной потерей. Иногда можно найти более простой текст на ту же тему, а более величественный отрывок ввести где-либо по ходу проповеди. Но если именно такой отрывок избран основным текстом, нежелательное впечатление можно предотвратить, объявив его с неподдельной скромностью и задав соответствующий тон вступления; возможно, даже сказать — не в качестве извинения, а как спокойное замечание, — что, конечно, никто из нас не может подняться до высоты этого великого отрывка, однако размышление над его уроками может принести нам пользу. Надо тщательно избегать всего, что отдаёт желанием блеснуть, но не следует из излишней щепетильности отказываться от рассмотрения какого-либо места, если мы надеемся сделать его полезным.

[16] (3) Почти никогда не следует выбирать текст, который покажется странным или забавным. Если в проповеди используется юмор, он должен возникать попутно и быть явно непреднамеренным. Некоторым людям столь естественны своеобразные и даже очень причудливые выражения, и они так быстро и легко возвращаются к своей обычной серьёзности, что юмористические замечания не вызывают возражений, а иногда, благодаря известной связи между юмором и трогательностью, усиливают впечатление. Но попытка рассмешить, любая странность, кажущаяся рассчитанной, воспринимаются как нечто несовместимое с подлинной серьёзностью и торжественностью. Текст же, разумеется, избран

намеренно; поэтому нарочито странный текст неизбежно произведёт дурное впечатление. И всё же в Писании есть выражения, которые кажутся необычными, но которые серьёзный человек может употребить с пользой. Например, у Уильяма Джея есть хорошая проповедь на Ос. 7:8: «Ефрем стал, как неповороченный хлеб».

[17] (4) Не избегайте текста из-за того, что он всем знаком. Что сделало некоторые тексты знакомыми всем, как не то, что они так явно хороши для проповеди? Желание новизны глубоко ошибочно, если оно заставляет человека сторониться таких богатых и плодотворных мест, как «Ибо так возлюбил Бог мир…», «Верно и всякого принятия достойно слово…», которые Лютер называл «малыми Библиями», словно в их тесных пределах заключена вся Библия.[30] Тот, кто отойдёт от привычных кафедральных толкований смысла и применения этих мест и станет самостоятельно и усердно изучать их, часто найдёт многое, новое и для него, и для слушателей, — подобно искусному золотоискателю в Калифорнии, который иногда идёт по следам многих прежних искателей и именно там получает свою богатейшую добычу. Кроме того, нам нужна не абсолютная новизна, а просто свежесть. Если посредством молитвенного размышления мы сумеем обрести такие взгляды на знакомый текст и подобрать такие его иллюстрации, которые сделают его вновь интересным для нас и слушателей, все богатства отрывка смогут послужить добру. Александер[31] обращает внимание на то, что многие великие скульпторы и живописцы брались за одни и те же темы; так же поступали и греческие трагики. Он замечает: «Некоторые, стремясь избежать избитых тем, опускают величайшие; это всё равно как если бы мы описывали Швейцарию, умолчав об Альпах». На деле

великие проповедники, все лучшие проповедники, много проповедуют на великие тексты и великие темы. Как человек более слабый разовьёт собственные силы, если не возьмётся за великие предметы? Можно проявить мастерство и несколько увеличить урожай, обрабатывая дальние уголки и малоперспективные каменистые уступы; но основная часть урожая, которым питается семья, должна поступать с широкого открытого поля.

18 (5) Не оставляйте без внимания какую-либо часть Писания по укоренившейся привычке. Одни пренебрегают Ветхим Заветом и тем самым лишаются всего богатства раскрытого в нём Божиего характера и путей Его Промысла, бесчисленных примеров человеческой жизни и долга, множества прообразов и предсказаний грядущего Спасителя. Другие проповедуют почти исключительно на Ветхий Завет. Это либо люди, не находящие радости в «учениях благодати», в духовности Евангелия; либо любители произвольных аллегорий, которым ясное учение Христа и Его апостолов нравится меньше, чем собственное необузданное «одухотворение» всего, что встречается в ветхозаветной истории, пророчествах и притчах.[32]

19 Не будем пренебрегать ни одной из этих великих частей собственного Слова Божия. То же относится и к отдельным книгам. За много лет проповедник должен избрать хотя бы несколько текстов из каждой части Писания, хотя, конечно, чаще он будет обращаться к книгам, к которым направляют его внимание особенности его ума и вкуса либо сравнительное богатство этих книг евангельским и практическим содержанием.

20 (6) Не выбирайте неподлинных мест. Тех из них, неподлинность которых несомненна, можно избежать,

пользуясь Пересмотренным английским переводом Нового Завета (Revised Version), называемым также Кентерберийским. Редакторы этого перевода были весьма консервативны в отношении текста, и всякое место, опущенное в нём, можно уверенно считать неподлинным. Что касается сомнительных мест, то, помимо Пересмотренного перевода, помощь могут оказать греческий Новый Завет Уэсткотта и Хорта и исправленный перевод, изданный Американским баптистским издательским обществом. Вот несколько примеров текстов, которых следует избегать. Многие любят брать Деян. 9:6: «Господи! что повелишь мне делать?» Эти слова несомненно неподлинны и никогда не должны цитироваться как Писание; однако по существу та же мысль выражена в Деян. 22:10: «Господи! что мне делать?» — как слова, произнесённые при обращении Павла. Знаменитое место в 1 Ин. 5:7 — «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святый Дух; и Сии три суть едино» — также вне всякого сомнения неподлинно. Против подлинности Деян. 8:37 — «Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно. Он сказал в ответ: верую, что Иисус Христос есть Сын Божий» — свидетельства столь подавляюще весомы, что это место не следует брать в качестве текста проповеди. Весьма сомнительны также Ин. 7:53–8:11, о женщине, взятой в прелюбодеянии, и Мк. 16:9–20.[33]

[21] (7) Записанные в Писании высказывания людей, не говоривших по вдохновению свыше, не следует брать в качестве текстов, если только из других учений Писания нам не известно, что они истинны, либо если мы не намерены извлечь поучение из самого факта, что эти люди произнесли такие слова. Многие подобные высказывания, встречающиеся в Библии, сами по себе

совершенно неверны; богодухновенность ручается лишь за то, что они действительно были произнесены. Никому не придёт в голову принимать за истину хвастливую речь Рабсака — 4 Цар., гл. 18. Вопрос книжников в Мк. 2:7 — «Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» — мы признаём справедливым и потому можем избрать его текстом. В словах Ин. 7:46 — «Никогда человек не говорил так, как Этот Человек» — мы также признаём истину и одновременно видим значение в том, что такое впечатление получили служители, посланные схватить Иисуса. Известные слова Гамалиила в Деян. 5:38–39 весьма поучительны как его высказывание при данных обстоятельствах, но изложенный в них принцип нельзя считать истинным без оговорок. В книге Иова многое из сказанного тремя друзьями совершенно ошибочно, и некоторые собственные высказывания Иова также отмечены заблуждением, как показано в заключительной части книги. Их нельзя принимать за безусловную истину, хотя как часть спора они весьма интересны и поучительны. То же относится к некоторым отдельным высказываниям Екклесиаста: это не утверждения богодухновенного автора, которые он отстаивает теперь, а лишь запись того, что он говорил прежде, находясь в ошибочном расположении духа, и что исправляется всем ходом рассуждения книги. И всё же иногда проповедуют на тексты из обеих этих книг, которые, взятые сами по себе, выражают ошибочные и болезненные взгляды на жизнь. Прежде чем делать текстом проповеди какое-либо высказывание, которое, хотя и входит в богодухновенную запись, остаётся лишь словами человека, не говорившего по вдохновению свыше, нужно внимательно рассмотреть его в свете контекста и Писания в целом.[34]

[22] (8) В ходе пастырского труда при выборе текстов следует помнить о нескольких обстоятельствах. Первое — нынешнее состояние общины.

[23] Господин Бичер[35] очень настойчиво, и отнюдь не чрезмерно, подчёркивал важность этого и говорил: «В приходской жизни вы очень скоро привыкнете думать больше о своих людях и о том, что вам следует для них сделать, чем о своих проповедях и о том, о чём вам следует говорить. Это хороший признак». Второе обстоятельство — характер текстов, рассмотренных в последнее время. Нужно остерегаться однообразия как в выборе тем, так и в способе их разработки и стремиться к такой связи между следующими одна за другой проповедями, чтобы они усиливали действие друг друга. Иногда полезно смотреть вперёд и заранее намечать серию проповедей; но всегда полезно при каждом новом шаге оглядываться назад и сохранять надлежащую связь с предшествующим. Ради этого, а также по другим причинам, проповедник должен с самого начала вести список произнесённых проповедей с указанием даты, места и текста. Третье, очень важное обстоятельство — выбирать то, чем мы в данный момент сами способны заинтересоваться: иначе мы не сможем глубоко заинтересовать других. Эти три соображения иногда будут в большей или меньшей степени противоречить друг другу; следует стараться как можно рассудительнее сохранять между ними равновесие.[36]

Часть I. Глава II. Библейский текст: толкование

[1] § 1. Обязанность толковать внимательно и точно. 2. Главные источники ошибок в толковании текста. 3. Примеры текстов, которые часто применяют неверно. 4. Краткие советы по изучению текстов.

[2] § 1. Обязанность толковать внимательно и точно

[3] Толковать и применять избранный библейский текст в соответствии с его действительным смыслом — одна из самых священных обязанностей проповедника. Он стоит перед людьми именно для того, чтобы наставлять и увещевать их на основании Слова Божия. Объявляя определённый отрывок Слова Божия текстом своей проповеди, он тем самым ясно даёт понять, что из этого отрывка будет выведена проповедь: если не все её отдельные мысли, то непременно её общая тема. Если он не хочет связывать себя таким обязательством, ему следует отказаться от обычая, возлагающего это обязательство, и проповедовать без текста. Но, избрав текст и взявшись раскрыть и применить его учение, он священно обязан представлять его смысл именно таким, каков он на самом деле.

[4] Казалось бы, это очевидная истина. Однако её часто и грубо нарушают. Встречается не только довольное собой невежество в вопросах толкования, не только небрежность людей, вполне способных толковать правильно, и не только необузданное приписывание духовных смыслов простым словам. При помощи

насильственной «аккомодации», то есть приспособления текста, библейским предложениям и выражениям придают значение, которого священный писатель, как заведомо известно и порой тут же открыто признаётся, вовсе не намеревался сообщить и действительно не сообщал. «Первоначальный смысл этих слов у богодухновенного писателя таков-то; но сегодня я намерен употребить их в следующем смысле». Иными словами — почтенный брат, посмотри, что ты делаешь! — ты встаёшь перед людьми, чтобы наставлять их на основании отрывка благословенного Божьего Слова, и хладнокровно объявляешь, что намерен заставить этот отрывок означать то, чего он не означает. «Но ведь эти слова могли бы иметь такой смысл». Могли бы; однако как часть Библии, как текст Писания, они его не имеют. Если мы понимаем отрывок в смысле, совершенно чуждом намерению священного писателя, выраженному в контексте, то в нашем употреблении это уже вовсе не отрывок Писания. Это лишь слова Писания, самовольно использованные для передачи другого смысла, — совершенно так же, как если бы мы выбрали отдельные слова из симфонии и составили из них предложение. «Но я беру этот отрывок лишь как эпиграф». Что ж, даже если проповедник вправе вместо текста взять только эпиграф — а это сомнительно, — он во всяком случае не вправе заставлять библейский эпиграф означать то, чего, как ему известно, тот не означает. «Но язык Писания так богат, его содержательные изречения часто вмещают так много, что, по-моему, это выражение, возможно, передаёт, наряду с прочим, и предлагаемый мною смысл». Если оно действительно его передаёт, такое употребление не вызывает никаких возражений. Однако одно туманное «возможно» — слабое и шаткое оправдание для

проповедника, которого люди считают авторитетом в этом вопросе, от которого ожидают, что он изучил свой текст и знает его смысл, и чьи утверждения именно поэтому многие примут без проверки. Такой человек поистине виновен перед Богом, если не старается добросовестно понять то, что толкует, и изложить его действительный смысл, а не какой-либо иной.

[5] У Филлипса Брукса[37] есть прекрасное рассуждение об этом, заканчивающееся такими словами: «Никогда не извлекайте из текста смысла, которого, как вы знаете, там нет. Если ваш текст не содержит той истины, которую вы хотите проповедовать, найдите другой, где она есть. Если же вы не можете найти для неё текста в Библии, проповедуйте о чём-нибудь другом». В том же духе говорит Фелпс[38]: «Служение, которое в значительной мере занимается вопросами, логически не представленными в Писании, — служение искажённое. Это не библейское служение».

[6] Однако в одном отношении требование точного толкования можно довести до крайности. Как общее правило, несомненно, лучше ограничивать проповедь именно той темой и именно той её стороной, которые текст представляет в своём контексте.[39] Но мы не обязательно связаны только этим. Текст может выражать некоторый принцип в одном конкретном применении, а мы вполне вправе применить его и иначе. Если под аккомодацией подразумевается только это, она не искажает Писания: текст действительно преподаёт данный принцип, а новые применения мы открыто предлагаем от себя, руководствуясь общим учением Писания. Апостол Павел часто излагает широкий принцип в связи с каким-либо определённым вопросом

веры или долга. Например, слова Гал. 6:7: «Что посеет человек, то и пожнёт» — сказаны прежде всего об обязанности участвовать в содержании наставников веры; но они выражают общую истину и допускают множество применений, которые мы вправе делать. Бывает и так, что самое общее увещание проповедник вполне уместно относит к частному случаю, если уверен, что оно действительно его охватывает. Например, совершенно законно применять к самым различным обстоятельствам прекрасный совет Павла в 1 Фес. 5:21–22: «Всё испытывайте, хорошего держитесь; удерживайтесь от всякого рода зла». Здесь важно отметить, что Пересмотренный английский перевод (Revised Version) передаёт истинный смысл этого часто неверно понимаемого текста. Такие места — большое утешение для добросовестного проповедника, искренне желающего обращаться со Словом Божиим точно и честно. Опираясь на этот текст, он может проповедовать против любого вида зла, если способен доказать, что перед ним действительно зло. Разумеется, если существует текст, прямо осуждающий данное зло, лучше взять его; но порой найти точно подходящее место нелегко. В иных случаях можно отправиться от определённого положения текста и перейти к родственным истинам. Так мы расширяем его применение, но в направлении, которое не чуждо, а близко конкретному замыслу священного писателя. В Ам. 4:12: «Приготовься к встрече с Богом твоим» — пророк предупреждает народ о грядущих земных судах и призывает Израиль приготовиться встретить в них Бога. Однако, указав на это, мы вправе показать: если мы остаёмся во грехе, всем нам предстоит встретить Бога не только в земных судах, но и в возмездии великого дня; поэтому мы можем призвать слушателей готовиться к

вечности. Здесь мы не вырываем текст из контекста и не злоупотребляем им. Мы лишь продолжаем мысль богодухновенного писателя в том направлении, которое он имел в виду, причём делаем это под собственную ответственность, не утверждая и не подразумевая, будто он намеревался рассмотреть все вопросы нашей проповеди. Итак, на основании текста можно проповедовать о любом вопросе, который он представляет уму прямо или косвенно — как утверждение, предпосылку или вывод, — при условии, что предлагаемый смысл действительно в нём содержится. А если этот смысл выражен лишь косвенно, лучше каким-либо простым способом это пояснить, чтобы не приучать людей к вольному обращению с толкованием. Совсем иначе поступил проповедник, однажды произнёсший миссионерскую проповедь на слова богатого юноши: «Чего ещё недостаёт мне?» — и спрашивавший, чего нам недостаёт для большего успеха миссии. Это крайний случай; но тысячи проповедей столь же полно, хотя обычно и не столь явно, нарушают действительный смысл текста.

[7] Фелпс[40] хорошо разбирает аккомодацию и различает три её вида. (1) Основанная на одном лишь сходстве звучания: так, один человек проповедовал об обязанностях судей на слова «Не судите, да не судимы будете». Фелпс справедливо осуждает этот приём как ребячество и называет его «игрой на варгане». (2) Основанная на метафорическом сходстве. Её он также благоразумно отвергает. Это лишь произвольное духовное истолкование, о котором речь пойдёт далее. (3) Основанная «на сходстве принципа, заключённого в тексте, с принципом избранной темы». При осторожном употреблении он считает её допустимой. Она довольно

близка к тому, что было объяснено и обосновано в предыдущем абзаце.[41]

[8] Здесь можно добавить следующее замечание. Если текст в своём контексте допускает более одного смысла, лучше либо отказаться от него как от слишком неоднозначного для нашей цели, либо указать, что мы принимаем наиболее вероятное понимание, и ограничиться вытекающими из него уроками. Нельзя одобрить приём, при котором поочерёдно рассматриваются несколько разных смыслов и из каждого выводится практическое применение. Мы должны воздействовать на умы людей как Словом Божиим только тем, что текст действительно означает, насколько мы способны это установить.

[9] Допустимо ли вообще пользоваться библейским текстом лишь как эпиграфом? Это спорно. Хоппин[42] решительно выступает против такого обычая. Фелпс[43] обсуждает вопрос весьма рассудительно и считает, что при некоторых оговорках и предосторожностях тексты-эпиграфы иногда допустимы. Но что имеется в виду под текстом-эпиграфом? Это нечто подобное цитате на титульном листе или в начале книжной главы: её слова лишь отдалённо наводят на дальнейшее рассуждение. Как говорит Хоппин, таким образом «текст» часто превращается всего лишь в «предлог». И всё же можно представить случаи, когда подобное употребление уместно. Допустим, возникает необходимость обсудить определённую тему, а проповедник не находит для неё точно подходящего текста. Он не должен искажать Писание, подгоняя его под свою тему. Значит, ему остаётся либо произнести речь без библейского текста, либо взять текст как эпиграф. Как поступить? Иногда — первым способом, иногда — вторым. В первом случае

следует объяснить, что он предпочитает выступить с речью, а не проповедовать на основании текста. Во втором — нужно тщательно истолковать текст, раскрыть его действительный смысл и применение, а затем показать, как правильно понятый и применённый текст хотя бы подсказывает саму тему или уместно с нею связывается. Так, однажды, произнося историческую проповедь перед Южной баптистской конвенцией, проповедник избрал своим текстом обещание Неффалиму во Втор. 33:23: «Неффалим, насыщенный благоволением и исполненный благословения Господня, владей западом и югом». Как эпиграф эти слова, очевидно, подходят прекрасно. Однако проповедник не утверждал, будто колено Неффалима в каком-либо смысле было «прообразом» южных баптистов или будто Моисей, произнося это благословение, мог пророчески видеть их.

[10] Но даже при искреннем желании правильно истолковать текст проповедник не всегда найдёт эту задачу лёгкой. Помимо расплывчатых представлений, дурных примеров и прежней ошибочной практики, которые часто затемняют понимание вопросов толкования, здесь есть собственные серьёзные трудности. Преодолеть их можно лишь вдумчивым трудом. Поэтому, хотя вся обширная область библейской герменевтики, или толкования, не входит в предмет трактата по гомилетике, представляется уместным и необходимым дать некоторое представление об ошибках, которых проповеднику следует избегать, истолковывая свой текст.

[11] § 2. Главные источники ошибок в толковании текста

[12] (1) Ошибочные толкования часто возникают из-за непонимания самих выражений текста. Язык может лишь приближаться к совершенной точности, исключающей возможность недоразумения. Непринуждённый разговорный стиль особенно часто содержит пропуски подразумеваемых слов, незаконченные конструкции, слова с несколькими или не вполне определёнными значениями и другие источники неоднозначности. Поэтому, если откровение должно было быть дано на человеческом языке и большей частью выражено тем привычным стилем, который позволяет ему «затронуть повседневные дела и сердца людей», сделать его книгой для мужчин и женщин, мальчиков и девочек, образованных и необразованных, то неизбежным условием такого откровения была возможность частых вопросов о точном смысле отдельных подробностей. Общее направление повествования, доказательства или увещания может быть достаточно очевидным, а его практическое воздействие на послушный и восприимчивый ум — весьма определённым. И всё же те, кто приступает к критическому разбору подробностей, особенно с заранее сложившимися мнениями и предубеждениями, могут найти множество выражений, допускающих разные толкования, а иногда и такие, точный смысл которых действительно сомнителен. Очевидно, это гораздо лучше, чем откровение, изложенное повсюду назидательным и строго научным языком: такой язык в конечном счёте всё равно не достиг бы абсолютной точности, зато совершенно лишился бы интереса для обычного человеческого ума. Поэтому

охотно примем необходимость проявлять большую осторожность при толковании языка Писания, как мы вынуждены поступать и со всяким другим языком.

[13] Кроме того, наша задача имеет свои особые условия. Многим из нас приходится толковать перевод. Между тем даже лучшие переводы неизбежно несовершенны. Редко, если вообще когда-либо, два слова в разных языках заключают в себе совершенно одинаковый объём смысла в одинаковой форме и вызывают тот же круг ассоциаций и представлений. Различия в языковых оборотах тоже порой вносят двусмысленность туда, где оригинал точен, или делают чрезмерно определённым то, что в оригинале выражено лишь в общем виде. Особенно часто наш язык не передаёт смыслового ударения, которое может быть ясно обозначено в еврейском или греческом тексте. К тому же наш общепринятый английский перевод, при всём совершенстве его общего стиля и хотя ни один другой общедоступный перевод не сравнился с ним по точности, содержит немало ошибок, а также слова и выражения, вышедшие из употребления или изменившие значение.[44] И всё же здесь нет ничего, что должно обескуражить проповедника или освободить его от усердных попыток установить действительный смысл текста. Если разумный проповедник, пользующийся только английским переводом, посредством широкого, постоянного и благоговейного чтения Библии глубоко проникнется свойственными ей способами мышления и выражения; если он отдастся общему течению контекста, чтобы оно помогло ему преодолеть отдельные затруднения; если будет сопоставлять избранный текст с другими местами о том же или родственном предмете и обращаться к трудам учёных и по-настоящему рассудительных толкователей, — он добьётся больших

успехов в понимании Писания. Об этом свидетельствуют проповеди и сочинения множества баптистских служителей, а также методистов и других. Таков Эндрю Фуллер, практически не знавший языков оригинала, но толковавший Писание с ясностью и надёжностью, которые удавалось превзойти лишь очень немногим.[45]

[14] С другой стороны, тот, кто при толковании обращается к языкам оригинала, рискует заблуждаться из-за поверхностных знаний или поспешного исследования. Чтобы установить точный смысл слов и оборотов этих языков, очевидно, необходимо основательное знакомство с ними. Часто говорят, что еврейский и греческий нужны для понимания трудных мест. Точнее, хотя и парадоксальнее, было бы сказать: они помогут понять лёгкие места, то есть основную массу Писания. Что касается трудных мест, знакомство с языком оригинала позволит нам увереннее и вернее судить о разных толкованиях. Однако без более глубоких знаний, чем обычно приобретаются, едва ли удастся предложить что-либо новое. Такое знакомство иногда избавит нас и от унылого убеждения, будто учёность сделала бы всё совершенно ясным, — в тех случаях, когда окончательное решение всё равно зависит от контекста и общего учения Писания. Но для понимания основной массы Писания даже самое скромное знание оригинала полезно: оно помогает мысленно приблизиться к священным писателям.

[15] Ведь язык Библии проникнут еврейским духом и отмечен восточными способами восприятия, во многом отличными от привычных нашему народу. Яснее всего это видно в Ветхом Завете, хотя и греческий язык Нового Завета в большей или меньшей степени носит тот же

отпечаток. Прочесть хотя бы несколько страниц по-еврейски — даже если впоследствии человек так и не научится точной экзегезе — несомненно, поможет восприимчивому уму лучше понять библейский образ мысли и особенности выражения. Разумеется, основательное изучение еврейского и греческого усилит эту пользу. Воздействие здесь сходно с воздействием путешествия по Палестине. Но если человек не может изучать эти языки, он должен усердно стараться уловить строй речи Писания и даже особый строй речи каждого его автора. Каждый из нас уже бессознательно усвоил что-то из этого благодаря общему чтению Библии и тому, насколько библейские способы мысли и выражения пронизывают нашу проповедь и религиозную литературу. Однако от желающего стать хорошим толкователем Писания требуются в этом направлении напряжённые и постоянные усилия.

[16] «В языке Библии есть известное число слов, которые можно назвать главными: точное понимание их смысла становится ключом к Библии. Если мы ограничимся лишь обычным значением тех слов, которыми переводчик передаёт их на нашем языке, то подвергнемся большой опасности серьёзных ошибок. Таковы слова: *плоть, душа, сердце, страх, вера, разум, безумный, свет, тьма, праведный, праведность, спасение, благодать, добрый человек, нечестивый*. Переводчик перевёл для вас слова; понятия вы должны перевести для себя сами».[46] Особый библейский смысл таких ключевых слов мы отчасти усваиваем через общее наблюдение во время чтения; но точнее его можно установить, сопоставляя с помощью симфонии многие места, в которых эти слова употребляются.

[17] Далее нужно заметить: язык Писания в целом не философский, а общенародный, не научный, а поэтический. Это не столько аналитический язык, предпочитающий резкие разграничения и точные формулировки, сколько синтетический, изобилующий конкретными выражениями. Они обозначают не отвлечённые понятия, а факты действительного существования и опыта; их значения постепенно переходят одно в другое, не отделяясь чёткой границей. Отсюда возникают особые способы выражения, которыми богата Библия и которые важно учитывать при толковании многих текстов.

[18] «Поэтический язык — я имею в виду язык поэтического народа — любит попеременно преуменьшать и преувеличивать, чтобы воображение слушателя или читателя упражнялось в добавлении и убавлении». Например: «Всякий, рождённый от Бога, не делает греха» (1 Ин. 3:9); «Что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (Лк. 16:15); «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери… тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14:26). А примером *преуменьшенного* выражения могут служить слова: «Бесплодные дела тьмы» (Еф. 5:11).

[19] «Он любит попеременно представлять относительное как безусловное, а безусловное — как относительное». Пример первого: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых… но зови нищих, увечных» и так далее (Лк. 14:12). Это выражено как *безусловный* запрет приглашать друзей, родных и богатых соседей и как повеление звать исключительно другую группу людей. Мы хорошо знаем, что Господь не хотел быть понятым

именно так, и никто так Его не толкует. Естественно и само собой разумеется, что люди будут приглашать родных, богатых и других; но за то, что делается лишь по естественной привязанности или ради взаимности в обществе, духовной награды не будет. Приглашать же бедных и страдающих по религиозным побуждениям и в надежде на Божие воздаяние *настолько важнее*, что Господь говорит так, словно в сравнении с этим первого вообще не следует делать. В Притч. 8:10 сначала употребляется безусловная форма, а затем в параллельной строке — относительная: «Примите учение моё, а не серебро; лучше знание, нежели отборное золото». Первую строку не предполагалось понимать как действительный безусловный запрет принимать серебро; это лишь особенно сильное выражение той же мысли, которая содержится во второй строке. В Быт. 45:8 Иосиф говорит: «Итак, не вы послали меня сюда, но Бог». В Иер. 7:22–23 Бог объявляет: «Отцам вашим Я не говорил и не давал им заповеди в тот день, в который Я вывел их из земли Египетской, о всесожжении и жертве; но такую заповедь дал им: слушайтесь гласа Моего, и Я буду вашим Богом, а вы будете Моим народом». Всем было известно, что Бог весьма подробно *говорил* их отцам о жертвах; однако заповедь послушания признаётся настолько более важной, что в сравнении с нею всё остальное объявляется *ничем*. То же относится к Мф. 9:13 (Ос. 6:6): «Милости хочу, а не жертвы». Всё это кажется очевидным. Но разве тот же принцип не применим к 1 Пет. 3:3: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек… в красоте кроткого и молчаливого духа» и так далее? Ср. 1 Тим. 2:9. Апостол не намеревается действительно запрещать всякое внешнее украшение —

не более, чем другие приведённые места запрещают приглашать родных, принимать серебро или приносить жертвы. Он хочет с особой силой сказать, что самые красивые внешние украшения, столь высоко ценимые женщинами, — ничто перед нетленным украшением духа, драгоценным пред Богом. Это безусловное по форме высказывание, которое следует понимать относительно; однако сама безусловная форма призвана придать ему особую силу и выразительность. Если такое понимание верно, то тысячи добросовестных христиан и не одно организованное сообщество напрасно старались искоренить естественную любовь к украшениям лишь потому, что не учли: сильный язык Писания нередко выражает относительное в безусловной форме. В то же время тысячи других людей из-за той же ошибки не оценили настойчивого и горячего призыва меньше заботиться о внешнем и больше — о внутреннем украшении. Обратный пример, когда относительное поставлено вместо безусловного, таков: «Сей пошёл оправданным в дом свой более, нежели тот» (Лк. 18:14). Мы понимаем, как и было задумано, что мытарь был оправдан, тогда как фарисей, вопреки общему ожиданию, в действительности оправдан не был.

[20] «Он обобщает частное и конкретизирует общее; берёт долг то в его высшем проявлении, то у самого основания. Например: “Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего” (Исх. 20:16). Иногда он не проводит тонкого различия между близкими понятиями, например “*нечестивый*” и “*безумный*”. Он любит синонимы и параллелизмы, движение сопряжёнными парами мыслей. Например: “Слово Твоё — светильник ноге моей и свет стезе моей” (Пс. 118:105). Он располагает понятия по группам без научной цели: “Сердце чистое сотвори во мне

и дух правый обнови внутри меня” (Пс. 50:12). Ветхий и Новый Заветы изобилуют подобными примерами. У пророков и апостолов мы часто встречаем ряды существительных или прилагательных, которые совершенно неправильно принимают за основу деления проповедей на части». Так, слова 1 Пет. 4:18: «Если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?» — очень часто понимают так, будто «нечестивый» и «грешный» обозначают два разных разряда людей. Одно лишь употребление двух слов не даёт для этого основания; более того, такое понимание исключается строением греческой фразы. Точно так же иногда весьма неразумно настаивают на строгом различии отдельных выражений в 2 Пет. 1:5–7.

21 «Таков язык Библии; кроме того, каждая представленная в ней эпоха и каждый участвовавший в её создании автор имеют собственный стиль».[47]

22 (2) Ошибочные толкования возникают из-за невнимания к контексту. Иногда предложение, вырванное из связи с окружающим текстом, получает прямо-таки ложный смысл. Например: «Будучи хитр, лукавством брал с вас» (2 Кор. 12:16). В других случаях оно становится безнадёжно двусмысленным или совершенно неопределённым. Почти всегда для основательного понимания необходимо исследовать контекст. Даже в тех частях Притчей, где отдельные изречения кажутся совершенно не связанными друг с другом, иногда помогает наблюдение за тем, какой общий круг вопросов, по-видимому, имеет здесь в виду автор или составитель. В псалмах, даже в псалме 118, всегда есть общее направление мысли, которым можно руководствоваться. В повествованиях, поэтических рассуждениях, речах,

доказательствах в посланиях и других текстах, составляющих почти всю Библию, значение контекста очевидно. Казалось бы, на этом незачем настаивать. Разбирая любую другую книгу, ни один здравомыслящий человек не станет толковать отдельные предложения то здесь, то там, совершенно пренебрегая их связью с целым. Если бы земледелец или инженер, врач или юрист так истолковывал разрозненные фразы в книгах, к которым обращается за знаниями и практическими указаниями, его сочли бы простаком.

[23] Почему же разумные люди так часто пренебрегают контекстом Писания или даже сознательно его нарушают? Отчасти из-за давнего и широко распространённого обычая аллегорического толкования, о котором будет сказано ниже. Пользоваться им зачастую легче всего, если оторваться от контекста; он приучил людей думать, будто язык Писания настолько отличается от всякого другого языка, что на него не распространяются обычные принципы толкования. Печально, что универсалисты, римские католики и мормоны находят в Писании видимую опору для своих ересей, толкуя его не более произвольно и не сильнее насилуя смысл и связь священного текста, чем это порой делают люди правоверные, благочестивые и даже разумные. Вторая причина — исключительное употребление кратких текстов. Люди обычных способностей не всегда могут найти короткий отрывок, который, будучи истолкован в связи с контекстом, даст достаточно материала для проповеди. Возникает искушение добавить такое применение слов, которого контекст не допускает, или даже совсем оторвать предложение от контекста и применить его по-новому, сделав эффектным текстом проповеди.[48] Под этим

давлением и ободряемые примером добрых и почитаемых братьев, они толкуют так, как им удобно. Сложившаяся привычка затем, возможно, укрепляется леностью, ведь изучать контекст часто довольно хлопотно.

[24] Есть и ещё одна причина. Около шести веков назад возникло нынешнее деление Библии на главы, а около трёх веков назад — подразделение на стихи. И то и другое было введено ради удобства ссылок, подобно тому как сходные деления и подразделения в разное время вводились в тексты многих греческих и латинских авторов. Однако в классических сочинениях отдельно печатали лишь крупные разделы, то есть главы; мелкие подразделения соединяли по смыслу, только отмечая их на полях или внутри текста. К сожалению, при печатании Библии пошли другим путём: начиная с Женевского перевода стало обычным печатать каждый стих как самостоятельный абзац. Возможно, это было отчасти вызвано особым строением Псалмов, где последовательные предложения часто обособлены. Это также облегчало поиск стихов; кроме того, одно время существовал обычай помещать перекрёстные ссылки не на полях, как теперь, а в конце каждого стиха. Каковы бы ни были причины, обычай давно укоренился, и некоторые даже защищают его потому, что он придаёт Библии вид, отличный от прочих книг. Между тем деление на стихи, как и на главы, проведено весьма небрежно, часто крайне плохо учитывает связь мыслей и затемняет смысл. И даже если бы стихи были разделены лучше, раздельное печатание коротких предложений и их частей неизбежно затрудняло бы понимание общей связи — особенно потому, что во всех других книгах мы привыкли к абзацам, ясно её обозначающим. В результате и проповедники, и слушатели стали воспринимать каждую

главу и каждый стих как некоторое самостоятельное целое. Любопытно, как редко мы слышим при публичном чтении конец одной главы вместе с началом следующей, хотя малейшее внимание к действительной связи повествования или доказательства часто требует именно этого; и как странно показалось бы взять текстом проповеди последние слова одного стиха и первые слова другого. Развеять это заблуждение, превращающее каждый стих в абзац, а каждую главу почти в отдельную книгу, чрезвычайно важно для всякого, кто хочет действительно понимать Библию, будь то служитель или иной читатель. Большую пользу может принести постоянное чтение Библии, напечатанной смысловыми абзацами.[49] В греческом тексте другой способ печатания теперь уже не допускается, а в еврейском всегда сохранялись абзацы, отмеченные древними иудейскими учёными. Одно из многих достоинств Пересмотренного, или Кентерберийского, перевода состоит в том, что он напечатан абзацами.

[25] Из сказанного, по-видимому, ясно: проповедник, желающий честно обращаться и с собственным разумом, и со Словом Божиим, должен твёрдо решить никогда не толковать текст без внимательного учёта его связи с целым.[50] Приведённые соображения могут объяснить, как многие благочестивые, а иногда и способные братья пришли к иной практике; мы не намерены их осуждать. Но когда человеку прямо указали на этот вопрос, он священно обязан учитывать его в работе. Как согласовать с ответственностью своего положения то, что человек стоит перед людьми во имя Божие и приписывает отрывку благословенной Библии какой-либо иной смысл, чем тот, который, по его собственному убеждению, действительно следует из слов и контекста?

[26] (3) Третий источник ошибок в толковании — произвольное духовное истолкование.

[27] Мы можем представлять духовные вещи лишь с помощью метафор, заимствованных из временного мира; сами наши понятия о мире невидимом зависят от образов, предоставленных миром, в котором мы теперь живём. Сведенборг в своём «учении о соответствиях», на основании которого, как он утверждает, написано Писание, учил, что каждому предмету и отношению в материальной сфере соответствует нечто в духовной. Чтобы признать это всеобщим фактом, мы вправе потребовать доказательств получше, чем видения шведского барона. Но было бы противоположной крайностью думать, что связь между временным и духовным сводится к одним метафорам. По-видимому, Писание учит, что между этими двумя великими областями бытия действительно существует много тесных связей и глубоких соответствий. Во всех ложных религиях мы встречаем извращения и искажения этого представления. И аллегорическое начало, в широком смысле слова, весьма многообразно и широко представлено в Писании истины. Многочисленные жертвы и очищения, предписанные законом, изображали дело Христа и Его Духа. Пророки часто пользовались близкими им предметами и событиями, чтобы изобразить действительность мессианского века. История Израиля имела прообразное отношение, с одной стороны, к жизни Христа, с другой — к жизни Его Церкви; а Сион, столичный город и олицетворение Израиля, служил излюбленным пророческим образом будущего духовного Израиля. Отдельные исторические лица — Мелхиседек, Моисей, Иисус Навин, Давид, Кир — несомненно, по Божиему замыслу в некоторых отношениях уподоблялись

грядущему Мессии. Отношения мужа и жены постоянно становились образом отношений Бога с избранным народом, Христа с Его Церковью. Даже вражда Сарры и Агари изображала противостояние рабства под законом и свободы в Евангелии.

[28] При таком основании в самой природе вещей и столь широкой опоре на действительное словоупотребление Библии неудивительно, что некоторые люди всегда были склонны безмерно и безудержно приписывать языку Писания духовные смыслы. Отцом христианского аллегорического толкования обычно называют Оригена, жившего в III веке. Однако оно уже в изобилии встречается у некоторых авторов II века; сам же Ориген в истолковании Ветхого Завета многому научился у иудея Филона, современника нашего Господа, поскольку александрийские иудеи давно занимались подобными умозрениями. Выдающиеся способности Оригена, его учёность и мощное творческое воображение немало способствовали популярности произвольной аллегоризации среди христиан. Большинство великих отцов, которые со своего времени оказывали столь сильное влияние на христианскую мысль и практику, тяжело поражены этим недостатком. И в наши дни немало весьма учёных и благочестивых проповедников Англиканской церкви и немецких лютеран доходят до крайностей, подражая святоотеческой аллегоризации. В то же время многие совсем невежественные люди разных исповеданий, усвоив лишь приёмы старших проповедников своей местности, извлекают «духовный смысл» из самых простых повествований и заповедей совершенно безосновательно и нередко до прискорбия нелепо. В исповеданиях, не подчиняющихся авторитету «отцов», уже некоторое время преобладают более верные

взгляды на толкование. Например, у баптистов влияние Фуллера, Холла и других, а также более широкое распространение образования среди служителей привели к отрадным переменам. Но ещё многое невежество предстоит преодолеть, и слишком многие способные и почитаемые служители порой продолжают своим влиятельным примером поддерживать прежнее произвольное духовное истолкование. Людям с богатой фантазией так легко и приятно освободиться от трудоёмкого изучения слов и контекста, перестать плестись по неровным и непримечательным земным тропам и свободно, радостно резвиться под открытым небом; слушателей так очаровывают изобретательные новшества, так увлекают полёты воображения, так радует возможность повсюду обнаруживать прообразы Христа и подобия духовной жизни; так распространено убеждение, что всё воспламеняющее воображение и трогающее сердце непременно является хорошей проповедью; так легко настаивать, что учение проповеди само по себе истинно и библейски обосновано, хотя избранный текст его в действительности не преподаёт, — что проповедники часто упускают из виду свою основную и непростительную ошибку: они утверждают, будто отрывок Божьего Слова означает то, чего он не означает. К тому же человек может чувствовать себя столь независимым, считать себя столь оригинальным! Он может насмехаться над всеми комментариями; ему почти незачем сопоставлять свои взгляды с мнениями других проповедников. Ему не требуется ничего, кроме собственного воображения, ибо такая проповедь слишком часто оказывается лишь строительством воздушных замков. Склонность к ошибкам усиливается ещё и тем, что в духовном истолковании невозможно провести

бесспорную границу между допустимым и недопустимым. Всё, что авторы Нового Завета используют из Ветхого как имеющее духовный смысл, разумеется, сомнений не вызывает. Многие настаивают, что на этом следует остановиться и ничто не понимать аллегорически без прямого новозаветного основания. Теоретически такое правило кажется слишком строгим: если другие предметы или события в точности подобны тем, которые в Новом Завете употреблены в духовном смысле, было бы неразумно отрицать для них возможность такого смысла. Но практически, выбирая текст проповеди, мы никогда не можем чувствовать себя уверенно, выходя за пределы этого правила. О том, что не получило такого применения в Новом Завете, можно говорить лишь как о, возможно, или самое большее, вероятно, имеющем аллегорический смысл. Возможное или вероятное толкование, если прямо обозначить его как таковое, допустимо использовать для части доказательства или иллюстрации в проповеди. Но текст, служащий основанием или источником всей проповеди, по убеждению самого проповедника должен действительно и несомненно иметь приписываемый ему смысл. Добавим: даже те части Писания, которым нельзя приписать духовный смысл, могут различными способами служить преподаванию духовной истины. Они могут воплощать принципы, применимые к духовным предметам; однако такое применение проповедник делает под собственную ответственность, а слушатели принимают по собственному суждению, а не как часть учения самого Писания. Или же эти места могут дать иллюстрации духовной истины, как мы можем брать иллюстрации из всего, что есть в природе, истории и повседневной жизни.[51]

[29] И ещё одно замечание. Даже в образных местах, действительно имеющих духовный смысл, есть опасность зайти в развитии образа слишком далеко и вообразить духовное значение в тех его сторонах и подробностях, которые вовсе не входили в замысел богодухновенного писателя. Когда Господь говорит: «Возьмите иго Моё на себя», мы не вправе разыскивать всевозможные подробности об ярмах и волах и для каждой изобретать соответствие. Общий смысл достаточно ясен — этим и следует ограничиться. Тот же принцип действует, когда Он говорит: «Будьте мудры, как змии» или «Я сделаю вас ловцами человеков», а также в тысячах других библейских мест. Нужно выяснить, что священный говорящий или писатель хотел выразить посредством образа. Именно это образ и означает; сверх того как часть Писания он ничего не означает.[52] Особенно распространены такие ошибки при толковании притч нашего Господа. Рассказы великого Учителя — непревзойдённые по красоте и силе воздействия иллюстрации; но всё же это иллюстрации. Подобно сравнениям и случаям, которыми пользуемся мы, одни из них основаны на более близком, другие — на более отдалённом сходстве или аналогии. Одни долго идут параллельно предмету сравнения, другие едва соприкасаются с ним в одной точке. Когда пришествие Христа сравнивается с приходом вора ночью, сходство относится только к неожиданности. Характер и цели приходящих, да и почти всё остальное в образе и изображаемом, совершенно различны. А когда сказано: «Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё» (Мф. 13:33), какой смысл искать особую духовную истину в числе три или говорить, будто женщина означает

Церковь, если в рассказе о приготовлении хлеба естественно появляется женщина, а не мужчина? Приступая к толкованию притчи, мы должны прежде всего выяснить по контексту, какой предмет Господь хотел ею пояснить. Затем нужно увидеть, какой свет притча в целом проливает на этот предмет и какие его стороны открывает. Наконец, следует спросить, насколько оправданно считать отдельные подробности рассказа самостоятельными носителями смысла. В последнем отношении нужно избегать крайностей, руководствоваться здравым суждением и постоянно помнить: притча — это иллюстрация, основанная на сходстве или аналогии, которые в лучшем случае лишь частичны. Изучив таким образом одну из притч Христа, мы подготовимся к проповеди о ней с некоторой надеждой раскрыть её действительный смысл и правомерные применения.

[30] § 3. Примеры текстов, которые часто применяют неверно

[31] В течение нынешнего столетия во многих кругах заметно улучшилось отношение к точному толкованию с кафедры. Однако, чтобы показать, насколько распространена ещё вольность в этом вопросе, приведём несколько примеров мест, которые проповедники часто выбирают текстами проповеди или используют как доводы, хотя их действительный смысл несомненно сильно отличается от обычно приписываемого. Поразительна сила проповеднического предания! Как часто способные и вдумчивые люди всю жизнь считают само собой разумеющимся то понимание важного отрывка, которое услышали в юности, хотя самое небольшое исследование показало бы им, насколько это неверно. Примеры расположены в порядке трёх источников ошибок, разобранных в предыдущем разделе; разумеется, в одном и том же месте они иногда сочетаются. Многие из рассматриваемых текстов исправлены в Пересмотренном переводе, особенно в вариантах на полях. Проповеднику следует тщательно следить за тем, чтобы не пользоваться никаким текстом, не сверившись прежде с Пересмотренным переводом.

[32] (1) Непонимание самих выражений текста. Иер. 3:4: «Отец мой! Ты был наставником юности моей». Эти слова очень часто используют в проповедях для молодёжи и как эпиграф на титульных листах книг для юношества, полагая, что молодые люди должны искать руководства Небесного Отца. Но при этом упускают библейское употребление выражения «наставник юности моей» и не учитывают контекст. В Притч. 2:17 очевидно, что «руководитель юности её» — точнее, спутник, товарищ её

юности, как дано на полях Пересмотренного перевода, — означает мужа. Здесь, у Иеремии, употреблено то же еврейское слово. Весь ход мысли глав 2 и 3 показывает, что Бог через пророка укоряет народ как неверную супругу, заслуживающую полного отвержения, но всё же приглашает её вернуться к Нему. «Не будешь ли отныне взывать ко Мне: “Отец мой! Ты был наставником юности моей”?» То есть: Ты — муж моей ранней поры, спутник моей юности, и я возвращаюсь к Тебе. Ср. Иер. 2:2; Ос. 2:15. А слово «отец» — лишь почтительная форма обращения жены к мужу, подобно тому как слуги Неемана называли его «отец мой» (4 Цар. 5:13). Таким образом, обычное применение этого места совершенно ошибочно.

[33] Еккл. 12:1: «Помни ныне Создателя твоего в дни юности твоей». Здесь нередко особенно настаивают на слове «ныне» — английском now. Но в еврейском тексте сказано просто «и помни»; в Пересмотренном переводе — «помни также» и так далее. Переводчики Библии короля Иакова не увидели уместности связи, выраженной союзом «и», и заметили, что в предпочитавшихся ими источниках — Вульгате и переводе Лютера — он вообще опущен; поэтому они как своего рода компромисс употребили переходную частицу now. Между тем связь здесь очень хороша: «Веселись, юноша, в юности твоей… и ходи по путям сердца твоего… и знай, что за всё это Бог приведёт тебя на суд. И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй от тела твоего злое; потому что детство и юность — дуновение. И помни Создателя твоего в дни юности твоей» и так далее.

[34] Притч. 8:17: «Те, кто ищет меня рано, найдут меня». Слово «рано» — английское early — вовсе не означает

здесь раннюю пору жизни, как его постоянно понимают. Наши переводчики, следуя Вульгате, сочли, что еврейское слово означает «рано утром», поскольку существует родственное слово, обозначающее утро. Они хотели передать мысль, подобную Иер. 7:13: «Я говорил вам с раннего утра, говорил, а вы не слушали». Поэтому их выражение по существу совпадает с мнением новейших учёных, которые предполагают, что связи с понятием утра здесь нет, и понимают слово как «искать» — так в Септуагинте — или «искать ревностно, усердно»; в Пересмотренном переводе — «прилежно». Ср. Притч. 1:28; Пс. 62:2; Ос. 5:15. Следовательно, это место не относится специально к молодым людям, тем более — исключительно к ним.

[35] Пс. 22:4: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла». Многим покажется почти кощунственным сказать, что эти слова прямо не относятся к приближению смерти. Смертная тень, тёмное место пребывания умерших, — образ, часто употребляемый в Ветхом Завете для обозначения самого густого мрака. Так, в Ам. 5:8 о Боге сказано: «Кто сотворил Семизвездие и Орион, превращает смертную тень в ясное утро, а день делает тёмным, как ночь». Здесь речь о ночной тьме. В Пс. 106:10: «Сидели во тьме и тени смертной, окованные скорбью и железом» — имеется в виду мрак темницы. В Иер. 2:6[53]: «Где Господь, Который вывел нас из земли Египетской, вёл нас по пустыне… по земле сухой и смертной тени, по которой никто не ходил» — говорится о мраке угрюмой пустыни. В Ис. 9:2: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет» — это мрак нужды, неведения и скорби. Ср. Мф. 4:16. Выражение встречается и в других местах, но всегда означает густую тьму, буквальную или

образную, и нигде само по себе не относится к умиранию. В Пс. 22:4 изображено стадо, которое ведут через глубокую, узкую, очень тёмную долину — таких в Иудее немало; по обеим сторонам в зарослях скрываются дикие звери, и робкие овцы боялись бы беды, если бы их не защищал пастух. Псалмопевец говорит, что, даже идя по самой тёмной долине — на полях Пересмотренного перевода сказано «глубокая тьма», — тёмной, как могила, он не убоится зла. Этот образ естественно напоминает о любой поре или опыте жизни, когда верующий мог бы испытывать страх и скорбь, но остаётся в безопасности благодаря присутствию и защите своего Пастыря. Таковы искушение, болезнь, утрата близких, а также и смерть — не потому, что в тексте употреблено слово «смерть», а потому, что образ прохождения долиной, тёмной, как могила, естественно применим к смерти. Причём это не единственное применение, а одно из многих. Следовательно, правильное понимание отрывка не уничтожает, а расширяет его значение.[54] Рим. 12:1: «Представьте тела ваши в жертву живую». Здесь многие начинают говорить о жертвах в переносном, производном смысле слова. Но мысль текста в том, что, подобно принесению на алтарь тел животных в жертву, мы должны посвятить Богу *самих себя*. Это и есть «разумное служение» — поклонение разумом, или духом, а не одно лишь телесное богопочитание, состоящее из внешних действий и приношений. 1 Тим. 2:8: «Я желаю, чтобы люди молились повсюду» и так далее. В греческом тексте дано «мужчины», как и в Пересмотренном переводе: употреблено особое слово, обозначающее мужчину в отличие от женщины. Апостол даёт указания о совершении общественного богослужения и говорит, что мужчины должны молиться на всяком месте, воздевая

святые руки, без гнева и споров. Эти выражения указывают на особые опасности, подстерегающие мужчин при участии в общем богослужении. В следующем стихе он говорит о женщинах: им, со своей стороны, следует заботиться не о чрезмерно нарядной одежде, а об украшении добрыми делами.

[36] 2 Тим. 2:15: «Старайся представить себя Богу достойным». Английское слово study в этой фразе часто понимают как «учись»; место нередко цитируют и порой выбирают текстом проповеди, будто оно учит служителя заниматься изучением книг, особенно Библии, природы, человеческой природы и тому подобного. Действительный смысл нашего перевода, как и оригинала: старайся, усердно стремись представить себя Богу достойным. В Пересмотренном переводе сказано «прилагай старание» (give diligence).

[37] Евр. 7:25: «Посему Он может спасать до конца приходящих через Него к Богу» — излюбленный текст для доказательства, что Христос способен спасти самых страшных грешников. Но действительный смысл выражения, как показывает и контекст, — спасти до конца, во всей полноте спасения. Наш Первосвященник не передаёт Своего служения преемникам и не оставляет другим начатого Им труда; Он всегда жив, чтобы ходатайствовать за приходящих через Него к Богу. Поэтому Он способен спасти их вполне: не только начать их спасение, но и совершать его в жизни и смерти, пока в вечности оно не достигнет полноты. (2) Пренебрежение контекстом. Кол. 2:21: «Не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся». Эти слова тысячи раз красовались на знамёнах и звучали в устах пламенных ораторов как заповедь Священного Писания против употребления

хмельных напитков. Малейшее внимание к контексту показало бы, во-первых, что здесь речь вовсе не об этом, а во-вторых, что апостол приводит эти слова как пример аскетических предписаний, которым нам *не следует подчиняться*: «Если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего, как живущие в мире, подчиняетесь постановлениям: не бери, не вкушай, не прикасайся… по заповедям и учениям человеческим?» — так в Пересмотренном переводе. В Писании немало мест, повелевающих воздержание, но это, несомненно, не одно из них. Евр. 6:1: «Поспешим к совершенству» — любимый текст некоторых сторонников возможности безгрешного совершенства в нынешней жизни. Между тем священный писатель говорит о *познании* и призывает двигаться к его зрелости. Слово в предыдущем стихе, Евр. 5:14, переданное в английском переводе как «взрослые», буквально означает «совершенные». Поэтому два стиха тесно связаны не только общим смыслом, но и самими словами.

[38] 1 Кор. 2:9: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» — постоянно цитируют как указание на славу и блаженство небес. Но контекст не оставляет сомнений: апостол имеет в виду глубокую мудрость замысла спасения, которую никакой человеческий ум не мог ни постичь, ни вообразить, но которую «Бог открыл нам Духом Своим».

[39] Мк. 9:8: «Одного Иисуса». Сделать эти слова текстом проповеди и рассуждать об одном Иисусе как Пророке, об одном Иисусе как Священнике, об одном Иисусе как Царе и так далее — крайний пример пренебрежения контекстом. В конце преображения ученики, «внезапно

посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса». Совершенно верно, что для нас только Иисус должен быть Пророком, Священником и Царём; но кто скажет, что именно этому учит данный отрывок или хотя бы с достаточным основанием на это указывает? Отдельные слова, взятые совершенно вне того смысла, который вкладывал в них священный писатель, являются изречением Писания не больше, чем если бы слово «Иисус» было взято из Марка, а слово «один» — из Послания к Римлянам, после чего их соединили бы в текст. Ис. 1:5–6: «Вся голова в язвах, и всё сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны» и так далее. Это место иногда избирают текстом проповеди и постоянно приводят как доказательство всецелой испорченности человека. Но посмотрите на контекст. Народ Израиля был настолько поражён Божиими *судами*, что уподобился человеку, иссечённому страшным восточным бичеванием с головы до ног, с незажившими ранами и рубцами. Страна опустошена, города сожжены, Иерусалим одиноко стоит среди пустыни. И пророк спрашивает: зачем ещё поражать вас? Если это произойдёт, вы будете восставать ещё упорнее. Вы уже избиты с головы до ног, но наказание не делает вас лучше, а, кажется, даже делает хуже. Это был бы прекрасный текст для проповеди о том, как часто народы, общества и отдельные люди не смиряются под действием скорбей, а продолжают жить во зле; и в этом отношении здесь действительно есть свидетельство испорченности человека. Но сам образ больной головы и прочего явно предназначен изобразить не испорченность, а суровое наказание.

[40] Ис. 63:1–3: «Кто это идёт от Едома, в ярко-красных ризах от Восора?.. Я — изрекающий правду, сильный, чтобы спасать. Отчего же одеяние Твоё красно?.. Я топтал точило один». Как часто считают, будто здесь изображён наш Спаситель, проливающий Свою кровь и одиноко страдающий ради нашего спасения! Между тем что может быть яснее: перед нами победитель, обагрённый кровью *врагов* и сражающийся один? В том же высказывании Он говорит: «Я топтал их во гневе Моём и попирал их в ярости Моей; кровь их брызгала на ризы Мои». Ср. также стихи 4–6. Здесь говорит победитель Едома и избавитель Израиля. Если относить это место к Мессии, то к Нему как победителю врагов Своего народа, сильному спасать именно в этом смысле. В Откр. 19:11–16 те же образы применяются к описанию Слова Божия; но и там перед нами не страдалец, а победитель. 3 Цар. 18:21: «Долго ли вам хромать на оба колена?» Этот текст особенно любят использовать для упрёка людям в нерешительности и колебаниях перед обращением в христианство. Но израильтяне не колебались, кому служить — Иегове или Ваалу: они пытались служить обоим, соответствовать модной придворной религии и в то же время сохранить веру отцов. Илия укоряет их именно за стремление соединить то и другое. Служите Иегове или Ваалу, а не то одному, то другому. Ср. «Не можете служить Богу и маммоне». (3) Произвольное духовное истолкование и подобные ошибки. Ам. 6:1: «Горе беспечным на Сионе». Сион здесь сразу превращают в Церковь, беспечных на Сионе — в ленивых и бесполезных членов Церкви, и рассуждение готово. Но пророк добавляет: «И надеющимся на гору Самарийскую». Каков же «духовный смысл» этих слов? Начальники Иудеи полагались на мощные укрепления Иерусалима, а

правители Северного царства — на Самарию; потому их не тревожили пророческие предупреждения, что враги придут и уничтожат эти столицы, как уже были уничтожены другие великие города. Горе им, если они спокойно уповают на Иерусалим и Самарию, не каются в своём нечестии и не надеются на Бога! Применение этих слов во время войны очевидно и важно. Тот же принцип можно отнести и ко всякой надежде на человеческие средства или внешние силы вместо упования на Бога. Бездействующие члены церкви заслуживают сурового обличения, но этот текст не о них.

[41] Исх. 2:9: «Возьми младенца сего и вскорми его мне; я дам тебе плату». Некоторые способные проповедники действительно избирают эти слова текстом проповеди для родителей или учителей воскресной школы: «Бог говорит вам: возьми этого ребёнка» и так далее. Но Бог ничего подобного не говорит. Он лишь сообщает нам, что дочь фараона сказала это матери Моисея. Сам Бог ни к кому не обращается с этими словами. Искать здесь духовный смысл настолько безосновательно и произвольно, что это уже выходит за пределы разумного спора. Если проповедник объявляет, что употребляет слова в предложенном им смысле, то это уже вовсе не Писание: это говорит не Бог, а *он сам*. И называть такое «текстом» не следует, поскольку под текстом подразумевается Писание. С таким же основанием можно было бы принять слова Притч. 23:30 «долго сидят за вином» за Божию заповедь или слова Пс. 13:1 «нет Бога» — за утверждение Писания. Ни как аллегоризация, ни как «аккомодация» такое применение не имеет оправдания; а после того, как человеку указали на ошибку, оно становится непростительным.

[42] Ион. 1:6: «Что ты спишь?» Как *может* проповедник утверждать, будто эти слова относятся к духовно спящим грешникам? Иона, изнурённый поспешным и тревожным путешествием в Иоппию и теперь благополучно оказавшийся на корабле, крепко спал. Встревоженный и нетерпеливый начальник корабля кричит ему: «Что ты делаешь, крепко спишь? Вставай, воззови к Богу твоему», — как это делают все остальные. Служитель может обратиться с такими словами к спящим грешникам, но он не вправе утверждать, что Бог задаёт этот вопрос им или кому-либо ещё. Слово Божие лишь повествует о том, что так сказал начальник корабля; Сам Бог этих слов вовсе не произносит. Как собственные слова служителя они не были бы частью Писания. А будто в них скрывается особый аллегорический смысл — это чистый вымысел, который нужно доказать, а не безрассудно предполагать.

[43] Притч. 18:24: «Бывает друг более привязанный, нежели брат». Обычно считают, что в восьмой главе Притчей содержится некоторое указание на Христа, что, однако, далеко не бесспорно; отсюда возникает привычка по желанию относить ко Христу любое место книги. Но с главы 10 начинается явно самостоятельное собрание отдельных изречений, чрезвычайно поучительных и полезных для практического руководства жизнью, однако ничем не выдающих мистического характера. Изречения непосредственно перед рассматриваемым стихом и после него, а также первая половина самого стиха говорят об обычных вещах. Стих 21 — о силе языка; стих 22 — о благословении обрести жену; стих 23 — о том, что бедный просит с мольбой, а богатый отвечает грубо. Затем стих 1 следующей главы говорит о бедном, ходящем в своей непорочности, и о лживом глупце и так далее. Стих 24 переведён так: «Кто имеет друзей, тот должен и сам быть

дружелюбным; и бывает друг более привязанный, нежели брат». Первая половина еврейского текста неясна, но, вероятнее всего, означает: «Человек, у которого много приятелей, погубит себя» — из-за доверия не к тем людям — или «окажется дурным другом», поскольку не сможет быть верным всем. Как бы то ни было, общий предмет очевиден: обычные дружеские отношения в жизни. Никакого намёка на Христа здесь нет. Далее добавляется, что бывает тесная и постоянная дружба: существует друг — буквально «любящий», — более привязанный, нежели брат. Это не указание на определённое лицо, а утверждение, что такая дружба действительно бывает. Нет необходимости осуждать поэта за использование этого выражения:

> [44] «Есть Тот, Кто выше всех других,
> Кто вполне достоин имени Друга:
> Его любовь — превыше братской» и так далее;

[45] но свобода поэтического приспособления — совсем не то же самое, что толкование. Можно избрать это изречение текстом проповеди, поговорить о тесной и верной дружбе, а затем по аналогии, под собственную ответственность, перейти к Христу как Другу. Однако это не означает, что данное место относится ко Христу.

[46] Представилось необходимым достаточно тщательно обсудить приведённые места, поскольку неопытный читатель, естественно, может не сразу поверить, что столь многие любимые тексты совершенно неправильно понимались и им самим, и множеством окружающих проповедников. Здесь не заявляется непогрешимость каждого предложенного толкования. Главное — выработать привычку внимательно изучать всякий текст, даже самый знакомый и кажущийся очевидным, и

проверять, действительно ли он означает то, что проповедник прежде в нём видел. Эта практика лишит его многих текстов, но обогатит множеством других. Большинство рассмотренных мест, если отказаться от привычного применения, обнаруживают смысл, который можно раскрыть интересно и полезно. А внимательное исследование многих иных отрывков выявит богатства, о которых мы не подозревали. Даже если бы точное толкование приносило только потерю материала, мы всё равно должны были бы придерживаться его ради честности перед собственным разумом и Словом Божиим. Но привычка толковать точно даст гораздо больше, чем отнимет. Знающий еврейский или греческий пусть никогда не проповедует на основании текста, не изучив внимательно его и его контекст в оригинале. Если же этих знаний нет, пусть исследует лучшие переводы и хорошие пояснительные примечания, твёрдо решив никогда не утверждать, будто отрывок святого и драгоценного Божьего Слова означает то-то и то-то, прежде чем приложит личные, добросовестные и терпеливые усилия, чтобы это установить.

[47] § 4. СОВЕТЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТОВ

[48] Хотя мы подробно рассмотрели главные источники ошибок при истолковании текстов и привели множество примеров, представляется полезным теперь изложить в положительной форме некоторые принципы, которым необходимо следовать ради правильного толкования. Хорошие руководства по герменевтике доступны,[55] и здесь достаточно нескольких кратких советов. Говоря об истолковании, следует отличать предварительное изучение текста с целью произнести на него проповедь как от общего изучения Библии, которое должно входить в постоянные занятия каждого проповедника, так и от общедоступного объяснения текста, составляющего часть проповеди. О последнем речь пойдёт позднее.[56] Предлагаемые здесь советы призваны помочь проповеднику самому установить точный смысл отрывка Писания, избранного текстом проповеди. Несомненно, каждый проповедник должен считать это своим долгом перед совестью. Какими бы пособиями он ни пользовался — комментариями, словарями, грамматиками, сборниками иллюстраций и тому подобным, — ему следует заботиться о том, чтобы принятое им толкование было его собственным. Иначе говоря, смысл текста, который он намерен раскрыть и настойчиво донести в проповеди, во всех случаях должен выражать его собственное, тщательно обдуманное понимание отрывка — плод серьёзного размышления и исследования. Советы, которые могут оказаться полезными для такого исследования, мы изложим в виде правил.

[49] (1) Изучайте текст во всех подробностях. Внимательно исследуйте и его грамматику, и его риторические особенности. (a) Старайтесь установить точное значение

слов и выражений, употреблённых в тексте. Выясняйте, не имеют ли какие-либо из них особого значения в Писании и сохраняется ли это значение в данном месте. Если в тексте есть ключевые слова или слова особой важности, находите по симфонии другие места, где они употреблены. Лучше всего делать это на языке оригинала: в нашем переводе нередко стоит одно и то же слово там, где еврейские или греческие слова различаются, а одно и то же греческое или еврейское слово в важных местах бывает передано по-разному. Существуют прекрасные симфонии к еврейскому и греческому текстам; если их нет под рукой, словари этих языков дадут множество ссылок, а нередко и все. В особо важных случаях способные исследователи, не знающие языков оригинала, с пользой обращались к «Греческой симфонии Нового Завета для англоязычного читателя» (Englishman’s Greek Concordance of the New Testament) и «Еврейской симфонии Ветхого Завета для англоязычного читателя» (Englishman’s Hebrew Concordance of the Old Testament). Для Нового Завета указатель к грамматикам Винера или Бутмана поможет выяснить, объяснял ли автор какие-либо грамматические конструкции данного текста. Лучшие переводы на наш или другие языки нередко проливают свет на текст или поднимают вопросы о его смысле, которые полезно исследовать. Знакомые отрывки часто обретают удивительную свежесть и подсказывают новые направления мысли, когда мы читаем их в новом английском переводе[57] либо в переводе на латинский, французский, немецкий и другие языки. Это справедливо даже для тех, кто владеет языками оригинала: ведь, глядя на еврейский или греческий текст, мы слишком часто словно видим сквозь него привычный английский перевод, будто написанный

под строкой. И, разумеется, непременно обращайтесь к лучшим доступным комментариям — прежде всего к тем, которые тщательно объясняют точный смысл текста, а не просто высказывают по его поводу замечания и подробно развивают содержащиеся в нём поучения.

[50] Такое грамматическое исследование текста едва ли может оказаться чрезмерно подробным или продолжительным. Уэйтли любил говорить: «Прежде чем писать проповедь, рассмотрите свой текст под микроскопом».[58] Шедд справедливо замечает: «Каждая доля усилий, потраченных сначала на выбор превосходного текста, а затем на постижение и раскрытие его подлинного смысла и объёма, делает само построение и написание проповеди легче и успешнее. Труд, затраченный здесь, сберегает труд на всех последующих этапах».[59]

[51] (б) Уделяйте особое внимание всем образным выражениям в самом тексте и в его контексте. Если из существа дела, из связи мыслей или из вполне сходных выражений в других местах ясно, что буквальный смысл не предполагался, следует понимать выражение образно. В языке Писания, как и во всяком другом языке, исходить нужно из предположения о буквальном смысле. Объявлять образным всё, что, как нам кажется, противоречит нашим догматическим предубеждениям, причудливым представлениям и болезненным чувствам в вопросах нравственности или эстетики, либо поспешным выводам из недостаточно установленных научных фактов, — значит легкомысленно обращаться с тем, что мы признаём авторитетным откровением. И всё же в Писании очень многое явно имеет образный смысл; ещё больше мест, которые в свете других примеров библейского

словоупотребления столь легко допускают такое понимание, что нам следует остерегаться строить важные теории на их буквальном смысле. Это особенно верно в отношении пророчеств о будущем: здесь по самой природе дела весьма трудно заранее различить буквальное и образное, хотя однажды исполнение пророчества всё прояснит. Помните также, что речь может быть весьма образной и при этом не быть вымыслом. Нужно лишь выяснить, какой смысл должны были выражать образы Писания, и этот смысл столь же несомненно истинен, как если бы был изложен простыми словами. Так, «огонь неугасимый», если угодно, можно назвать образом; но он несомненно означает, что в аду будет нечто столь же страшное, как огонь, нечто столь же мучительное, как огонь для земного тела. Более того, действительность ада, как и неба, несомненно, далеко превосходит самые впечатляющие образы, какие могут дать земные предметы.[60]

[52] Особенно необходимы большая осторожность и здравый смысл при изучении аллегорий Писания. Нельзя считать само собой разумеющимся, что отрывок имеет аллегорический, или так называемый «духовный», смысл, только потому, что это нравится нашему воображению или удобно для наших целей. Для такого вывода нужны веские основания. Всё, что Новый Завет использует подобным образом, несомненно, аллегорично; всё остальное, что вполне сходно с предметами, так использованными в Новом Завете, весьма вероятно, тоже аллегорично. Дальше этого мы, конечно, не вправе идти. Почти всё в библейской истории, пророчествах и притчах может служить нам иллюстрацией духовных предметов — нашей собственной иллюстрацией, — как могут служить ею светская история и природа. Но выдавать первые

иллюстрации за истолкование мы имеем не больше права, чем последние. Иосиф в некоторых отношениях хорошо иллюстрирует образ Христа; то же можно сказать об афинянине, который поднял перед народом изувеченную руку, ходатайствуя о брате. Почему же из одной лишь возможности извлечь иллюстрацию из истории Иосифа следует, что мы должны назвать его «прообразом» Христа? Кроме того, если некоторые подробности левитских обрядов, истории Иисуса Навина, Давида или Кира, Притчей Соломона либо книги Исаии, помимо своего естественного смысла, имеют аллегорическое отношение ко Христу, отсюда вовсе не следует, что такое отношение имеет всё, что в них содержится. Во всём этом вопросе необходимо избегать крайностей. Для проповеди, по-видимому, уместно такое правило: вероятные аллегорические значения можно приводить по ходу рассуждения именно как вероятные, но в основу проповеди нельзя класть никакого аллегорического смысла, если такое толкование не имеет ясного основания в словоупотреблении Писания. При этом следует особенно помнить о двух обстоятельствах. Страсть к произвольному «духовному истолкованию» заставляет многих не замечать или практически оставлять без внимания чрезвычайно разнообразные и ценные уроки о Божием промысле и человеческом долге, которые отрывки дают в своём естественном смысле. Те, кто непременно хочет сделать Иосифа прообразом Христа, нередко вовсе не показывают слушателям его увлекательного и впечатляющего примера: непоколебимой веры в Бога среди сокрушительных бедствий и внезапного благополучия; сопротивления сильному искушению, потому что уступить ему значило бы «согрешить пред Богом»; мудрой любви в обращении с

родными и тому подобного. Так бывает в тысяче случаев; и здесь один из путей возместить потерю, которую может почувствовать человек, отказавшись от необузданного духовного толкования. Второе обстоятельство состоит в том, что многие отрывки, которые мы, насколько позволяют основания, вправе истолковать лишь в их естественном смысле, могут давать обильное наставление о собственно духовных предметах: содержащийся в них принцип или заключённую в них аналогию мы можем применить к чему-либо духовному либо распространить на него. Это мы делаем на собственную ответственность, однако при очевидной уместности такого применения и при поддержке других мест Писания.

[53] (2) Изучайте текст в его ближайшей связи. Та связь мыслей, в которой находится текст, разумеется, освещает его смысл и обычно совершенно необходима для его понимания. Ближайшая связь, или контекст, обыкновенно охватывает от нескольких стихов до нескольких глав перед текстом и после него. Проповеднику следует не только иметь общее представление об этом контексте, но и специально исследовать его всякий раз, когда он исследует свой текст. При этом необходимо противостоять распространённой привычке думать, будто контекст начинается или кончается вместе с главой, в которой находится текст. Насколько далеко следует заходить в изучении этой связи, в разных случаях будет, конечно, весьма различаться; но едва ли существуют тексты, при рассмотрении которых можно было бы совсем ею пренебречь. По возможности контекст, как и сам текст, непременно следует читать на языках оригинала или с помощью тех пособий, которые рекомендованы в предыдущем правиле. Во множестве случаев между текстом и какой-либо фразой немного выше или ниже

существует интересная словесная связь; её скрывают неизбежные особенности перевода либо чрезмерная склонность нашего английского перевода разнообразить выражения там, где в оригинале употреблено одно и то же слово. Следует также заметить: помимо того что изучение логической связи важно для полного понимания текста, объяснение контекста нередко составляет хорошее, а порой и необходимое вступление к проповеди.

54 (3) Изучайте текст в его более широких связях. Эти более отдалённые отношения текста также чрезвычайно важны для правильного истолкования. Обычно они включают три следующих стороны. (а) Иногда логической связью текста в действительности служит вся книга, к которой он принадлежит. Лишь немногие предложения Послания к Евреям или первых одиннадцати глав Послания к Римлянам можно вполне понять, не держа в уме всего хода рассуждения послания. Конечно, для большинства библейских книг это не столь очевидно; однако каждая из них обладает своим особым содержанием, связью мыслей и характером. Немногие советы заслуживают столь настойчивого напоминания изучающему Писание, как этот: пусть он постоянно изучает библейские книги с учётом их целостного построения.[61] Тогда он сможет подробно исследовать любой отдельный текст, правильно понимая его общее место и окружение.

55 (б) Помимо логической связи рассуждения, в котором находится текст, существенную помощь часто дают общие исторические знания. В повествованиях, составляющих бóльшую часть Писания, нам постоянно необходимо учитывать географические сведения, способные пролить свет на текст. То же относится к нравам и обычаям иудеев

и других народов, появляющихся в священной истории. Всё это очевидно, хотя этими средствами понимания текста редко пользуются с должным усердием. Но многое можно узнать и тогда, когда мы учитываем взгляды и душевное состояние людей, к которым обращён текст. Необходимо помнить об отношениях между говорящим или пишущим и теми, кого он прежде всего имеет в виду. Для этого мало знать предшествовавшие отношения сторон, как в случае посланий Павла: нужно постараться установить, какие заблуждения или пороки существовали среди адресатов и что именно богодухновенный учитель стремится здесь исправить. Часто это можно узнать из самой книги. Мнимое противоречие между Павлом и Иаковом относительно оправдания никогда не вызвало бы затруднений, если бы обращали внимание на теоретические и практические ошибки, против которых направлены их слова. Что касается учения нашего Господа, то многое можно почерпнуть из Евангелий, а также из иудейских сочинений и основанных на них современных исследований о неверных представлениях и дурных обычаях иудеев, к которым Его изречения часто относятся совершенно прямо и определённо. Например, Его учение о разводе, клятвах, субботе или обязанности платить подать будет понято неполно, если мы не знаем о злоупотреблениях и ожесточённых спорах по этим вопросам среди Его слушателей. Некоторые сведения об этом дают лучшие комментарии. Или возьмём пример другого рода. Слова «Никто не может прийти ко Мне, если не привлечёт его Отец, пославший Меня» (Ин. 6:44) были сказаны не просто как общее поучение и тем более не обращены к смиренным, тревожно ищущим людям. Они были направлены против совершенно чуждой духовности толпы, которая следовала за Ним не по

каким-либо возвышенным побуждениям, а лишь из фанатического возбуждения и в надежде и впредь получать пищу без труда; эти люди называли себя Его учениками и говорили о том, чтобы силой заставить Его учредить земное царство. Если мы помним всё это, сила Его слов не уменьшается; зато мы лучше понимаем Его конкретную цель в тот момент и получаем важный пример того, как следует сообразовывать изложение учения с обстоятельствами. Чем внимательнее человек рассматривает этот вопрос, тем вероятнее он убеждается, что почти всё в Новом Завете, как и многое в Ветхом, по своему конкретному замыслу действительно имеет полемическую направленность. Поэтому мы должны постоянно спрашивать, против каких заблуждений или дурных поступков обращён текст, чтобы понимать точное направление, которое в нём получают содержащиеся в нём принципы, и те изменения формулировки, которые могут потребоваться, когда мы обращаем эти принципы к новым применениям, — mutatis mutandis, то есть с необходимыми изменениями.

[56] (в) Толковать следует в согласии с общим учением Писания, а не вопреки ему.[62] Его наставления согласуются между собой и могут быть соединены в стройное целое. Если отрывок допускает два смысла — вследствие двусмысленности слова или конструкции, сомнения в образном характере выражения и тому подобного, — нужно выбрать тот, который согласуется с ясным учением Библии в целом, а не тот, который заставил бы Библию противоречить самой себе. Было бы грубым, хотя и частым, злоупотреблением этим принципом навязывать отрывку значение, которого его слова и конструкции грамматически не допускают, ради смысла, требуемого нашей системой. Но между

грамматически возможными значениями мы вынуждены выбирать на каком-то основании; и, несомненно, один из важных принципов здесь — согласованность библейского учения. Когда грамматическая вероятность двух толкований почти одинакова, сравнительно небольшое преимущество в указанном отношении должно склонить чашу весов. Даже гораздо менее вероятное значение — если только оно грамматически возможно и поддерживается какими-либо соответствующими примерами словоупотребления — можно предпочесть более вероятному и обычному, если первое вполне согласуется с признанным общим учением Писания, а второе резко ему противоречит. Чтобы применять этот принцип правильно и надёжно, очевидно, необходимо исходить не из узких и поспешных представлений об учении Писания, а из результатов широкого, вдумчивого и благоговейного изучения библейского богословия.

[57] При изучении текста чрезвычайно важно тщательно исследовать указанные к нему «параллельные места» Писания. Они часто помогают в грамматической стороне толкования, показывая, как те же слова и выражения употребляются в других местах, и в исторической, показывая, как тот же предмет рассматривался в иных обстоятельствах или какова была особая обстановка, в которой прозвучал текст. Приводя параллельные или сходные примеры библейского словоупотребления, они могут также помочь установить, следует ли понимать выражения текста образно или аллегорически. Бывает и так, что даже несколько других отрывков настолько проясняют общее учение Писания по затронутому вопросу, что помогают выбрать между возможными значениями слов текста. Они также помогут проповеднику составить собственное суждение о смысле

текста, не полагаясь слишком сильно на комментарии и другие пособия. Кроме того, «параллельные места» очень часто дают полезный материал для основной части проповеди, подсказывая новые стороны рассматриваемого предмета, доказательства, иллюстрации или применения. Молодому проповеднику следует взять за неизменное правило обращаться к параллельным местам своего текста. Многие мужчины и женщины стали «сильными в Писаниях» благодаря усердному использованию параллельных мест при ежедневном чтении.[63]

Часть I. Глава III. Классификация тем

[1] § 1. ВЕРОУЧИТЕЛЬНЫЕ ТЕМЫ. 2. НРАВСТВЕННЫЕ ТЕМЫ. 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕМЫ. 4. ТЕМЫ ДУХОВНОГО ОПЫТА.

[2] Что выбирается сначала — тема проповеди или её текст, — зависит, разумеется, от обстоятельств. Размышляя о состоянии общины или вспоминая недавно произнесённые проповеди, человек скорее определит тему, для которой ему затем понадобится найти текст. Читая Библию или просматривая свой постоянно пополняемый список текстов, он скорее остановится на заинтересовавшем его отрывке и уже из него выведет тему. Оба пути следует использовать часто; какой из них будет преобладать, зависит от склада ума проповедника. Мы сочли лучшим сначала рассмотреть текст, поскольку первоначальное назначение проповеди — раскрыть учение какого-либо отрывка Писания. Но особенно следует настаивать вот на чём: если сначала избрана тема, тщательно ищите текст, который верно и, по возможности, точно её представляет; если сначала найден текст, старайтесь вывести из него определённую тему — не обязательно выраженную одним положением, но действительно единую. Даже в текстовых и изъяснительных проповедях, как мы увидим позднее, важно сохранять единство темы.

[3] Темы, рассматриваемые с кафедры, можно разделить на вероучительные, нравственные, исторические и относящиеся к духовному опыту.[64] Всякая подобная классификация неизбежно несовершенна: в некоторых

случаях классы перекрываются, и разные люди могут распределять темы по разным основаниям. Однако привычка относить каждую тему к определённой группе окажется полезной: она способствует единству и последовательности изложения, а также разнообразию тем. Рассмотрение этих групп даёт повод высказать практические советы по вопросам немалой важности.

[4] § 1. ВЕРОУЧИТЕЛЬНЫЕ ТЕМЫ

[5] Некоторые постоянно употребляют выражение «вероучительная проповедь» в значении проповеди о конфессиональных особенностях или спорных вопросах. Такое сужение смысла подразумевает, будто только эти вопросы и составляют вероучение или будто обсуждать учение можно лишь полемически. Это действительно серьёзная ошибка, которой следует тщательно избегать и которую следует исправлять.

[6] Учение, то есть наставление в истине, — главное дело проповедника.[65] Истина питает благочестие, словно кровь живой организм; без неё невозможно поддерживать ни его жизненную силу, ни его деятельность. И учить людей истине или придавать уже известному им новую свежесть и силу — главное средство, которым проповедник приносит добро. Факты и истины, составляющие библейское повествование о грехе, промысле и искуплении, образуют основу всякой библейской проповеди. Но эти истины не должны появляться в нашей проповеди лишь от случая к случаю, вперемешку и без связи. Совокупность библейского учения о каком-либо предмете, собранную и систематически расположенную, принято называть учением Писания об этом предмете: учением о грехе, об искуплении, о возрождении и так

далее. И в этом смысле нам следует много проповедовать о библейских учениях. Все мы считаем важным, чтобы сам проповедник имел здравые вероучительные взгляды; разве не важно также, чтобы он помог своей общине обрести правильные взгляды? В нашей беспокойной стране и в наше взволнованное время, в эти дни несколько суетливой религиозной деятельности, подлинной вероучительной проповеди стало слишком мало. «Было время, когда церкви гораздо больше нас заботились о передаваемых истинах и гораздо меньше — об их облачении. Слушателей привлекало учение, а не красноречие».[66] До известной степени нам следует сообразовываться со вкусами века: они нередко указывают на его действительные потребности и всегда влияют на восприятие истины. Но когда эти вкусы явно ошибочны, нужно усердно стараться их исправить. Проповедник, который умеет сделать вероучительную истину не только понятной, но и интересной для своей общины и постепенно привести её к хорошему знанию библейских учений, оказывает ей неоценимую услугу. Вероучительная проповедь вовсе не обязательно суха.[67] Напротив, правильно изложенное учение, наставление в истине, может оказаться самым интересным видом проповеди. Люди хотят знать и находят радость в знании. Всё зависит от того, как это делается. Сухой проповедник сделает сухой любую тему; ведь случается слышать и скучные рассказы, и бесцветные увещания.

[7] Будем же особенно много проповедовать о великих учениях. Да, они знакомы, но проповеди о них не обязаны быть банальными. Каждое утро солнечный свет столь же свеж, как тогда, когда он озарял наших прародителей в раю; юная любовь по-прежнему столь же сладостна, а родительское горе столь же разрывает сердце, как у них.

Так и великие учения Евангелия для того, кто имеет глаза, чтобы их видеть, и сердце, чтобы их чувствовать, вечно новы. Наша задача — самим любя эти истины, побудить полюбить их других. Не один проповедник мог бы рассказать, как в первые месяцы или годы своего ещё неопытного служения он порой, просто не находя новой темы, вынужден был возвращаться к покаянию, возрождению или чему-либо подобному и произносил, как ему казалось, слабую проповедь; а много времени спустя узнавал о плодах именно этих проповедей, а не других, которые тогда представлялись ему гораздо более яркими и впечатляющими.[68] Разумеется, нельзя превращать какое-либо одно учение в навязчивую тему, как некоторые поступают с избранием или крещением, а другие — с совершенством, свидетельством Духа, Вторым пришествием Господа и тому подобным. Относительно проповеди непопулярных учений — например, об избрании перед одними слушателями, о будущем наказании, греховной испорченности и даже о миссиях перед другими — можно дать одно всеобъемлющее правило: будьте верны и бесстрашны, но действуйте умело и с любовью.

[8] Однако, хотя нам следует много проповедовать о великих учениях, охватывать какое-либо такое учение целиком в одной проповеди обычно нецелесообразно, особенно для постоянного пастора общины. Тогда проповедь будет содержать лишь общие положения и окажется для слушателя либо весьма трудной, либо, что бывает чаще, совершенно банальной. Неопытные ораторы и писатели часто ошибочно думают, будто лучше взять очень широкую тему, чтобы наверняка нашлось достаточно материала. Но выбрать одну сторону большого предмета обычно гораздо лучше: это даёт говорящему

больше возможностей найти что-то свежее и гораздо больше надежды пробудить у слушателей живой интерес к предмету в целом. Александер писал сыну, учившемуся в колледже: «Чем конкретнее тема, тем больше ты найдёшь, что о ней сказать. Мальчики думают как раз наоборот. Они пишут о Добродетели, Чести, Свободе и так далее; легче было бы написать о радостях Добродетели, о Чести рыцарства или о различии истинной и ложной Свободы — это темы более конкретные. Прими за общее правило: чем у́же тема, тем больше у тебя будет мыслей. И у этого есть философское основание, на которое я хочу обратить твоё внимание. Приобретая знания, ум движется от частного к общему. Так Ньютон перешёл от падения яблока к общему закону тяготения. Потребовалось множество отдельных наблюдений над животными, прежде чем натуралист смог сформулировать общий закон: все животные с раздвоенными копытами и рогами питаются травой… Этот процесс называется обобщением. Способность к нему развивается одной из последних. Поэтому для рассмотрения общего предмета, такого как Добродетель или Честь, нужны обширные знания и зрелый ум, и гораздо лучше начинать с частных случаев».[69] Это относится не только к способности проповедника изложить предмет, но и к способности слушателя его понять. Когда проповедник уже вполне научится рассматривать большие темы в одной речи, основная масса слушателей всё ещё не сможет следить за ним, если только речь не будет настолько длинной, чтобы вместить множество подробностей. К тому же постоянный пастор общины не может часто позволять себе расходовать столько материала на одну проповедь. Исключительные случаи — например, цикл проповедей о нескольких великих учениях, особый интерес к одному из

них и тому подобное — естественно, и следует рассматривать как исключения.

9 Отдельные стороны великого учения иногда можно выбирать по естественным подразделениям самого предмета. Например, покаяние: его сущность, необходимость, время, признаки, отношение к вере; или возрождение: его сущность, необходимость, Тот, Кто его совершает, отношение к крещению, вере и тому подобному. Здесь, как и во всём, что касается проповеди на вероучительные темы, необходимо тщательно помнить о различии между богословским трактатом или лекцией и общедоступной проповедью. Научный анализ и развёрнутая логическая аргументация, уместные в первом случае, редко подходят во втором. Те стороны предмета, которые требуют наибольшего внимания и вызывают наибольший интерес у систематически обучающегося человека, могут быть наименее пригодны для проповеди, и наоборот. Знания, которые преподаватель богословия предполагает у своих учеников, обычно нельзя предполагать у общины. Молодые служители нередко сами делают вероучительные темы непопулярными: их проповеди слишком похожи на трактаты, которые они изучали, или на лекции, которые слушали. Нужно встать на другую точку зрения: подумать, какие стороны учения пробудят интерес обычных слушателей и вместе с тем помогут им получить верное представление о целом. Помимо важных различий между чисто учебным и ораторским изложением, здесь существует предшествующее им различие в выборе тем и тех их частей, которые следует рассматривать.

[10] Вместо того чтобы выбирать тему по логическим подразделениям учения, мы можем взять ту его сторону, которую представляет определённый текст. Так, говоря о покаянии, можно проповедовать о его сущности, результатах, обязанности каяться и прочем, подыскивая к каждой теме текст; а можно начать с выбора среди текстов, в которых говорится о покаянии. Например, Мк. 6:12: «Они пошли и проповедовали покаяние» — подсказывает общий обзор покаяния или рассмотрение обязанности каяться; Деян. 5:31: «Его возвысил Бог… Начальником и Спасителем, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов» — представляет покаяние как дар Христа; Деян. 20:21: «Возвещая… покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа» — ставит вопрос о связи покаяния и веры; а Мф. 3:11: «Я крещу вас в воде в покаяние» — о связи покаяния и крещения. Различные ясные и сильные побуждения к покаянию даны в Рим. 2:4: «Благость Божия ведёт тебя к покаянию»; Деян. 3:19[70]: «Покайтесь… чтобы загладились грехи ваши»; Лк. 13:3: «Если не покаетесь, все так же погибнете»; Деян. 17:30–31: «Бог… ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную»; Лк. 15:10: «Бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся». А Мф. 3:8: «Сотворите же достойный плод покаяния» — побуждает говорить о надлежащих последствиях покаяния.[71] Тот, кто хорошо знаком со всем учением о покаянии, может рассматривать сторону, представленную в любом из этих текстов, как часть целого и так постепенно давать полное знание всего предмета, сохраняя в каждой проповеди свежесть и силу конкретной темы. Помимо собственно вероучительных, то

есть наставительных, существуют апологетические и полемические темы.

11 Апологетика,[72] то есть доказательства истинности христианства и его защита от нападок, составляет круг тем, которые в обычной проповеди редко требуют отдельного систематического рассмотрения. Роберт Холл[73] в одном выразительном отрывке справедливо порицает чрезмерную готовность некоторых проповедников рассуждать о подобных предметах. Такие проповедники нередко приносят вред, подсказывая затруднения, которых их доводы не устраняют. Он также обращает внимание на то, что доказательство истинности христианства складывается из совокупности свидетельств и не может быть надлежащим образом представлено в столь кратком рассуждении, как проповедь.

12 Но попутно, без отдельного систематического разбора, все мы можем очень часто и с пользой обращаться к доказательствам истинности христианства. Совсем не ставя вопрос о его истинности как ещё не решённый и не предпринимая полного последовательного рассмотрения его притязаний или опровержения возражений против него, мы можем включать в обычные проповеди отдельный второстепенный пункт или мимоходом сделанное замечание, которое живо представляет одно из доказательств либо убедительно опровергает какое-либо конкретное возражение. Такой подход отвечает на возникающие у кого-либо сомнения, вполне соответствует умственным потребностям и привычкам большинства людей и потому лучше всего позволяет справедливо представить им этот предмет. Даже если проповедник видит основания для специально апологетической проповеди или цикла проповедей, ему лучше выбрать

одну часть большой темы, а остальные лишь упомянуть или быстро затронуть. Всё, что прямо выдвинуто на рассмотрение, необходимо разобрать основательно. Будем остерегаться просто упоминать яркую форму заблуждения или правдоподобное возражение против истины, не отвечая на него решительно, пусть и не во всех подробностях. Каждый замечал то, на что указывает Холл: заблуждение часто остаётся в памяти, тогда как неполное опровержение забывается; и причину нетрудно понять. Заблуждения нередко черпают главную силу в том, что представляют собой истину, вырванную из связи с другими истинами и чрезмерно выдвинутую на первый план либо лишённую тех ограничений и уточнений, которые дали бы связанные с нею истины. Такой обособленный фрагмент истины способен в одно мгновение произвести обманчивое впечатление. Защитник христианства должен осторожно вернуть истину на её место и побудить слушателей внимательно рассмотреть все окружающие её истины и их связь с той, что оказалась смещена. Но для этого часто требуется время, более широкие знания, чем те, которыми располагают слушатели и которые оратор может легко им сообщить, а также больше размышления, чем невнимательное большинство готово посвятить вопросу. Мы поступаем несправедливо по отношению к истине, если пренебрегаем этим обстоятельством и ожидаем, что краткое изложение нового и соблазнительного заблуждения будет достаточно опровергнуто столь же кратким ответом.

[13] О внутренних доказательствах и свидетельствах духовного опыта можно проповедовать легко и с пользой. Прекрасное согласие священных книг при всём богатстве их разнообразия, влияние христианства на цивилизацию,

соответствие Евангелия потребностям пробуждённой совести, свидетельство верующего, основанное на опыте, благословенные плоды благочестия и могущественный пример подлинно благочестивых людей — всё это темы, которые можно использовать широко и свободно.

[14] Полемика, то есть спор с другими людьми, исповедующими христианство, предлагает темы, требующие верного и осторожного обращения. Поддельная любовь, о которой теперь столько говорят и которая требует, чтобы мы не выступали против заблуждений наших собратьев-христиан; широко распространённое равнодушие к истине, которое твердит о «хорошем во всём» и уверяет, что убеждения человека мало значат, если он умён, приятен в общении либо нравственен и благочестив, — всё это делает некоторых нерасположенными проповедовать на полемические темы, особенно обсуждать ошибки других евангельских деноминаций. Природная любовь к борьбе, порой сильная даже у проповедников; живой интерес, который нечестивые проявляют к ссоре между христианами; горячая поддержка и похвалы собственной партии, нередко возрастающие прямо пропорционально тому, насколько человек льстит её самомнению и несправедливо нападает на противников, — подобные причины заставляют других чрезмерно увлекаться полемикой. Причём обе группы в действительности подстёгивают и поощряют друг друга. Первые, испытывая сильное отвращение к тому, что считают дурным вкусом и неверным духом, ещё больше склоняются уклоняться от таких тем. Вторые, возмущённые тем, что представляется им трусостью или мирским расчётом, ещё ожесточённее выступают против общего врага и вдобавок готовы нападать на своих друзей. Так в деноминации нередко

возникают два течения, каждое из которых ведёт к весьма вредной крайности. Нет ли золотой середины? Справедливым представляется такой принцип: проповедник не должен ни нарочно искать спорных вопросов, ни нарочно их обходить. Тому, кто постоянно уклоняется от столкновений, следует побуждать себя к верности; тому, кто по природе воинствен, — воспитывать в себе терпение и учтивость. Если текст или тема естественно приводят нас к замечанию о спорном вопросе, мы не должны, кроме исключительных случаев, избегать его лишь потому, что присутствуют уважаемые христиане, не согласные с нами в этом пункте. Конечно, главным нашим делом должно быть утверждение положительной истины; но мысль, будто человек всегда может «говорить о том, во что верит сам, и не касаться чужих мнений», неосуществима, даже если бы и была правильна. Во многих случаях невозможно ясно определить истину иначе как через противопоставление заблуждению. А поскольку ошибки, которых придерживаются и которым учат добрые люди, тем легче вредят другим, мы, несомненно, обязаны опровергать их не меньше, чем если бы их защищали люди дурные. Павел, как прежде его Учитель, употребляет слова грозной суровости, говоря о тех, кто из дурных побуждений распространял совершенно губительное заблуждение.[74] Но Павел также открыто, перед всеми братьями, воспротивился любимому, хотя в тот момент заблуждавшемуся, собрату-апостолу, возражая ему твёрдыми доводами, но мягкими словами.[75] Позднее, рассказывая об этом, он обвиняет Петра в притворстве — обвинение оправданное, поскольку Павел достоверно знал, что оно истинно. Мы же, столь склонные ошибаться в суждениях, должны быть крайне осторожны в

подозрениях относительно побуждений тех, кого считаем любящими Иисуса. Несомненно, сатана радуется, как, мы знаем, радуются нечестивые люди, когда христиане добавляют к доводам брань. Верно и ревностно противостоя заблуждению, даже если его держатся братья-христиане, будем избегать ненужных ран, наносимых общему делу нашего христианства.

[15] Нередко самый мудрый способ обращения с некоторыми видами заблуждения — оставить их без внимания. В возбуждении по поводу римского католицизма, которое его смелость и хвастовство недавно вызвали в нашей стране, есть основания опасаться, что многие начнут проповедовать против католиков там, где о них почти не знают, и тем самым лишь привлекут к ним внимание. Будучи вполне уверены, что их тяжкие заблуждения можно опровергнуть, мы должны помнить: эти заблуждения тонки и для некоторых умов соблазнительны; здесь, как и в случае неверующих теорий и возражений, поверхностное и поспешное опровержение часто хуже полного молчания. Есть также небольшие религиозные деноминации, для которых полемика — жизненное дыхание; вернее всего они умрут тогда, когда их самым решительным образом оставят в покое.

[16] § 2. НРАВСТВЕННЫЕ ТЕМЫ

[17] Иногда мы слышим, как благочестивые люди сурово осуждают «нравственные проповеди». Часто бывало — например, в Англиканской церкви в XVIII веке и у американских унитариев в настоящее время, — что нравственность проповедовали почти или вовсе без связи с искуплением и действием Духа: простая мораль занимала место подлинного Евангелия. Это связало в сознании многих нравственные речи с противодействием «учениям благодати». Но личные наставления нашего Господа в основном касаются нравственности; и Павел с Петром, раскрывая спасение по благодати через веру и подробно о нём рассуждая, не только в общих словах призывали к святой жизни, но и дали множество заповедей, относящихся к отдельным, иногда малым обязанностям. Никто из нас не станет оспаривать, что следует постоянно призывать верующих показывать веру делами и быть святыми во всём поведении, поскольку их Бог свят. Однако во многих кругах по указанной причине неохотно проповедуют о конкретных вопросах нравственного долга. Конечно, проповедник Евангелия не должен проповедовать нравственность в отрыве от Евангелия.[76] Он может приводить и не строго евангельские побуждения, но они должны быть явно подчинены великому побуждению — благодарной любви ко Христу и посвящению себя Его служению. Следует призывать людей соблюдать закон Божий, ибо через это они могут прийти ко Христу. Но побуждать невозрождённых людей к так называемой нравственной жизни лишь ради выгоды, благополучия общества и даже любви к детям и тому подобного для проповедника неуместно, кроме совершенно особых случаев. Прежде

всего он должен как посланник Христа призывать людей примириться с Богом и настаивать на безусловной необходимости возрождения Святым Духом. Затем, обращаясь к тем, кого считают возрождёнными, он должен со всей силой побуждать их к подлинной и высокой нравственности — не только по всем прочим основаниям, но и как к священному долгу перед Богом, их Спасителем. Единственный вопрос — насколько далеко следует входить в подробности. Как уже сказано, наш Господь и Его апостолы весьма свободно входили в подробности. Наша же проповедь часто страдает от того, что, внушая христианскую нравственность вообще, мы не приближаем её к сердцам и повседневной жизни братьев, не изображаем их практического опыта и не указываем их обязанности в конкретных вопросах так, чтобы они чувствовали побуждение и ободрение в действительном стремлении к святости.[77] Вместе с тем этих вопросов бесчисленное множество, они часто сложны и трудны, и мы вынуждены делать выбор.

[18] При проповеди о конкретных вопросах нравственности представляются важными некоторые ограничения. (1) Не следует посвящать отдельное систематическое рассуждение слишком мелким темам. «Представьте себе, например, проповеди об опрятности, о вежливости и тому подобном. Некоторые темы такого рода, несомненно, можно затрагивать, но делать это нужно попутно; они никогда не должны становиться предметом целой проповеди. Конкретные нравственные вопросы исключать не следует, но подобные подробности могут находить себе место в более общих вопросах или в исторических темах».[78] Одно из преимуществ изъяснительной проповеди — будь то изложение учения или истории — состоит в том, что она даёт повод для многих полезных

попутных замечаний о малых нравственных обязанностях, которым мы, возможно, никогда не нашли бы места в специально построенных тематических проповедях. (2) Второе ограничение: наставление в нравственности не должно поглощать бóльшую часть нашего времени, потому что главное наше дело — умолять людей примириться с Богом, а «учения благодати» служат главным средством побуждать верующих «стараться быть прилежными к добрым делам».[79] (3) Третье ограничение: нельзя так входить в частные вопросы нравственности, чтобы проповедь Евангелия становилась лишь орудием светских интересов, а в проповеднике видели прежде всего партийного сторонника.

[19] Политическая проповедь давно служит предметом ожесточённых споров в Америке и ставит чрезвычайно важные вопросы. В Европе почти повсеместная связь Церкви и государства привнесла в этот предмет осложнения, от которых мы сравнительно свободны. Здесь государство не вмешивается в религию, поддерживая одних или преследуя других, и в этом отношении у нас нет повода обсуждать государственные дела. Однако политические меры часто затрагивают великие вопросы добра и зла, а иногда почти совпадают с ними.[80] Представление, будто политические решения следует постоянно принимать лишь по соображениям целесообразности, бесчестит религию, которую многие из нас исповедуют, и в конце концов погубило бы любой народ. Подлинно благочестивые люди должны вносить свою веру в политику и ставить религиозный принцип выше всего во всех политических вопросах, имеющих нравственную сторону: это несомненный и священный долг. Разумеется, проповедник вправе призывать их к этому — и особенно настойчиво во времена сильного

политического возбуждения, когда добрые люди часто поддаются общему увлечению. Выше мы заметили, что в других областях полезно не только настаивать на нравственности вообще, но и несколько входить в подробности, поясняя общую истину и предлагая практические ориентиры. Тогда могут спросить: почему бы не поступать так же в политических вопросах, где доброму человеку часто столь же трудно определить свой долг, сколь важно его исполнить? Почему проповеднику не входить здесь в некоторые подробности? Главное затруднение в том, что сделать это, не приняв чьей-либо стороны, почти невозможно. В стране с такими сильными партийными страстями, как наша, где к тому же основная масса народа ещё чужда благочестия, достаточно в публичной речи принять какую-либо сторону, чтобы стремительный поток сразу увлёк проповедника. Он перестаёт сохранять беспристрастное отношение ко всем людям, которых пасёт, и в деле, которое для многих важнее религии, становится другом одних и врагом других. Неверующие и многие из братьев забывают о религиозных целях его проповеди, поглощённые единственным вопросом: насколько он поможет или повредит их партии? Так не один добрый человек, честно стремившийся подчинить политику религиозному принципу, незаметно для себя оказывался в положении признанного партийного деятеля. Увидев такой результат, одни проповедники тотчас отступают, умудрённые опытом; другие же, гордясь своей последовательностью, решив одолеть сопротивление или не умея точно понять свою ошибку и способ её исправления, упорствуют — с печальными последствиями. В сознании людей разрушается прежняя связь между ними и чувствами, чуждыми мирской суете,

и вечными интересами. Их способность обращать взор людей от видимого к невидимому серьёзно ослабевает. Они становятся гораздо менее способны достигать той великой цели, которую должен хранить в сердце добрый служитель, — спасения душ. Кроме того, земные благодеяния христианства тем значительнее, чем больше подлинной духовности. Проповедники приносят людям тем больше пользы для этого мира, чем сильнее побуждают заботиться о мире грядущем. Поэтому, утратив высшую силу, человек в действительности утрачивает и самое действенное средство достижения тех низших целей, к которым стремился. Пытаясь направить часть движущей силы своего механизма на одну второстепенную работу, он допустил взрыв котла и теперь не может сделать ни большего, ни меньшего.[81]

[20] Многие настаивают, что служитель не должен иметь никакого отношения к политике — даже голосовать, формировать политические мнения или высказывать их в частном разговоре. Некоторые исходят здесь из ложных представлений о положении «духовного лица»; но христианский служитель — священник не в большей степени, чем христианский мирянин, и ничто не является само по себе неправильным для одного, если оно не является таковым для другого. Другие рассуждают так: «Служителя вполне можно освободить от проповедей о политике и даже от выработки мнений о ней. Он имеет на это общее со всеми гражданами право, но его собственного дела достаточно для всего его времени и всех сил. Великие темы религиозной истины способны занять больше времени, чем он вообще может найти».[82] Однако образованные и утончённые люди и без того слишком склонны оставлять голосование массам и демагогам. Осведомлённый человек в нашей стране не

может избежать формирования политических взглядов; а добровольно отказываясь знать текущие события, деятельный пастор больше теряет, чем приобретает. Служитель должен иметь свои мнения и должен голосовать; он может высказывать взгляды в частной беседе, с большей или меньшей сдержанностью по обстоятельствам. С кафедры ему следует призывать и заклинать слушателей-христиан руководствоваться в политических действиях христианскими принципами. Входить в подробности и указывать, как следует голосовать по конкретному вопросу, допустимо, но в целом крайне нецелесообразно: немногое достигнутое добро почти наверняка будет перевешено вредом, который неизбежно возникнет разными путями. Если проповедник вообще когда-либо прибегает к такому способу, то лишь в совершенно особых и чрезвычайных обстоятельствах; и даже тогда его рассуждение должно быть кратким, тщательно обдуманным и умеренным, а сам он должен с радостью оставлять его ради других тем. Если когда-нибудь подавляющее большинство влиятельных политиков станут подлинно благочестивыми людьми, советы проповедника по текущим политическим вопросам, возможно, перестанут быть нецелесообразными; но тогда они едва ли будут нужны.

[21] Существуют и другие очень важные и трудные вопросы конкретной нравственности, например трезвость и развлечения; однако о них достаточно нескольких замечаний. Проповеднику следует всячески избегать крайностей. От некоторых вещей, сами по себе не греховных, всё же лучше воздерживаться, потому что они так легко и часто ведут ко греху. Но здесь сразу видно, что возможны разные мнения. Не всего следует избегать лишь потому, что этим часто грубо злоупотребляют; и как

бы ясно нам ни казалось, что от определённой вещи необходимо отказаться, другой человек, возможно, рассудит иначе. Даже резко осуждая, мы не должны судить без разбора. Если же из естественного желания занять твёрдую позицию мы объявляем употребление опьяняющих напитков, танцы и развлекательные игры греховными сами по себе и неправильными при любых обстоятельствах, мы занимаем крайнюю и ложную позицию, которая в конце концов неизбежно ослабит наше дело. Если разумные и взвешенные доводы, побуждающие учитывать собственный пример и влияние и признавать возможную опасность для себя и семьи, не удержат людей в этих вопросах, то преувеличения и неистовство, даже сдержав немногих, в целом лишь оттолкнут и вызовут раздражение, усиливая дурные привычки, о которых идёт речь, и отгоняя многих от Евангелия. Мир полон великих и страшных зол, которые вполне могут вызывать и скорбь, и негодование и настоятельно требуют исправления; но одно зло нельзя исцелить другим. Кроме того, нужно не только осуждать неправильное, но и призывать к правильному. Проповеди на эти темы слишком часто состоят из одних яростных нападок. Гораздо большего можно достичь, если также поощрять людей с добрыми намерениями к верному пути и с любовью указывать им на первые ростки зла, которых следует остерегаться. Такой подход, возможно, даёт меньше поводов для страстного и шумного «красноречия», но едва ли оттого становится менее полезным. Суровое обличение иногда необходимо, а ободрение к добру уместно всегда и часто действует сильнее. «Обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием».[83] Наконец, обычно лучше рассматривать эти вопросы по ходу обычной

проповеди, чем посвящать им особые речи. Последние могут привлечь толпу, если только в этом цель; но специально объявленное обсуждение вызывает критику и сопротивление, а люди, которых оно касается больше всего, особенно трудно поддаются убеждению, даже когда доводы действительно убедительны. Доводы и призывы, возникающие время от времени из темы или обстоятельств, не вызовут неблагоприятного впечатления, а постоянная настойчивость постепенно вернёт и привлечёт всех, на кого вообще возможно повлиять. Только пусть проповедник не превращает какой-либо один порок или общественный обычай в свою навязчивую тему: иначе всё, что он говорит, будет вызывать лишь улыбку.

[22] § 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

[23] Нет необходимости доказывать, что история увлекает всех читателей и полна разнообразных наставлений для тех, кто читает вдумчиво. А самая поучительная история — библейская. Один из ведущих авторов[84] по философии истории заявил, что такую философию невозможно построить без признания замысла Провидения, пронизывающего все события и связывающего их в единство. В Библии суждение о намерениях Провидения не предоставлено нашей проницательности: они часто ясно открыты, так что мы видим смысл тёмных событий и действительное содействие вещей, которые кажутся противоборствующими. Поэтому библейские истории действуют подобно задачам с решениями в учебнике алгебры: они учат нас подходить к другим задачам, которые ставит всемирная история. Часто цитируемое изречение древнего автора «история — это философия, наставляющая примерами» нигде не справедливо в такой мере, как применительно к богодухновенным повествованиям, в которых Сам Бог наставляет примерами.

[24] Кроме того, ничто не интересует всех нас так сильно, как человек. Ни неодушевлённый предмет, ни общее положение не произведут значительного впечатления на людей в целом, если их не олицетворить, не воплотить в личности или не связать с чьей-либо судьбой. Поэт, восхищаясь природой, невольно чувствует, будто общается с личностью. Даже столь отвлечённая вещь, как философская система, обычно запоминается в связи с определённым учителем. Благотворительное дело редко глубоко захватывает народное сознание, если оно не связано с каким-либо почитаемым человеком, который

его воплощает и представляет. Известный лектор[85] по истории однажды заметил в разговоре, что ему трудно заинтересовать широкую аудиторию, когда он излагает лишь исторические события, периоды или уроки: их необходимо связывать с определённым человеком. Библия же не только в значительной мере состоит из истории; бóльшая часть её истории в действительности является биографией, рассказом об отдельных жизнях, представляющим самые разнообразные и поучительные примеры характеров — добрых и дурных, мужчин и женщин, людей всякого общественного положения. И эта великая историческая картина располагает все свои фигуры вокруг одной Личности: одни с томлением ожидают Её, другие с любовью взирают на Неё из последующих времён, и даже Её враги поневоле оказываются с Нею связаны.

[25] Если всё это так, то исторические темы, по-видимому, должны использоваться в проповеди гораздо чаще, чем на деле. Можно назвать несколько причин сравнительного пренебрежения ими. Большинство благочестивых служителей неразумно упускают из виду человеческую сторону библейской истории. Даже если они не захвачены страстью повсюду искать «прообразы Христа», почти не интересуясь лицами и событиями, которые никак нельзя так истолковать, они всё же не изучают эти повествования как историю. Они не прослеживают ход событий в истории Израиля так, как в истории любого другого народа, учитывая отдельные чудесные вмешательства и отыскивая среди переплетённых нитей его дел золотую нить замысла Провидения. Они не исследуют характеры и побуждения богодухновенных людей как людей, «подобных нам», которые, как и мы, боролись со своими немощами и осаждавшими их

жизненными искушениями. Они избегают созерцать подлинную, хотя и безгрешную, человеческую природу славной центральной Личности: именно она делает Его столь реальным и неизреченно драгоценным примером для нас, в то время как Он является нашим Божественным Искупителем. Другая причина состоит в том, что немногие служители приобретают то подробное и свободное знание библейской географии, нравов и обычаев иудеев и соседних народов, а также светской истории, связанной с библейскими событиями, которое позволило бы им живо представить сцены и воспроизвести их яркими красками, воспламеняя воображение слушателей. Не развивают они и способность к описанию, как следовало бы всем проповедникам.[86] С другой стороны, некоторые превращают историческую тему лишь в повод показать своё описательное мастерство или археологическую учёность, не преподавая никаких полезных уроков; так в сознании многих слушателей исторические проповеди связываются с простым «словесным живописанием». Далее, проповедники, которые знают или предполагают, что у них мало способностей к описанию, нередко забывают: одна из главных выгод исторической проповеди заключается в исследовании характера и мотивов. Всем нам так трудно понять ближних или самих себя, что великое благословение — иметь библейские примеры, в которых завеса поднята и подлинные побуждения и настоящий характер людей открыты нашему исследованию; а во многих других случаях — иметь содержательные и надёжные указания, побуждающие и ободряющие к дальнейшему поиску. Можно назвать ныне живущих весьма способных людей, которые редко брались за исторические темы, сознавая

недостаток описательного дарования. Но стоило им просто подсказать, что они могут применить свои аналитические способности к характеру библейского лица или к побуждениям участников какой-либо библейской сцены, как они вскоре сильно заинтересовались историческими проповедями и обнаружили, что способны попутно вносить в них превосходные описательные штрихи.

[26] История христианства за пределами Библии, от древнейших времён до наших дней, даёт много поучительного и интересного материала для проповеди; однако брать из этого источника саму тему проповеди было бы неразумно. Проповедь о жизни и характере Августина, Кальвина, Уэсли, Фуллера, Холла или Джадсона могла бы действительно оказаться полезной, но такой подход вёл бы к одному из злоупотреблений римского католицизма: подмене библейской проповеди панегириками святым. И всё же иногда вечерние лекции в будние дни можно посвящать изображению великих и поучительных христианских характеров, особенно выдающихся миссионеров.

[27] § 4. ТЕМЫ ДУХОВНОГО ОПЫТА

[28] Исторические темы, очевидно, включают вероучительные и нравственные элементы; тем не менее они обладают собственным характером. Подобным образом темы духовного опыта причастны и вероучению, и нравственности, и истории, но настолько своеобразны и важны, что заслуживают отдельного класса и рассмотрения. Нужно изображать действительный опыт людей, принимающих Евангелие и живущих по нему; всегда руководствуясь библейским учением, заповедями и примерами, но всё же изображая этот опыт таким, каким мы его находим. Подобный материал будет в значительной мере входить во многие проповеди на вероучительные, нравственные или исторические темы; однако главные стороны религиозного опыта заслуживают того, чтобы довольно часто становиться предметом особого, тщательного рассмотрения. Материал для этого следует черпать из Библии, из относящихся к предмету сочинений и биографий, из собственного опыта проповедника и, с особой пользой, из частых бесед с христианами, обладающими богатым опытом, — принимая во внимание особенности их темперамента, богословских взглядов и уровень образования. Проповедник, подобно врачу, должен в дополнение к книжным знаниям «изучать случаи», возникающие в его практическом труде.

[29] Несомненно, было бы очень полезно иногда изображать жизнь нерелигиозного человека такой, как она протекает сейчас, в будни и воскресенья, на работе, в обществе и дома; изображать без преувеличений ради эффектной картины, не игнорируя его лучших порывов, добрых намерений, сердечных привязанностей и прочего, —

показывать его, насколько возможно, именно таким, каков он есть. Обдумав предмет и задав некоторым разумным братьям немало вдумчивых вопросов об их личных воспоминаниях, проповедник мог бы скромно и с добрым успехом рассмотреть такую тему. Нередко изображают обличение во грехе, различные пути, которыми оно совершается, и причины, часто ослабляющие его и сводящие на нет. То же относится к обращению. Рассказы об обращении людей, различающихся темпераментом, религиозным воспитанием и прочим, если тщательно исследовать их, отделяя общее от особенного, всегда интересны и могут стать чрезвычайно полезными. Первые баптистские проповедники, странствовавшие от Новой Англии до Джорджии и проповедовавшие о греховной испорченности, искуплении и возрождении невежественному и противящемуся народу, часто производили сильное впечатление и давали важнейшие наставления, рассказывая о собственном опыте. А разнообразные переживания христианской жизни — сколько тем для проповеди они предлагают! Борьба христианина; отступление и возрастание; уныние и уверенность; болезнь и утрата близких — всё это часто рассматривается с каждой евангельской кафедры.[87]

[30] Говорить о собственном опыте вообще следует лишь с особой молитвой о смирении и чуткости, чтобы не повредить своему характеру и не оттолкнуть взыскательных слушателей. Многие слишком легко уклоняются от этого долга; но немало и тех, кто впадает в другую крайность и говорит о своих переживаниях слишком много и неразумно, а это из двух зол худшее. Будем же и здесь, как во множестве других вопросов, требующих благоразумия и хорошего вкуса, усердно

стремиться найти верную середину. Апостол Павел часто, иногда весьма подробно, говорил о своём обращении, об испытаниях, борьбе и утешениях последующей жизни, а также о нынешних намерениях и надеждах; Псалмы же почти целиком состоят из записанного духовного опыта. Рассказывая о собственных переживаниях, следует остерегаться слишком часто повторять одно и то же; да и вообще говорить о себе слишком часто не стоит. Никогда нельзя делать это из простого самолюбования: нужно тщательно выбирать то, что действительно соответствует теме и помогает слушателям. Однако одного особенно следует остерегаться во всех попытках изобразить религиозный опыт, а в особенности при обращении к своему собственному: мы очень склонны воображать — или по крайней мере говорить так, будто воображаем, — что всякий опыт должен быть подобен нашему. Так, Златоуст, всегда нравственный и с детства склонный к благочестию, учил, что мы получаем столько благодати, сколько готовы принять; Августин же, прежде глубоко порочный и переживший могущественное обращение, проповедовал верховную и непреодолимую благодать. Проповедник или другой христианин, чьё обращение переживалось как внезапное, почти всегда будет говорить об обращении как о внезапном; тот, в ком это действие совершалось постепенно и медленно, даст соответствующее описание. То же верно для исполненных надежды и унывающих, вполне уверенных и часто сомневающихся и тому подобных людей. Мы склонны забывать, что христианский опыт, как и человеческое лицо, ни у двух людей не бывает совершенно одинаковым и часто обнаруживает множество разительных различий, хотя главные отличительные черты всегда одни и те же.

Часть I. Глава IV. Проповеди по особым случаям и для разных групп слушателей

[1] § 1. Надгробные проповеди. 2. Проповеди в учебных заведениях и по случаю годовщин. 3. Проповеди на собраниях пробуждения. 4. Проповеди детям. 5. Проповеди другим особым группам слушателей.

[2] Здесь уместно предложить несколько советов относительно проповедей по особым случаям или обращённых к отдельным группам слушателей. Нередко случается, что на выбор и разработку темы проповедником решающее влияние должны оказать требования особого случая либо своеобразие аудитории — или той её части, к которой он собирается обратиться. Поэтому желательно в этой связи кратко обсудить некоторые вопросы стиля и ведения таких проповедей, хотя общие вопросы материала, построения и стиля будут подробно рассмотрены в соответствующих разделах.

[3] § 1. Надгробные проповеди

[4] В некоторых местах, особенно, хотя и не исключительно, в городах, современное требование краткости богослужений, а возможно, и другие причины привели к некоторому ослаблению обычая произносить особые надгробные проповеди. Люди часто предпочитают простое богослужение, иногда с кратким памятным словом, а в особо значительных случаях — с несколькими выступлениями. И всё же во многих местах сохраняется сильное, поддержанное давним обычаем расположение к особым надгробным проповедям; проповедник должен уметь удовлетворить эту потребность. Кроме того, многое из того, что нужно сказать о надгробных проповедях, относится в равной мере и к короткому слову об умершем, и к более разработанной, торжественной речи.

[5] Люди, ясно видящие и горячо осуждающие недостатки, которыми обезображены многие надгробные речи, сами пережив утрату, очень часто обнаруживают, что сердце требует именно такого служения, и нередко предпочитают именно того проповедника, чьи действия прежде казались им наиболее предосудительными. В скорби, смягчающей сердце, мы особенно нуждаемся в Божией милости и благодати; поэтому проповедник должен с готовностью воспользоваться случаем, чтобы предложить Евангелие утешения и запечатлеть в слушателях необходимость личного благочестия, дабы мы были готовы и жить, и умирать. При этом не только некоторые постоянные слушатели окажутся лучше подготовленными к принятию слова: здесь будут и люди, редко посещающие богослужение. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы надгробные проповеди ясно указывали путь жизни и с нежностью приглашали ко Спасителю. Кроме

того, в первые дни горя мы инстинктивно желаем произнести или хотя бы услышать похвальное слово об усопшем; у всех народов существовал какой-либо способ удовлетворить это желание — речью, песней или прерывистым плачем. То, что у нас исполнения этой обязанности ожидают от христианских служителей, хотя порой и ставит их в трудное положение, всё же свидетельствует об их влиянии и даёт средство употребить его во благо. Однако проповедник должен помнить, что он не просто восхваляет умерших: эту задачу он лишь присоединяет к своему делу проповеди Евангелия. Поэтому слова об усопшем должны составлять лишь часть, обычно небольшую, всего сказанного и быть безукоризненно правдивыми, хотя и не обязательно исчерпывать всю правду: это часто было бы излишним, а иногда болезненным. Ни побуждения собственной скорби, ни забота о чувствах других не должны вести его к столь естественным преувеличенным похвалам. Если усопший был христианином, говорить следует главным образом об этом, выделяя в его характере или жизненном пути то, что проповедник знает сам и что другие признают достойным подражания. Если усопший христианином не был, иногда допустимо сказать несколько утешительных слов о том, что особенно делало его дорогим для друзей. Но это, если вообще делается, должно совершаться без преувеличений; и священная обязанность проповедника — не произнести ни слова, которое давало бы понять, будто эти добрые качества характера служат каким-либо основанием надежды на вечность. Некоторые проповедники в таких случаях опровергают всю свою обычную проповедь, оставляя возможность предположить, что весьма достойный человек, пожалуй, может увидеть Царство Божие, не родившись свыше. «Он

не исповедовал веры, но отличался тем-то и тем-то, и мы предаём его милости Божией». Или: «Он никогда не объявлял себя христианином, но был совершенно готов умереть», — словно это что-либо доказывает. Нет: если умерший не обнаруживал признаков возрождения и веры во Христа, не будем говорить о его вечной участи ничего, совершенно ничего. Подобные намёки укрепляют невежественных или легкомысленных людей в ложных надеждах, а для здравомыслящих скорбящих оказываются лишь насмешкой над их горем. Следует стараться не придавать чрезмерного значения обращениям на смертном одре: их ненадёжность общеизвестна, а надежда на них как на последнее средство так часто побуждает живых откладывать обращение. Вообще проповеднику следует сдержанно говорить об усопшем; когда же речь идёт о нечестивых людях, нередко самым тактичным и по-настоящему добрым оказывается молчание. Молодые проповедники иногда позволяют себе в первых проповедях такого рода обильные похвалы, мало для того обоснованные, а затем словно вынуждены поступать так же в случаях, когда это становится для них тяжёлым испытанием и когда они знают, что могут серьёзно повредить делу истины. Если с самого начала поступать правильно, можно избежать многих затруднений.

[6] Богослужение в таких случаях, а особенно проповедь, нередко чрезмерно затягивают. «Распространённый недостаток надгробных речей — слишком много времени, отданного общим рассуждениям или истинам, не имеющим особого отношения к данным обстоятельствам. Гораздо лучше ограничить такие речи более узкими пределами и тем кругом мыслей, уместность которого признают все».[88] Склонность к показной пышности на

похоронах, представляющая в некоторых общинах большое зло, следует сдерживать всеми благоразумными способами.

[7] § 2. Проповеди в учебных заведениях и по случаю годовщин

[8] Проповеди в учебных заведениях или по случаям, связанным с литературной жизнью, часто строят совершенно ошибочным образом. Проповедник воображает, что должен отказаться от обычной евангельской проповеди и обратиться к предметам весьма учёным или метафизическим. Между тем в таких случаях действительно желательно проповедовать на темы преимущественно евангельские, касающиеся самого сердца Евангелия. Наука и учёность — повседневное дело этих профессоров и студентов; от вас сегодня они гораздо охотнее услышат нечто иное. Даже те, кто вовсе не заботится о религии, как люди со вкусом почувствуют: проповеднику уместно и подобает проповедовать Евангелие. А истинно благочестивые, болеющие душой за своих необращённых товарищей, будут жаждать, чтобы проповедник донёс до них спасительную истину самым практическим образом и со всей сердечной горячностью. Конечно, проповедь должна быть содержательной, сильной и свежей; обстоятельства случая иногда подскажут некоторые особенности отсылок, иллюстраций и стиля. Но это должна быть проповедь, исполненная Христа и молитвенного рвения к спасению душ. Ах, когда проповедник смотрит на сотни этих умных юных лиц и сердце его обращается к ним с сочувствием и любовью; когда он думает, какой силой они станут в мире — во благо или во зло — и как все они сейчас стоят перед Богом, чтобы услышать Его весть, он, несомненно, должен испытать необычное волнение, торжественное чувство дарованной возможности и ответственности. И если

никогда прежде, то теперь к нему должны быть истинно применимы слова Бакстера:

[9] «Я проповедовал, не зная, буду ль проповедовать опять,
И как умирающий — тем, кому тоже умирать».

[10] Проповедников часто приглашают выступать по случаю различных годовщин. Вообще такие проповеди никогда не бывают столь желанны для благочестивого сердца и столь полезны для целей этих собраний, как тогда, когда они наполнены самой сущностью Евангелия. Например, «ежегодная проповедь» перед ассоциацией, съездом или иным религиозным объединением не должна быть высокопарной, философствующей, честолюбивой; ей надлежит стремиться пробудить глубокое религиозное чувство горячим, прямым и трогательным изложением евангельских истин и побуждений. Мудр тот, кто молитвенно остерегается желания блеснуть в таких случаях и искренне старается вместе с собой приблизить братьев к своему Господину. Даже если ему поручено определённое учение или особая тема — историческая, памятная либо иная, — проповедник должен стремиться представить её так, чтобы пробудить и укрепить благочестивые чувства.

[11] Те же принципы относятся и к другим проповедям по случаю годовщин. Иногда религиозное или благотворительное общество отмечает годовщину своего существования особой проповедью. Попутно заметим: помимо самой проповеди, служитель должен внимательно отнестись к остальным частям служения и позаботиться, чтобы они были не только уместными и впечатляющими, но и торжественными, духовно полезными. Подобные случаи нередко дают проповеднику возможность обратиться к людям, которые редко ходят в церковь

вообще или именно в его церковь и которых он, возможно, никогда больше не встретит. Хорошо будет и ему, и им, если, умело и с глубокой серьёзностью раскрывая свою тему и пользуясь случаем, он сумеет приобрести души слушателей и послужить их назиданию. В такие минуты проповедник не может позволить себе быть лишь главным участником торжественного шествия; он должен стать благочестивой и вдохновляющей душой события.

[12] § 3. Проповеди на собраниях пробуждения

[13] Выражение «проповеди пробуждения» не вполне удачно и точно, однако легко понять, что под ним подразумеваются проповеди, особенно подходящие для собраний пробуждения, где главная цель — пробудить тех, кто ещё не стал христианином, и привести людей к обращению. Очевидно, по общему построению и способу изложения речи для таких случаев не должны существенно отличаться от других проповедей. И всё же в выборе тем для последовательного рассмотрения и во многих частностях их разработки есть особо важные моменты, придающие этим речам своеобразие и оправдывающие отдельное обсуждение. Иногда пастору приходится самому проводить собрания пробуждения в своей общине, и это для него чрезвычайно желательно. В другое время его могут пригласить помочь брату-пастору в проведении ряда собраний, где он будет проповедовать ежедневно один раз, а весьма часто — дважды. Поэтому выбор, порядок и разработка тем становятся делом значительным, а иногда и трудным. Случаи проведения таких собраний столь разнообразны, а их требования столь различны, что невозможно составить правила на все случаи. Тем не менее несколько практических советов об общем характере и построении проповедей пробуждения могут оказаться полезными, особенно неопытному проповеднику.

[14] (1) Они должны быть короткими. Люди утомляются, часто приходя на следующие одно за другим собрания; кроме проповеди, следует чередовать и другие части — призывы, песнопения, молитвы. Поэтому ошибочно делать проповедь даже такой длины, какой она бывает обычно. В этом отношении ошибались многие

проповедники пробуждения, в остальном весьма успешные.

15 (2) По характеру и содержанию они должны быть весьма разнообразны. Однообразие мешает достижению лучших результатов. На эти особые служения обычно собираются самые разные люди с самыми разными чувствами, и никогда проповедник не бывает столь священно обязан стать всем для всех, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Такое разнообразное приспособление необходимо и в выборе тем, и в их разработке. Иногда проповедь должна назидать, утешать и ободрять святых и верных тружеников; в другое время — обличать нерадивых и холодных членов церкви, чья мирская настроенность и непоследовательность препятствуют успеху Евангелия. То ей надлежит недвусмысленно возвещать, как страшен Господень суд над грехом; то — мягко привлекать и побуждать колеблющихся, представляя безмерную любовь и милость Божию. С одними проповедник должен рассуждать и доказывать, другим — властно излагать истину; иных — трогать нежным рассказом и проникновенным призывом; некоторых — обличать, прямо поражая совесть, других — терпеливым убеждением ободрять, чтобы они уже теперь решились положиться на Господни обетования. Однако при всём этом разнообразии в проповедях пробуждения важно и другое.

16 (3) Как правило, они должны следовать определённой последовательности. Каков будет этот порядок, зависит от столь разнообразных обстоятельств, что невозможно установить общее правило на все случаи: исключения, вероятно, оказались бы важнее правила. Не следует даже придерживаться одного и того же порядка тем в разных

местах или в одном месте в разное время. И всё же отчасти ради собственного ума проповедника, который работает действеннее, когда мыслит логично, а отчасти ради последовательного воздействия на умы других в проповедях пробуждения обычно желательна определённая упорядоченность. Часто оказывается полезной такая общая последовательность. Сначала обратитесь к церкви, стараясь пробудить более деятельную духовную жизнь, вернуть увлёкшихся миром и оживить благочестивых, возбуждая во всех дух молитвы и горячую заботу о спасении других. Затем на нескольких собраниях представьте грозные предупреждения закона, исследуя совесть, пробуждая тревогу о грехе, страх суда и вытекающую отсюда настоятельную потребность в Спасителе. Затем раскройте милость и любовь Божию, явленные в Евангелии Его Сына, несомненность и полноту Божественного прощения греха при покаянии и вере. Наконец, призовите к немедленному решению, принятию условий Евангелия и открытому исповеданию Христа. Какой бы порядок ни соблюдался, ни одну из этих тем нельзя без ущерба исключить из ряда проповедей пробуждения. Несколько из них могут соединяться в одной речи; они могут часто повторяться в различных связях; и очень нередко горячее изложение одной попутно и сильно подкрепляет другую. Серьёзные ошибки часто возникают из-за слишком исключительного внимания к той или иной части евангельской вести. Особенно это верно в отношении последней — обязанности немедленно исповедать Христа. Некоторые сразу начинают с неё и настаивают на ней на протяжении всех собраний, пренебрегая темами, которые естественно и логически ей предшествуют. Есть основания опасаться, что таким образом многих поверхностных людей

побуждают открыто исповедать веру, хотя они не испытали истинного обличения во грехе, не осознали по-настоящему своей полной нужды в Спасителе и, следовательно, не пережили здравого библейского обращения. Это приводит нас к ещё одному требованию к проповедям пробуждения.

[17] (4) Они должны прежде всего являть собой образец здравой, основательной и полной евангельской проповеди. Многое из того, что называют проповедью пробуждения, прискорбно лишено этого свойства. Пустая шумиха и погоня за сенсацией, тирады дешёвого остроумия и грубой брани, крайние и односторонние утверждения, полуправда и правдоподобные заблуждения — всё это, словно смертельный яд, заражает значительную долю того, что именуют евангелизационной проповедью. Горячее и любящее, но вместе с тем верное и сильное изложение чистой библейской истины о великих предметах — грехе, суде, искуплении, спасении, возрождении, благодати, покаянии и вере — вот особая и настоятельная потребность проповеди пробуждения в наш век.[89]

[18] § 4. Проповеди детям

[19] Труд ради детей и молодёжи — одно из характерных движений нашей эпохи; поэтому нам полезно уделить особое внимание проповеди детям. Советы по этому вопросу будут относиться также к менее официальным обращениям к детям в воскресной школе, на годовщинах, праздниках и тому подобных случаях. Между проповедями детям и речами, обращёнными к ним, нередко существует слишком большая разница в стиле и тоне. Если бы проповеди стали немного непринуждённее, а речи — значительно серьёзнее, чем бывает обычно, советы для одного вида обращения можно было бы без малейшей неуместности применять к другому.[90]

[20] Каждый замечает, как мало людей умеют по-настоящему хорошо говорить с детьми. Но многие проповедники обладают в этом отношении большей способностью, чем когда-либо проявляли, потому что никогда не уделяли этому предмету достаточно размышления, наблюдения или внимательного упражнения. Можно найти примеры людей, которые годами считали себя неспособными говорить с детьми и чьи попытки неизменно были сравнительно неудачны, но впоследствии стали весьма любимыми и полезными тружениками в этой важной области проповеди. Есть, однако, и другие, достигшие большого успеха в проповедях детям. Среди проповедников Нового времени первым следует упомянуть знаменитого французского католического проповедника Массильона, который обратился к девятилетнему Людовику XV с рядом проповедей, получивших название Le Petit Carême — «Малый Великий пост». Доктор Томас Арнолд, знаменитый преподаватель школы Рагби в Англии,

успешно проповедовал своим мальчикам. В более позднее время многие английские проповедники уделяли этому делу особое и плодотворное внимание. Здесь, в Америке, немало наших пасторов и евангелистов также хорошо послужили в этой области. Особого упоминания достоин доктор Ричард Ньютон, священнослужитель Епископальной церкви из Филадельфии: его сборники проповедей детям, вероятно, лучшие в своём роде, и их следует прочесть всем, кто хочет успешно проповедовать детям.[91]

[21] Часто замечали, что у маленького ребёнка преобладает воображение; у ребёнка десяти-двенадцати лет — память; и лишь когда дети почти вырастают, начинают деятельно проявляться способности к отвлечению и рассуждению. Обычно мы обращаемся к первым двум группам, тогда как всё, предназначенное для более взрослых, обращено также и к детям. Отсюда сразу видно, что необходимо избегать отвлечённых выражений и формальных цепочек рассуждения. Многим проповедникам это трудно, потому что они чрезмерно привыкли — даже с точки зрения потребностей обычного взрослого ума — рассуждать о евангельском учении отвлечённо и исключительно посредством доказательств. Научившись проповедовать детям, они могут стать лучшими проповедниками вообще. Нужное дело вовсе не сводится к отказу от длинных слов. Дети понимают многосложные слова не хуже односложных, если те обозначают конкретные и знакомые либо легко понятные представления. Кроме того, двенадцатилетним неприятно видеть чрезмерные старания говорить с ними короткими словами, словно у них нет разума. Итак, избегайте всяких отвлечённых выражений. Вместо доказательств давайте детям факты и истины, излагая их уверенно, с тем спокойным

авторитетом, которому дети естественно подчиняются. Излагайте, описывайте или иллюстрируйте эти факты и истины так, чтобы пробуждать воображение. Иллюстрации, как и у Великого Учителя, обычно должны иметь повествовательную форму; рассказы и описания должны быть картинными — не тщательно выписанными во всех мелочах картинами, которые утомляют детей, а широкими очертаниями, заметными чертами и живыми штрихами, подсказывающими подробности. Рассказывая то, что дети воспримут как интересные факты или важную истину, и делая это так, чтобы пленить воображение, мы можем достигнуть детских чувств и совести. Легко сделать это можно лишь через то, что обращается к воображению.[92]

[22] Вообще в проповеди детям есть три главные задачи: заинтересовать, научить, запечатлеть истину в душе. Если мы их не заинтересуем, наши слова будут напрасны. Взрослые могут с подобающим вниманием слушать то, что не вызывает у них глубокого интереса, но дети этого не делают, а возможно, и не могут. Чтобы заинтересовать их, необходима ясность и построения, и стиля: они должны понимать. Два любимых детских слова — «красиво» и «смешно»; для детей это два центра, от которых расходятся мысли, причём они распространяют эти определения на многое, что красиво или смешно лишь в некотором отношении. Поэтому, стараясь заинтересовать детей, полезно свободно пользоваться прекрасным и юмористическим, но не злоупотреблять ни тем ни другим. Во всякой проповеди детям должно быть наставление, передаваемое через иллюстрации, близкие детскому уму: либо об основополагающих истинах религии — грехе, искуплении, покаянии, вере, — либо о нравственных добродетелях, таких как мужество,

честность, чистота, бескорыстие, трудолюбие, благоговение. Запечатлевая в детях религиозную истину, следует обычно обращаться скорее к их привязанностям, чем к страхам. Нужно не пугать их, а привлекать. И всё же нельзя забывать должным образом говорить о гневе и суде.

23 Дети должны чувствовать, что чему-то учатся, и видеть, что мы стараемся принести им добро. Каким бы беспечным, переменчивым и вспыльчивым ни был ребёнок, его совесть деятельна. Каждый ребёнок быстро признаёт правомерность наших попыток побудить его любить Господа и служить Ему и чувствует, что чего-то недостаёт, если этого нет. Как бы ни были велики внешние привлекательные стороны воскресной школы, она скоро наскучит малышам, если они ничему не учатся, особенно не учатся Библии, и не дышат там атмосферой подлинного благочестия. Судорожные усилия поддержать интерес, которые иногда наблюдаются у руководителей воскресной школы и выступающих в ней, неизбежно будут становиться всё более напряжёнными и чрезмерными, если при этом пренебрегают религиозным наставлением и глубоким воздействием благочестия.

24 При общении со столь непоседливыми существами разнообразие, конечно, необходимо. Если один человек говорит с ними долго, он должен проявлять большое разнообразие содержания, чувства и манеры речи. Ничто трогательное или даже торжественное не может надолго занять их внимание, кроме исключительных обстоятельств; поэтому вполне уместно свободно пользоваться естественным чередованием трогательного и смешного. Детский ум легко переходит «от серьёзного к весёлому» и почти так же легко возвращается к

серьёзному. Мало кто может успешно выступать или проповедовать перед детьми, если не умеет использовать хотя бы отдельные штрихи юмора. Но если одни ораторы из-за неизменной серьёзности не удерживают интереса, то ещё большее число современных выступающих допускает столь чрезмерное преобладание юмора, что не приносит действительной пользы и постепенно теряет даже способность удерживать детское внимание. Лучше всего, чтобы юмор был тонким; он может быть широким и гротескным, но никогда — грубым или глупым. Он должен явно подчиняться серьёзной цели. Дети чувствуют, что в таком случае вам не подобает стремиться лишь к тому, чтобы их развлечь; и самый смешной рассказ, самое необычное изречение, самый остроумный намёк должны через сходство или противоположность усиливать впечатление от чего-либо полезного и серьёзного. Иначе им здесь не место, и их следовало опустить. А непрерывная череда вещей, которые только смешны, скоро совершенно пресытит детский вкус. Малыши, часто слушающие выступления, становятся проницательными критиками; некоторым ораторам было бы полезно почаще слышать их домашние разговоры.[93]

[25] Итак, говорите об интересных и поучительных фактах и истинах конкретными, знакомыми словами, без формальных доказательств, аналитических построений и отвлечённых идей. Обращайтесь к воображению, сердцу и совести ребёнка. Пусть преобладает серьёзность и искреннее желание принести детям добро. А если хотите узнать круг их представлений и их словарь, если хотите найти дверь к их сердцам, много разговаривайте с детьми и располагайте их к свободной беседе с вами.

[26] Следует добавить ещё одно замечание, чрезвычайно важное: к детям нужно обращаться не как к уже благочестивым, а как к тем, кому ещё предстоит такими стать. Они должны стать христианами по существу тем же путём, что и взрослые, — через покаяние и веру, посредством обновления Святым Духом. Большой вред возникает оттого, что столь многие говорящие с детьми, по-видимому, неясно понимают или недостаточно отчётливо помнят эту несомненную истину.

[27] Полезно сказать несколько слов и о том, в какие случаи и на каких служениях уместно проповедовать детям. Естественно, практика здесь довольно разнообразна. Уайтфилд имел обыкновение иногда обращаться к детям посреди своих проповедей всему собранию. Это прекрасный способ, и к нему следует часто прибегать в обычном служении; но едва ли он достаточен. Иногда детям должна принадлежать целая проповедь. Другие произносили краткое слово детям до или после обычной проповеди взрослым. Временами это может быть хорошо, но во многих случаях едва ли уместно или желательно. К концу проповеди дети уже устали, не говоря о взрослых, внимание которых тогда может рассеяться. А в начале возникли бы другие неудобства. Некоторые проповедники время от времени используют час воскресной школы для проповеди детям. В таких случаях обычно лучше короткие обращения — лучше и для детей, и для проповедника. Иногда пробовали проводить отдельное детское служение одновременно с установленным служением всей общины; но, поскольку для этого нужны разные проповедники и помещения, обычно это неудобно. В больших церквах, где есть несколько пасторов или помощников и подходящие залы, такой способ мог бы действовать очень хорошо. Ещё один способ — устраивать

регулярные или отдельные детские служения во второй половине дня в дополнение к обычным. Этот план хорошо работает и, возможно, в целом лучше всех уже названных. Но наилучшим представляется посвящать детям какое-либо утреннее служение — либо через определённые промежутки времени, например в пятые воскресенья месяца или раз в месяц, либо по особому назначению. Пусть всё служение будет их. Сделайте его короче обычного и дайте детям почувствовать, что это их особый день. Взрослые — главным образом родители или другие люди, заботящиеся о детях, — обычно охотно согласятся с таким порядком. Известно даже, что некоторые предпочитали детскую проповедь своей, потому что лучше её понимали!

[28] § 5. Проповеди другим особым группам слушателей

[29] По разным причинам проповедник может счесть желательным, а иногда и необходимым проповедовать, помимо детей, другим особым группам. Иногда это связано с годовщиной, установленным днём или торжеством, которое особенно касается данной группы; иногда — с официальной или частной просьбой обществ либо отдельных лиц, представляющих тех, к кому предстоит обратиться; иногда — с собственным решением проповедника в ходе его обычного труда, ради разнообразия или по какой-либо особой причине. Так, пастор порой может пожелать обратиться специально к пожилым, к пережившим утрату, к юношам или девушкам, к матерям или отцам, к торговцам, юристам, врачам, учителям, рабочим различных профессий и тому подобным группам. Легко увидеть, как часто будут возникать поводы для такой проповеди. Воспользоваться этими возможностями наилучшим образом — право и обязанность пастора.

[30] Нет необходимости отдельно рассматривать каждую из этих групп слушателей и обсуждать лучшие способы проповедовать им, как это было сделано в отношении детей. Но можно предложить несколько общих советов, в большей или меньшей степени применимых во всех случаях. (1) Будьте внимательны при выборе текста и темы. Старайтесь, чтобы они были свежими, выразительными и уместными, но избегайте погони за эффектом, особенно натянутости и надуманности в соотнесении темы с поводом. (2) Не делайте обращения и применения чрезмерно прямыми и личными. Сам случай во многом поможет приложить сказанное к определённой

группе присутствующих. Если слишком подчёркнуто выделять людей прямым обращением, есть опасность оттолкнуть именно тех, кого вы хотите достигнуть. И всё же деликатный личный призыв естественен и может быть весьма действенным. (3) Непременно раскрывайте тему и используйте случай так, чтобы заинтересовать всё собрание и принести ему пользу. Особая группа, к которой вы обращаетесь, может быть мала по сравнению с остальной аудиторией; но даже если бы она составляла большинство, всё равно следовало бы сказать нечто полезное и поддерживающее для всех. (4) Как всегда — проповедуйте Евангелие. Не позволяйте увлечь или заманить себя в одну лишь погоню за сенсацией. В руках мирски настроенных проповедников такие случаи легко превращаются в средство выставить себя напоказ перед обществом и в газетах. Бегите от этого, как от греха, ибо это и есть грех. Пусть великие библейские истины получают ясное и недвусмысленное выражение и горячее, молитвенное применение.

Часть I. Глава V. Общий материал для проповеди

[1] § 1. НАХОЖДЕНИЕ МЫСЛЕЙ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА. 2. НАКОПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА. 3. САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ. 4. ПЛАГИАТ И ЗАИМСТВОВАНИЕ. 5. СВЕЖЕСТЬ ПРОПОВЕДИ: ЧТО ЕЙ ПОМОГАЕТ. 6. СЕНСАЦИОННАЯ ПРОПОВЕДЬ: ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ.

[2] В древних сочинениях по риторике много внимания уделялось нахождению материала для речи. Аристотель и Квинтилиан отвели этой стороне предмета значительное место в своих знаменитых трудах, а Цицерон посвятил ей особое сочинение. В некоторых современных риториках она получает скудное внимание, тогда как стилю уделяется больше места. Но в последнее время наши авторы вновь начинают внимательнее рассматривать нахождение мыслей. И это хорошо, ибо предмет, очевидно, чрезвычайно важен. Если всякому оратору важно иметь что сказать, то проповеднику это важно в высшей степени. Бессодержательным пустякам, как бы хорошо они ни были высказаны, не место в проповеди. В этой и нескольких следующих главах предполагается рассмотреть материал проповедей, или, другими словами, то, как находить, о чём говорить в проповеди.

[3] § 1. НАХОЖДЕНИЕ МЫСЛЕЙ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

[4] По мере обсуждения материала мы попутно скажем немало о способности находить мысли и о её применении; но здесь уместно несколько слов о самой этой способности и лучших средствах её развития.

[5] Прежде всего очевидно, что одни умы более творческие, чем другие; да и один и тот же ум проявляет эту способность по-разному в зависимости от степени развития и даже от настроения. Если человек совсем не способен находить мысли, он ошибся в выборе дела, намереваясь стать проповедником. Но если у него есть хоть какая-то природная способность в этом направлении, её можно развивать без определённого предела. Ясно, что каждый проповедник обязан упражнять эту способность, добиваясь наилучшего, на что она способна. После характера и благочестия это важнейшая часть его подготовки.

[6] Для развития способности самостоятельно находить мысли совершенно необходимы три процесса: приобретение знаний, размышление, упражнение. Простой пример мельницы поможет увидеть это яснее. Для получения муки нужны зерно, движущая сила и действительное приведение механизма в движение, чтобы одно воздействовало на другое. Так и для развития творческих сил ума необходимы знания, мысль и постоянное применение. Это основа. Существуют также особые способы и средства, побуждающие к нахождению мыслей. Некоторые из них Киддер[94] приводит как «практические советы по нахождению мыслей, изложенные в форме правил:

[7] «(1) Направляйте ум на нахождение мыслей, а не слов. Слова можно использовать, но лишь как вспомогательные средства.

[8] (2) Записывайте или иным способом закрепляйте все относящиеся к делу мысли, которые ум способен призвать себе на помощь, совершенно или почти совершенно не заботясь о порядке.

[9] (3) Вначале не будьте слишком придирчивы к уместности мыслей. Принимайте всё, что по вашему призыву приходит и кажется хорошим. Испытывайте эти мысли, доводите их до выводов. Возможно, даже если сами они непригодны, они приведут к другим, пригодным.

[10] (4) Занимайтесь нахождением мыслей при самых разнообразных обстоятельствах, в кабинете и вне его. Посвящайте этому особые продолжительные занятия, но обращайтесь к этому и попутно — на прогулке или в поездке, во время движения или отдыха. Даже ночные сны нередко можно использовать для этой цели.

[11] (5) Выбирайте темы заранее, чтобы воспользоваться преимуществами повторной и попутной работы творческих сил. [Имеется в виду начало недели. Так поступал и советовал поступать Роберт Холл.]

[12] (6) Пользуйтесь прежними исследованиями и подготовительными трудами как помощью в нахождении новых мыслей, а не как заменой ему.

[13] «Практикуемое таким образом нахождение мыслей будет всегда укреплять себя и никогда не истощится. Оно станет самым радостным упражнением, заставляющим ум пылать восторгом от своих новых созданий и сочетаний».

[14] Важная роль воображения в нахождении материала будет рассмотрена в одной из последующих глав;[95] а обсуждая расположение материала, мы обратим внимание на его обратное воздействие на нахождение мыслей.[96] Вопрос о том, в какой мере и какими способами можно надлежащим образом использовать комментарии, проповеди на тот же текст и тому подобное при подготовке собственной проповеди, будет рассмотрен немного позднее.[97]

[15] § 2. НАКОПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА

[16] В огромном большинстве случаев основной материал проповеди в действительности не создаётся во время её подготовки: он представляет собой результат прежних приобретений и размышлений. Это верно даже о многом, что, по ощущению самого проповедника, лишь тогда впервые появляется в его уме: на самом деле это оживление забытого или развитие уже известного. В этом отношении неопытные и сравнительно малообразованные молодые проповедники часто глубоко заблуждаются. Их первые проповеди создаются легко. Пылкие, ревностные, возбуждённые, они обнаруживают, что мысль возникает в уме сама собой, а чувство льётся потоком. Им кажется, что всегда будет легко найти слова, интересные им самим и слушателям. Но они подобны людям, получившим в наследство наличное состояние и расходующим основной капитал так, словно это всего лишь доход. Радуясь лёгкости речи, молодой проповедник не сознаёт, что черпает из всего, что с детства передумал, перечувствовал, увидел, прочитал и услышал. И немало людей продолжают так несколько месяцев или лет, расходуя весь запас и вызывая к жизни всё, что их ум по своему складу способен легко породить, а затем начинают удивляться и сетовать, что составлять проповедь стало гораздо труднее прежнего. Подобным образом стареющие проповедники иногда жалуются, что люди больше не слушают их, как в былые дни, тогда как затруднение состоит в том, что они перестали поддерживать деятельность ума и богатый запас свежих мыслей; не умея заинтересовать самих себя, они, разумеется, не могут заинтересовать других. Эти довольно частые и весьма болезненные переживания лишь подтверждают

положение: свои проповеди мы черпаем главным образом из того, что заранее продумали или узнали. А когда проповедник говорит из великой полноты мысли, высказанное получает силу от того, что остаётся в запасе, подобно тому как напор воды усиливает поток, ударяющий в мельничное колесо. Следовательно, после развития личного благочестия нет ничего, над чем проповеднику следовало бы трудиться усерднее — от первого призвания до конца жизни, — чем над приобретением обильного общего материала для проповеди.[98]

[17] Разумеется, этот материал будет черпаться из всех источников. Ни один вид знания не может быть совершенно бесполезен проповеднику, а размышление о любых предметах всегда оставит ему нечто, что впоследствии можно употребить на пользу. Но полезно отметить главные источники, из которых берётся материал для проповеди.

[18] Само Писание должно во всякий период жизни оставаться главным предметом занятий проповедника. Когда мы встречаем молодого брата, только что убедившегося, что его долг — проповедовать, и спрашивающего о подготовке к этому делу, первым нашим словом должна быть Библия. Вначале — не столько углублённое исследование вероучительных посланий или пророческих книг, сколько уверенное и точное знание исторических фактов, исследование библейских характеров, запоминание молитвенных отрывков и заповедей, приобретение общего знакомства с содержанием отдельных книг и всего священного собрания. Молодые служители, даже выпускники колледжей, нередко обнаруживают прискорбные пробелы

именно в общем знании Библии; лучшие же воскресные школы и самое замечательное семейное наставление обычно лишь закладывают основание того знания, которое проповеднику следует поспешить приобрести. И каждая новая ступень образования и опыта по мере жизни приносит новые поводы и новые возможности для изучения Библии. На языках оригинала, если возможно, и во всяком случае в английском переводе;[99] быстро читая большие разделы, основательно исследуя определённую книгу, подробно разбирая отдельные места, а иногда просто обращая внимание на предложения то здесь, то там при перелистывании страниц; читая вместе с другими ради обсуждения или духовного общения, либо оставаясь наедине со своим бьющимся сердцем и Богом; принимая новые способы ради разнообразия и неуклонно придерживаясь прежних, пока они не станут привычкой; читая, когда это радует нас, как удовольствие, и когда поначалу не радует — как долг, — всеми способами и постоянно будем поддерживать, обновлять и расширять наше знакомство с драгоценным Словом Божиим. Изучение систематического богословия лишь лучше подготовит нас ценить отдельные наставления Писания в их собственной связи. Каждый вид приобретаемого знания должен вести к дальнейшему исследованию того, что для нас служит средоточием всех знаний; а разнообразный жизненный опыт должен постоянно возвращать нас к Слову Божию, чтобы находить в нём новый смысл, силу и утешение. И нужно постоянно остерегаться привычки читать Библию лишь формально, как профессиональную обязанность. Будем изучать её в духе личного благоговения, желая личной пользы и непрестанно молясь, чтобы Бог благословил нас и в

учении, и в наставлении других, — дабы «спасти и себя, и слушающих нас».[100]

[19] Систематическое богословие имеет для проповедника невыразимо великое значение; оно необходимо, если он желает быть наставительным в лучшем смысле слова и оказывать на слушателей прочное влияние. Оно позволяет говорить со смелостью уверенного убеждения, давая такую уверенность в великой системе богодухновенной истины, которой не поколеблет никакая мелочная критика.[101] Оно готовит его настойчиво излагать одно учение либо раскрывать и применять один текст, не опасаясь вступить в противоречие с другим, — недостаток, в который, как с огорчением вспоминают многие служители, так часто впадали их ранние проповеди. Оно позволяет рассматривать отдельные стороны учения в разных проповедях так, чтобы постепенно дать хорошее знание учения в целом. А очевидное владение систематическим знанием откровенной истины придаёт проповеднику авторитет у людей. Они охотно слушают человека с определёнными, твёрдыми и продуманными взглядами; и ни один небогодухновенный человек, даже величайший гений, не вправе говорить о нравственной и духовной истине с такой властью, как скромно одарённый проповедник, опирающийся на основательное и систематическое изучение Слова Божия.[102] Экзегетика и систематическое богословие по праву идут рука об руку. Ни одна из них не полна и не вполне надёжна без другой. И хотя человек по складу ума и полученной подготовке обычно чувствует особое влечение к одной из них и естественно много трудится именно в ней, он должен также усердно, регулярно и всю жизнь заниматься другой. Проповеднику почти всегда следует иметь под рукой какой-либо

серьёзный богословский труд, новый или старый, который он последовательно изучает, либо определённую богословскую тему, которой посвящает много чтения и размышлений.

[20] О другом чтении как важном источнике материала для проповеди можно упомянуть лишь кратко. Деятельные служители обычно уделяют церковной истории меньше внимания, чем она заслуживает. В особенности история вероучений помогает понимать истину и разбираться в возражениях и ошибочных направлениях мысли, которые в разных формах вновь возникают в каждую эпоху. Каждая религиозная деноминация имеет свои характерные или излюбленные учения, которые её основные труды излагают ясно и отчётливо. Поэтому, помимо необходимой подготовки к полемической проповеди и общего содержания христианского богословия, многое можно узнать, изучая особые взгляды разных деноминаций. Нравственная философия даёт богатый запас материала тому, кто способен действительно освоить её рассуждения и приспособить их результаты к условиям практической проповеди. А некоторые сочинения, например «Аналогия» Батлера и труд Маккоша о Божественном управлении, занимающие своего рода пограничную область между этикой и богословием, непревзойдённы по ценности. Некоторые служители «слишком метафизичны» в проповеди, но очень многие недостаточно метафизичны в своих занятиях.[103] Изучение проповедей не только весьма полезно для искусства их составления, но и доставляет много ценного материала — при условии, что его не заимствуют прямо, а усваивают через размышление и делают частью собственного мышления. Тщательный анализ, основательное и многократное исследование

немногих богатых и впечатляющих проповедей во всех отношениях гораздо лучше беглого чтения многих.

21 То же относится ко всему нашему чтению. Молодых людей, имевших лишь ограниченные возможности образования и никогда не смотревших жадным взором на огромный мир книг, иногда нужно побуждать читать шире; но в подавляющем большинстве случаев требуется совсем иной совет. Кто хочет стать по-настоящему зрелым человеком, должен как можно раньше отказаться от детской мечты прочитать всё. За исключением чтения для отдыха — а чрезмерный отдых разрушителен, — ему следует выбрать ограниченную область занятий и разрабатывать её с предельно возможной основательностью. По каждому изучаемому предмету он должен найти лучшие книги и почти полностью ограничиться ими. Если бы людей подлинной учёности и настоящей силы попросили дать один совет молодым учащимся в наш век умножения книг, они, вероятно, все единодушно сказали бы: читайте только лучшие произведения великих авторов и читайте их так, чтобы они стали вашим полным и постоянным достоянием.[104]

22 Что лучше при чтении — делать выписки, краткие изложения и ссылки в записной книге или полагаться преимущественно на память, — зависит от склада ума, общих привычек человека и характера самого чтения. Даже обладатель необыкновенной памяти едва ли обойдётся без записей при чтении книг, сообщающих сведения. Книги же мысли, хотя их и полезно письменно анализировать, следует обдумывать, продумывать насквозь; тогда всё родственное нашему собственному мышлению сохранится без труда. Что касается всего, не относящегося к чистой мысли, важная часть пользы

чтения состоит в том, что человек всегда будет знать, где искать нужное. Лучше всего этого достигают системой ссылок, если только честная проверка не показала, что памяти на местоположение материала вполне достаточно. Какой бы способ ни был избран, нужно стараться извлечь из него наибольшую пользу, тщательно остерегаясь его недостатков и опасностей.

23 Но кроме книг существуют и другие источники материала для проповеди.[105] Знание человеческой природы и мира, жизненный опыт проповедника, особенно опыт религиозной жизни, его беседы с окружающими на религиозные и общие темы, непрестанное размышление обо всём пережитом, замеченном и услышанном — всё это даёт значительную часть самого ценного материала. И вся предшествующая проповедническая работа, если велась правильно, лишь обогащала ум для новых задач. Если человек просто наскребает мысли вокруг предмета, чтобы составить проповедь, каждая проповедь расходует часть его материала и оставляет его беднее. Но если он постоянно проникает в предмет и овладевает им, каждая проповедь оставляет его богаче: не в том смысле, что он может вскоре снова проповедовать на ту же тему или тот же текст, а в том, что лучше подготовлен рассматривать родственные вопросы. Созданное само становится плодотворным. И здесь справедливо: «Иной сыплет щедро, и ему ещё прибавляется». Но такой общей подготовки, конечно, недостаточно.

24 Как бы много ни читал проповедник и как бы ни был полон общих знаний и мыслей, для каждой проповеди он всё же должен специально собирать материал. Не один проповедник, особенно после долгих лет опыта и

накопления значительного запаса проповеднических заготовок, потерпел неудачу именно здесь. Он полагается на общую подготовку вместо особой. Никто не сохранит свежести, если не будет вносить в каждую проповедь свежий материал — нечто, принадлежащее именно этой проповеди и этому случаю и не подходящее столь же хорошо ни к каким другим. Поэтому проповедник обязан весьма тщательно обдумывать не только общий запас, но и то, что можно назвать материалом, приготовляемым для данного случая.

[25] Сюда входят истолкование текста и выбор темы, которые мы уже рассмотрели. Точную формулировку темы во многих случаях нельзя установить, пока не проработана значительная часть общего материала для её раскрытия. Помимо толкования текста в строгом смысле слова, многое даёт размышление о нём и о его контексте. Если проповедь текстовая или изъяснительная, значительная часть материала будет получена из этого изучения текста; если тематическая — текст и контекст всё равно могут дать немало полезного для обсуждения темы. Затем, сосредоточившись на теме либо последовательно на нескольких связанных вопросах, которые предлагает текстовый или изъяснительный способ, проповедник должен попытаться полностью исследовать и подробно разработать заключённые в них предметы и собрать всё связанное с ними, что может оказаться полезным. Однако ясно, что такая подготовка материала для непосредственного употребления в действительности часто в очень большой мере представляет собой отбор из общего запаса ранее приобретённых знаний и мыслей. Здесь соединяются две вещи: сознательный выбор из хранилища памяти и размышления и непроизвольное появление мыслей по

закону ассоциации идей. Пробудите воспоминание, обретите мысль — и другие придут к ним в товарищество. Так возникнет радостное смешение старого и нового. Хорошо наученный книжник, по слову Учителя, будет выносить из своей сокровищницы новое и старое.

[26] § 3. САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

[27] Будь материал накоплен заранее или найден во время подготовки, он, очевидно, может быть собственным или заимствованным. Теперь мы рассмотрим его с этой стороны.

[28] (1) Самостоятельность, или оригинальность, бывает абсолютной и относительной. Под первой понимается создание мыслей, которых мир прежде не знал и которые никогда не возникали ни в одном человеческом уме. Разумеется, это должно быть очень редко. В физическом мире сейчас постоянно открывают новые факты и изобретают новые механические устройства. Но в мире идей быть абсолютно оригинальным очень трудно.[106] «Древние украли все наши лучшие мысли» — одно из тех изречений великого критика «Эдинбургского обозрения», которые нескоро забываются. А Гёте говорил: «От меня осталось бы очень мало, если бы я мог перечислить всё, чем обязан предшественникам и современникам». Но это ощущали не только в новое время. Послушайте Чосера:

> [29] «Со старых нив, как люди говорят,
> Приходит новый хлеб из года в год;
> Из старых книг, поистине, берут
> Всю новую науку, что народ постигнет».

[30] А Конфуций за пять веков до нашей эры объявлял себя лишь учеником древности. И всё же даже в абсолютном

смысле оригинальность возможна, и нам не следует отчаиваться. В некоторых направлениях мировая мысль, пусть медленно, всё-таки движется вперёд. Среди бесчисленных миллионов людей терпеливых мыслителей далеко не много; и почему тот, кто будет терпеливо размышлять, не может натолкнуться на мысль, неизвестную его предшественникам?

[31] Но в относительном смысле всякий может быть оригинальным, и в некоторой мере всякий таков. Мы создаём мысли, не полученные нами от другого ума, хотя другие умы, о которых мы в тот момент не знаем, тоже их создали. Одни и те же явления природы и жизненные переживания пробуждают в нас те же размышления, что пробуждали во множестве других людей; зародыши мыслей достигают в нас того же развития. Здесь есть всё для ободрения. Значительная доля умственного оживления, осознаваемой силы и радостной уверенности в себе, которые даёт абсолютная оригинальность, может возникнуть в нас и благодаря мыслям, оригинальным относительно нас самих. Конечно, подъём будет не столь велик, если мы знаем, что другие непременно уже думали так же. В самом деле, порой самое поразительное самомнение наблюдается у крайне невежественных людей, принимающих свою относительную оригинальность за абсолютную: если им пришли мысли, о которых не слышали ни они, ни их невежественные соседи, предполагается, что они столь же новы для всего мира.

[32] Основание проповеди не может быть оригинальным, потому что должно исходить из Писания. Но сам проповедник может проявлять самостоятельность несколькими способами. Он может самостоятельно

понимать смысл Писания. Вполне возможно, что любой из нас достигнет более верного понимания какого-либо отрывка или определённых сторон учения, чем удавалось прежде. А самим толковать и размышлять, проявляя относительную самостоятельность, — право и долг всех. Мы не вправе считать само собой разумеющимся, что мнения комментаторов и богословов правильны. И действительно, богословские разногласия и столкновения, при всём их зле, имеют то преимущество, что заставляют даже самых доверчивых и ленивых из нас хоть в какой-то мере почувствовать необходимость думать самостоятельно. Какая свежесть, какая сила заключена в истинах, которые проповедник сам извлёк из Писания, черпая собственным ведром, по выражению лорда Бэкона, «непосредственно там, где бьёт источник»! Изучающий естественные науки должен сам наблюдать природу; так и в богословии нужно собственными глазами видеть и созерцать учение Слова Божия. Относительная самостоятельность, достижимая в этом отношении, не имеет предела. Далее, соединение библейского учения с фактами и истинами, которые мы черпаем из природы, Провидения, человеческой натуры и жизни, открывает обширное поле для самостоятельности. Здесь ум может свободно двигаться во всех направлениях, соотнося всё со Словом Божиим. Затем в выборе тем, построении речи, пояснении и применении истины проповедник может постоянно создавать нечто в некоторых отношениях свежее и, по отношению к нему самому, оригинальное. В действительности у человека есть свой способ представлять любой предмет, обретающий силу благодаря связи с его личностью; при прочих равных условиях этот способ для него наилучший. «Отдавайте должное своей индивидуальности».

[33] Иногда оригинальности добиваются недостойными способами или превращают её в предмет позёрства. Люди определённого склада принимают какую-нибудь ересь лишь для демонстрации независимости: хотят показать, что уж они-то не связаны старыми мнениями. Парадокс может быть уместным средством привлечь внимание к истине, как он служит некоторым способным учителям и проповедникам и как служил Самому Господу. Но есть люди, которые прибегают к парадоксам ради видимости оригинальности. Странность мыслей, выражений или манер — всего лишь карикатура на самостоятельность. Сказать о проповеднике, что он «оригинал», — значит употребить слово в весьма сниженном смысле. Молодые, а порой и пожилые люди иногда делают вид, будто не читают, чтобы не повредить своей оригинальности. «Мы видели произведения живописца, который не желал смотреть ни Рафаэля, ни Ван Дейка, боясь испортить собственную природную манеру. Ему, несомненно, удалось избежать всего, что можно увидеть у этих великих мастеров».[107]

[34] (2) Почему самостоятельность столь желательна? Прежде всего потому, что самостоятельное мышление больше всего другого развивает, упражняет и укрепляет ум. В деле умственного совершенствования никогда нельзя забывать: самый трудный путь — самый лёгкий, медленный путь — самый быстрый. Для здоровья и бодрости человека неделя спокойной ходьбы стоит гораздо больше недели железнодорожного путешествия, даже если последнее унесёт его за тысячи миль. Постараемся, если возможно, убедить себя много и терпеливо мыслить самостоятельно: иначе мы никогда не станем зрелыми людьми.

35 Далее, помните, что самостоятельность делает речь гораздо привлекательнее и сильнее по воздействию. С одной стороны, собственная мысль больше интересует самого говорящего. Это его детище: оно пробуждает родительскую любовь и, быть может, трепет отцовской гордости. Это его достояние: теперь он не распределяет чужие щедроты, а даёт своё; и в знании, как в прочем, «блаженнее давать, нежели принимать». Но никакие аналогии не передадут вполне того чувства — удовольствия, уверенности, надежды и усердия, — с которым человек высказывает даже относительно оригинальную мысль. С другой стороны, она больше интересует слушателей. Уже одной новизной она удовлетворяет их естественную любовь к новому. Если они считают, что мысль принадлежит самому оратору, их восхищение им усиливается, а всё сказанное им получает большее уважение. Кроме того, слушатели разделяют чувство самого говорящего. Всё, что воспламеняет его ум, согреет и их. Вообще человек может заинтересовать других лишь тем, что чрезвычайно интересно ему самому. Так обе причины соединяются. Несомненно, существуют и другие. Анализ не может вполне раскрыть тайну той радости, с которой мы встречаем нечто вновь созданное, впервые явившееся. Но даже краткое размышление должно помочь нам глубже почувствовать важность самостоятельной мысли.

36 Отсюда очевидный вывод: даже самые привычные темы следует обдумывать самостоятельно и представлять по-своему. Рассуждая о столь обыденных предметах, как радости благочестия или опасность промедления, нужно долгим и усердным размышлением стараться обрести собственный взгляд или собственный способ изложения. Счастлив проповедник, который может придать важным,

но слишком знакомым темам новый интерес, новую силу впечатления. Однако здесь необходимо повторить предостережение: простая странность — совсем не то же, что самостоятельность; лучше говорить обычно, но искренне, чем явно вымучивать новизну.

[37] Другой вывод: даже заимствованные идеи следует настолько основательно продумать, чтобы они стали частью собственного мышления. Иначе они обычно не смогут прочно завладеть ни нами, ни слушателями. Как государство нередко берёт иностранные монеты и перечеканивает на своём монетном дворе, так мысли, полученные от других, должны получить отпечаток нашего собственного ума: он придаст им новый облик, полную ценность и лёгкость принятия.

[38] (3) Препятствия самостоятельности. Они многочисленны и сильны, чего и следовало ожидать, если вспомнить, насколько желательна оригинальность и как редко она всё же достигает высокой степени.

[39] Ошибочные представления о природе самостоятельности мешают многим её достигнуть. Одни воображают, будто этого имени достойно только абсолютно оригинальное, новое для всего человеческого рода; а поскольку такое достижимо, конечно, лишь очень редко, они отчаиваются и слишком часто довольствуются мыслями из вторых рук. Но, как мы видели, относительная самостоятельность весьма высокого порядка может существовать там, где к запасу человеческого знания добавлено абсолютно нового мало или вовсе ничего; при этом она способна значительно усилить человека. Некоторые ради оригинальности воздерживаются от чтения и тем самым обрекают себя на великое умственное бесплодие. С таким же успехом

можно было бы избегать разговоров. Кто не знает оживляющей, плодотворной силы беседы с умным другом о предмете, который мы изучали? Даже если мы ничего прямо не заимствуем, нам часто подсказываются новые мысли и мы начинаем яснее видеть то, что прежде различали смутно. То же действие может произвести чтение. Вообще, прежде чем читать или разговаривать о предмете, следует энергично и терпеливо поразмышлять над ним самим; иначе ум рискует просто пойти по проложенной другими колее, вместо того чтобы подойти к предмету по-своему. Но после такого личного размышления чтение и беседа могут оказаться чрезвычайно побуждающими и плодотворными: они приведут ко многому действительно нашему, что без соприкосновения с другими умами нам бы не пришло. Третьи, принимая странность или чудачество за самостоятельность, неверно направляют и извращают свои стремления и силы; они не только не достигают того, что могли бы, но и настраивают многих, совершающих ту же ошибку, против самого стремления к самостоятельности. Есть и ещё одна ошибка: оригинальность так часто приписывают не тем, кто ею обладает. Некоторые люди в самом деле глубоко мыслят и развивают вполне собственные взгляды; но, поскольку они излагают их очень ясно и просто, большинство полагает, что это мог сказать всякий и что сами они всегда это знали. Другие, выставляя туманные, бесформенные призраки мыслей и пользуясь тёмным, но вычурным, своеобразным и страстным языком, слывут удивительно оригинальными, хотя при ясном освещении их идеи оказались бы либо вовсе ничем, либо чем-то давно знакомым. Так молодые честолюбивые умы, отправляясь на поиски оригинальности, иногда начинают искать её в

манерности стиля, а не в подлинном, ясном мышлении.[108] Хорошо говорит Филлипс Брукс:[109] «Непременно будьте собой, но пусть этот добрый результат достигается не одним развитием поверхностных особенностей и странностей. Пусть он придёт через обретение подлинного “я”, полного собственной веры и собственной любви. Глубокая оригинальность благородна, поверхностная — жалка. Так легко быть Иоанном Крестителем, если дело касается пустыни, верблюжьего волоса, саранчи и дикого мёда. Но преданное сердце, из которого должна исходить речь, и пламенные слова, которые предстоит произносить, — совсем другое дело».

[40] Могут сказать, что люди, способные к значительной самостоятельности, не впали бы в подобные ошибки. Но эти ошибки не только уменьшают количество самостоятельной мысли у множества людей: они сильно воздействуют и на некоторых людей значительных способностей.

[41] Второе препятствие — природная леность. Самостоятельное мышление трудно, требует труда и обычно идёт медленно; это самая тяжёлая работа, за какую берутся люди. Стоит ли удивляться, что её так часто заменяют лёгким заимствованием или даже бесстыдным воровством?

[42] Третье препятствие, особенно в наше время, — огромное разрастание литературы и привлекательные формы новых книг и периодических изданий: они соблазняют своим очарованием или внушают нам мнимую обязанность с ними познакомиться. Чтение, сопровождаемое добросовестным размышлением, содействует самостоятельности; но нас искушает растрачивать себя на чтение, которое не требует мысли и

не оставляет для неё времени. Склонный без ограничений увлекаться лёгкой литературой должен сдерживать себя очень твёрдой рукой, иначе он никогда не достигнет многого как мыслитель и ни в каком отношении не принесёт миру большой пользы. Даже среди книг на религиозные темы многие из самых привлекательных новинок далеко не так побуждают к хорошему мышлению и не так его оживляют, как старые книги, из которых в основном почерпнуто их содержание.

43 И сам характер века во многих отношениях неблагоприятен для глубокой мысли. Требуют быстрых способов и так называемых «практических» результатов. Всеобщая мода — «знания без труда». Неизбежное следствие — прискорбная склонность народа к поверхностности, а его наставников — к демонстрации необычайно обширных и разнообразных поверхностных познаний. Учителей искушает заменить глубокое мышление и основательное знакомство с немногими предметами находчивостью, разнообразием, безграничным поверхностным знанием, блеском, остроумием и парадоксами. Нужно постоянно напоминать себе, что настоящее знание имеет три измерения: длину, ширину и глубину. Наши приобретения в этой благородной области не должны ограничиваться поверхностью вещей; им следует соответствовать старому закону о землевладении, по которому собственность простирается вверх до неба и вниз до центра земли. Такое знание — служанка, более того, сестра самостоятельной мысли.[110]

44 В заключение здесь можно сделать два замечания. Первое: проповедник не должен желать самостоятельно изобрести какую-либо часть основного содержания своей

проповеди. Он должен не только согласиться, но и радоваться тому, что получает его из Слова Божия. Слишком многие проповедники в наши дни ищут оригинальности и иной новизны, оставляя Писание. Второе замечание: стремиться к самостоятельности следует не в духе гордости или своекорыстного честолюбия, а ради большей пользы людям и прославления Искупителя.

[45] § 4. ПЛАГИАТ И ЗАИМСТВОВАНИЕ

[46] У римлян plagiarius назывался похититель людей — тот, кто крал свободных и обращал их в рабство, а также тот, кто похищал или переманивал чужого раба, чтобы пользоваться им или продать как своего. По-видимому, именно второе значение породило литературное употребление. Один позднеримский писатель по естественной аналогии применяет это позорное имя к виновному в литературной краже, присваивающему и использующему чужие мысли; языки, произошедшие от латыни, сохраняют слово в этом смысле. Плагиат с древнейших времён осуждали и высмеивали, и никто не защищает его, как не стал бы защищать и другое воровство.[111] Но что именно является плагиатом, а что — допустимым заимствованием? Некоторые совершают первое, намереваясь сделать лишь второе; другие из болезненного страха перед постыдным отказываются от невинного и полезного. Нужно рассмотреть два вопроса: надлежащее употребление чужих мыслей и надлежащее признание такого употребления.

[47] (1) Как допустимо пользоваться при подготовке проповеди мыслями, полученными от других? В принципе вопрос одинаков и для прочитанного, и для услышанного,

хотя многие, гораздо строже относясь к плодам чтения, весьма свободно используют услышанное с кафедры, в аудитории или в разговоре. Но с другой стороны этот вопрос, как практический для человека, приступающего к подготовке проповеди, вновь разделяется.

[48] (а) Как пользоваться тем, что было узнано прежде?

[49] Никогда не присваивайте целой проповеди — ни с указанием автора, ни без него. При особых обстоятельствах допустимо прочитать собранию какую-либо избранную проповедь, открыто объявив, что это чтение. Если изредка так поступает хороший чтец перед общиной, которой это нравится, польза возможна. Именно это имел в виду Аддисон в часто цитируемом юмористическом рассказе о капеллане сэра Роджера де Каверли: просто читать или произносить на память проповедь, как можно было бы читать стихотворение, чтобы слушатели получали примерно такое же удовольствие.

[50] «“Когда он только поселился у меня, я подарил ему все хорошие проповеди, напечатанные по-английски, и попросил лишь об одном: чтобы каждое воскресенье он произносил одну из них с кафедры. Он расположил их в такой последовательности, что они естественно следуют одна за другой и составляют непрерывную систему практического богословия”».

[51] «Пока сэр Роджер продолжал свой рассказ, джентльмен, о котором шла речь, подошёл к нам. На вопрос рыцаря, кто проповедует завтра, — дело было в субботу вечером, — он ответил: утром епископ Сент-Асафский, а после полудня доктор Саут. Затем он показал список проповедников на целый год; там я с

большим удовольствием увидел архиепископа Тиллотсона, епископа Сандерсона, доктора Барроу, доктора Калами и нескольких ныне живущих авторов, опубликовавших речи по практическому богословию. Едва я увидел этого почтенного человека на кафедре, как вполне одобрил настойчивость моего друга в требовании приятной наружности и ясного голоса: я был так очарован изяществом его облика и произнесения, равно как и самими речами, что, кажется, никогда не проводил времени с бóльшим удовлетворением. Проповедь, повторённая таким образом, подобна произведению поэта в устах искусного актёра».[112]

52 Но произносить именно как проповедь речь, которую мы признаём заимствованной у других, — дело настолько несообразное и неприятное, что к нему прибегают крайне редко. Действительная практика некоторых проповедников ещё хуже. Они стыдятся признаться в том, что делают, но всё же позволяют себе это. В Англии, как хорошо известно, подобное весьма распространено. Поразительно, что люди, гордящиеся званием джентльменов, могут заниматься присвоением, которое осуждают сами их виноватые старания его скрыть. А среди людей, называющих себя христианами, такой обычай мог возникнуть лишь в связи с коренным непониманием самой природы проповеди.

53 Никогда не присваивайте без указания источника полного плана чужой проповеди.[113] Многие в нашей стране, по-видимому, считают это совершенно допустимым. Часто рассказывают забавные истории о проповедях, повторяющих ход мыслей другой проповеди, незадолго до того произнесённой в том же месте; иногда обвинение падает на настоящего автора. Но человек

упрекает себя за смех над такими историями: у них есть серьёзная, унизительная сторона. Разве зло воровства зависит от того, поймали ли вора, как учили своих мальчиков спартанцы? Неужели христианский служитель при исполнении своих священных обязанностей сознательно станет делать то, в чём постыдился бы признаться? Пусть желающий попробует объявить, что план его проповеди взят у такого-то, и посмотрит, насколько, кроме совершенно особых случаев, это уменьшит интерес. Люди приходят не просто послушать речь: они приходят услышать живого человека, сообщающего им свои серьёзные мысли и чувства. Если же главные идеи проповеди принадлежат другому проповеднику, они считают, что слушают лишь отсутствующего или умершего человека. Если, следовательно, объявить о заимствовании было бы невыгодно, как может быть честным его скрывать? Сила обычая, включая известную практику некоторых добрых людей, соблазн лености и чрезмерная занятость, которой часто подвержены служители, породили во многих умах такую путаницу в этом вопросе, что лишь ею и можно объяснить частые случаи присвоения без признания источника.

[54] Сборники «эскизов и схем проповедей», которые так часто издают и так широко покупают, если ими не пользуются честно и мудро, — безусловное зло и позор евангельского служения. И вполне уместен вопрос, можно ли вообще пользоваться такими книгами честно и мудро. Ведь они способны стать ловушкой даже для желающих быть честными и непременно искушают каждого пользователя слишком полагаться на чужие подсказки вместо собственного мышления. Если скажут, что их полезно изучать как образцы составления

проповедей, ответ очевиден: гораздо полезнее было бы самостоятельно анализировать полные проповеди действительно великих людей. Таким книгам нет оправдания, и ни один служитель не должен оставлять их в своей библиотеке. Но они прискорбно распространены в нашей стране и ещё больше в Германии.[114] Обычай этот отнюдь не нов. Уже в 1517 году в Париже появился латинский том такого рода под названием «Драгоценность проповедника», называвший себя «превосходнейшим и божественным сочинением». В Амстердаме в 1642 году вышло «Dormi secure: vel Cynosura Professorum ac Studiosorum Eloquentiæ» и так далее — «Спи спокойно, или Путеводная звезда преподавателей и учащихся красноречия». Смысл, по-видимому, в том, что обладатель книги может не тревожить своего сна заботами о проповеди на следующее воскресенье. Кокрель, упоминающий эти два сочинения, замечает: сомнительно, проснутся ли после такого сна красноречивыми.[115] Мы же добавим, что решившему заимствовать план из подобной книги следовало бы настолько стыдиться самого себя, чтобы вовсе не заснуть.[116]

[55] Но, отказываясь присваивать целую проповедь или её план, мы вполне вправе включать в общий материал своей речи прежде прочитанные или услышанные мысли, если используем их надлежащим образом и с соответствующим указанием источника; эти условия будут рассмотрены далее.

[56] (б) Следует ли после выбора текста и темы читать что-либо по этому вопросу?

[57] Если текст не вполне ясен сам по себе и в своём контексте, то, несомненно, уже в начале подготовки

следует обратиться за помощью в его понимании к лучшим объяснительным комментариям.

[58] Другие книги — богословские сочинения, проповеди на тот же текст или сходные темы, комментарии в строгом смысле слова, которые не столько объясняют текст, сколько развивают содержащиеся в нём наставления, например Мэтью Генри, книги для духовного чтения и подобные пособия — можно читать с большой пользой, даже ничего прямо из них не заимствуя. Они помогают удерживать ум на предмете и часто подсказывают мысли, которые будут действительно нашими, хотя без чтения нам бы не пришли. «Вода, которую наливают в сухой насос, поднимает более глубокую воду колодца».[117]

[59] Но можно ли заимствовать? Конечно, можно, а иногда и должно. Здесь две крайности. С одной стороны, ошибочное стремление к оригинальности и независимости заставляет некоторых способных людей воздерживаться от всякого чтения о тексте или теме. Такой человек обманывает себя, ибо многие мысли, которые сейчас доставляет ему собственный ум, первоначально пришли из прочитанного или услышанного. Правда, они с большей вероятностью уже обдуманы и усвоены, чем то, что прочитано непосредственно во время подготовки. Но это различие необязательно: многие мысли долго сохраняются в памяти в совершенно непереработанном виде, а полученное из чтения во время подготовки не следует использовать, пока оно не будет основательно переработано собственным умом. Помимо самообмана человек лишает себя того, что часто могло бы стать ценной помощью во всестороннем рассмотрении предмета и его наиболее действенном изложении. Другая

крайность — читать вместо того, чтобы думать, просто набивать ум смесью чужих мыслей и строить из них проповедь.[118] Такой способ подготовки, хотя к нему часто прибегают, крайне предосудителен. Но разве избежать второй крайности можно лишь бросившись в первую?

[60] Несомненно, существует средний путь. Мы можем и думать, и читать. Над большинством текстов и тем следует долго и напряжённо размышлять, прежде чем вообще что-либо читать, за исключением комментариев, объясняющих смысл текста. Запишите основные мысли и составьте план проповеди. Затем, насколько позволяют время и необходимость, читайте всё, что относится к предмету; но и читая, продолжайте мыслить самостоятельно — не только тщательно взвешивайте слова автора, но и развивайте те направления мысли, которые он подсказывает вашему уму. По некоторым предметам, о которых нам недостаёт сведений, полезно много прочесть до составления плана. Но человек нечасто решается проповедовать о предмете, пока не приобрёл хотя бы общего знакомства с ним. И вот если мы нашли мысль или вспомнили встреченную прежде, которую легко включить в наш план и которая сделает проповедь более наставительной, интересной или впечатляющей, — воспользуемся ею, разумеется, с надлежащим указанием источника. Вопрос в том, что лучше — с одной стороны, для вашего общего развития как проповедника, а с другой, для действенности этой проповеди: использовать мысль или отказаться от неё.

[61] Всё заимствованное таким образом должно быть вполне понято и естественно занимать своё место как часть речи. Речь — это строение; посторонние элементы, не вписывающиеся в него и не служащие его целям, сколь

бы прекрасны они ни были сами по себе, окажутся неприятными и вредными, как подобные пристройки к жилому дому или добавления к паровой машине.

62 (2) В каких случаях и каким образом следует признавать заимствование?

63 Если замечание очевидно или принадлежит к общему запасу религиозных идей, так что могло бы прийти нам самим, хотя в данном случае взято у другого, отдельное признание часто необязательно. Но если мысль хоть сколько-нибудь примечательна и слушатели могли бы приписать нам особую заслугу за удачную находку, мы не должны принимать незаслуженную похвалу: нужно каким-либо образом указать, что мысль получена от другого.

64 В каких случаях нужно назвать точный источник? Когда имя автора придаёт мысли больший вес или каким-то образом усиливает интерес к ней: например, Бэкон или Беньян, Уайтфилд или Сперджен. Далее, когда можно надеяться побудить этим кого-либо из слушателей прочитать названную книгу. Или вообще когда указание источника принесёт какую-либо пользу. Хорошо удостовериться, что умеешь правильно произнести имя автора; иначе лучше его опустить. В нашей религиозной литературе встречается много французских и немецких имён, а многие слушатели достаточно знают эти языки, так что нелепое произношение проповедника произведёт весьма дурное впечатление.

65 В остальных случаях достаточно просто показать, что мысль взята из какого-либо источника. Избегайте выставлять напоказ свою честность в признании заимствований. Избегайте также демонстрации широкой

начитанности. Пусть указание источника как можно меньше прерывает течение мысли и как можно меньше ослабляет интерес, который она способна вызвать. Если же оно явно прервёт мысль или ослабит интерес, опустите признание — вместе с самим заимствованием. Вообще способ такого признания требует рассудительности и хорошего вкуса. Без формальностей и заученных оборотов, с изящной простотой скажите, обозначьте или даже лишь дайте понять, что мысль получена от другого человека.

[66] Несомненно, важно иметь верные принципы во всём вопросе заимствования, выработать их в начале жизни и с самого начала приобрести правильные привычки. Иначе неверная практика либо продолжится всю жизнь, сильно вредя характеру и влиянию человека, либо, когда он начнёт видеть яснее, ему придётся о многом сожалеть в своём прошлом. Профессор Фелпс справедливо говорит:[119] «Молодой человек усвоил одно из главнейших начал учёности, когда понял ценность бесхитростности в собственных литературных занятиях. Не обманывайте самих себя. Не позволяйте вовлечь себя в подражание авторским уловкам. Будьте честны в своих тайных литературных привычках. В проповедях всегда держитесь по безопасную сторону границы плагиата. Будьте уверены: бессознательных заимствований у вас и без того будет столько, сколько только совместимо с авторскими правами. В качестве примера необходимой здесь осторожности: если вы цитируете в проповеди, позаботьтесь о том, чтобы кавычки присутствовали не только в рукописи, но и в произнесении… Существует такая вещь, как умственная честность. Её цена выше рубинов».

[67] § 5. СВЕЖЕСТЬ ПРОПОВЕДИ: ЧТО ЕЙ ПОМОГАЕТ

[68] Пожалуй, здесь столь же уместно, как где-либо, рассмотреть свежесть и сенсационность проповеди: хотя они явно связаны со стилем и произнесением, ещё теснее они связаны с выбором тем и обращением с материалом речи.

[69] Некоторые, возможно, преувеличивают ценность свежести проповеди, и страсть к новизне нуждается в сдерживании. Основание проповеди и проповедуемая истина должны всегда оставаться теми же. И всё же существует свежесть в изложении старых истин и в рассуждении на неизменном основании Слова Божия, которая чрезвычайно желательна и должна сохраняться всю жизнь. Несколько советов о том, как её поддерживать, могут оказаться полезными.

[70] (1) Изучайте Писание. Усердное и непрерывное изучение как Библии в целом, так и каждого текста в отдельности сильно увеличивает и поддерживает свежесть проповедника. Пусть он, как уже говорилось, ищет в толковании не просто новинки и фантазии, а точный смысл богодухновенного Слова. Как бы часто он ни изучал прежде данную книгу или текст, пусть продолжает — и ему откроются новые мысли. Невозможно не сохранять свежести в проповеди, если всю жизнь продолжаешь действительно и надлежащим образом изучать Слово Божие.

[71] (2) Изучайте богословие. Сохраняйте знакомство с великими книгами по систематическому богословию — и с общими трудами, и с отдельными исследованиями. Учение — настоящее учение — необходимо как новизна

во многих проповедях нашего времени. Непременно следует глубоко размышлять над общепринятыми положениями религиозной истины. Вине хорошо сказал, что основание красноречия — общее место; а другой заметил, что кафедра часто «ошибается, предлагая нам обыкновенные мысли о глубоких вещах, тогда как нам нужны глубокие мысли об обыкновенных вещах». Такие глубокие мысли об обыкновенных вещах мы получаем лишь проницательным и настойчивым размышлением.

[72] (3) Изучайте обстоятельства. И здесь следует искать не непосредственно свежести самой по себе, а подлинной действительности. Лучшая свежесть обретается простым стремлением действительно соответствовать реальному случаю. Изучайте общее состояние общины; размышляйте обо всех особых событиях, имеющих религиозное значение, и о тех светских событиях, которые могут дать иллюстрацию или потребовать попутного применения либо замечания. Повторяя проповедь в новых обстоятельствах, заранее в кабинете тщательно приспособьте её к новым условиям. Проповедь, одинаково подходящая ко всем случаям, вполне не подходит ни к одному. Такое соответствие обстоятельствам часто зависит от кажущихся мелочей.

[73] (4) Изучайте отдельные случаи. Врачи и юристы могут преподать нам здесь ценный урок. Мудрый проповедник будет знать людей лично и понимать, как применить истину к их особым нуждам. Так он может получить преимущество римско-католической исповедальни без её серьёзных недостатков. Иногда намёк в разговоре становится богатым зародышем мысли. Никто не сохранит свежести на кафедре, если не будет

поддерживать с людьми и духовного, и человеческого общения.

74 (5) Изучайте век, в котором живёте. Пусть проповедник стремится понять силу и слабость своего века, его здоровые стремления и болезни, его иллюзии и обоснованные надежды. Особенно нужно стараться открыть и провозгласить истинные отношения христианства и века: что веку нужно от христианства и что христианству нужно от него. Его течения мысли и чувства, религиозные и нерелигиозные, его трудности и томления, движения и перемены требуют вдумчивого внимания проповедника Евангелия. Но плоды такого изучения и размышления пусть проявляются не столько в особых систематических речах, сколько в уместных упоминаниях и применениях то здесь, то там в обычных проповедях. Так он сможет постоянно показывать, насколько верно христианство отвечает всем действительным человеческим нуждам; так сможет удерживать и укреплять слушателей, не смущая их правдоподобными заблуждениями. Совершенство проповеди, как подлинное совершенство литературы и искусства, должно либо обращаться к настоящему, даже к преходящим вещам, и сквозь них проникать к неизменным вечным принципам, либо, начиная с общих принципов, всегда прилагать их к живым людям и действительным нуждам.

75 (6) Изучайте себя. Человек должен всю жизнь продолжать учиться на своих ошибках. Безусловно, это должен делать молодой проповедник, а пожилой — ещё настоятельнее. Никогда не впадайте в шаблонные способы раскрытия тем; храните и развивайте неуспокоенное желание проповедовать лучше, часто

пробуйте проповедовать иначе. У проповедников есть немало скрытой силы, которая так и остаётся неразвитой. Непременно нужно поддерживать творческую способность здоровой и деятельной. Кто-то сказал: «Внимание — мать изобретения». Решительным усилием воли прикрепите ум к предмету и принудите себя к анализу и сопоставлению идей — главным составляющим нахождения мыслей. Чтение и беседа также могут сильно этому содействовать. И будем помнить: самые лучшие, самые богатые наши находки рождаются не при подготовке проповедей на ближайшее воскресенье, а во время общего чтения, бесед и размышлений, когда ум спокоен, сбрасывает привычные тяготы и с новой упругостью устремляется ввысь. Все труды и мысли, посвящённые развитию и поддержанию свежести, многократно и щедро окупятся устойчивой силой и пользой служения на кафедре.

[76] § 6. СЕНСАЦИОННАЯ ПРОПОВЕДЬ: ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

[77] Однако между свежестью и сенсационностью проповеди существует заметное различие. Стараясь быть свежими, проповедники иногда добиваются лишь сенсационности. Уместность и своевременность применения христианской истины к действительной современной жизни и её серьёзным вопросам чрезвычайно важны. Но потворствовать нездоровому любопытству возбуждённой толпы, нападать на людей и меры дешёвой и непристойной бранью, тратить драгоценные время и силы на обсуждение побочных вопросов, временно раздутых до великой важности, — это погоня за сенсацией. Правда, во всём этом различение столь же необходимо, сколь трудно. Человек едва ли сочтёт сенсационным себя: он лишь идёт в ногу со временем; вот крикливый оратор за углом — тот и есть шумный охотник за сенсациями! Так каждый становится сам себе законом; только пусть особенно тщательно следит, чтобы в этом деле вообще был какой-то закон. Следует указать несколько средств против неуместной сенсационности на кафедре.

[78] (1) Здравая библейская проповедь. То основательное изучение Слова Божия, которое рекомендовалось ради свежести, может одновременно стать прекрасным средством против чрезмерной погони за сенсациями. Человек, действительно стремящийся узнать из Писания мысль и волю Бога и приложить их к вопросам своего времени, едва ли далеко уклонится в нечестивое приспособленчество.

[79] (2) Искреннее желание привлекать и спасать людей. Здесь таится тонкая опасность, требующая самой бдительной осторожности. Сенсационные методы часто оправдывают этим доводом, и опасность самообмана вполне реальна. Некоторым проповедникам легко убедить себя, будто они стараются привлечь людей и принести им Евангелие, тогда как на деле — если бы только они это сознавали — ими в значительной мере движет низшее побуждение: любовь к рукоплесканиям или, что ещё хуже, к скандальной известности. Если в проповеднике есть хоть малейший след этого, пусть он смиренно умоляет Господа изгнать такого беса; пусть со всей искренностью исследует сердце и удостоверится, что жажда спасения людей стоит вслед за любовью ко Христу как главное побуждение его проповеди. По мере того как это побуждение растёт и господствует в труде, он будет всё больше освобождаться от греховного безумия сенсационности.

[80] (3) Хороший вкус. Даже самая ревностная и успешная проповедь иногда бывает таковой вопреки дурному вкусу, но никогда не благодаря ему. И никто не может быть собственным единственным судьёй в вопросах вкуса. Нужно считаться со своей церковью и с обществом, в котором живёшь. У разных церквей и местных сообществ вкусы различаются; переходя из одной общины в другую, проповедник должен постараться узнать принятые вокруг него мерки вкуса и в разумной степени сообразоваться с их требованиями. Человек не может долго или по-настоящему приносить пользу обществу, чей вкус оскорбляет своей проповедью. Он может потрясать и поражать, даже собирать большие толпы; но будет также раздражать и отталкивать, а добрые люди устанут от него. Советы рассудительных друзей обоего пола и разумное,

достойное уважение к их мнениям помогут проповеднику оставаться в границах хорошего вкуса, не теряя ничьего уважения и не жертвуя ни одним элементом подлинной своевременности и силы своей проповеди.

Часть I. Глава VI. Особые виды материала: объяснение

[1] § 1. Объяснение вообще. 2. Объяснение текстов: экзегеза, повествование и описание. 3. Объяснение предметов: определение, деление, пояснение примерами, сравнение.

[2] Материал для проповеди, очевидно, безграничен. Собирать его посредством наблюдения, чтения и размышления, а затем отбирать и приспосабливать к замыслу каждой отдельной речи — великая задача проповедника. И не только характер материала, но и способ обращения с ним должны бесконечно меняться сообразно замыслу проповеди. Однако некоторые особые виды материала столь важны, а правильное обращение с ними столь трудно, что оправдывает отдельное обсуждение. Здесь для этой цели избраны и в последовательных главах рассмотрены материалы объяснения, доказательства, иллюстрации и применения. Это не предлагается как научная классификация материала. Она охватывает далеко не всё, а её разделы порой пересекаются. Так, иллюстрация может служить объяснению, доказательству или усилению впечатления; применение может включать объяснение, доказательство и убеждение; а некоторые приёмы, неизменно относимые к объяснению, например повествование и описание, часто одновременно, и даже главным образом, служат иным целям, помимо объяснительных. Но представляется, что научная классификация была бы здесь менее полезна, чем практическое обсуждение нескольких главных целей, сообразно которым проповедник должен находить и разрабатывать материал.[120]

[3] § 1. Объяснение вообще

[4] В проповеди очень часто возникает необходимость в объяснении. Многочисленные места Писания наши слушатели не понимают или даже понимают неверно; многие настолько привыкли проходить мимо них, что уже не замечают заключённой в них трудности. Некоторые из важнейших библейских учений обычно понимаются весьма несовершенно: принимающим их нужны более ясные представления о том, во что они исповедуют веру, а возражающие против них нередко в действительности возражают против чего-то совершенно отличного от самого учения. Путь спасения редко становится понятным прежде, чем человек действительно пожелает ему последовать; поэтому вновь и вновь возникает повод отвечать на великий вопрос: «Что мне делать, чтобы спастись?» И тысячи вопросов о том, что истинно и что правильно в практической жизни, смущают благочестивые умы и требуют объяснения. Проповедь должна быть не только убедительной и побуждающей, но прежде всего поучительной. Мы нередко осыпаем людей доказательствами и призывами, тогда как им гораздо нужнее практические и простые объяснения того, что делать и как это делать. И хотя некоторые присутствующие уже неоднократно слышали наши объяснения важных вопросов, нельзя забывать о других — подрастающих детях, переехавших сюда незнакомых людях, обращённых, вступающих в церковь, — для которых эти объяснения будут новыми и в высшей степени необходимыми.

[5] Но именно здесь неопытному служителю могут быть полезны несколько простых предостережений. Не пытайтесь объяснять то, в истинности чего нет

уверенности. Иногда чрезвычайно трудно выработать объяснение предполагаемого факта или принципа именно потому, что в действительности он неверен. Не беритесь объяснять то, чего сами не понимаете. Как же невыносимо утомительно слушать человека, который так поступает! И в проповеди, и в других областях это случается столь часто, что было бы смешно, если бы не было печально. Как хозяйке приготовить то, что ещё не поймано? Как проповеднику объяснить то, чего он не понимает? Никогда не пытайтесь объяснять то, что объяснить невозможно. Некоторые истины, преподаваемые Библией, в самой своей сущности непостижимы: например, природа Троицы или совместное существование безусловного Божественного предопределения с человеческой свободой и ответственностью. В таком случае очень важно объяснить, чему именно Писание действительно учит, чтобы устранить неверные представления; иногда стоит также привести отдалённые аналогии из других областей бытия, чтобы, возможно, уменьшить нежелание слушателя принять учение. Но попытки объяснить саму сущностную трудность неизбежно потерпят неудачу, а неудача произведёт обратное действие и лишь укрепит сомнение и противление. Не тратьте времени на объяснение того, что в нём не нуждается.[121] Яркий пример — природа веры. Люди часто жалуются, что не понимают, что же на самом деле значит верить, а проповедники постоянно трудятся над объяснением. Но во многих случаях эта жалоба — лишь предлог для отказа или промедления, а действительная трудность во всех случаях состоит в отсутствии желания верить. Пространные объяснения не уменьшают этого нежелания, а лишь укрепляют мнимое оправдание и

могут даже смутить встревоженного искателя представлением, будто в вере есть нечто очень таинственное, тогда как она настолько проста, что объяснить её далее невозможно. Наша главная обязанность — сказать людям, во что верить и почему они должны в это верить.

[6] § 2. Объяснение текстов

[7] Объяснение Писания, по-видимому, принадлежит к первейшим обязанностям проповедника.[122] И часто возникает повод объяснить не только основной текст проповеди, но и различные другие места Писания, вводимые по ходу рассуждения. Способность делать такие объяснения не только ясными, но и привлекательными, конечно, во многом зависит от склада ума проповедника. Но наиболее одарённые в этом важном деле должны стремиться к постоянному совершенствованию, а те, кому оно даётся с большим трудом, — усердно и с надеждой стараться преодолеть затруднение. Есть ли труд благороднее «раскрытия» Писания, как это делал Павел в Фессалонике? Деян. 17:3.

[8] Экзегезу текстов как процесс, посредством которого сам проповедник достигает их понимания, мы уже рассмотрели.[123] Кафедральная экзегеза, или изъяснение, в некоторых отношениях представляет собой иное дело. Здесь, за исключением особых случаев, нам следует излагать результаты, а не ход исследования. Нужно опускать различные вопросы, возможно, весьма занимавшие нас самих, потому что они не заинтересуют людей или не относятся к цели данной речи. Иногда проповедники позволяют себе во вступлении или в отступлении давать пространное объяснение чего-либо в

отрывке или его контексте, что никак не связано с темой; тем самым нарушается единство и рассеивается внимание. Разумеется, нельзя щеголять знанием языков оригинала; но не следует и болезненно бояться обвинения в таком щегольстве. Комментарии можно упоминать, если люди кое-что о них знают и благодаря этому легче убедятся в сказанном, либо если желательно обратить их внимание на хороших общедоступных авторов. Перечислять незнакомые и громко звучащие имена в пользу того или иного толкования всегда бесполезно; обычно это весьма жалкая демонстрация дешёвой учёности, которую при помощи некоторых книг можно целиком позаимствовать из вторых рук за несколько минут. Без всякого перечня авторитетов нетрудно указать, что такого взгляда придерживаются лучшие авторы, некоторые хорошие комментаторы и так далее. Главное — взять результаты самого тщательного исследования, на какое мы способны, выбрать из них уместные положения и изложить их ясно, кратко и, по возможности, интересно. Иногда основной текст или другое введённое место можно полно и превосходно объяснить несколькими словами; но такие слова не приходят сами собой: они рождаются из сосредоточенного размышления и тщательного выбора выражений. Иногда отрывки можно ввести в такую связь, что без единого слова объяснения они приобретут новый смысл и новую драгоценность. Недостаток многих способных служителей состоит в том, что они сравнительно мало заботятся о введении и объяснении подходящих изречений Писания, которые и сами проливали бы свет, и получали бы его от контекста. И как бы собрания ни сторонились пространной экзегезы или неумелых и скучных попыток объяснить, они всегда будут

рады удачному введению и быстрому, живому прояснению мест из Слова Божия.

9 Повествование в проповеди имеет особый характер. Современные труды по риторике рассматривают его почти исключительно в том виде, в каком оно применяется в исторических сочинениях и тому подобных произведениях.[124] Древние авторы рассматривают ораторское повествование и потому полезнее для нашей цели,[125] хотя речь у них идёт преимущественно о повествовании в судебном красноречии. Проповедник, конечно, рассказывает как оратор и имеет дело главным образом с библейской историей. Оратор должен всегда подчинять повествование цели своей речи — тому убеждению или побуждению, которого он хочет достичь.[126] Ему нельзя подробно разрабатывать или расширять рассказ лишь потому, что тот интересен сам по себе, либо следовать за историей шаг за шагом по её собственным законам. «В торжественных (эпидейктических) речах повествование не бывает непрерывным, но даётся отдельными частями; ибо нужно обозреть поступки, из которых возникает речь; ведь речь представляет собой своего рода соединение: одна её часть не зависит от искусства, а другая происходит от искусства». То есть факты не зависят от оратора, но он расчленяет и излагает их сообразно своей цели. «Поэтому бывают случаи, когда не следует рассказывать каждый факт последовательно: такой способ изложения трудно запомнить. Один способ повествования слишком прост; другой обладает прелестью разнообразия и не столь лишён изящества. Но ваша задача — пробудить воспоминание об известных фактах; поэтому многие предметы вовсе не потребуют повествования. Если, например, вы хотите восхвалить Ахилла, все уже знают

его деяния, и вам следует просто воспользоваться ими без рассказа. Если же кто-нибудь хочет восхвалить Крития, рассказ необходим, потому что немногие знакомы с его подвигами».[127]

[10] Так и когда мы проповедуем о второстепенных и менее знакомых лицах Писания, вполне уместно рассказать все относящиеся к ним факты. Но если речь идёт об одном из великих библейских героев, нужно выбрать один из двух путей. Можно отобрать важнейшие или характерные моменты его истории и рассказать о них так, чтобы выявить главные уроки этой истории, вводя нужные для цели подробности и решительно опуская все прочие. Так удобно рассматривать историю Иосифа, Иова, Иоанна Крестителя. В таком случае каждый оратор будет упоминать или развёртывать разные части истории в соответствии со своей особой целью; подобно тому как речь Стефана и речь Павла в Антиохии Писидийской весьма по-разному очерчивают историю Израиля, или как Павел в двух речах, рассказывающих о его обращении, в каждой подробнее раскрывает то, что в другой лишь слегка затрагивает, приспосабливая повествование к характеру и нуждам слушателей.[128] Но обычно лучше избрать одно событие из жизни человека или одну черту его характера и рассказывать лишь о том, что относится к ней. Проповедуя о кротости Моисея, можно кратко указать те обстоятельства его воспитания и жизненного пути, которые особенно препятствовали развитию кротости, а затем живыми штрихами рассказать о главных случаях её проявления, а также о случаях, когда она временно ему изменяла. Речь уместно завершить несколько более пространным приложением всего сказанного к нам самим. Такое изложение истории

Моисея произведёт гораздо более сильное впечатление, чем попытка очертить её целиком.

11 Повествование обычно помещают во вступлении к проповеди. При этом следует особенно стараться, чтобы оно не было слишком длинным, не уходило в части истории, не связанные с замыслом речи, и не прерывалось, кроме весьма редких случаев, замечаниями о посторонних предметах, которые рассказ может подсказать. Здесь особенно велика опасность нарушить законы единства и соразмерности.

12 Помимо случаев, когда темой служит какая-либо библейская история, постоянно будет возникать повод черпать иллюстрации из истории Писания; при этом особенно потребуется умение кратко и интересно повествовать об используемых событиях. Счастлив проповедник, способный таким образом поддерживать в памяти слушателей вечную свежесть прекрасных и священных историй, которые не только сладостны детскому сердцу и полны наставления для юности, но при верном рассмотрении обретают новый интерес и смысл на каждом этапе жизни.

13 Довольно распространённый недостаток кафедральной речи — напыщенная манера повествования. Проповедник приходит в возбуждение и сообщает простой факт или рассказывает незамысловатую историю с такой горячностью и шумливостью, что это оказывается крайне неуместным. Квинтилиан остро высмеивает тех, кто считает ниже своего достоинства излагать факты повседневным языком; кто не кажется себе красноречивым, пока не приведёт всё в волнение громкими криками; кто, вместо простого рассказа, видит здесь поле для самопоказа и «изгибает голос, откидывает

шею, бросает руку к боку и буйствует во всевозможных мыслях, словах и стилях».[129] Усвоим этот урок.[130]

[14] Описание обычно составляет необходимую часть повествования: отдельные его сцены в той или иной мере описываются. Часто приходится также описывать библейские сцены вне их повествовательной связи — например, во вступлении к проповеди, при использовании исторических иллюстраций из Писания и так далее. И хотя здесь мы говорим о повествовании и описании только применительно к событиям и сценам библейской истории, очевидно, что то же умение может применяться к огромному разнообразию иллюстративного материала из любых других источников, о котором необходимо живо рассказать или который нужно живо описать, чтобы он произвёл впечатление. Один видный американский проповедник сказал: «Тот, кто хочет удерживать внимание народа, должен либо рассказывать истории, либо рисовать картины».[131]

[15] Способность к описанию, конечно, отчасти природный дар. Но многие умные люди удивляются и сетуют, что не умеют описывать, хотя никогда по-настоящему не пробовали: никогда не упражнялись в этом вообще и никогда внимательно не изучали ни одной сцены или предмета, которые пытались описать. Такие люди понимают, что не могут разработать доказательство без значительного предварительного размышления, но словно не сознают, что для хорошего описания необходимо соответствующее усилие.

[16] Кто хочет что-либо описать, должен это увидеть — не обязательно телесными глазами, но мысленным взором. Поэтому начинать нужно с получения достоверных сведений о сцене или предмете; по возможности эти

сведения должны охватывать и подробности. Что касается библейских сцен, часто необходимо близкое знакомство с библейской географией, нравами и обычаями иудеев. Собирая такие сведения и после их сбора, нужно сосредоточивать ум на сцене, чтобы воображение сделало её зримой; следует рассматривать её, как пейзаж или картину: сначала обозреть целое, затем внимательно изучить наиболее интересные подробности, после чего вновь охватить всё общим взглядом. Это нужно продолжать, меняя точку зрения и вновь напрягая воображение, пока вся сцена не предстанет ясно и живо перед мысленным взором. Только тогда человек подготовлен к её описанию.

17 Теперь вспомним, что оратор должен описывать не так, как мог бы описывать автор поэмы, романа или книги путешествий: его описание должно быть кратким и подчинённым целям речи. Отсюда можно в общих чертах понять, как его строить. Очертания картины нужно набросать быстро; они могут быть грубыми, лишь бы оставались отчётливыми. Затем следует представить несколько заметных или характерных черт сцены. А при некоторых из них — дать немного самых выразительных подробностей, которые побудят воображение слушателя самому дополнить картину. В этом состоит великое искусство описания, особенно для оратора: пробудить воображение слушателя так, чтобы он увидел сам. Иногда несколько подробностей настолько характерны, что для создания картины им достаточно самого лёгкого обозначения общих очертаний; как в карикатуре одна-две особенные черты, несколько преувеличенные, вместе с несколькими грубыми линиями смешнее законченной картины, потому что больше подсказывают воображению. И даже там, где нет особенно поразительных

подробностей, можно придумать отдельные лёгкие штрихи, которые оживят всё целое. Если наше знание фактов таких штрихов не даёт, допустимо открыто представить их как воображаемые, заботясь, чтобы они внушали лишь то, что согласуется с фактами. Так, в замечательной домашней сцене в Вифании, описав Марию, сидящую у ног Иисуса и слушающую Его слово, можно вообразить Марфу, подошедшую к двери комнаты, с лицом, разгорячённым волнением и досадой. Напрасно стараясь поймать взгляд Марии и вызвать её, она наконец идёт прямо к Самому Учителю со своей жалобой-просьбой. Этот мимолётный взгляд на Марфу до её входа поможет сделать сцену зримой.

[18] Избегайте пространных, тщательно выписанных описаний. От проповедника ожидают неизменно практической цели и столь поглощающей его серьёзности, чтобы у него не оставалось времени рисовать законченные картины. Слушатели с хорошим вкусом всегда почувствуют их неуместность. Искушению давать изощрённые описания ради демонстрации своего таланта, разумеется, нужно сопротивляться, как и всякому иному искушению самопоказа. Но мы не сможем наилучшим образом использовать исторические части Писания или с пользой применять другие повествовательные и картинные иллюстрации, если не будем развивать способность рассказывать и описывать. Тот, кто, руководствуясь верными принципами, терпеливо стремится сперва ясно увидеть, а затем описать так, чтобы побудить к видению других, вскоре может сам удивиться, с какой лёгкостью и удовольствием ему удаётся немногими словами оживлять историю или сцену из Библии.[132]

[19] § 3. Объяснение предметов

[20] Здесь также подразумевается не только общий предмет речи, но и любые другие идеи, входящие в рассуждение. И первое, и второе часто требует объяснения. Многие вопросы истины и долга неясны и без посторонней помощи практически непонятны обыкновенному уму; многие вопросы мучительно затрудняют людей. Отвечать на такие вопрошания, прояснять трудности и делать путь истины и стезю долга как можно яснее — столь же важная часть труда проповедника, как и объяснение Писания.

[21] Одно из средств объяснения предметов — определение. «Определение само определяется этимологией слова. Оно обозначает пределы понятия. Если определить определение положительно, мы скажем, что оно учит, из каких элементов состоит понятие как целое. Оно заключается в соединении нескольких общих понятий, одно из которых ограничивается другими. Когда понятие, так сказать, укреплено и окопано, так что со всех сторон отражает понятия, которые могли бы с ним смешаться, предмет определён. Нельзя смешивать определение и суждение. Определение лишь удостоверяет тождество; суждение выражает отношение… Определение стремится дать нам знание; суждение — оценку. Однако весьма часто определение даёт оценку и включает суждение, а суждение равносильно частичному определению. Всё же нельзя смешивать с определением те суждения, которые подчёркивают какую-либо черту предмета и предназначены лишь для возбуждения того или иного чувства к нему. Примеры:

[22] „Реки — это дороги, которые движутся и несут нас туда, куда мы хотим идти“.

[23] „Лицемерие — дань, которую порок платит добродетели“. „Время — сокровище бедных“.

[24] „Гробница — памятник, поставленный на границе двух миров“.

[25] „Любовь есть исполнение закона“.

[26] Когда понятие признака не исчерпывает понятия предмета и одно нельзя безразлично подставить вместо другого, перед нами не определение, а суждение… Определение, конечно, есть суждение, но такое суждение, которое содержит или порождает все суждения, какие когда-либо можно высказать о предмете. И наоборот: соединяя все суждения, какие когда-либо можно высказать о предмете, мы получаем определение».[133]

[27] Далее Вине приводит примеры определений, включая одно, которое очень часто называют определением, но, несомненно, неправомерно: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). О вере можно высказать и другие суждения, помимо этого. Вера есть осуществление ожидаемого и так далее — точно так же, как любовь есть исполнение закона. Можно сказать, что вера — средство единения со Христом; но это не значит определить веру. В действительности, как мы уже заметили, она едва ли нуждается в определении или допускает его.

[28] Иногда легче всего определить понятие, связав его с другим понятием — через различение или сравнение.[134] А вместо определения или в дополнение к нему часто

полезно прибегнуть к пояснению примерами, о чём говорится ниже.

[29] «Определение — не только средство ясности, элемент наставления, основание аргументации; часто оно является началом доказательства. Во всяком случае, строгость и надёжность доказательства пропорциональны точности и ясности определения». Каждый замечал, как важно в начале спора, публичного или частного, точно определить вопрос; иначе неизбежно смешение понятий.[135] Но столь же важно, хотя это не столь очевидно, при самостоятельном рассуждении ясно определить для себя рассматриваемый предмет. На деле в этом случае это ещё важнее: спор рано или поздно заставит стороны заметить, что они неясно поняли вопрос или поняли его по-разному; тогда как одинокий мыслитель или оратор, которому никто не отвечает, может навсегда остаться в путанице или заблуждении, вызванных отсутствием чётких понятий с самого начала. То же относится к определению основных терминов. Но хотя мы должны всегда давать определение самим себе, не всегда необходимо давать его слушателям. Удачная формулировка темы часто уже достаточно ясна и точна; либо мы видим, что само рассуждение наиболее действенно создаст ясное и определённое представление о предмете. Во всех произносимых определениях следует избегать формализма и «слишком тонких различений и классификаций, предполагающих у слушателя большую привычку к отвлечённому мышлению и точное знание языка».[136]

[30] Второе средство объяснения понятий — деление. Но способы деления предмета и изложения разделов удобнее

всего рассмотреть, когда мы перейдём к построению речи.[137]

[31] Пояснение примерами часто необходимо и почти всегда полезно в деле объяснения. Обыкновенный ум нелегко схватывает общие определения, выраженные отвлечёнными словами; да и для самых образованных мыслителей идея станет живее и интереснее, если к точному определению добавить подходящий пример. Было бы трудно посредством определений ясно показать широкой аудитории разницу между гордостью и тщеславием. Но если предположить определённые обстоятельства и показать, как поступил бы в них гордый человек и как — тщеславный, либо взять какой-нибудь поступок хорошо известного лица и спросить, что было его побуждением — гордость или тщеславие, различие можно быстро сделать ясным. Так, вместо попытки объяснить веру можно описать верующего; или, в дополнение к общему изложению того, что делает христианина счастливым, дать идеальный портрет счастливого христианина.[138] Ещё полезнее примеры из действительной жизни. Каждый проповедник таким образом использует свои жизненные наблюдения, а некоторые делают это с огромной силой. Но помимо лично наблюдённого у нас есть широкие поля истории, особенно библейской, откуда можно черпать примеры. Отбирая их, проповедник должен спрашивать не только о том, что наиболее уместно, но и о том, что будет наиболее понятно и интересно данной аудитории и с чем он сам сможет наиболее успешно работать. Исторические примеры, волнующие одну общину, произведут лишь слабое впечатление на другую, потому что незнакомы ей или не связаны с ней узами сочувствия. В этом, как и в большинстве других отношений, лучшие примеры даёт

библейская история. Они, как правило, знакомы шире, чем большинство других; а если приходится потратить время, чтобы живо представить пример слушателям, это время потрачено хорошо, поскольку оно расширяет знакомство с Писанием.[139]

[32] К самым обычным и полезным средствам объяснения относится сравнение. С ним можно объединить противопоставление, а также аналогию, которая основана на сходстве не самих предметов, а их соответствующих отношений к некоторым другим предметам. Однако аналогия чаще служит доказательству и будет рассмотрена в следующей главе. Противопоставление не требует особого замечания.[140]

[33] Подавляющее большинство притч нашего Господа представляет собой сравнения. «Царство Небесное подобно…» «Кому уподоблю род сей?» Некоторые облечены в форму повествования; другие лишь формулируют сравнение, и Господь использует множество поразительных сравнений, которые никогда не называют притчами. Сравнение Его пришествия с появлением вора (Мф. 24:43–44) поучительно показывает: сравнение тем выразительнее, когда одна точка сходства соединяет предметы или события, во всём остальном весьма различные. Некоторые притчи представляют собой скорее пояснение примером, чем сравнение: например, о богаче, собравшемся предаться покою, о фарисее и мытаре, о добром самарянине. Многие притчи вводятся и ради иных целей помимо объяснения. Однако главным образом они являются сравнениями и прежде всего служат объяснению. Тем самым они впечатляюще показывают нам важность объяснения и ценность сравнения как средства его достижения. Тот же высокий

пример напоминает, насколько желательно черпать сравнения из предметов, знакомых нашим слушателям.[141]

Часть I. Глава VII. Особые виды материала: доказательство

[1] § 1. ЗНАЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ПРОПОВЕДИ. 2. ВОПРОСЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВУ. 3. ГЛАВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ. 4. НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА. 5. ОПРОВЕРЖЕНИЕ. 6. ПОРЯДОК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ. 7. ОБЩИЕ СОВЕТЫ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ.

[2] ЛЮДИ любят доказательство — не столько его формы, сколько его сущность. Развитой ум находит в нём приятное и привычное упражнение. Даже те, кто никогда не изучал логики и не пользовался ею сколько-нибудь формально, получают удовольствие от самого дела. Вы увидите, как светлеют лица неграмотных селян, когда довод, взятый из области, доступной их мысли, или соответствующий их вкусу, изложен так ясно, сильно и интересно, что они без труда овладевают им и чувствуют всю его силу и убедительность. Доказательство в логическом и вместе с тем общеупотребительном смысле слова составляет очень большую и важную область материала проповеди. Правда, есть проповедники, которые, по-видимому, считают, что рассуждать им незачем и что всё должно совершаться посредством властного утверждения и страстного призыва. Эта мысль не нова: уже Аристотель жаловался, что прежние авторы риторик занимались лишь средствами убеждения через обращение к чувству и предубеждению. Но проповедникам в действительности весьма нужны доказательства, и существует много причин должным образом рассмотреть их значение в проповеди.

[3] § 1. ЗНАЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ПРОПОВЕДИ

[4] Многих противоречащих и сомневающихся надо убедить как в истинности христианства, так и в истинности того, что мы представляем его учениями. Многие веруют в обоих отношениях, но их религиозные чувства и деятельность могли бы немало оживиться благодаря убедительным и впечатляющим доказательствам того, что это действительно так. «Даже в случаях, когда рассуждение кажется излишним, оно может быть очень полезно, поскольку его цель — не столько доказать ещё не принимаемое на веру, сколько наполнить ум свидетельствами и, если можно так выразиться, умножить сияние истины».[142] Кроме того, в христианских странах есть множество людей, которые говорят, что веруют, потому что не отвергают и не подвергают сомнению; их ум остаётся по отношению к Евангелию в отрицательном состоянии, которое нередко является самой губительной формой неверия. Доказательство истинности, ценности и требований Евангелия, опасности и виновности их положения — одно из средств, которыми мы должны стремиться, при особом благословении Духа, привести их к подлинной, действующей вере. «Доказательство также часто полезно для возбуждения чувств. Ум заинтересовывается истиной, допускающей ясное доказательство… Наиболее успешные проповедники как орудия немедленного обращения, наиболее успешные проповедники пробуждения часто вначале бывают строго доказательными. Так они приобретают силу воздействовать на совесть и сердце».[143]

[5] Некоторые формы заблуждения, возвышающие умственное за счёт духовного, получают широкое

признание, особенно у определённого склада умов, благодаря доказательному облачению, в котором выступают. Учители этих заблуждений приходят к людям, привыкшим сонно соглашаться с истинами, которые никогда не слышали энергично обсуждаемыми, приятно упражняют их способность рассуждать — и завоёвывают их. Даже защитники здравого учения порой поддерживают его весьма нездравыми рассуждениями и тем самым открывают путь проницательному противнику, который опровергнет их доводы и благодаря этому будет казаться опровергшим само учение.

[6] Следовательно, каждому проповеднику следует развивать и дисциплинировать свои способности к доказательству. Если он не расположен рассуждать, надо понуждать себя к упражнению; если же от природы сильно склонен к этому, необходимо помнить о серьёзной опасности обманывать себя и других ложными доводами. Тому, кто не изучил внимательно какого-нибудь хорошего труда по логике, следует воспользоваться первой возможностью сделать это. Такой труд сделает ум острее в обнаружении ошибок у других и у себя и поможет укрепить привычку рассуждать здраво. Тот факт, что, как нередко насмешливо замечают, «проповедникам никто не возражает», должен сделать для них делом чести не вводить слушателей в заблуждение дурной логикой и побуждать к чрезвычайной заботе об избежании самообмана, который некому обнаружить в лице проницательного противника. Разные проповедники находят полезным упражнением в этом отношении хорошо устроенные дискуссионные общества, продолжительный спор с другом в личной беседе, а иногда газетную полемику. Но надо постоянно напоминать себе, что спорят ради истины, а не ради

победы, и, как правило, никогда не защищать положения, в которое сам не веришь. Противоположный путь неизбежно повредит тонкому восприятию истины и горячей любви к ней.

[7] И всё же в проповеди не следует действовать так, будто всё нуждается в доказательстве. Некоторые вещи доказать невозможно; другие не нуждаются в нём; третьи уже достаточно доказаны и теперь должны приниматься как данность. Ненужное пространное доказательство лишь пробудит сомнение или вызовет усталость и отвращение. Обычно мы можем исходить из истинности Писания.[144] А относительно того, чему Писание ясно учит, хотя иногда и требуется рассуждать, часто верно сказанное Спердженом: проповеднику следует «говорить догматически». «Голос истинной власти желателен почти всякому. Мы заранее расположены в пользу людей, которые в этом мире неуверенности и замешательства выражаются о серьёзном предмете уверенно и повелительно… Личность проповедников — ничто, их весть — всё; и они требуют уважения не к своей личности, а к своей вести. Но столь же виновны были бы они, не требуя этого уважения к Божественной мысли, хранителями которой являются, сколь глупы и смешны, требуя его к собственным мыслям».[145] Однако среди протестантов право говорить с такой властью будет признано лишь там, где проповедник показывает, что способен, когда это уместно, доказать всё утверждаемое.

[8] Доказательство в проповеди имеет одну особенность. Есть великий авторитет — Слово Божие, чьи ясные высказывания по любому вопросу проповедник должен признавать решающими и окончательными. Это доказательство без рассуждения в узком смысле.

Несколько сходным образом все люди доказывают что-либо прямым обращением к сознанию. «Вы знаете, что это верно» — в некоторых случаях такая фраза решит вопрос. Так же часто мы обращаемся к здравому смыслу; хотя следует заметить, что люди нередко выдают за суждение здравого смысла лишь собственное мнение, вывод, достигнутый путём рассуждения, но настолько неясного, что он ускользает от сознания и тем самым скрывает свои ошибки. Однако Писание даёт мерило окончательного решения, имеющее гораздо более частое и широкое применение. Это вовсе не позволяет нам обходиться без доказательств. Иногда нужно доказать, что Писание действительно является таким мерилом; а показать, чему учат различные места Писания по определённому предмету, нередко требует не только толкования, но и доказательства. Многие истины приходится устанавливать отчасти рассуждением на других основаниях, подкреплённым и подтверждённым косвенными наставлениями Библии; и верующим приятно, а неверующие требуют, чтобы мы везде, где возможно, показывали согласие разума и опыта с учениями откровения. Таким образом, доказательства нужны постоянно. Но во всех рассуждениях надо заботиться о том, чтобы считать авторитет Писания высшим, а там, где его высказывания ясны и несомненны, — решающим.[146]

[9] § 2. ВОПРОСЫ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВУ[147]

[10] Есть несколько вопросов, которые, если вообще требуют рассмотрения, должны рассматриваться в начале доказательства и которые здесь объединены под названием предварительных.

[11] (1) Следует ли формулировать тезис вначале? В уме самого говорящего он, несомненно, должен быть совершенно ясен. Доказывать неизвестно что — занятие праздное и во многих отношениях вредное. Как общее правило, тезис следует ясно высказать слушателям. Если предмет очень труден для обычного понимания, возможно, лучше представлять его по частям: сперва дать отдельные доводы, которые и разъяснят, и обоснуют тезис, а затем сформулировать его в заключение. Или если известно, что слушатели не желают обсуждения данного предмета либо сильно предубеждены против доказываемого положения, возможно, лучше временно воздержаться от формулировки тезиса. Но и здесь часто предпочтительнее говорить откровенно и смело. Людям всегда не нравится, когда их застают врасплох, и особенно нетерпимы они к этому со стороны проповедника, чью логическую стратегию так легко заклеймить как неискренность. Проповеднику всегда следует по возможности избегать впечатления, будто он противник слушателей. Намерения его дружелюбны, и скрытности он не желает. Поэтому лишь в случае сильнейшего отвращения, крайнего предубеждения или по какой-либо иной особой причине благоразумно откладывать формулировку тезиса.[148]

[12] Формулируя тезис или любую его часть и на всём протяжении доказательства, нужно тщательно избегать двусмысленных слов, а если употребить их необходимо — ограничить смысл контекстом или ясно определить.[149] Например, в религиозных рассуждениях часто встречаются и своей неоднозначностью весьма нередко затрудняют и вводят в заблуждение следующие слова: необходимый, возможный и невозможный, разум, право и праведность, добро и зло, закон, природа, лицо, церковь.[150] (2) На ком лежит бремя доказательства? В судебных процессах и других спорах решение этого вопроса часто становится очень важным. В проповеди он касается нас лишь косвенно. В полемических проповедях существенно ясно понимать, на ком лежит бремя доказательства; иногда при постановке тезисов и вопросов полезно формально разъяснить это слушателям. И вообще, ради ясного различения и логической точности рассуждения, нужно понимать лежащий в основе принцип бремени доказательства. Он хорошо выражен римской юридической формулой: Ei incumbit probatio qui dicit, non qui negat — доказательство лежит на утверждающем, а не на отрицающем. Иными словами, кто что-либо утверждает, тот должен доказать утверждение; и, наоборот, никто не обязан доказывать отрицание чужого утверждения. Он может опровергать его, утверждая противоположное; но тогда сам становится утверждающей стороной и соответственно должен доказать собственное положение. Далее, утверждение может иметь отрицательную форму, и утверждающий отрицание должен его доказать; так, когда атеист утверждает, что Бога нет, он логически обязан обосновать это утверждение — если сможет. Но очевидно, что сделать этого он не может: как указал Джон Фостер, для

обоснования такого утверждения потребовалось бы всеобъемлющее знание, иначе где-то за пределами знаний атеиста могло бы находиться доказательство существования Бога. Поэтому утверждения в отрицательной форме делаются очень редко; но принцип остаётся верным: утверждающий должен доказать. Кроме того, утверждение может быть отрицательным по действию, оставаясь утвердительным по форме, как в случае доказательства алиби. В определённое время и в определённом месте совершено преступление; обвиняемый доказывает, что именно в это время находился в другом месте; это показывает, что в момент совершения деяния он не был на месте преступления и потому его не совершал. Такова существенная мысль: не особенно важно, где он находился, важно лишь, что не там, однако он должен доказать, что был где-то в другом месте. Значит, фактически он устанавливает отрицательное положение, но делает это, доказывая собственное утверждение, а именно, что в момент преступления был в другом месте. Таким образом, принцип остаётся неизменным и представляется неизменяемым и всеобщим: кто утверждает, должен доказать; никто не обязан доказывать отрицание чужого утверждения. Поэтому несправедливо утверждать без доказательства и требовать от противника доказать отрицание наших слов. Это удобный способ отказаться от рассуждения или уклониться от него, и к нему иногда прибегают. В проповеди мы должны особенно заботиться о безукоризненной справедливости доводов, всегда помня, что, делая утверждение, принимаем серьёзную обязанность доказать его, если можем; это верно и тогда, когда утверждение отрицательно по форме или по действию.

[13] (3) Какое значение имеет презумпция в доказательстве? В ходе рассуждения мы часто встречаем этот вопрос. Он тесно связан с вопросом о бремени доказательства и, подобно ему, имеет мало непосредственного отношения к проповеди, но требует ясного понимания и справедливого применения соответствующих принципов. Поэтому прежде всего важно знать, что понимается под презумпцией. Путаница возникает от употребления слова в разных смыслах. Следует различать три: обычное значение, юридическое употребление и определение Уэйтли.

[14] (a) Обычное значение презумпции. Презумпция в пользу какого-либо положения, в самом общем выражении, — нечто склоняющее нас считать его истинным до исследования доказательств или независимо от формального процесса рассуждения. Иными словами, это та часть свидетельств, которая лежит на поверхности и приводит к вере раньше дальнейшего исследования. Поэтому речь идёт не об отсутствии свидетельств, а, напротив, о заметности их части. При дальнейшем рассмотрении она может подтвердиться или ослабнуть, установиться или быть опровергнута; но сама по себе, в строгом и этимологическом смысле, презумпция — то, что овладевает нами прежде, чем мы формально приступим к исследованию или доказательству. Очевидно, презумпции будут сильно различаться по силе и ценности в зависимости от обстоятельств каждого случая, а также мнений и чувств участников спора. То, что для вас было бы очень сильной презумпцией, для противника может быть слабой или вовсе не существовать. Поэтому, пользуясь презумпцией, надо убедиться, что она будет иметь некоторую силу не только для нас, но и для слушателей.

15 (б) Юридическое употребление презумпции. Ввиду естественных различий в оценке силы презумпций и ради общего блага общества стало необходимо условно устанавливать в некоторых хорошо известных случаях правовые презумпции.[151] Самая знакомая из них — правило, что обвиняемый считается невиновным, пока его вина не доказана. Но это условная презумпция, созданная в интересах правосудия. Её замысел — обеспечить каждому привлечённому за нарушение закона справедливый суд: дело должно решаться строго по доступным доказательствам, и только по ним. В действительности же фактическая логическая презумпция может быть и часто бывает прямо противоположна юридической. Это показывает законный арест подозреваемого. Ордер выдаётся на основании практической логической презумпции виновности; суд же исходит из юридической условной презумпции невиновности. Подобным образом существуют и другие правовые презумпции, которые могут совпадать или не совпадать с логическими, — например, действительность права собственности после определённого числа лет владения или уплата долга по истечении определённого срока. Поэтому такие юридические презумпции не должны путать наше понимание природы презумпции в рассуждениях о человеческих делах, где условные, хотя обычно благотворные, правовые принципы не являются предметом обсуждения.

16 (в) Определение презумпции у Уэйтли. Архиепископ Уэйтли, за которым последовали другие,[152] придал презумпции значение, отличающееся и от обычного, и от юридического употребления. Он определяет её так: «Согласно наиболее правильному употреблению термина, “презумпция” в пользу какого-либо предположения

означает не перевес вероятности в его пользу, как иногда ошибочно думали, а такое предварительное занятие позиции, при котором оно должно оставаться в силе, пока против него не приведено достаточное основание; короче, бремя доказательства лежит на том, кто намерен его оспаривать». Этим определением Уэйтли предполагает то, что следовало доказать; и во всяком вопросе, где мы в каком-либо смысле сказали бы, что презумпция в пользу одной стороны, он предполагает, что бремя доказательства лежит на другой. Если презумпция когда-либо и означает такое предварительное занятие позиции, то, несомненно, не всегда и не обычно. Она может быть на любой стороне или ни на одной, совершенно не изменяя бремени доказательства; ибо оно, как мы видели, зависит от иного принципа: утверждающий должен доказать. Утверждает ли он в согласии с презумпцией или вопреки ей, он всё равно должен доказать своё положение. Презумпция может составлять важную часть его доводов, но не перекладывает бремени доказательства на противника.

[17] Иллюстрации, которыми Уэйтли подкрепляет свою теорию, неубедительны. Он приводит в её поддержку правовые презумпции; но, как мы видели, это условные презумпции, и даже тогда фактическая презумпция может противоречить юридической. Поэтому не следует, что и в таких случаях презумпция переносит бремя доказательства на другую сторону. Далее, Уэйтли говорит,[153] что существует «презумпция в пользу всякого существующего установления», так что бремя доказательства лежит на предлагающем его изменить, «просто на том основании, что, поскольку перемена сама по себе не благо, требующий перемены должен показать причину». Это может быть вполне верно, но не из-за

презумпции, а потому, что предлагающий перемену обычно и по праву является утверждающей стороной. Он утверждает желательность перемены и должен доказать утверждение. Если же противник перемены утверждает, что существующее установление хорошо и его следует сохранить, тогда утверждает он и на нём лежит бремя доказательства. Тогда он вправе пользоваться презумпцией в пользу существующего установления как частью доводов. Таким образом, она может иметь доказательную ценность, но не такую, чтобы всегда или обязательно возлагать бремя доказательства на другую сторону; это, как обычно, зависит от принципа утверждения и отрицания.[154]

[18] (3) Как пользоваться косвенным доказательством? Вместо прямого доказательства истинности тезиса мы иногда прибегаем к косвенному способу: показываем, что противоположное предположение привело бы к чему-либо заведомо неверному или самому по себе нелепому — reductio ad absurdum, сведению к нелепости. Этот приём весьма часто применяется в геометрии, где возможны лишь одно-два иных предположения. Но в рассуждениях о человеческих делах так бывает нечасто, и потому сведение к нелепости важно для нас главным образом при опровержении.[155] В судебных делах доказательство алиби, хотя и косвенное, может, как мы видели, быть весьма убедительным; подобным образом в доказательной проповеди нам нередко приходится показывать ложность или неприемлемость некоторых вещей не столько прямым рассуждением против них, сколько выявлением нравственной красоты или библейской истинности их противоположностей.

[19] § 3. ГЛАВНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

[20] Здесь не предполагается давать формальный разбор и классификацию доказательств, но требуется объяснить природу и употребление главных разновидностей. Это априорное доказательство, дедукция, индукция, аналогия и свидетельство.

[21] (1) Доказательство. Выражение a priori стало применяться столь разнообразно и употребляться столь неточно, что некоторые предлагают от него отказаться. Однако оно встречается постоянно, особенно в богословских и философских рассуждениях, и подходящей замены не предложено. Поэтому представляется желательным ясно изложить различные смыслы, в которых оно употребляется, показать, какие из них законны, какие неоправданны и в каких случаях требуется особенная осторожность.

[22] Рассуждать a priori буквально означает рассуждать от чего-то предшествующего к чему-то последующему; движение в противоположном направлении обозначается выражением a posteriori.

[23] (a) Первоначально авторы логических трудов употребляли это выражение — и до сих пор преимущественно употребляют — для обозначения доказательства от причины к следствию. Поэтому оно, конечно, применимо ко всякому случаю физических причин в собственном смысле, но главным образом применяется к доказательству из необходимого принципа, например ex nihilo nihil fit — из ничего ничто не возникает. Прежде этот вид доказательства в очень широких масштабах применялся для установления

физических явлений и законов. Выдвигался какой-либо принцип, признаваемый необходимым и всеобщим, и на его основании доказывали, что факты существования должны быть такими-то. Но современная наука, основанная на наблюдении, показала, что некоторые из предполагаемых необходимых принципов неверны или не всеобщи. Такие факты не должны заставлять нас, как заставили некоторых, отвергать все доказательства из необходимых принципов, но должны побуждать к большой осторожности в их употреблении.

[24] Вывод из априорного доказательства, если оно проведено логически правильно, будет достоверным, когда, с одной стороны, предполагаемая причина реальна, а с другой — ничто не препятствует её действию. Но если реальность причины или необходимого принципа вызывает сомнение либо её действию могут помешать другие силы, вывод лишь более или менее вероятен. Когда, доказывая наличие у нас откровения, сперва априорно заключают из характера Бога и состояния человека, что откровения следовало ожидать, это лишь вероятностный довод: независимо от откровения мы недостаточно понимаем характер Бога, чтобы с уверенностью заключить, что он должен был побудить Его дать откровение существам в таком состоянии.

[25] Название a priori неточно прилагают к некоторым доказательствам, которые в действительности начинаются с наблюдаемых фактов и в этой мере являются апостериорными, но затем следуют цепи отвлечённых рассуждений о том, что эти факты необходимо предполагают. Таково доказательство существования Бога у Сэмюэла Кларка, постоянно называемое априорным, потому что вводит некоторые

предполагаемые необходимые принципы и большей частью рассуждает отвлечённо; однако, как заметил Гамильтон,[156] оно в действительности начинается с наблюдения: «Мы уверены, что нечто существует».[157]

[26] (б) Употребление выражения постепенно расширилось и включило доказательство из того, что представляется нам общим принципом: не утверждаемым как необходимый, но считающимся верным во всех случаях. Если такой предполагаемый общий принцип не делает определённый результат необходимым, этот результат нельзя вывести из него в качестве априорного доказательства. Принцип в таком случае — лишь обобщённый факт, подобный обобщениям естественной истории, сообщающий, что обычно бывает, но ни в каком смысле не являющийся причиной того, что это так. Однако в этом неоправданном направлении употребление выражения иногда заходит очень далеко. Люди пытаются возвысить до достоинства априорного доказательства, или, как порой говорят, доказательства из общих принципов, то, что в действительности является доводом из их собственного произвольного предвзятого представления, предубеждения, фантастической теории или простого мнения. А некоторые, по-видимому, думают, что всякое доказательство, выглядящее общим или отвлечённым, можно назвать априорным. Поэтому надо следить за неточными применениями выражения у других и самим тщательно держаться законного употребления.

[27] (в) Была попытка придать априорному доказательству ещё один особый смысл: доказательство от сущности к её свойствам.[158] Например: Джон — человек, следовательно, у него есть разум, воля, совесть, телесное устройство и так далее. Но назвать это априорным доказательством

можно лишь упустив различие. «Джон — человек, поэтому он будет поступать по совести» — доказательство априорное, ибо оно означает, что в устройстве человека есть нечто, побуждающее его поступать добросовестно; это действительно доказательство от причины к следствию, дающее лишь вероятный вывод, поскольку действию человеческой совести так часто препятствуют другие причины. Но сказать: «Джон — человек, поэтому у него есть совесть» — значит лишь перейти в рассуждении от общего к частному, выявить одну из частностей, составляющих общее. Это ни в каком смысле не доказательство от чего-то предшествующего, ибо быть человеком не предшествует наличию совести, а включает его. Довод «Джон смертен, потому что он человек»[159] несколько двусмыслен. В строгом понимании он выводит свойство смертности и потому является обычной дедукцией частного из общего. Но если понимать его как «Джон умрёт, потому что он человек», получится априорное доказательство, которое опять-таки идёт от причины к следствию: в человеке есть то, что причинит ему смерть. Так же и при употреблении слова «закон». Когда закон означает «лишь общий факт», например «Закон материальных тел состоит в том, что они притягиваются», и мы выводим частный факт из общего, эта дедукция отнюдь не является априорным доказательством. Если же имеется в виду, что материальные тела содержат в своём устройстве нечто, вызывающее притяжение, тогда можно взять любое отдельное материальное тело и априорно заключить, что оно будет притягиваться. Смешение закона как выражения общего факта с законом, обозначающим то, что причиняет или каким-то образом делает факты необходимыми, привело ко многим ошибочным

рассуждениям в недавних трудах, особенно при обсуждении Божественного Промысла.[160]

[28] Итак, выводить свойство из сущности — значит доказывать априорно лишь тогда, когда в природе или устройстве сущности есть то, что производит свойство, то есть когда доказательство идёт от причины к следствию. Очевидно, именно это имеет в виду Вине, говоря: «Априорное доказательство, доказывающее факт из его причины или природы… Я доказываю априорно, что ложь оскорбляет Бога, потому что Он — Бог истины».[161] Довод состоит в том, что в природе Бога как Бога истины есть то, что необходимо делает ложь оскорбительной для Него; и это действительно доказательство от причины к следствию. Можно добавить: априорные доказательства из природы Бога надо употреблять с большой осторожностью. Бог всегда будет действовать согласно Своей природе, и потому выводы здесь можно было бы делать достоверно, если бы не то обстоятельство, что мы столь несовершенно понимаем Божественную природу и отношение к ней отдельных способов действия. «Бог справедлив, поэтому Он даст всем людям равную возможность спасения»; «Бог благ, поэтому в конце концов спасёт всех людей» — это выводы, для которых даже ангел Гавриил мог бы счесть свои знания недостаточными.

[29] (г) В некоторых современных философских трудах встречается особое употребление a priori. Кант применил выражение «априорное знание» для обозначения знания, которым ум обладает прежде всего, что получает из опыта; соответственно, знание, получаемое из опыта, следующее за опытом, называется апостериорным.[162] Пару противоположных выражений, конечно, можно

поворачивать к разным сторонам света, лишь бы они оставались противоположными друг другу.[163] Употреблению этих двух выражений у Канта, который ясно их определил, последовали некоторые позднейшие авторы. Итак, учащийся должен понимать, что выражения «априорное знание», «априорные истины» и тому подобные означают нечто совершенно иное, чем априорное доказательство. Мы действительно можем рассуждать априорно, исходя из того, что эти авторы назвали бы априорной истиной, например: всякое следствие должно иметь причину; здесь есть точка кажущегося соприкосновения двух значений выражения, но они совершенно различны.

[30] Таким образом, показано, что априорное доказательство при всяком законном употреблении выражения идёт от причины к следствию: от физической причины в собственном смысле, от чего-то в общей природе вещей, делающего определённый результат необходимым, либо от чего-то в природе отдельного предмета или лица, что стремится произвести определённый результат.

[31] При употреблении доказательств — априорных или иных, — касающихся отношений причины и следствия, в привычном языке есть двусмысленности, требующие двух различений. Во-первых, надо различать логическую и физическую последовательность. Например: «Не о многих из них благоволил Бог, ибо они поражены были в пустыне». То, что Бог не благоволил к ним, является логическим следствием их поражения, поскольку доказывается из него; но, так сказать, физически оно предшествует, будучи его причиной. Эти два вида последовательности весьма часто смешивают и легко

могут смешать, поскольку для обоих мы употребляем одни слова: «ибо», «потому что», «поэтому», «следовательно» и так далее. Однако они могут совпадать, противостоять друг другу или существовать раздельно. Особенно часта ошибка, когда за причину чего-либо выдают лишь его доказательство.[164] Во-вторых, важно различать причину и повод. Пьяница говорит торговцу спиртным или собутыльнику: «Вы причина моего пьянства», — тогда как они были лишь поводом, а причиной было его влечение. Устранение некоторых поводов к тому или иному пороку, вероятно, уменьшит зло, но не следует воображать, что тем самым устранена причина. (2) Дедуктивное доказательство. Умственный процесс, называемый дедукцией, — тот, посредством которого мы доказываем или выводим отдельную истину из более общей истины, из другой частной истины либо из некоторого сочетания истин.[165] Его цель, заключённая в происхождении слова, — вести ум от одной истины вниз к другой. Поэтому в некотором смысле всякий вид доказательства включает дедукцию. Так, априорное доказательство — дедукция от причины к следствию; доказательство по аналогии — дедукция из отношений вещей; доказательство свидетельством — дедукция из показаний свидетелей. Но есть много дедукций, не принадлежащих этим особым классам, а представляющих выводы из общих истин, установленных каким-либо путём. Это самая обычная форма дедуктивного доказательства, и очевидно, что значительная часть наших рассуждений имеет такой характер. Силлогистическое рассуждение — полностью и формально выраженная дедукция; но часто в дедуктивном доказательстве тот или иной шаг не высказывается целиком, а предполагается либо как свободно признаваемый, либо как настолько ясный, что

формулировка не требуется. Рассуждения проповедников в огромной мере именно таковы, поскольку состоят главным образом в дедукциях, или выводах, из Писания. В полном выражении силлогизм проповедника выглядел бы примерно так:

[32] Всё Писание истинно и обязательно; это отдельное учение содержится в Писании; следовательно, это учение истинно и обязательно.

[33] Большая посылка — всё Писание истинно и обязательно — обычно и по праву принимается как данность и не высказывается; главное усилие доказательства в проповеди обычно направлено на установление меньшей посылки: рассматриваемое отдельное учение является библейским, будучи либо прямо высказано, либо выведено законным умозаключением.

[34] Такие выводы нужно делать с большой осторожностью. Часто слышимый в разговорном споре ответ «Да, но это лишь ваше умозаключение» показывает общее чувство опасности: наши выводы могут быть гораздо менее достоверными, чем истины, из которых они выведены. Очевидно, требуется большая забота о строгой логичности дедукции. Но важно и другое. В политической экономии обнаруживается, что результаты, дедуктивно полученные отвлечённым рассуждением из общих принципов, необходимо на каждом шагу сравнивать с фактами, иначе в конце окажется, что они уклонились от действительной истины. Так же и в религиозном рассуждении. Очень редко мы можем взять общую истину, вывести из неё ряд следствий, как в геометрии, и быть спокойными за результат. Необходимо постоянно сравнивать выводы с фактами существования и учением

Писания. Любовь к чисто отвлечённому рассуждению уводит многие умы в сторону от религиозной истины. Мысль установить какую-нибудь религиозную истину «совершенным доказательством» обычно обманчива. Человеческая жизнь в действительности не управляется демонстративно доказанной истиной ни об этом мире, ни о будущем. Следует довольствоваться той практической достоверностью, которой позволяют достичь условия существования; и, постоянно делая выводы, как и надлежит, надо соглашаться проверять их фактами и Писанием, чтобы удостовериться в их правильности.

35 «Чистое рассуждение имеет дело с идеями, а не с фактами. Это своего рода геометрия умственного пространства. Однако такая геометрия менее достоверна, чем другая, поскольку значение знаков здесь менее неизменно. Отсюда необходимость не мчаться всё время сквозь пустоту, а часто спускаться на землю, чтобы поставить ноги на факты. Иначе мы рискуем доказать слишком многое и в конце концов потерять чувство действительности. В конце самых здравых рассуждений, когда разум слушателя словно побеждён, нечто более сокровенное, чем логика, поднимается в нём и протестует против ваших выводов».[166]

36 (3) Индуктивное доказательство. Индукцию определяли по-разному. Так, Милль говорит, что это «операция открытия и доказательства общих положений». Но это скорее общее описание, чем определение. Другая формулировка Милля такова: «Индукция — та операция ума, посредством которой мы заключаем, что известное нам как истинное в отдельном случае или случаях будет истинным во всех случаях, сходных с первыми в определённых указываемых отношениях». Профессор Н.

К. Дейвис[167] определяет: «Индукция — непосредственное синтетическое умозаключение, обобщающее из опыта и за его пределы». Каждое слово в этой формулировке важно; когда все они хорошо поняты, определение оказывается точным и полным.

[37] Индукцию также очень просто определяли как «процесс выведения общего правила из достаточного числа частных случаев».[168] Обнаружив, что нечто верно относительно некоторых отдельных предметов, мы заключаем, что то же верно для всего класса, к которому эти предметы принадлежат; впоследствии доказываем это относительно любого нового предмета, просто показывая его принадлежность к тому же классу. В обыденном употреблении индукция — самая распространённая форма доказательства и та, которая чаще всего содержит ошибку. Люди вообще рассуждают от общих принципов или ранее установленных истин гораздо реже, чем от примеров. Примеры они наблюдают лениво и, без широкого сопоставления или тщательного исследования, поспешно заключают, что сделанное определённым человеком правильно и для них; что верное относительно некоторых лиц или всех, которых им случилось заметить, верно для всего класса. Если их сильно побуждают желать именно этого — например, влечение, выгода или предубеждение, — так что к лености присоединяется могучее чувство, неудивительно, хотя и прискорбно, что результатом становится «поспешная индукция». В земледелии или домашнем врачевании широкие массы поддерживают всевозможные правила и следуют им на основании несовершенного наблюдения и поспешной индукции. В книгах путешествий постоянно делают всеобщие утверждения о мнениях, обычаях и характере народа, основанные на весьма поспешной индукции,

подстёгнутой предубеждением. Заметные примеры встречаются в английских книгах об Америке, во многих наших восточных газетах, пишущих о Западе, и многих северных газетах, пишущих о Юге,[169] а также в сообщениях о зарубежных миссиях, составленных некоторыми неверующими или нерелигиозными путешественниками. Из того, что чернокожие никогда не достигали высокой цивилизованности, некоторые уверенно заключают, что они никогда и не смогут её достичь; другие наблюдают отрадный успех в знаниях, достигнутый за короткое время несколькими цветными людьми, и сразу провозглашают, что они от природы высокоодарённая раса. Отдельные лучшие представители так называемых «необразованных» служителей превосходят некоторых весьма слабых представителей «образованных», и это считают доказательством ненужности образования для служения; полуобразованный молодой проповедник глупо выставляет напоказ нечто усвоенное в колледже или семинарии — и это показывает вред образования. Но кто мог бы перечислить или даже широко классифицировать случаи поспешной либо иначе необоснованной индукции, составляющие столь прискорбно большую долю человеческих рассуждений? Будем усердно стремиться ограждать себя от этого плодовитого источника ошибок, исполняя долг перед собственным умом и перед служением учителей истины.

[38] Вопрос о том, какое число случаев «достаточно» для выведения общего правила, зависит от природы предмета. Относительно физических фактов иногда достаточно одного примера. «Химик, установивший на одном образце золота его способность соединяться со ртутью, не сочтёт необходимым повторять опыт с несколькими другими

образцами, но сделает вывод об этих металлах вообще и с практической уверенностью».[170] Но ничего подобного нельзя применить к общественным фактам или к нравственной и религиозной истине. Наблюдение всей жизни человека, жизни местности на протяжении многих лет или всего цивилизованного мира на протяжении столетий часто приводило к ложным выводам о физических явлениях, хорошем государственном устройстве или общественном благополучии. Для надёжной индукции нужно не просто собрать известное число случаев; надо разобрать и сопоставить их, чтобы исключить лишь случайное и выяснить «существенные обстоятельства» каждого.[171] Чем яснее мы различаем причинную связь, объясняющую общий элемент, тем меньше примеров нужно для установления правила. Но причина должна быть действительной причиной, а не простой гипотезой, не чем-то, не имеющим реальной связи с рассматриваемым результатом, и не случайным обстоятельством. Пример последнего: часто заключают, что обнаруженное в нескольких случаях обращения будет верным для всех; но вопрос в том, основано ли это на существенных началах человеческой природы или лишь является результатом особого темперамента, воспитания и прочих обстоятельств.

[39] Аристотель говорит: «Индукция, за немногими исключениями, не свойственна риторике».[172] Поскольку люди так обычно рассуждают, естественно и уместно, чтобы обращающиеся к ним хотели поступать так же; особенно же естественно, что софистические или неосмотрительные ораторы очень часто вводят поспешные индукции, которые можно легко и приятно изложить и которые охотно примут слушатели, чьим предубеждениям они соответствуют. Там, где надёжную

индукцию можно изложить кратко, она в высшей степени уместна в риторике; однако это случается в сравнительно «немногих случаях». Иногда уместна индукция, изложенная полно и даже формально; но такие случаи редки. Помимо доказательства доводами других видов, мы довольно часто можем приводить примеры, подходящие случаи, которые не только поясняют смысл, но подкрепляют доказательство хотя бы вероятной индукцией. И чрезвычайно важно уметь исправлять те тысячи ошибочных индукций — в доводах других публичных ораторов, в газетах и разговорах или в собственном мышлении слушателей, — которыми их умы так легко вводятся в заблуждение.

[40] (4) Доказательство по аналогии. Аналогию всё ещё слишком часто смешивают со сходством, несмотря на настойчивые старания Уэйтли и некоторых других авторов ограничить термин его первоначальным и собственным смыслом. Первичное значение слова — пропорция, и только в этом смысле оно употребляется в математике. Оно обозначает не сходство самих предметов, а соответствие их соотношений или отношений к другим предметам.[173] Ножка стола мало похожа на ногу животного, но они аналогичны, потому что первая в нескольких отношениях связана со столом так же, как нога с животным. Подножие горы аналогично ступне человека, хотя почти совсем на неё не похоже. «Яйцо и семя сами по себе не похожи, но находятся в сходном отношении: первое — к птице-родительнице и её будущему птенцу, второе — к старому и молодому растению».[174] Однако аналогичные предметы часто бывают также похожи, и этот факт помог затемнить различие в людских умах: то, что действительно объясняется аналогией, порой небрежно приписывают

сходству. Кроме того, аналогия нередко тем разительнее, что существует между предметами, совершенно непохожими в других отношениях. Поэтому многие, не видя ясно разницы между аналогией и сходством и замечая к тому же, что слово «аналогия» часто употребляется при большом несходстве в некоторых отношениях, привыкли называть аналогичными предметы, похожие в одних отношениях, но явно различающиеся в других. Милль в своей «Логике» выставляет такое обычное употребление термина как законное и несправедливо пользуется им, чтобы бросить тень на все доказательства по аналогии.[175] Конечно, довод из одного лишь частичного сходства предметов может стоить очень мало. Но положение бывает совсем иным, когда есть сходство, а иногда даже тождество, в отношении двух предметов к третьему или соответственно к двум другим. Если понимать аналогию в этом строгом и собственном смысле, доказательство по аналогии может обладать большой силой. Чрезвычайно желательно, чтобы правильное употребление ограничивало термин его надлежащим значением. Следует соблюдать вот что: никогда не говорить об аналогии между предметами, если нет соответствия — тождества или сходства — в их отношениях к чему-то другому, как бы ни были похожи или непохожи сами предметы. Люди — рабы слов; и если мыслящие люди не сумеют различать, избегать и исправлять такую путаницу в обыденном употреблении важных терминов, рассуждать перед широкой аудиторией будет становиться всё труднее.

[41] Из этого следует, что мы должны тщательно избегать «ошибки заключать о сходстве рассматриваемых вещей потому, что они аналогичны»; и что, когда человек рассуждал на основании аналогии двух предметов, весьма

несправедливо обвинять его в том, будто он представил их похожими. Кроме того, нельзя предполагать, что соответствие отношений предметов, признанных аналогичными, распространяется на все их отношения. Так, поскольку справедливая аналогия была обнаружена между столицей страны и сердцем животного тела, иногда делали вывод, будто увеличение её размеров — болезнь, способная препятствовать некоторым важнейшим функциям или даже стать причиной распада.[176] Вопрос в том, в каких именно отношениях связи этих предметов сходны.

[42] Значительная часть употребляемых нами метафор основана не на сходстве, а на аналогии. Например: «Он — столп государства»; «Париж — сердце Франции». Все умственные и духовные состояния и действия выражаются словами, заимствованными по аналогии из физической области; всё, что мы знаем о будущей жизни, — словами, взятыми от аналогичных предметов или отношений нынешней жизни. Значение таких метафорических выражений во многих случаях установлено и определено употреблением, так что в обычном пользовании они не введут в заблуждение. Но как только мы начинаем на их основании рассуждать, надо очень остерегаться распространения аналогии на то, чего она в действительности не охватывает. Так обстоит дело со словами, описывающими свойства Бога и Его отношения к творениям. Мы, например, называем Бога Отцом, и в определённых отношениях Христос рассуждает от земных отцов к Нему. Но если из того, что отец прощает ребёнка после раскаяния без удовлетворения за проступок, заключить, что Небесный Отец простит и обязан простить нас после раскаяния без необходимости искупления, мы распространим аналогию дальше

допустимого. Бог — Отец, но также Царь; и Его управление — не система несовершенных практических средств, оно должно учитывать требования абсолютной справедливости.

[43] Имеет ли доказательство по аналогии положительную силу? Оно, несомненно, может давать вероятное доказательство положительной истины. Когда наблюдается, что два предмета аналогичны во многих важных отношениях, более или менее вероятно, что они аналогичны и в каком-либо другом, ещё не наблюдавшемся. Но весьма сомнительно, может ли это в каком-либо случае стать абсолютным доказательством. Многие результаты индукции, как мы видели, лишь в высокой степени вероятны; достоверными они становятся только тогда, когда, помимо наблюдения сходства исследованных случаев в определённом отношении, мы различаем и причину этого сходства, которая будет действовать также в неисследованных случаях. То же должно быть верно и для аналогии. Если бы два предмета соответствовали друг другу во всех доступных нашему исследованию отношениях к некоторым другим предметам и если бы мы могли различить причину такого соответствия, необходимо производящую подобное соответствие в иных, неисследованных отношениях, тогда можно было бы с уверенностью заключить, что и во всех этих отношениях они соответствуют. Во многих случаях индукции можно найти причину или хотя бы объяснение общего элемента. Оставляем открытым вопрос, возможно ли когда-нибудь то же в случаях аналогии. И всё же доказательство по аналогии часто прибавляет свою силу к другим доказательствам и делает результат более или менее вероятным даже там, где другого доказательства нет.

[44] Но особенно часто и с большой пользой доказательство по аналогии служит отрицательным целям, опровержению возражений, «подобно оружию, которое, хотя и не может убить врага, отражает его удары».[177] Батлер в своём бессмертном труде с великой силой опроверг возражения против естественной религии аналогией природы, а против религии откровения — аналогией Промысла. Надо помнить, что Батлер спорил с деистами, признававшими существование Бога как Творца и Нравственного Правителя, но возражавшими и против естественной, и против откровенной религии. Если люди говорят, что Богу было бы несправедливо наказывать их за нарушение Его закона, когда они не верили или не знали достоверно, что это Его закон, мы указываем, что так бывает с физическими законами: принявший яд погибнет, даже если не знал или не верил, что это яд. Если возражают, что Бог не мог бы подобающим образом поставить спасение в зависимость от веры в Евангелие, когда возможны сомнения в его истинности, мы напоминаем, что телесная жизнь часто зависит от вызова врача, хотя могут быть большие сомнения, поймёт ли он болезнь и вылечит ли её: приходится рисковать жизнью на основании вероятности либо принимать последствия. Если возражают против учения о первородном грехе как несовместимого с Божией благостью, мы указываем на наследственную болезнь, наследственные склонности к пороку, наследуемое бесчестье. Так же и с учением об избрании. Из огромного неравенства людей по врождённым физическим силам, уму, нравственному характеру и влияниям, окружавшим детство и зрелость, мы могли бы вывести лишь с вероятностью, как положительный тезис, что Бог изберёт одних ко спасению, а других оставит. Как

положительный довод это ослабляется тем, что мы не можем быть уверены во всеобщей аналогии между Божиими действиями в области творения и Промысла и Его действиями в области благодати,[178] а также тем, что самые широкие неравенства земной жизни малы сравнительно с различием спасения и осуждения. Но когда против библейского учения об избрании выдвигают возражение, будто такое различение несовместимо с Божественной справедливостью, мы опровергаем его, указывая на огромные различия, которые Бог несомненно устанавливает в этой жизни.

[45] Когда примеры вымышляют для доказательства, а не только для пояснения, украшения и тому подобного, доказательство всегда должно быть по аналогии. Необходимо лишь, чтобы предполагаемый случай был вероятен. Индукция из нереальных примеров, разумеется, ничего бы не стоила; но лишь вероятные случаи могут дать аналогию рассматриваемому предмету, которая окажется в высокой степени убедительной.[179]

[46] Аналогия действительных и вымышленных примеров иногда употребляется не для доказательства, а лишь для объяснения или придания интереса.[180]

[47] (5) Доказательство свидетельством. Было бы удобно, если бы слова «свидетельство» и «авторитет» можно было строго разделить: первое применять только к фактам, второе — только к суждениям и мнениям.[181] Однако обычное употребление порой смешивает эти слова, подобно тому как людям свойственно не различать факты и собственные суждения о них.[182] В так называемых «духовных проявлениях», о которых столько говорили, есть несомненное свидетельство, что столы поднимаются и движутся без приложения какой-либо видимой и

достаточной физической силы, слышны особенные стуки и происходят другие странные вещи. На основании свидетельства эти факты следует принять без колебаний. Но чем вызваны движения и звуки — неизвестной физической силой или неизвестным духовным действием, — вопрос исключительно мнения. Те, кто чаще всего наблюдал явления, тем самым ещё не лучше всех подготовлены судить об их причине; предполагаемое же толкование стуков и соответствие таких толкований фактам, известным иным путём, широко открывают дверь всевозможным самообманам и мошенничеству. Нужно приучать себя и учить людей тщательнее обычного различать свидетельство о фактах и простые суждения, мнения и гипотезы об их объяснении.

[48] Здесь не место обсуждать общий вопрос о свидетельстве применительно к отправлению правосудия. И всё же служителю полезно внимательно рассмотреть судебные правила доказательств, стараясь в каждом случае найти лежащий в основе принцип, чтобы с необходимыми изменениями применять его к собственным предметам. Кратко будут рассмотрены те стороны вопроса, с которыми проповедник часто имеет дело.

[49] (a) В свидетельстве о фактах следует учитывать, с одной стороны, качества и число свидетелей, с другой — характер засвидетельствованного.

[50] Что касается качеств свидетелей, мы, конечно, рассматриваем прежде всего правдивость, но также разумность и возможность знать факты. Большое число свидетелей очевидно усиливает доказательство, если каждый говорит на основании собственного знания, а не чужих рассказов. Когда таких независимых свидетелей

несколько, в некоторых подробностях их показания будут различаться. Если подробностей много, никто не ожидает, что один человек запомнит и изложит их все; каждый отберёт их согласно тому, что ему случилось заметить, что особенно привлекло его ум, что впоследствии часто приходилось вспоминать, что соответствует общей цели и направлению рассказа или что одно за другим подсказывается естественной связью представлений. Если бы все совпадали в подробностях пространного сообщения, мы были бы уверены, что они каким-то образом узнали это друг у друга либо все черпали из общего источника. Эти принципы знакомы английскому и американскому сознанию. Если бы немцы были привычны к суду присяжных, который существует у них лишь с 1848 года, вероятно, среди них не нашлось бы столь многих способных учёных, отрицающих надёжность евангельских повествований из-за встречающихся в них «расхождений». Эти расхождения, нигде не заключающие действительного противоречия, лишь показывают независимость свидетелей и потому чрезвычайно усиливают их совокупное свидетельство об основных фактах. Доказательство усиливается также явно непреднамеренными совпадениями. Множество таких очевидно ненамеренных совпадений между второстепенными сообщениями в посланиях Павла и в Деяниях показал Пейли в знаменитых Horæ Paulinæ — «Часах с Павлом». Этот труд прекрасно укрепляет доказательства христианства и даёт полезнейшие уроки о ценности свидетельства. И чем менее важен сам по себе предмет таких совпадений, тем несомненнее их непреднамеренность. В подобном случае самые лёгкие вещи часто оказываются самыми весомыми.

[51] Невольное свидетельство противников часто имеет большую ценность. Так, противники христианства первых веков, и языческие, и иудейские, пытаясь объяснить чудеса нашего Господа колдовством, показывали, что считают невозможным отрицать действительность самих событий.

[52] С другой стороны, надо рассматривать характер засвидетельствованного. Вещи, сами по себе маловероятные, конечно, потребуют большего свидетельства, чтобы мы им поверили. Так обстоит дело с чудесами. Занимающие позицию, будто чудеса невозможны, предполагают то, что требуется доказать, и должны обладать всеведением, чтобы убедиться в правильности своей позиции. Но сами по себе чудеса весьма маловероятны.[183] То, что некая духовная сила настолько противодействует великим физическим силам, что временно препятствует их иначе неизменным результатам, — вещь, которой мы естественно верим не сразу. Однако эта маловероятность значительно уменьшается, когда мы видим важный повод для такого вмешательства, например когда чудеса совершаются для удостоверения откровения. Христианские чудеса имеют не только это, но и другое преимущество. Характер и учение Христа неразрывно связаны с чудесами.[184] Отрицающий чудеса отрицает сверхъестественное происхождение характера и учения Христа и потому должен объяснить их как чисто человеческие и естественные; а этого самые способные и изобретательные неверующие, после множества разнообразных попыток, совершенно не сумели сделать. Поэтому вопрос о предварительной вероятности здесь сводится к следующему: что менее вероятно — совершение чудес по такому поводу, как введение

христианства, или чисто человеческое и естественное происхождение характера и учения Христа? Таким образом, общая маловероятность чудес в этом случае значительно уменьшается достаточным поводом для них, а затем более чем перевешивается ещё большей маловероятностью, возникающей при их отрицании.

[53] Кроме того, свидетельство других о чудесах нашего Господа не только сильно и несомненно само по себе, но имеет единственное в своём роде и непобедимое подкрепление — свидетельство Самого Господа. Иисус утверждал, что совершает чудеса; невозможно, чтобы Он обманывался в этом; поэтому либо Он действительно совершал чудеса, либо был дурным человеком. О Его характер все возражения против чудес должны разбиться, как прибой о скалу. И это не круг в доказательстве: не доказательство чудес Христом, а Христа — чудесами. Соединение того и другого позволяет легко объяснить оба; отрицание чудес вынуждает к выводам более невероятным, чем чудесное.

[54] Свидетельство о воскресении нашего Господа часто и основательно рассматривали[185] и показывали его неопровержимость. Особенно усиливает его крайняя медленность веры, проявленная учениками. «Они сомневались, чтобы мы не сомневались».[186]

[55] Никогда не следует упускать свидетельства христианского опыта. Верующий обнаруживает в себе совершённую перемену, свидетельствующую о реальности и силе христианства, и сам в свою очередь свидетельствует другим, что наблюдаемая ими в нём перемена совершилась в связи с верой.

[56] (б) Вопросы мнения, в отличие от фактов, как замечено выше, было бы удобно обозначать словом «авторитет». Но этот термин иногда применяют к свидетельству о фактах, особенно сильному и убедительному, а также часто употребляют для обозначения сочетания фактического свидетельства и надёжного суждения или мнения.

[57] Так называемый авторитет отцов следует рассматривать по-разному в разных случаях. По вопросу о том, какие книги имели апостольское происхождение, они дают свидетельство — хотя у всех, кроме самых ранних отцов, оно не первоначальное, а переданное, — а также авторитетное суждение о весе всей известной им совокупности свидетельств, из которой передают нам лишь часть. Известно, что к таким вопросам они относились весьма критически, и мы вправе придавать большую ценность и их свидетельству, и их авторитету. Но относительно истолкования священных книг, относительно того, чему учит Писание, мы имеем лишь их авторитет, их суждение. Большинство из них были неточными толкователями, и на всех сильно влияли философские мнения, разнообразные предубеждения и особенно, за редкими исключениями, крайнее пристрастие к аллегории. Поэтому, кроме случаев, когда знание греческого, древних обычаев и тому подобного придаёт особый вес мнению отца, их авторитет в вопросе о смысле Писания невелик и, в действительности, по справедливости не равен авторитету некоторых позднейших авторов.

[58] Само Писание — подлинный авторитет. Всё, что оно свидетельствует как факт, тем самым полностью доказано; всё, чему учит как истинному и правильному, тем самым установлено и сделано обязательным. Есть

предметы, в которых Библия — наш единственный авторитет: Троица, оправдание верой, условия будущей жизни и положительные установления христианства, а именно крещение и Вечеря Господня.[187] Христианский мыслитель должен стремиться вполне оценить этот несравненный авторитет и внимательно соблюдать его надлежащее отношение ко всем другим средствам доказательства.[188]

[59] Общепринятые мнения человечества, пословицы и изречения, выражающие совокупное суждение многих, имеют больший или меньший авторитет в зависимости от природы случая. Например, те, которые легко объясняются человеческим суеверием или эгоизмом, могут притязать лишь на малый вес. Пословицы, или то, что простой народ называет «старинными поговорками», очень часто, как замечали, являются лишь ярким выражением некоторой половинчатой истины или результатом поспешного обобщения; и во многих случаях им можно противопоставить другие изречения с прямо обратным смыслом.[189]

[60] Во всём вопросе о доказательствах и вере важно помнить отношение веры и неверия. Что касается многих христианских истин, неверующий в них тем самым вынужден верить во что-то, что займёт их место. Тот, кто колеблется перед трудностями, действительными или мнимыми, сопряжёнными с доказательствами христианства, не должен забывать о трудностях неверия. Мы должны во что-то верить, должны во что-то верить относительно религиозных вопросов; и если уйдём от Христа, «к кому нам идти?»[190]

[61] § 4. НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

[62] До сих пор мы рассматривали главные разновидности доказательств со стороны их существенной природы. Но несколько форм, которые часто принимают доводы независимо от материала и характера, по-видимому, требуют упоминания и объяснения.

[63] Есть форма доказательства, известная как a fortiori, то есть от более сильного к более слабому. Она показывает, что нечто верно в менее вероятном случае, действительном или предполагаемом, а затем настаивает, что с ещё большей уверенностью это должно быть верно в случае более вероятном. Ораторы любят такую форму; она весьма часто встречается в наставлениях Господа и апостолов, где доводы по своей природе преимущественно аналогические или дедуктивные. «Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный…»; «Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!»; «Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?» (Лк. 23:31); «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?» (Рим. 8:32); «Ибо, если через Ангелов возвещённое слово было твёрдо и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано Господом [то есть Господом Иисусом], в нас утвердилось…» (Евр. 2:2–4); «Ибо время начаться суду с дома Божия; если же прежде с нас начнётся, то какой конец непокоряющимся Евангелию Божию? И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где

явится?» (1 Пет. 4:17–18).[191] Это лишь несколько примеров из множества. Они должны убедить нас в пригодности таких доводов при обращении к широкому кругу слушателей.

64 Уэйтли указал и хорошо пояснил примерами форму доказательства посредством постепенного приближения. Часто это хорошая форма для индуктивного доказательства. Доказывая бытие Бога из общего согласия человечества, мы замечаем, что по мере образованности и цивилизованности людей их представления о единстве и нравственном совершенстве Божества поднимались выше; существует поступательное стремление к наиболее возвышенному единобожию, из чего и заключают о его истинности. Или относительно религиозной терпимости: «В каждую эпоху и в каждой стране, как общее правило, начала терпимости, хотя и несовершенно, укреплялись везде, где укреплялось знание Писания. Тем самым возникает презумпция, что дальнейшее продвижение одного повлекло бы соответствующее продвижение другого».[192]

65 Дилемма представляет два предположения такого характера, что одно из них обязательно истинно, но какое бы ни признать истинным, из него дедуктивно следует предлагаемый результат. Таков довод Гамалиила (Деян. 5:38–39): «Если это предприятие и это дело — от человеков, то оно разрушится; а если от Бога, то вы не можете разрушить его». Оно должно быть либо от людей, либо от Бога; и в обоих случаях вывод таков: «Отстаньте от людей сих и оставьте их».[193] Дилемма чаще всего, но не исключительно, применяется для опровержения.

66 Подобным образом reductio ad absurdum, сведение к нелепости, чаще всего, но не всегда, применяется для

опровержения[194] — то есть в рассуждениях о человеческих делах; Евклид очень часто употребляет его для косвенного доказательства. Когда утверждают, что не следует нести Евангелие язычникам, потому что, отвергнув его, они тем сильнее увеличат свою вину и осуждение, мы отвечаем: по этому принципу Евангелие не следует проповедовать и обделённым духовным наставлением у себя дома, и вообще кому-либо, и жаль, что Евангелие вообще когда-нибудь появилось. Принцип, необходимо ведущий к такой нелепости, сам должен быть ошибочным — по аналогии или дедукции.

[67] Довод ex concesso — из того, что уступлено противником или, как известно, признано слушателями, — может употребляться как дедуктивный довод не только для опровержения, но и для установления положительной истины, когда мы уверены в действительной истинности признанного.

[68] Довод ad hominem законно употребляется лишь для опровержения и будет объяснён в соответствующем разделе.[195]

[69] Доводы разных видов по природе или форме часто соединяются в одно сложное доказательство.

[70] Разные ораторы предпочитают тот или иной вид доказательства согласно складу ума и другим обстоятельствам, и человек обычно лучше владеет тем, что предпочитает. Но предпочтение никогда не должно становиться исключительным, иначе ум сделается односторонним. Кроме того, нужно учитывать, какой вид доводов лучше всего соответствует умственному складу, понятливости и вкусам слушателей. Поэтому следует

постоянно стремиться черпать доводы из разнообразных источников и придавать им различные формы.

[71] § 5. ОПРОВЕРЖЕНИЕ

[72] (1) Часто для опровержения заблуждения достаточно доказать противоположную истину; и тогда этот путь значительно предпочтительнее. Заблуждение, даже не названное, просто отпадает и больше не занимает мыслей. Но такого пути не всегда достаточно. Часто необходимо встретить доводы противников, а ещё чаще — устранить возражения против истины. В полемических проповедях, хотя у проповедника может не быть действительного противника, всё же существуют хорошо известные доводы в пользу иного взгляда, которые он обязан опровергнуть: «Чтобы он был силён и наставлять в здравом учении и противящихся обличать. Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков… каковым должно заграждать уста».[196] Правильное чувство к заблуждающимся сделает эту необходимую задачу болезненной. Но по природе все люди получают удовольствие от столкновения. «Мы больше склонны опровергать, чем доказывать, разрушать, чем строить. Это легче, больше льстит самолюбию, лучше согласуется с нашими природными страстями. Во гневе красноречив всякий; любовь и мир редко делают людей красноречивыми».[197] Слушатели тоже легко возбуждаются этим. Всякий побежит посмотреть на драку. А тот, кто принимает облик бесстрашного защитника непопулярных учений, человека с духом мученика, легко приобретает у недумающих своего рода сочувствие и восхищение. Поэтому надо тщательно оберегать себя от искушения нападать на других там, где это в действительности не требуется. Главным в уме должно оставаться желание установить истину, а

опровержение должно быть строго и явно подчинено ему.[198]

[73] Но и вне полемики, когда нет реального противника, в проповеди очень часто возникает необходимость опровергать возражения против защищаемой истины. Везде, где это согласуется с известными фактами, лучше рассматривать их как возражения не придирчивого спорщика, а честного искателя. Вместо того чтобы нападать на предполагаемого возражающего и стараться его победить, приблизимся к нему с добротой и постараемся приобрести его для истины.

[74] (2) В рассуждениях о человеческих делах нельзя всегда, как в геометрии, дать полное опровержение всех возражений. Иногда они слишком слабы, чтобы их опровергать. Кто сразу не видит их нелепости или ничтожности, того едва ли вообще можно заставить это увидеть. Вы насквозь пронзаете призрак мечом, а он стоит. Или вы замечаете, что возражение в действительности лишь предлог либо самообман людей, противящихся истине по не называемым ими основаниям, — возможно, последнее убежище человека, решившего не уступать. Увы, как часто приходится вспоминать двустишие:

[75] «Кто уступает против воли, тот всё же остаётся при своём мнении».[199]

[76] Кроме того, возражения существуют против всего. Уэйтли любил цитировать изречение доктора Джонсона: «Есть возражения против наполненного пространства и возражения против пустоты; однако одно из двух должно быть верно». Основание верить какому-либо положению в области нравственной истины составляют доводы в его

пользу за вычетом возражений, опровергнутых насколько возможно. «Возражение, возможно, останется без ответа, и всё же его можно без опасения допустить, если показать, что против всякого другого предположения существуют более многочисленные и веские возражения. Это крайне важное предостережение для изучающих доказательства религии. Пусть от их противника потребуют, чтобы он, вместо отдельных придирок и вопросов “как вы ответите на это?” и “как вы объясните то?”, построил последовательную гипотезу, объясняющую введение христианства человеческими средствами, а затем рассмотрел, больше или меньше трудностей в его гипотезе, чем в другой».[200]

[77] Следовательно, не следует тратить время на опровержение пустяковых возражений или упоминать возражения, которые никогда не встревожили бы умы слушателей и не дают достаточного основания сомневаться в истине. Герви хорошо говорит:[201] «Оставьте устаревшие ошибки в покое и рассуждайте лишь против тех, которые велики, распространены и опасны». Не следует и браться за опровержение, если не можем сделать это удовлетворительно. Иногда лучше сказать: «Да, признаю, это возражение против моего тезиса; но всё же тезис должен быть верен, как показывают доводы в его пользу». Если же возражения или доводы в пользу противоречащего тезиса действительно убедительны, очевидный долг любящего истину — и, казалось бы, особенно проповедника — признать себя убеждённым и в этом вопросе изменить позицию.

[78] (3) Когда возражения обсуждаются, их следует излагать во всей силе. Это просто справедливо, а также

очевидно разумно. «Выразите его именно так, как, по вашему убеждению, оно находится в уме слушателя, чтобы, слушая ваше изложение, он мог сказать себе: “Вот точно моё возражение; вот именно моя трудность, и мне очень хотелось бы услышать, как проповедник её разрешит”».[202]

[79] (4) Опровержение ошибочного тезиса или возражения против истины достигается показом того, что либо слова двусмысленны, либо посылки ложны, либо рассуждение неверно, либо заключение не относится к делу. Иногда представленное как возражение может быть совершенно истинным, но в действительности не противоречить рассматриваемому тезису.

[80] «Во всех случаях, когда это кажется необходимым, нужно разделить трудность. Опровержение обычно выигрывает от разделения возражения. Редко один ответ способен прямо, единым ударом разрушить все части ошибки… Слушатель видит, как вы побеждаете несколько раз подряд; он замечает множество ошибок на другой стороне и множество истин на вашей».[203]

[81] «Надо уметь переходить в наступление и по возможности обращать возражение в доказательство. Долгая оборона ослабляет нас; чтобы защищаться успешно, надо нападать. Великие проповедники всегда соблюдали это правило. В заблуждении, которое мы разбираем или атакуем, следует находить сами зачатки истины».[204] Покойный Эддисон Александер в проповедях и комментариях обнаруживает замечательное искусство такого превращения возражений в доказательства. Подходящий библейский пример того же метода — Послание к Евреям.

[82] (5) Опровержение ошибки иногда усиливается показом того, как она могла возникнуть. Например, противник крещения младенцев, разобрав те места Нового Завета, которые приводили в его подтверждение, ослабляет всякий довод из нынешнего и давнего существования этого обычая, указывая, как он мог возникнуть во втором или третьем веке.

[83] (6) Часто полезно прибегать к косвенному опровержению. Главная его разновидность — reductio ad absurdum — уже рассмотрена.[205] Довод ad hominem, «к человеку», едва ли когда-либо может надлежащим образом употребляться для установления положительной истины. Обращение к особым мнениям, положению или способу рассуждения слушателя с целью заставить его поверить во что-либо почти неизбежно неправомерно. Но при опровержении, в общении с неразумными возражающими, «которым должно заграждать уста», оно совершенно уместно и может быть весьма действенно. Таков довод Господа в Мф. 12:27: «Если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют?» Он не говорит, что ученики фарисеев действительно изгоняют бесов, а лишь заграждает им уста доводом ad hominem. Подобным образом в 1 Кор. 15:29 — «Иначе что делают крестящиеся для мёртвых? Если мёртвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для них?» — апостол заставляет умолкнуть некоторых противников воскресения мёртвых, указывая на поощряемый ими суеверный обычай крестить живых за умерших некрещёными; такой обычай, как нам известно, существовал в следующем веке. Он приводит это не как доказательство истинности учения о воскресении, а лишь как довод ad hominem, заграждающий уста неразумным противникам. Его собственное осуждение суеверного

обычая не требуется высказывать: в Коринфе оно было бы хорошо известно. Это одна из мер предосторожности при употреблении данной формы довода: мы не должны казаться одобряющими положение или обычай, к которому обращаемся. Надо также заботиться о справедливом употреблении довода. «Из того, что прежде человек придерживался иного мнения, не следует, что теперь он мыслит неверно. Человека нередко упрекают за продвижение вперёд, упрекая в непоследовательности».[206]

[84] Иногда удобно показать ошибочность посылки противника тем, что она «доказывает слишком много», то есть «доказывает, помимо выведенного заключения, другое, явно недопустимое».[207] Ирония как средство сделать противника или ошибку смешными, несомненно, допустима в серьёзной речи: знаменитый пример даёт обращение Илии к жрецам Ваала.[208] Генри Роджерс в «Затмении веры» весьма действенно применяет её против некоторых современных форм неверия. Хотя неверно, будто «осмеяние — проба истины», оно, несомненно, очень действенное средство опровержения претенциозной лжи. Если затронут серьёзный предмет, опровергаемые иронией, конечно, будут громко жаловаться на непочтительность, и некоторые добрые люди могут думать так же; но это лишь требует осторожности, чтобы не сказать ничего, что действительно сделает серьёзный предмет смешным. Очевидно, иронический отрывок в проповеди, кроме весьма особых случаев, должен быть совсем кратким.[209]

[85] К косвенному опровержению близок один софистический приём, «состоящий во встречных возражениях против чего-то иного, что без основания

принимают за единственную альтернативу… Именно так человек обычно отвечает на порицание какого-либо своего порока, представляя другой порок худшим: например, если его обвиняют в пьянстве, он распространяется о большей гнусности воровства, будто необходимо быть либо пьяницей, либо вором».[210] Так же, когда мы возражаем против обычных танцев, некоторые отвечают, что гораздо хуже было бы проводить время в злословии.

[86] (7) Слишком пространное и яростное опровержение иногда препятствует собственной цели. Не только потому, что пробуждает глубоко укоренённые предубеждения, но и потому, что, совершенно подавляя и сокрушая заблуждение, мы можем вызвать нежелание признать, что разделявшееся человеком мнение настолько нелепо, а следовательно — нежелание признать справедливость опровержения.[211] Так, осуждая «приспособление» текстов, если возмутиться и объявить этот обычай невыразимо глупым и нечестивым, можно оттолкнуть некоторых прибегавших к нему людей, и они вообще откажутся признать его неправильным.

[87] (8) Успешное опровержение склонно увлекать за собой симпатии слушателей, поскольку люди обычно сочувствуют победителю. Под влиянием этого чувства они нередко преувеличивают пределы опровержения. Все доводы, приведённые в пользу тезиса, могут быть опровергнуты, а сам тезис всё же остаться истинным на неупомянутых основаниях. Правда, если защитники взгляда — способные люди, естественно предположить, что они не пропустили единственных убедительных доводов своей стороны, и потому здесь нет большой опасности ошибки. Но есть другая, очень большая

опасность. Когда противник легко и сокрушительно опровергает некоторые приведённые доводы, а затем с надменной небрежностью замечает, что таким же образом можно было бы опровергнуть все остальные, если бы стоило трудиться, большинство поверит, что это действительно так, и признает его торжествующим победителем. Поэтому чрезвычайно важно не употреблять сомнительных доказательств, а, представляя дающие лишь вероятность или презумпцию, ясно указывать, что это именно так. Иначе софистический противник опровергнет слабые доказательства или покажет, что лишь вероятные ничего не устанавливают, а затем если не прямо заявит, то предоставит считать само собой разумеющимся, что и другие наши доказательства такого же рода.

[88] Это часто происходило с учением о Божестве Христа. Когда приводят всякое место, хотя бы сколько-нибудь кажущееся учащим этому, социнианин может показать, что многие крайне сомнительны, а многие другие допускают иное понимание; в итоге немыслящие люди решат, будто он полностью уничтожил доказательство или свёл его всего к нескольким местам. Если требуется нарастание, можно начать с показа, что множество мест словно подразумевает это учение, многие другие делают его чрезвычайно вероятным, а затем привести несколько решающих. Но часто лучше, особенно в проповеди, представить несколько сильных доказательств, затем в общем указать, что учение повсюду лежит на поверхности Нового Завета, так что обычный читатель естественно получает это представление; более того, оно пронизывает всю основу и уток новозаветного учения, которое при его удалении разорвётся на клочья.[212] Так следует поступать и во всех других речах на спорные темы. Не занимайте

позиции, которой не можете удержать. Занять передовую позицию может выглядеть очень смело, но если вас обойдут с фланга и вытеснят, раздастся громкий крик торжества. Тщательно различайте доказательства, дающие вероятность — для этой цели они весьма полезны, — и считающиеся решающими. Даже там, где нет полемики, долг перед собственным умом и умами слушателей, а также преданность истине требуют никогда не придавать какому-либо доводу большего веса, чем он заслуживает. «Одно ложное или глупое доказательство делает всю речь подозрительной; оно внушает слушателям презрение к нам и нашему учению и часто оказывается единственной частью, которую они сохраняют в памяти и о которой говорят».[213]

[89] Из-за невежества, лености, предубеждений и частой лживости людей человеческие рассуждения чрезвычайно изобилуют логическими ошибками. Нужно научиться самим избегать их, а у других обнаруживать и разоблачать. Для этого особенно важно изучать системы логики, которые приучают ум различать здравое и ошибочное рассуждение. Мучительно чувствовать, что в доводе что-то не так, но не видеть что; или видеть самому, но не уметь объяснить ошибку другим. Заметим, что такое объяснение часто лучше всего дать, построив сходный довод из материала, более знакомого обычному уму.[214]

[90] § 6. ПОРЯДОК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

[91] Порядок доводов едва ли менее важен, чем сила каждого из них. Превосходство войска над толпой едва ли больше преимущества хорошо устроенной речи перед простой массой разрозненных мыслей. Какое расположение предпочесть в отдельном случае, зависит от разнообразных обстоятельств. Здесь, как повсюду в риторике, можно устанавливать лишь правила относительно того, что обычно бывает лучше.[215]

[92] Очевидно, отдельные самостоятельные доводы следует держать раздельно. Но в практике неопытных рассуждающих нередко видно, как части двух разных доказательств соединяют, а две части одного разделяют вставкой постороннего материала.

[93] Главным соображением при определении порядка доводов должна быть их естественная связь между собой. «Одни доказательства объясняются другими, которые нужно представить заранее для полного действия рассуждения. Одни доказательства предполагают другие. Наконец, некоторые имеют большой вес, если им предшествуют определённые другие, и мало значат без такого предшествования».[216]

[94] Доказательства, вытекающие из самой природы тезиса, обычно должны идти первыми, поскольку их изложение потребует полного объяснения тезиса; «после такого объяснения отношение к делу и сила каждого другого доказательства станут яснее».[217]

[95] Априорные доводы обычно предшествуют другим, поскольку подготавливают ум к более лёгкому принятию апостериорных доказательств. Так, представив априорную вероятность того, что человеку будет дано

откровение и что оно будет сопровождаться чудесами, мы можем добиться внимания к свидетельству, что чудеса действительно были совершены и в связи с ними дано откровение. Здесь свидетельство согласуется с предварительной вероятностью. Но если сначала представить свидетельство о совершившихся чудесах «как обособленных событиях, без какой-либо известной или мыслимой цели», ему придётся столкнуться с сильной предварительной вероятностью против чудес.[218] Однако есть случаи, когда лучше сначала представить более осязаемое и понятное людям доказательство тезиса, например из свидетельства или примера, а затем показать, что это не должно удивлять нас при рассмотрении определённых априорных соображений.

[96] Обычно, если ничто не препятствует, лучше начинать с самых слабых из используемых доводов и заканчивать самыми сильными, образуя нарастание, сила которого хорошо известна.

[97] Но иногда приходится отступать от порядка, определяемого естественной зависимостью доводов друг от друга, из-за известного нам расположения слушателей. Если они недружелюбны к нашим взглядам, полезно начать с одного или нескольких сильных доводов, подходящих их уму, чтобы вызвать уважение и обеспечить внимание. Затем, согласно правилу древних риторов, можно поместить менее важное, а ради последнего впечатления закончить сильнейшим; или, начав с сильнейших доводов и добавив менее важные, но подтверждающие соображения, в конце повторить их в обратном порядке и так получить эффект нарастания.[219]

[98] Какое место должны занимать доводы из Писания по отношению к почерпнутым из разума и опыта? Начать,

как нередко делают, с ясных доказательств из Писания, а затем прибавить дополнительные доказательства из разума, истории, общего опыта и тому подобного — представляется унизительным для авторитета Божия Слова. Когда нечто доказано этим Словом, для проповедника вопрос решён; он не может допустить и не должен казаться допускающим, будто требуется ещё какое-либо доказательство. Поэтому, казалось бы, библейские доказательства должны обычно следовать за другими. Но бывают случаи, когда это неудобно; кроме того, для некоторых слушателей доводы разума могут быть убедительнее, а доводы опыта — сильнее по впечатлению, чем самые ясные библейские утверждения. Чтобы учесть эти условия, можно начать с учений Писания, а затем заметить, что здесь, как в действительности повсюду, разум и опыт согласуются с Библией, и так перейти к доводам из этих источников. Этим мы приспособимся к образу мыслей и чувств слушателя и закончим тем, что произведёт на него самое сильное впечатление, не оставляя собственной позиции о верховенстве Писания — позиции, которую, по чувству даже неверующих, сам проповедник должен сохранять.[220] Твёрдо удерживать свою почву и вместе с тем насколько возможно входить в сочувствие с людьми, которых хотим приобрести, — задача, часто возникающая в проповеди и достойная больших обдуманных усилий.

[99] В какой части речи помещать опровержение возражений? «Когда возражение направлено против взгляда, высказанного в определённой части проповеди, его, очевидно, ради действенности этой части следует устранить, хотя и как можно короче, прежде чем переходить к другому пункту».[221] Если возражения касаются общей мысли проповеди и могут быть

опровергнуты независимо от рассуждения и кратко, полезно убрать их с пути прежде, чем начинать собственную линию доказательства. Если опровержение зависит от нашего доказательства или заняло бы много времени, его надо отложить к концу. В таком случае, если некоторые возражения, вероятно, сразу возникнут в уме слушателя и будут по ходу дела препятствовать действию доводов, полезно вначале намекнуть, что до окончания мы намерены рассмотреть некоторые возражения.

100 «Здесь может быть полезен совет: когда предстоит защищать спорное положение, можно получить преимущество, изложив перед началом доказательства одно-два самых веских возражения против противоположных взглядов. Тогда возражающие могут ощутить трудности, которых не предполагали, и многие будут побуждены с большей непредвзятостью слушать доводы в пользу положения; уже принимающие обсуждаемый тезис могут получить дополнительное подтверждение, а равнодушные — увидеть в предмете больше важности, чем предполагали».[222]

101 В формальной публичной дискуссии весьма обычная уловка выступающего первым — настаивать, чтобы противник следовал заданному им порядку тем. В знаменитом споре о венке так пытался поступить Эсхин; Демосфен счёл вопрос настолько важным, что начал речь торжественным обращением к судьям: согласно действительным требованиям их клятвы беспристрастности, пусть каждому из спорящих будет позволено избрать собственный порядок.[223]

[102] § 7. ОБЩИЕ СОВЕТЫ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ

[103] Завершая предмет доказательств, уместно собрать несколько практических советов, хотя часть их косвенно уже заключалась в сказанном.[224]

[104] (1) Отметим некоторые советы по развитию логической способности ума. Важность развития рассудочных сил достаточно ясно следует из всего предыдущего обсуждения, однако несколько советов о том, как это сделать, возможно, не будут бесполезны.

[105] (а) Изучайте книги по логике. Их много, и полного перечисления здесь не требуется и не предполагается. Великие английские труды — работы сэра Уильяма Гамильтона по дедуктивной логике и Джона Стюарта Милля по индуктивной. Они по-прежнему весьма ценны и должны быть прочитаны всеми, кто желает основательно изучить предмет; но это глубокие и сложные сочинения, к которым у среднего проповедника едва ли найдётся вкус или время. Для большинства из нас достаточно двух небольших взаимодополняющих томов профессора Ноа К. Дейвиса; они несомненно послужат прекрасным введением в логику — это соответственно труды по дедуктивной и индуктивной логике.[225]

[106] (б) Изучайте другие книги логически. Есть много книг отчётливо доказательного характера, которые проповедник обязан внимательно читать. Пусть он поставит себе задачей тщательно следовать за доводами, критикуя, сопоставляя, одобряя или опровергая, как требует случай. Помимо такого напряжённого чтения, даже общую литературу следует большей частью читать наблюдательно, аналитически и вдумчиво.

[107] (в) Часто упражняйтесь в доказательстве. Проповеднику необходимо собственное напряжённое мышление; пусть он продумывает предметы до конца, выстраивая в уме процессы рассуждения. Спор в беседе весьма полезен и может вестись хорошо. Непременно пусть спорящий сохраняет спокойствие и вежливость. Добрый Джордж Герберт верно говорит:

[108] «Будь спокоен в споре: ярость превращает ошибку в вину, а истину — в невежливость».

[109] (2) Отметим также несколько советов о ведении доказательства.

[110] (а) Не беритесь что-либо доказывать, если не уверены в его истинности и не убеждены, что можете это доказать.

[111] (б) Пусть доказательство начинается с того, что слушатели полностью признают. Это очевидно важно, но часто упускается.

[112] (в) Пользуйтесь доводами, понятными слушателям и способными произвести впечатление на их умы. Это должно быть правилом, хотя отдельные слушатели могут обладать столь низким уровнем понимания, что мы не можем всегда оставаться в его пределах; а отдельные доводы, непонятные даже большинству, иногда допустимы, если очень действенны для немногих и занимают мало времени. Но нередко видишь, как проповедники представляют целые цепи отвлечённых или иначе непривычных доводов, которых подавляющее большинство слушателей совершенно не понимает и за которыми лишь очень немногие могут следить до конца. Проповеднику более всех следует изучать обычный ум и стремиться вполне понять не только его формы выражения, но — что ещё важнее — способы мысли. Надо

стараться ставить себя на место слушателей и обдумывать, как тот или иной довод будет выглядеть с их точки зрения.[226] «Именно поэтому необразованные люди обладают среди простонародья большей силой убеждения, чем образованные, как и поэты говорят [у Еврипида есть такое изречение], что необразованные считаются у простонародья лучшими ораторами. Ибо одни говорят общезнакомое и имеющее общий характер, другие же говорят из собственного знания и о вещах, близких слушателям».[227] Как верно и ныне относительно многих способных и учёных проповедников, что они умеют говорить лишь об общих положениях из общего запаса человеческого знания и не умеют приспособиться к привычным и приятным массам способам мысли! То, что последнее возможно без жертвы по-настоящему глубокой мыслью и без нарушения утончённого вкуса, показали некоторые служители каждой эпохи и страны, а наиболее явно — тот Великий Учитель, о Котором сказано, — о, какая высокая похвала! — «множество народа слушало Его с услаждением».

[113] (г) Вообще опирайтесь главным образом на библейские доводы и предпочитайте ясные и несомненные. Вступая в религиозную полемику перед широкой аудиторией, обычно лучше мало говорить об огромной массе учёного материала, о которой люди не могут судить сами, а полагаться главным образом на здравое понимание ясных наставлений Писания. Но даже если мы выше мелкого тщеславия выставлять дешёвую эрудицию, часто кажется слишком трудным выработать здравое понимание и слишком лёгким присвоить оставленные учёными груды материала. Боюсь, в этом отношении лишь малая часть полемических проповедей хорошо подходит обычному уму. И вне полемики будем

употреблять преимущественно доводы из Писания. Это общая почва между нами и слушателями. Вообще никакие другие доводы не могут исходить от нас столь уместно или действовать на людей столь сильно. А в общих началах, многочисленных отдельных предписаниях и огромном числе живых примеров добра и зла, находящихся в Библии, у нас есть безграничный запас материала для доказательства.[228]

[114] (д) Не пытайтесь сказать всё; выбирайте подходящее число самых пригодных доводов. Правда, иногда разумное соединение множества сравнительно слабых доводов может произвести большое действие. «Поодиночке они легки, — говорит Квинтилиан, — но вместе наносят урон, если не как молния, то как град».[229] И всё же чрезмерное умножение доводов — очень распространённый недостаток. С мучительным умственным трудом проповедник произвёл их все на свет и, оглядывая с родительской любовью, считает каждый слишком хорошим, чтобы отказаться от него. Но сколько тысяч людей отпустил Гедеон, чтобы победить с тремястами! При слишком большом числе доводов либо речь должна быть чрезмерно длинной, либо их придётся излагать слишком поспешно. «Простой слушатель, воспринимающий быстрое следование разнообразных доказательств, особенно новых и разнородных, находится примерно в положении сельского пришельца, которого торопливо ведут по улицам многолюдного города: тысячи предметов бросаются в глаза, но ни один не оставляет ясного и прочного впечатления в уме».[230] Там, где действительно необходимо представить множество доводов, пусть они будут искусно сгруппированы, а наиболее очевидные изложены кратко, чтобы можно было

остановиться и задержаться на требующих особого внимания.

115 (е) Избегайте формальности. Пусть будет сущность доказательства, но как можно меньше его чисто технических форм и выражений.

116 (ж) Что касается стиля доказательства, главные требования — конечно, ясность, точность и сила. Но простая изящность обычно совместима с ними. А если предмет возвышен и вдохновляющ и вся душа говорящего в огне, какая-нибудь великая молния доказательства может вспыхнуть с неодолимым блеском.[231]

Часть I. Глава VIII. Особые виды материала: иллюстрация

[1] § 1. РАЗЛИЧНЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ ИЛЛЮСТРАЦИИ. 2. ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ. 3. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ ПРИ ИХ УПОТРЕБЛЕНИИ.

[2] § 1. РАЗЛИЧНЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ ИЛЛЮСТРАЦИИ

[3] Иллюстрировать, согласно происхождению слова, значит проливать свет — или придавать блеск — какому-либо предмету; поэтому в строгом смысле иллюстрация включала бы только объяснение и украшение. Но то, что объясняет, может также содержать доказательство по аналогии; а то, что украшает предмет, может одновременно связывать с ним трогательные ассоциации. Поэтому то, что мы называем иллюстрациями, употребляется для объяснения, доказательства, украшения, привлечения внимания, пробуждения чувств и облегчения запоминания.[232]

[4] Строго говоря, иллюстрацию нельзя было бы назвать отдельным видом материала речи. Как средство объяснения, доказательства или пробуждения чувств она относилась бы к разделам объяснения, аргументации и применения;[233] как средство украшения — к изяществу стиля.[234] Но поскольку одна и та же иллюстрация часто служит разным целям, а правильное обращение с иллюстрациями имеет большое практическое значение, лучше рассмотреть этот предмет отдельно.

[5] (1) Пожалуй, главное назначение иллюстраций — объяснять. Они делают это либо приводя пример рассматриваемого явления, подходящий случай,[235] либо представляя нечто сходное или аналогичное, благодаря чему предмет становится ясным.

[6] (2) Но иллюстрации также очень часто употребляются для доказательства. В редких случаях это делается посредством примера, позволяющего сделать индуктивный вывод;[236] обычно же перед нами доказательство по аналогии.[237] В главах 6 и 7 Послания к Римлянам апостол вводит три иллюстрации, показывая нелепость предположения, будто оправдание верой поощряет грех: верующие умерли для греха и воскресли для иной жизни; они перестали быть рабами греха и стали, так сказать, рабами святости, рабами Бога; они перестали быть в браке с законом и соединены с новым мужем — Христом, Которому теперь должны приносить плод. Каждая из этих иллюстраций не просто объясняет положение верующего, но заключает доказательство по аналогии. То же относится к маслине в главе 11. Прежде мы уже видели, что доказательства по аналогии чаще всего и надёжнее всего применяются для опровержения; а когда они служат утверждению положительной истины, необходима великая осторожность, чтобы не вывести больше, чем они действительно доказывают.

[7] Тот факт, что иллюстрация может давать доказательство одновременно с объяснением, украшением и прочим, требует особого внимания. Какая-либо аналогия может быть настолько красивой, забавной или трогательной, что мы не заметим её законной доказательной силы. И напротив, сравнение может быть настолько прекрасным украшением, что ему припишут доказательную силу, хотя

в действительности это лишь уподобление, основанное на сходстве, без подлинной аналогии, а значит, и без доказательства.[238] Следует внимательно рассматривать иллюстрации, употреблённые для других целей, и выяснять, содержат ли они также довод.

[8] (3) Иллюстрации ценны как украшение. Их вид и количество при таком употреблении должны подчиняться общим принципам изящества стиля.[239] Те, кто замечает в себе сильную склонность к украшению иллюстрациями, должны строго сдерживать себя и так воспитывать вкус, чтобы он отвергал всё, кроме подлинно прекрасного. Тем же, чей стиль лишён подобных украшений, следует искать их — не привязывая к предмету поношенные и выцветшие искусственные цветы, а помогая самому предмету расцвести, если его природа вообще это допускает.

[9] (4) Иллюстрации — превосходное средство пробудить внимание. Часто они удачно служат этой цели во вступлении, с самого начала обеспечивая интерес слушателей. Но, пожалуй, ещё полезнее они в ходе самой речи, особенно если внимание было несколько напряжено доказательством или описанием и начинает ослабевать. По выражению Бичера,[240] они дают уму разнообразие и отдых, а это очень важно.

[10] (5) Нередко они также усиливают впечатление от предмета, возбуждая родственное или подготовительное чувство. Так, в притче о блудном сыне естественная трогательность самого рассказа касается сердца и готовит его ещё сильнее воспринять мысль о готовности Бога принять возвращающегося грешника. Большинство проповедников очень широко используют иллюстрации для этой цели. Рассказ или описание могут иметь некоторую ценность для объяснения, доказательства или

украшения, но главная цель их употребления — пробудить чувства. Это допустимо и полезно, если воспользоваться случаем, чтобы посеять в размягчённую почву семена Божественной истины. Но иногда мы слышим рассказы, притом весьма длинные, которые выдаются за иллюстрации священной истины, а имеют единственным результатом — и, по всем признакам, единственной целью — вызвать мимолётное и бесцельное чувство.[241]

[11] (6) Наконец, иллюстрации сильно помогают слушателю сохранить в памяти урок проповеди.[242] Хорошие рассказы и иллюстрации запоминаются гораздо легче, чем яркие изречения и цепочки доказательств. Проповедникам нередко приходится обнаруживать, что лучшие фразы и глубочайшие замечания легко забываются, тогда как кажущийся незначительным рассказ или образ остаётся. Тем лучше, если они настолько точно соответствуют мысли, что непременно напоминают о доказательстве или ходе рассуждения.

[12] Важность иллюстраций в проповеди невозможно выразить вполне. Во множестве случаев это лучшее средство объяснить религиозную истину, а для обычного человека часто единственное средство её доказать. Украшение также имеет в проповеди законное место; а всё, что помогает тронуть ожесточённые человеческие сердца, неизреченно ценно. Кроме того, какой бы особой цели ни служила иллюстрация, она часто помогает запомнить истину. Иногда, даже если её объяснительная или доказательная сила сперва не вполне понята, иллюстрация, особенно повествовательная, удерживается в памяти до тех пор, пока последующее наставление или опыт не раскроет её смысл. Так часто бывало с первыми

слушателями притч нашего Господа. При проповеди детям и основной массе взрослых иллюстрации просто необходимы, если мы хотим их заинтересовать, научить или тронуть; вместе с тем хорошая иллюстрация всегда приятна и полезна слушателям самого высокого дарования и образования. Пример Господа решает весь вопрос. Каждый проповедник должен внимательно изучать столь многочисленные иллюстрации в записях Его проповедей: их источник, цель, стиль и отношение к другим составным частям Его учения. Среди христианских проповедников разных веков, особенно отличавшихся богатством и удачным выбором иллюстраций, можно назвать Златоуста, Джереми Тейлора, Кристмаса Эванса, Чалмерса, Гатри, Сперджена, Ричарда Фуллера и Бичера.[243]

[13] § 2. ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ[244]

[14] Иллюстрации религиозной истины можно черпать из всей области существующего и мыслимого. Любая классификация источников могла бы показаться праздной, однако для неё есть два основания. Она может побудить проповедника искать такой материал там, чем он сравнительно пренебрегал; а сама попытка классификации даст повод попутно высказать несколько полезных советов.

[15] (1) Наблюдение. Чрезвычайно важно, чтобы учитель религии был внимательным наблюдателем: отчасти для того, чтобы уметь сообразовывать религиозное наставление с действительным характером слушателей и реальными условиями их жизни; но также для того, чтобы черпать из неисчерпаемого запаса иллюстраций, повсюду

открытого человеку, имеющему глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

16 Природа изобилует аналогиями нравственной истины; следует не просто принимать те, которые сами привлекают внимание, но постоянно их искать. Помимо аналогий, воплощённых в привычных метафорах и принадлежащих к общему запасу иллюстраций, существуют почти бесчисленные другие, которые каждый вдумчивый наблюдатель может заметить сам. И здесь, как везде, даже относительная оригинальность придаёт дополнительную силу. Сочинения Джона Фостера особенно богаты такими аналогиями; его биография показывает, что он постоянно их искал и систематически записывал все найденные. Некоторые из самых впечатляющих иллюстраций Господа возникли из Его собственного внимательного наблюдения природы: например, лилия, горчичное зерно, птицы. Заметьте: хотя все они изложены очень красиво, Он использует их ради более высоких целей — объяснения или доказательства. Это важный урок: проповедники, черпающие иллюстрации из природы, слишком склонны вслед за поэтами делать их преимущественно украшением.[245]

17 Ещё более богатое поле, если такое возможно, — человеческая жизнь со всеми её общественными отношениями, разнообразными призваниями и занятиями, деловыми обычаями, производственными процессами и прочим, со всеми меняющимися переживаниями. Здесь личный опыт человека соединяется с наблюдением за другими. И тот, кто действительно и вдумчиво наблюдает жизнь, раскинувшуюся вокруг в необъятном разнообразии и включающую также наш внутренний мир, несомненно,

никогда не будет испытывать недостатка в иллюстрациях. Златоуст, несмотря на несколько аскетические взгляды и усердие в учёных занятиях, изобилует обращениями к действительной жизни: он много наблюдал её, служа диаконом и пресвитером в великом городе Антиохии, прежде чем отправиться в Константинополь. Бичер, годами живший среди целого континента и народа, словно сжатых на нескольких квадратных милях, показывает, что усердно следовал уроку, который, по его признанию, получил от Рёскина: «держать глаза и уши открытыми». Он наблюдал корабли и моряков, знакомился с добрыми и дурными обычаями торговой жизни, с любопытством изучал самые разные производственные процессы, часто посещал свою ферму и внимательно следил за сельскохозяйственными работами и разными сторонами деревенской жизни, постоянно видел и слышал происходящее в собственном доме и домах, куда приходил. Свои наблюдения он дополнял расспросами о многообразном добре и зле огромного мира, бурлившего вокруг; и всегда, повсюду спрашивал себя, пока это не стало постоянной привычкой ума: на что это похоже? Что этим можно пояснить? Отсюда безграничное разнообразие и искрящаяся свежесть его иллюстраций, составлявших заметную часть его проповеднической силы. Сперджен, хотя, возможно, и не равнялся в этом отношении Бичеру, также был внимательным наблюдателем во многих и разнообразных областях; зато из чтения он черпал гораздо больше Бичера.

[18] Не следует забывать, что многие из лучших иллюстраций берутся из самых обычных занятий и самых знакомых жизненных переживаний: можно преуспеть в этом, не живя ни в Нью-Йорке, ни в Лондоне. Основная

масса иллюстраций Господа взята из повседневной человеческой жизни. Из сельскохозяйственных работ мы встречаем посев пшеницы и разные обстоятельства, помогающие или мешающие её росту, жатву, веяние и собирание в житницы, уход за смоковницами и виноградниками, наливание вина в мехи. Из домашнего быта Он говорит о строительстве домов, разных обязанностях слуг и управителей, заквашивании теста, выпечке и просьбе одолжить хлеб поздней ночью, о собаках под столом, починке одежды и моли, которая её портит, о зажигании светильников и подметании дома. В торговле и подобных занятиях Он упоминает покупку дорогих жемчужин, найденное сокровище, деньги, доверенные слугам как капитал, ссуду под проценты, кредиторов и должников, заключение за долги и сборщиков податей. Среди общественных отношений Он рассказывает о пирах, свадьбах и свадебных шествиях, о судье и обиженной вдове, богаче и нищем, милосердном самарянине. Из политических дел Он упоминает царей, идущих на войну; а притча о десяти минах (Лк. 19:11 и далее) во всех подробностях соответствует истории Архелая, происходившей в детские годы Господа. Блудный сын — целая череда прекраснейших картин действительной жизни. И кто может без волнения подумать об Иисусе, стоящем на рыночной площади и наблюдающем игры детей, из которых Он позднее извлёк яркую иллюстрацию? Всё это лишь часть иллюстративного материала, который, по нашим кратким записям Его учения, Он черпал из наблюдения человеческой жизни и почти всегда — из вещей, знакомых всем. Урок очевиден, но над ним следует долго размышлять; нужно также заметить кроткое достоинство,

которым облечены эти обычные предметы: ни одна иллюстрация Господа не вызывает нелепого комизма.

[19] Наблюдение за детьми особенно полезно учителю религии. Они многое открывают в человеческой природе, а их слова и поступки обычно интересны взрослым. Но никогда не будем повторять примечательные слова ребёнка в его присутствии или как-либо льстить детям, как иногда поступают проповедники. Воспоминания о собственном детстве становятся всё интереснее с годами; однако, пользуясь ими, нужно остерегаться преувеличивать и приукрашивать их, впадать в самолюбование или воображать, будто эти, возможно, незначительные вещи непременно будут так же интересны другим, как нам самим.

[20] Рассказы о действительном опыте религиозной жизни — собственном или опыте знакомых нам людей — обычно вызывают общий интерес и часто служат превосходными иллюстрациями как подходящие случаи. У великих проповедников духовного пробуждения обыкновенно бывает множество таких рассказов, почерпнутых из наблюдений в других местах, и они часто используют их с большим успехом. В этом один из секретов силы некоторых сравнительно невежественных проповедников в отдалённых местностях. Они свободно рассказывают о собственном опыте и не стесняются упоминать даже людей из соседней округи, если их случай может стать поучительным.[246] (2) Чистый вымысел. Вполне допустимо придумать иллюстрацию, даже в форме рассказа, если она правдоподобна и если мы либо показываем, что она вымышлена, либо не ставим ничего в зависимость от предположения о её действительности. Представляется почти несомненным, что некоторые притчи Господа в

этом смысле вымышлены. В одном случае это видно из самой формы выражения: «Вышел сеятель сеять». Когда вымышленная иллюстрация служит доводом, необходимо особенно заботиться о её добросовестности. Полемизирующие ораторы и писатели очень часто «предполагают случай» — и предполагают именно такой, какой подходит к их цели, недостаточно заботясь о справедливости. «Если бы скульпторами были львы, наверху оказался бы лев». Вымышленные иллюстрации для объяснения или украшения нередко слишком условны или чрезмерно разработаны. «Подобно тому как могучий дуб…» и так далее. «Предположим, что был человек… и предположим… и предположим…» Все мы знаем, как это делается.

[21] (3) Наука. Помимо собственного наблюдения природы и человеческой жизни, огромный запас иллюстраций даёт наука, которая собирает результаты гораздо более широкого наблюдения, классифицирует и старается объяснить их. При громадном росте естествознания в наше время и широком распространении некоторых знаний о его главных областях проповедникам всё уместнее черпать иллюстрации из этого источника. Тем самым они также наиболее действенно противостоят попыткам некоторых неверующих учёных и некоторых неразумных учителей религии придать христианству и науке видимость вражды. И ради этой, и ради других целей проповеднику гораздо лучше хорошо освоить одну или несколько областей естествознания, чем поверхностно прикоснуться ко многим.

[22] Употребление научных иллюстраций встречает две особые трудности. Астрономия, геология и тому подобные науки так часто служили поводом для невероятных

взлётов мнимого красноречия, что многие избегают всякого обращения к ним как отдающего пустой декламацией. Но одна весьма предосудительная крайность не должна толкать нас в другую. Несомненно, можно пользоваться такими иллюстрациями прямо и спокойно; а если иногда они действительно воспламенят воображение и возбудят чувство, это будет естественно и произведёт хорошее действие. Но остерегайтесь заимствований из «Астрономических проповедей» Чалмерса: это значит облачаться в доспехи Саула. Другая трудность в том, что многие прекраснейшие научные иллюстрации требуют большего знания науки, чем в действительности имеет основная масса слушателей. Иллюстрацию, особенно приятную и полезную немногим, иногда всё же можно употребить, предварив спокойным замечанием: не говорить, будто большинство не знакомо с предметом, а сказать, что те, кому случалось обращать внимание на такой-то вопрос, вспомнят и так далее. Тогда никто не станет жаловаться, что мы затронули неизвестную ему тему. Или уместно сообщить сведения, необходимые для понимания иллюстрации, если это можно сделать кратко и без всякого желания блеснуть. Разумеется, допустимо потратить на описание явления или объяснение природного закона, дающего хорошую иллюстрацию, столько же времени, сколько ушло бы на рассказ с той же целью, — лишь бы описание или объяснение было понятно и интересно всем. Некоторые же проповеди — всего лишь научные лекции с религиозным применением.

[23] Кроме астрономии и геологии, физики и химии, всё шире используют и другие науки. Антоний Падуанский, самый популярный проповедник Средних веков, черпал много иллюстраций из повадок животных —

действительных или известных по рассказам. Уэйтли очень любил зоологические иллюстрации, а Джеймс Гамильтон — ботанические. Различные области медицины всегда применялись для этой цели. Между болезнью или исцелением тела и души существует очевидная и всегда интересная аналогия; Бэкон заметил, что образный язык Писания особенно часто заимствован из земледелия и медицины. Психология в разных её областях нередко сама становится темой проповеди,[247] но она также богата иллюстрациями собственно религиозных вопросов. Общественная наука многое добавит к тому, что даёт личное наблюдение жизни; а правоведение весьма ценно не только благодаря связи с откровенным Законом, но и как средство пояснить учения об искуплении и оправдании.

[24] (4) История. Проповедники всегда широко использовали исторические иллюстрации. Само поле безгранично, но на практике его сильно ограничивает недостаточное знакомство народа с историей. Как и в случае науки, иногда можно умело ввести то, что известно немногим, а часто — кратко, без хвастовства и интересно сообщить необходимые сведения. Как бы ни была велика ценность науки для наших целей и как бы много внимания ей теперь ни уделяли, нельзя забывать, что история благодаря своему повествовательному и описательному характеру и человеческому содержанию обладает особым, почти непревзойдённым очарованием. В некоторых отношениях это особенно справедливо для биографии — как общей, так и религиозной. Здесь присутствует интерес, всегда сопутствующий личности, отдельной человеческой жизни. К тому же биографические факты часто легче изложить, чем факты общей истории. Ранние английские проповедники

черпали почти все исторические и биографические иллюстрации из древней истории. Например, Джереми Тейлор чрезвычайно богат ими. В наше время, естественно, больше обращаются к новым источникам, и древние писатели вновь стали сравнительно свежим полем — особенно если читать их непосредственно, а не просто заимствовать у других проповедников или из недавних сочинений о древности. Так, Геродота и Плутарха, даже в переводе, можно использовать с большой пользой; то же относится к Иосифу Флавию, чьими трудами большинство проповедников теперь неразумно пренебрегает. Сперджен часто пользовался иллюстрациями из жизни благочестивых людей; а Ричард Фуллер с редким искусством и силой применял всевозможные исторические и биографические случаи, как светские, так и религиозные.

[25] Все проповедники черпают иллюстрации из текущих новостей. Некоторые заходят слишком далеко, заслуживая упрёк, что они «берут текст из Библии, а проповедь из газет». Но было бы серьёзной ошибкой из-за этого отказаться от источника иллюстраций, столь свежего по интересу и гораздо более знакомого слушателям, чем наука или история. Рассудительно упоминая все подходящие недавние события, описанные в газетах или произошедшие в нашем собственном окружении, мы можем сделать проповедь интереснее и вместе с тем получить повод для полезных практических замечаний по многим вопросам добра и зла.[248] Опасность состоит в том, что мы направим мысли людей к делам, ежедневно их занимающим, в ущерб священной теме. Этого можно избежать, если, с одной стороны, не вводить подобных упоминаний слишком много, а с другой — и в собственных чувствах, и в способе изложения строго

подчинять их религиозной цели речи. Без такого подчинения самое интересное упоминание окажется худшей иллюстрацией.

[26] Анекдоты — буквально «неопубликованное» — первоначально означали интересные сведения, преимущественно исторические и биографические случаи, собранные из неопубликованных рукописей древних авторов и сведённые в сборник разнородного материала. Хотя теперь слово употребляется шире, точнее всего оно по-прежнему относится к рассказам о лично замеченном или полученном из устных источников. Но в более широком понимании, включающем и опубликованные рассказы об отдельных случаях, это ценное средство иллюстрации. Одни проповедники прибегают к нему чрезмерно или безвкусно, тогда как другим следовало бы использовать его гораздо чаще. Тому, кто чувствует, будто рассказ об отдельном случае унизит его стиль, полезно спросить себя, не слишком ли этот стиль напыщен или, во всяком случае, не слишком ли однообразен в своей неизменной возвышенности для общедоступной речи. Пусть такие рассказы будут несомненно правдивы, если мы представляем их как правду, и пусть излагаются без преувеличений и «приукрашивания». Пусть они не будут нелепо-комическими — хотя лёгкий оттенок тонкого юмора иногда допустим, — пустячными и особенно затянутыми. Поскольку иллюстрация вообще занимает в проповеди подчинённое место, а подчинённому редко следует позволять выходить на первый план, нужно избегать такого множества рассказов в одной или нескольких последовательных проповедях, которое привлекало бы особое внимание. В публичных выступлениях вне кафедры допустима большая свобода и

по количеству, и по характеру подобных рассказов, чем в более серьёзных речах, обычно называемых проповедями.[249]

[27] (5) Литература и искусство. Даже за вычетом науки и истории литература — древняя и новая, прозаическая и стихотворная — занимает огромную область и предлагает необъятный запас иллюстративного материала. Можно цитировать мысли, побуждающие к размышлению, приятные или впечатляющие, яркие выражения, обращаться к известным произведениям и персонажам, когда это действительно помогает сделать речь интересной и полезной. Стихотворные цитаты, которыми некоторые злоупотребляют до неприятности, очень многие употребляют с превосходным действием. И если немногим следует сдерживать здесь изобилие, то большинству служителей стоит побуждать себя больше замечать и запоминать подходящих стихов и свободнее ими пользоваться. Никто не мог не заметить, как часто цитаты из гимнов, особенно знакомых, сильно увеличивают интерес и впечатление от проповеди. Сперджен часто пользуется ими очень действенно. «Путешествие пилигрима», с его здравым смыслом и непритязательной простотой, поэтическим очарованием и сладостью благочестия, настолько богато лучшими иллюстрациями, что каждому проповеднику следует основательно освоить его и всю жизнь вновь и вновь освежать своё знание. На басни так часто ссылаются в обычном разговоре, что мы этого почти не замечаем; и чрезвычайно многочисленны случаи, когда они могли бы с пользой служить проповеди. Один выдающийся автор, обладавший обширными знаниями и жизненным опытом, несколько лет назад заметил: по его мнению, после Библии и Шекспира самая поучительная книга в мире —

басни Эзопа. Даже детские стишки, хотя они нечасто вполне уместны в обычной проповеди, с пользой употреблялись в обращениях к детям.

[28] Пословицы — исключительно ценное средство выразить истину сильно и впечатляюще. Правда, обычно они представляют собой неполное обобщение и односторонни, так что почти к любой пословице можно подобрать противоположную. Но в раскрытии отдельных сторон истины, в закреплении определённых положений они обладают большой силой, особенно для народного ума. «Кто впоследствии расспрашивал, сколько наши сельские слушатели уносят даже из внимательно выслушанных проповедей, обнаружит: почти никогда это не ход и содержание доказательства, если в проповеди оно было. Но если что-либо сказано кратко, метко, как афоризм, — как часто делали лучшие пуританские проповедники, — это останется с ними, тогда как всё остальное забудется». «Великие народные проповедники, находившие путь к общечеловеческому сердцу своих ближних, всегда широко пользовались пословицами».[250] Господь однажды прямо приводит пословицу и неоднократно употребляет выражения, которые, по-видимому, были пословичными. Это был один из разных способов, которыми Он стремился поразить обычный ум и запечатлеть истину в народном сердце. Проповеднику следует изучать Притчи Соломона и часто их цитировать. Пословицы собственной страны и языка, конечно, имеют для нас особую силу; но пословицы других стран обладают свежестью и, если они не только ярки, но и легко понятны, могут действовать весьма сильно. У всех народов множество пословиц; помимо более близких нам народов, ими особенно богаты индусы, китайцы и некоторые африканские племена. Иногда

полезно медленно просматривать сборники пословиц, обдумывая, какую религиозную истину поясняет та или иная, собирать подходящие либо отмечать ссылки на них на полях и связывать их в уме с соответствующими истинами.[251] Пословицы часто юмористичны. Хотя грубого или смешного до нелепости следует избегать, можно помнить: «Тысячи прекрасных находок рождаются на самой границе приличия, тогда как многие унылые и обыкновенные люди заслуживают упрёка Квинтилиана: “Его достоинством было отсутствие недостатков, а недостатком — отсутствие достоинств”. Лучше, чтобы в проповеди было слишком много соли, чем слишком мало».[252] Помимо собственно пословиц существует множество мудрых правил, часто повторяемых в разговоре,[253] и ярких изречений, которые можно цитировать у отцов Церкви, старых английских богословов и других авторов.

[29] Иллюстрации часто черпают также из произведений искусства, особенно из картин. В книгах изображения постоянно используются под именем «иллюстраций» к повествованию или исследованию и, если хороши, неизменно интересуют читателей любого круга. Подобным образом описание картин и статуй может весьма действенно служить проповеди. Такое описание должно, разумеется, быть кратким и свободным от всякой видимости желания блеснуть.

[30] (6) Писание. Писание предлагает иллюстративный материал, подходящий к любой законной теме проповеди и принадлежащий почти ко всем названным выше видам, особенно к истории и биографии, поэзии и пословицам, всевозможным метким изречениям. Несколько причин вместе делают его лучшим из всех источников

иллюстраций. Материал в какой-то степени знаком всем, поэтому иллюстрация будет легко понятна. Кроме того, благодаря своей святости и известной, ощущаемой нами связи с нашей собственной жизнью он будет гораздо сильнее воздействовать, чем любой другой. Наконец, частое употребление библейских иллюстраций оживляет и расширяет знание Писания у слушателей.

31 Каждый проповедник должен усерднейшим образом черпать из этого источника. Для этого, помимо основательного изучения какой-либо избранной книги или другой части Библии, следует всю жизнь продолжать быстрое, но внимательное чтение всей Библии, чтобы её факты и изречения оставались свежими в памяти и легко приходили на ум для употребления.

[32] § 3. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

[33] (1) Не используйте каждую пришедшую на ум иллюстрацию и не ищите их ради них самих. Вопрос в том, действительно ли та или иная служит цели речи, действительно ли объясняет или доказывает обсуждаемое либо делает его интереснее и сильнее по воздействию. Некоторые усваивают общую мысль, что иллюстрации полезны и употреблять их — их обязанность, а затем с трудом выдвигают так называемые иллюстрации, которые в действительности ничего не делают и потому остаются бесполезным хламом. Другие, обладая богатой фантазией или хорошо наполненной памятью, но не имея подлинной культуры и хорошего вкуса, чрезмерно умножают или раздувают свои иллюстрации. Они забывают, что владение иллюстрацией, как и владение словом, включает не только обилие находок, но и рассудительный отбор и действительное соответствие цели.

[34] (2) Стремитесь к большому разнообразию иллюстраций — и в проповеди вообще, и в каждой отдельной речи. Не допускайте, например, избытка рассказов за счёт других видов. Следите за собой в этом отношении и прислушивайтесь к замечаниям хороших критиков. Проповедники, особенно преуспевшие в употреблении иллюстраций, — Гатри, Сперджен, Бичер — не упускали этого из виду.

[35] (3) Как общее правило, лучше не говорить об иллюстрировании, а просто иллюстрировать. Если вы можете ярко осветить предмет, редко понадобится заранее объявлять, что вы собираетесь это сделать.

[36] (4) Тщательно остерегайтесь отводить внимание от поясняемого предмета к самой иллюстрации. Это, очевидно, весьма серьёзный недостаток, но его допускают часто. Длинные иллюстрации с изысканной образностью и отточенной фразой, какие часто использует Гатри, почти неизбежно производят такой эффект. Правда, иногда, как у Чалмерса, они настолько удачны и применяются с такой страстной серьёзностью, что в конце концов мы забываем обо всём, поглощённые самим поясняемым предметом. Столько слушателей заботятся главным образом о развлечении, что печально, если мы отводим их ум от вопроса, который им следует обдумать, к любопытствующему или восхищённому разглядыванию лишь того приспособления, которым проливаем на него свет.[254] Рассказывают об одном испанском художнике: изображая Тайную вечерю, он поместил на стол чеканные серебряные чаши такой красоты, что именно они первыми привлекали восхищённое внимание. Заметив это, он взял кисть и стёр их, чтобы ничто не мешало зрителю смотреть на Иисуса.

[37] Из всего рассмотренного очевидно, что проповедник должен постоянно накапливать иллюстративный материал. Что лучше — записывать всё приходящее на ум, вести альбом вырезок или полагаться преимущественно на память, — зависит от склада ума и привычек; однако ни один способ не следует применять с полным пренебрежением к другому.[255]

Часть I. Глава IX. Особые виды материала: применение

[1] Применение в проповеди — не просто приложение к рассуждению и не подчинённая его часть, а главное дело, которое надлежит совершить. Сперджен говорит: «Где начинается применение, там начинается проповедь». Мы должны говорить не перед людьми, а людям и усердно стремиться к тому, чтобы они отнесли сказанное к себе. Дэниел Уэбстер однажды сказал и настойчиво повторил: «Когда человек проповедует мне, я хочу, чтобы он сделал это делом личным, делом личным, делом личным!» И так обращаться ко всем людям, хотят они того или нет, — наша священная обязанность.

[2] Проповеди Джонатана Эдвардса, при всей их силе, обнаруживают вред привычки неизменно иметь особое «применение», формально объявленное или обозначенное. Часто лучше краткое и непринуждённое применение. Нередко также лучше не откладывать его до заключительной части речи, а прилагать к слушателям каждую мысль по мере её изложения, при условии что все мысли содействуют одному общему результату.

[3] Вообще слово «применение» употребляется в отношении проповеди несколько неопределённо, поскольку включает два или три различных действия. Помимо собственно применения, в котором мы показываем слушателю, как истины проповеди относятся к нему, и помимо частых практических советов о наилучших способах и средствах исполнения предлагаемой обязанности, сюда обычно включают всё то, что обозначается словами «убеждение» и «увещание».

Но если сохранять различие между этими понятиями, то, вероятно, лучше оставить привычный термин, столь хорошо знакомый всем проповедникам и слушателям.

[4] (1) Применение в строгом смысле — та часть или те части речи, в которых мы показываем, как предмет относится к слушателям, какие практические наставления он им предлагает и какие практические требования к ним предъявляет. Иногда это осуществляется посредством так называемых замечаний — определённых заслуживающих внимания сторон предмета или связанных с ним обстоятельств, на которые теперь специально направляется внимание. Они всегда должны носить сугубо практический характер, воздействуя на чувства и волю. Замечания не должны расходиться в разные стороны, уподобляясь расплетённому кончику бича; им следует иметь общую цель и производить совокупное впечатление. В проповедях на исторические темы допустимо извлекать несколько различных уроков, но лучше, чтобы они были довольно тесно связаны. Очевидно, одни темы можно применить ко всему собранию, а другие — лишь к отдельным группам; иногда их приходится отдельно прилагать к разным группам, например к обращённым и необращённым, старым и молодым. Но нет необходимости, как, по-видимому, воображают некоторые проповедники, всегда делать какое-либо применение к необращённым или говорить им что-нибудь в заключение. Проповедь, целиком обращённая к благочестивым людям, нередко особенно поучительна и впечатляюща для необращённых. То, что люди прилагают к себе сами, не чувствуя, что именно в них метили, часто производит самое сильное действие. Никогда не бывает благоразумно делать применение к определённому отдельному

человеку, и лишь очень редко — к небольшой, чётко очерченной группе. То, что в обиходе называют «камнем в огород» одного или нескольких людей, почти всегда приносит больше вреда, чем пользы.

[5] Применение часто принимает также форму выводов. В Англии два столетия назад из-за пристрастия к логическому анализу в проповеди было принято делать в заключение множество выводов: «иногда двенадцать, иногда двадцать, а иногда пятьдесят. Их называли употреблениями: (1) для сообщения сведений, (2) для наставления, (3) для самоиспытания, (4) для обличения, (5) для ободрения, (6) для утешения, (7) для увещания и так далее».[256] Это, конечно, губило всякое собственно ораторское воздействие. Но и ныне та же склонность заботиться в проповеди больше о передаче знаний, чем о практическом действии, которая до сих пор побуждает многих вводить многочисленные разделы и подразделы, в некоторых кругах ведёт и к большому пристрастию завершать речь «выводами». Этот способ применения темы следует тщательно ограничить с двух сторон. Нельзя представлять как вывод то, что логически и непосредственно не вытекает из рассмотренного предмета. Другое ограничение: при применении темы не следует делать выводов, лишённых практического значения. Дело проповедника — не выставлять напоказ всё, что можно вывести из его рассуждения, словно он выполняет упражнение по логике, а извлекать лишь то, что обратится к чувствам и воле слушателей и побудит их к действию. Разумеется, в иных частях проповеди, помимо применения, подобные чисто логические выводы могут быть допустимы и поучительны.

6 Кроме того, применение нередко лучше всего представить в форме уроков. Это слово подразумевает, что практические наставления, заключённые в предмете, раскрываются основательнее и прилагаются полнее, чем в простых «замечаниях»; вместе с тем оно не ограничивает применение лишь теми наставлениями, которые выступают как логические «выводы» из доказанных положений. Поэтому такой способ применения истин речи, по-видимому, имеет некоторые преимущества перед другими. Эти «уроки», конечно, должны быть вполне практическими, но не слишком формальными и без властно-наставительного тона. Проповедник — не сановник, говорящий ex cathedra, с высоты своего положения, с нижестоящими. Вообще ему лучше говорить об уроках, которые можем извлечь мы.

7 Разумеется, существуют применения, которые неуместно было бы обозначать каким-либо из этих слов — замечания, выводы или уроки. Да и там, где эти несколько формальные выражения подходят, не всегда необходимо и даже желательно их употреблять. В способе изложения применения проповедник должен стремиться к естественности, простоте и разнообразию.

8 (2) Другой способ применения состоит в советах о наилучших средствах и методах исполнения обязанности или обязанностей, к которым призывает проповедь. Давать хорошие практические советы — задача, часто требующая опыта и плодов вдумчивого наблюдения, а иногда тонкого такта; но при умелом исполнении это, несомненно, важнейшая часть труда проповедника. Когда обоснована какая-либо общая обязанность — например, семейная или личная молитва, чтение Библии, помощь нуждающимся и страдающим, — чрезвычайно полезно

добавить указания о её действительном исполнении, чтобы она предстала практической и выполнимой, чтобы пробудилась надежда делать лучше и тем самым возникло побуждение к усилию. Многие христианские обязанности большинству людей кажутся для них неисполнимыми; самое действенное применение в таких случаях — показать, что они выполнимы. Это не следует часто делать в форме упрёка, словно проповедник желает лишь отнять оправдания нерадению, но с сочувственным признанием действительных трудностей, «обычных для человека».

9 (3) Однако главную часть того, что мы обычно называем применением, составляет убеждение, побуждающее к действию. Недостаточно убедить людей в истине; недостаточно показать им, как она относится к ним и как они могли бы осуществить её на деле: мы должны «убеждать людей». Один выдающийся служитель однажды сказал, что никогда не умеет увещевать: он может объяснить и доказать, в чём истина и долг, но затем должен предоставить людей самим себе. Апостол Павел, однако, умел не только доказывать, но и говорить: «От имени Христова просим: примиритесь с Богом». Разве из наблюдения и собственного опыта мы не знаем, что человек может видеть свою обязанность и всё же пренебрегать ею? Разве нас самих не раз убеждали сделать что-либо доброе или дурное, от чего мы уклонялись? Значит, уместно убеждать, увещевать и даже умолять.

10 Убеждение обычно лучше всего достигается не одним лишь обращением к чувствам, а прежде всего настойчивым представлением одного или нескольких побуждений действовать — или решиться действовать —

так, как мы предлагаем. Это не вполне правильно называть процессом доказательства. Представляемое побуждение может предварительно требовать доказательства своей истинности, правоты или благости; но это доказательство отличается от самого действия, которым мы предлагаем его как побуждение. И если, приводя побуждение в действие, нам приходится что-то о нём доказывать, доказательство должно быть очень кратким и прямым, иначе оно задержит и затруднит намеченное воздействие.

11 Разумеется, проповедник должен обращаться только к достойным побуждениям. Главные из тех, которыми он вправе пользоваться, можно разделить на три вида: счастье, святость, любовь.

12 Мы вправе обращаться к желанию счастья. Философы, настаивающие на том, что человек всегда должен поступать правильно просто и исключительно потому, что это правильно, вовсе не философы: они либо грубо невежественны в понимании человеческой природы, либо предаются одним лишь фантастическим умствованиям. Несомненно, некоторые проповедники ошибаются, представляя счастье почти исключительным или, во всяком случае, главным побуждением. Конечно, оно всегда должно подчиняться долгу и любви; но в таком подчинённом положении оно законно и сильно. Писание обращается не только к нашему чувству нравственной обязанности, но и к нашим надеждам и страхам, относящимся к этой жизни и к вечности. «Лучше для тебя» — довод, который Великий Учитель неоднократно использует, призывая к самоотречению. Желание радостей благочестия в этой жизни или даже небесного блаженства само по себе никогда не привело бы людей к

христианству и не укрепило бы их для христианской жизни; но вместе с другими побуждениями оно совершает большое и полезное дело. Причём сюда входит удовольствие не только от удовлетворения обычных потребностей, но и вкуса и стремления к высоким достижениям.

[13] В людях есть искра желания, а часто и глубокая жажда святости — по крайней мере в одном из смыслов этого слова, — хотя они нередко хотели бы наслаждаться ею вместе с греховными удовольствиями. Самый распущенный человек иногда желает быть добрым; более того, убеждает себя, что в некоторых отношениях он и есть добрый. А огромное большинство людей вполне намерено, ещё немного предавшись греховным удовольствиям, стать вполне добрыми до смерти. Вот, следовательно, великое побуждение, к которому может обратиться проповедник. Глубокая испорченность человеческой природы не должна заставлять нас забывать, что добро всегда способно задеть в человеческой груди хотя бы слабо отзывающуюся струну. Нужно являть людям красоту святости, воспитывать в возрождённых желание поступать правильно ради самой правоты, а не только ради награды. Следует возбуждать и одновременно направлять ненависть ко злу, которая составляет естественную и необходимую обратную сторону любви к святости. Что касается будущей жизни, нужно постоянно указывать людям не только на её блаженство, но ещё настойчивее — на её чистоту и стараться, с Божиим благословением, пробудить в них жажду присущей ей свободы от всякого греха и от всякого страха согрешить. Поддерживать в слушателях такие благородные и облагораживающие стремления самим

обращением к ним — высокая обязанность и привилегия проповедника.

[14] А сильнейшее из всех побуждений — любовь. В отношениях нынешней жизни любовь — великий противник эгоизма. Те, кому «некого любить» по естественным связям, должны неизменно обращать своё сердце к нуждающимся и страдающим, иначе они будут становиться всё более узкими и себялюбивыми. Поэтому мы можем постоянно обращаться к любви людей к ближним как к побуждению поступать правильно. Родителей можно призывать искать личного благочестия и возрастать в нём ради подрастающих детей; то же относится к мужу или жене, брату, сестре или другу. Евангелие же обращается к этому побуждению совершенно особым образом. Мы должны любить Бога превыше всего, и такая высшая любовь была бы нашим главным побуждением поступать праведно и делать добро. Но грех отчуждил нас от Бога, так что мы Его не любим. И Христос, Богочеловек, Искупитель, являет Себя, чтобы привлечь нашу любовь к Себе и через это — к Богу. «Кто потеряет душу свою ради Меня» — эти слова открывают новое и могущественное евангельское побуждение: любовь ко Христу. К нему, более чем ко всем другим, должен обращаться проповедник. Оно вовсе не исключает остальные, но усиливает их, одновременно подчиняя себе.[257]

[15] Однако наша задача не сводится к спокойному изложению побуждений, чтобы люди хладнокровно действовали сообразно им. Многие религиозные истины особенно способны волновать чувства, и говорить о них, не испытывая чувства и не пробуждая волнения, неестественно и неправильно. Противление, встречаемое

Евангелием в человеческой природе, столь сильно, естественное сердце столь чуждо послушанию веры, а жизненные искушения столь могущественны, что, желая побудить людей преодолеть все препятствия и победить мир, плоть и дьявола, мы должны пробудить в них глубокую решимость, а нередко и горячее волнение. Кто рассчитывает заставить солдат атаковать батарею или штурмовать крепость без воодушевления? Многие сторонятся самой мысли о возбуждении чувств. «Кажется, обычно принимается как нечто само собой разумеющееся, будто всякое возбуждение чувств есть уже чрезмерное возбуждение».[258] Но если невежественные люди часто слишком высоко, вернее, слишком исключительно ценят обращение к чувствам, то образованные склонны чрезмерно его избегать. Наши чувства в отношении религии обычно слишком холодны — кто может это отрицать? И всякое подлинное оживление чувств весьма желательно. Богодухновенные учители, очевидно, действовали по этому принципу. Пророки обращались с самыми пламенными призывами. Наш Господь и апостолы явно стремились не просто убедить слушателей, но побудить их к усердному действию, соответствующему услышанному, и их слова нередко переполнены чувством.

[16] И всё же никогда нельзя стремиться возбуждать чувство ради него самого: оно должно служить убеждению, ведущему к соответствующему образу действий. В этом многие проповедники ошибаются: одни — потому что неясно понимают малую ценность чувства, если оно не побуждает к действию; другие, как приходится опасаться, — из чрезмерного желания народных рукоплесканий. Последние доставляют слушателям роскошь праздного переживания, как это

могли бы сделать трогательный роман или трагедия, и слушатели с проповедником расходятся вполне довольные собой и друг другом.[259] Епископ Батлер в знаменитом месте указал, «что деятельные привычки образуются и укрепляются повторяющимися поступками, а пассивные впечатления с повторением ослабевают… Пассивные впечатления, производимые на наш ум увещанием, опытом, примером, хотя и могут оказывать косвенное и весьма большое содействие образованию деятельных привычек, обладают этим действием лишь постольку, поскольку побуждают нас к соответствующему образу поступков. Эти привычки образует не то или иное переживание, а действие; только нужно всегда помнить, что действительные усилия закрепить в себе добрые впечатления сами являются видом добродетельного действия».[260] Неудивительно, что некоторые проповедники обнаруживают: их трогательные описания и пламенные призывы теперь едва действуют на тех, кто когда-то был ими глубоко тронут. Чувство считалось целью, а не средством; ему привычно позволяли угасать без всякого воздействия на деятельные привычки слушателя, и неизбежным результатом стало неуклонное ослабление самого чувства. Конечно, как бы ни думали люди нерассудительные, нельзя назвать хорошей проповедь, которая возбуждает лишь преходящее и бесплодное волнение.

[17] Общеизвестно из наблюдения: оратор, желающий вызвать глубокое чувство, должен глубоко чувствовать сам. Демосфен иногда говорил с такой пламенной горячностью, что враги объявляли его безумным. Цицерон замечает, что лишь страсть делает оратора царём; что, хотя сам он испробовал все средства воздействия на людей, его успехи объяснялись не

дарованием или мастерством, а могучим огнём в душе, которого он не мог сдержать; и что слушатель никогда не воспламенится, если речь не придёт к нему уже горящей.[261] Об Игнатии Лойоле, основателе ордена иезуитов, рассказывают, что он проповедовал «с таким помазанием и чувством, что даже те слушатели, которые не понимали языка его речи, всё же были тронуты до слёз самими звуками его голоса, горячностью и пламенным усердием, проявлявшимися в каждом его движении и взгляде».[262]

[18] Увы, нередко главная трудность проповеди для нас — самим чувствовать так, как следует. А подлинный жар нельзя произвести по заказу прямым усилием воли. Нужно развивать религиозную восприимчивость, постоянно держать душу в соприкосновении с евангельской истиной и соединением обильной молитвы с самоотверженной деятельностью поддерживать горячую любовь к Богу и нежную любовь к человеку: они без специального усилия дадут нам подлинную трогательность и пыл. Знаменитый Джон Генри Ньюмен в сочинении «Университетская проповедь» говорит: «Дарование, логика, учёность, слова, манера, голос, жест — всё необходимо для совершенства проповедника; но „одно только нужно“: напряжённое осознание и глубокое понимание цели, ради которой он проповедует, а именно — послужить некоторому определённому духовному благу тех, кто его слушает… Я не имею в виду, что проповедник должен стремиться к горячности; он должен стремиться к своей цели — принести слушателям некоторое духовное благо, и это само сразу сделает его горячим».[263]

[19] Когда проповедник действительно чувствует очень глубоко, одно его увещание уже будет обладать некоторой

волнующей силой, особенно если он пользуется личным влиянием как благочестивый человек или по какой-либо причине располагает сочувствием слушателей. Тогда действует необъяснимая заразительность сочувствия. Но в своём пламенном чувстве он должен остерегаться слишком далеко отрываться от слушателей: иначе сочувствие уступит место противоположному настроению.

[20] Помимо сочувствия нашему собственному волнению, возбуждать чувство в других мы можем лишь косвенными средствами, а не призывами чувствовать, как бы горячо их ни произносили. Нужно поставить перед умом соображения, способные пробудить чувство, и дать им совершить своё дело.[264] Ради этого проповедник, конечно, может учиться, рассматривая главные человеческие страсти, их природу и наилучшие средства их возбуждения.[265] И нам нужно не только знать человеческую природу вообще: в большинстве случаев необходимо понимать особые обстоятельства, предубеждения и вкусы тех, к кому мы обращаемся. Для миссионера среди язычников это требование очевидно, но и дома оно едва ли менее необходимо. Одна из причин, почему неучёные проповедники часто имеют такую власть над массами, состоит в том, что они понимают своих слушателей и вполне им сочувствуют, чего учёным людям иногда недостаёт.

[21] Чтобы речью возбудить какую-либо страсть, приходится действовать главным образом через воображение. «Сильнее всего страсть возбуждается чувственным восприятием. Вид непосредственной или близкой опасности мгновенно вызывает страх; ощущение обиды и присутствие обидчика в одно мгновение зажигают гнев.

За влиянием чувств следует влияние памяти: если событие недавнее и вспоминается отчётливо и во всех обстоятельствах, её действие на страсть почти равно первому. За влиянием памяти следует влияние воображения».[266] По мере того как воспламеняется воображение слушателя, ему кажется, что он видит представляемое нами, и действие на его чувства приближается к действию непосредственного зрелища.[267]

[22] Представляя предмет так, чтобы он мог пробудить воображение и воздействовать на чувства, обычно нужно давать хорошо выбранные подробности. Без этого, как мы уже видели, невозможно сделать повествование или описание впечатляющим.[268] Но иногда проповедники настолько умножают подробности, что утомляют слушателя, оскорбляют его вкус или выдают собственный недостаток должного чувства. Можно серьёзно усомниться, способен ли человек вести подробнейшее описание распятия, если в это самое время питает горячую веру и любовь ко Христу. Несколько живых подробностей, представленных очень кратко и с подлинным чувством, обычно произведут гораздо более глубокое впечатление. То же относится к пространным описаниям дня суда и мук погибели. Человек, действительно сознающий эту сцену и нежно любящий ближних, едва ли вынес бы столь долгое пребывание на самых мучительных подробностях. А проповедник, который так поступает, обычно в этот момент, сам того не сознавая, преимущественно увлечён художественной стороной своей картины.

[23] Сравнение часто весьма действенно пробуждает чувство. Так, сначала представив какой-либо трогательный случай неблагодарности человеческому

благодетелю, мы помогаем людям глубже почувствовать, насколько постыдна неблагодарность Богу. Чувство, вызванное тем, к чему люди легко и глубоко отзываются, переносится на сравниваемый предмет. Например: «Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его». Очень велико может быть и действие нарастания, постепенно доводящего чувства до высшей точки, как замечал каждый.

[24] Не нужно стараться быть чрезвычайно пламенными на всякую тему, при всяком случае и во всех частях речи. Обычно обращаться к чувствам следует лишь в заключении; иногда — после рассмотрения каждой очередной темы, но тогда необходимо быть уверенным, что уже возбуждённый интерес можно возобновить и постепенно усилить. Распространённая ошибка неопытных проповедников — горячие призывы в ранней части, даже в самом начале проповеди: в таких случаях почти неизбежны обратная реакция и угасание интереса до завершения. Если предполагается несколько пламенных мест, первые должны быть сравнительно краткими и сменяться чем-либо спокойным или непринуждённым. Важно также не истощить физические силы прежде, чем мы дойдём до части проповеди, требующей наибольшей горячности. Изнурённый человек не только не может говорить сильно, но и не способен глубоко чувствовать. А заключительное увещание никогда не следует продолжать дольше того момента, пока проповедник ещё сохраняет полную бодрость, а слушатели — устойчивый интерес.[269]

Часть II. Построение проповеди. Глава I. Значение построения проповеди

[1] Действенное расположение материала в речи едва ли менее важно, чем его собственная занимательность и сила. Это особая часть труда оратора, и её следует рассматривать и выполнять отдельно от нахождения материала, с одной стороны, и от стиля — с другой, хотя она тесно связана с обоими. На деле эта задача требует особого дарования. Некоторые с самого начала обнаруживают способность строить речи, совершенно несоразмерную их общим способностям; другим ничто не даётся столь трудно в приобретении и применении, как искусство построения. И здесь, как во всём, требующем особого дарования, необходимы специальная подготовка и упражнение.[270]

[2] В этом отношении оратор — архитектор. Из собранного материала он должен возвести сооружение, притом соответствующее своему особому назначению. Из одних и тех же или почти одинаковых материалов можно построить жилище, тюрьму, фабрику, церковь. Но как различается план здания в зависимости от назначения и как важно строить его с особым вниманием к этому назначению! Так и по существу один и тот же материал можно превратить в рассказ, диалог, очерк или речь; а несколько речей на одну тему, воплощающих во многом те же мысли, могут производить весьма различное впечатление в зависимости от плана каждой.

[3] Задачу оратора можно сравнить и с устройством армии, а затем — с сосредоточением её отдельных подразделений на одном намеченном пункте.

[4] «Мы не знаем, как назвать сочинение без порядка. Именно расположение, именно порядок создаёт речь. Разница между обыкновенным оратором и красноречивым человеком часто состоит лишь в различии расположения материала. Само расположение может быть красноречивым; при внимательном рассмотрении мы нередко увидим, что нахождение мыслей, взятое само по себе и рассмотренное, насколько возможно, отдельно от их расположения, представляет собой сравнительно слабую умственную силу. „Хороших мыслей, — говорит Паскаль, — много“. Искусство организовать их встречается реже… Я не зайду так далеко, чтобы утверждать, будто речь без порядка не может произвести никакого действия: ведь я не могу сказать, что недисциплинированная сила есть полное ничто. Мы знали речи, весьма несовершенные в этом отношении, которые производили очень большое действие. Но в общем можно утверждать: при прочих равных условиях сила речи пропорциональна царящему в ней порядку, а речь без порядка — нужно помнить, что порядок бывает разного рода — сравнительно слаба. Речь обладает всей доступной ей силой лишь тогда, когда части, происходящие из одного замысла, тесно соединены и точно пригнаны, когда они взаимно помогают и поддерживают друг друга, словно камни свода… Это настолько верно и настолько ощутимо, что полный беспорядок почти невозможен даже для самого небрежного ума. Чем важнее цель, которой мы хотим достичь, или чем труднее её достижение, тем сильнее наше чувство необходимости порядка».[271]

[5] (1) Построение чрезвычайно важно для самого оратора. Оно оказывает обратное воздействие на нахождение материала. Человек ещё не изучил предмет по-настоящему, если лишь размышлял о нём бессистемно, как бы долго и напряжённо ни продолжалось это размышление. Попытка расположить свои мысли о предмете подсказывает новые мысли и только она способна дать верный взгляд на предмет в целом. Хорошее построение помогает разрабатывать подробности — мысленно или письменно. Каждая отдельная мысль, рассматриваемая на своём месте, развивается сообразно своему положению, вырастает в соответствии с окружением. Если человек говорит без рукописи, упорядоченное построение речи значительно помогает её запоминанию. Одна из причин, почему некоторым проповедникам так трудно говорить без заранее написанного текста, состоит в том, что они плохо строят свои проповеди. И не только для нахождения мыслей и памяти, но и для чувства важен порядок. Как при подготовке, так и при произнесении проповеди чувства человека будут течь естественно и свободно лишь тогда, когда у него есть побуждение, опора и удовлетворение, возникающие из сознания порядка.

[6] Оратор, пренебрегающий построением, будет быстро терять, вместо того чтобы совершенствовать, способность создавать и организовывать речь.[272] Ради воздействия проповедей ему придётся целиком полагаться на впечатление от отдельных ярких мыслей либо на возможность того, что сильное эмоциональное возбуждение породит некоторое подобие порядка. Ведь страсть иногда действительно создаёт собственный порядок. «Я знаю, что ничто не бывает по-своему столь логично, как страсть, и что ей можно доверить

направление речи, главным вдохновением которой она является. Можно быть уверенным, что начало будет хорошим, а начало породит всё остальное. Она будет повторяться, возвращаться по своим следам, отклоняться в сторону, но всё совершит с изяществом и удачей, неизменно её сопровождающими; и была бы менее правдивой, а следовательно, менее красноречивой, если бы стала более логичной в обычном смысле слова. Она естественно находит подходящий ей порядок, и находит именно потому, что его не ищет. Быстрое разрастание мыслей, их сцепление посредством вполне живых переходов, которые сами и составляют движение речи, достаточны для красноречия страсти».[273] Подобное нередко наблюдается в лучших выступлениях некоторых необразованных, но одарённых людей; и многие пасторы временами переживали это, когда были вынуждены проповедовать после недостаточной подготовки и получали необычную помощь от пламенного чувства. Вполне уместно, чтобы проповедник иногда на небольшом участке речи отдавался подсказкам глубокого чувства, доверялся его течению; а на непринуждённых собраниях он порой может выступить без непосредственной подготовки и всё же, если будет глубоко взволнован и приобретёт сочувствие слушателей, говорить со стихийным порядком и сильным воздействием. Но полагаться на это постоянно — крайнее неблагоразумие.

[7] (2) Ещё важнее хорошее построение для воздействия на слушателей. Прежде всего, оно необходимо, чтобы речь была понятной. «Обычно слушатели, когда у проповедника плохой план, чувствуют затруднение, хотя и не умеют проследить его настоящую причину. И одна из причин, почему человек с подлинно философским умом способен „делать вещи ясными“ даже для неграмотных

слушателей, заключается в том, что он излагает ясные мысли в надлежащем порядке».[274] Многие, по-видимому, думают, что понятность всецело зависит от стиля; на деле же она не меньше зависит от ясного мышления и хорошего построения, чем от прозрачности выражения. Печально подумать, какая большая часть людей даже в общинах, находящихся в благоприятных условиях, в действительности не понимает большей части услышанных проповедей. Немало людей, если бы говорили столь же откровенно, как «Северный фермер» Теннисона, сказали бы вместе с ним, что часто слышали, как «пастор всё гудел своё»:

> [8] «И я не знал, о чём он толковал, но думал: есть ему что молвить,
>
> [9] И думал: он сказал, что полагается сказать, — и уходил».

[10] Это верно не только в отношении сравнительно невежественных и тупо невнимательных людей: многие проповеди остаются непонятны и лучшим слушателям. «Собрание ничего не удерживает из речи; уходя, люди уносят неясную массу замечаний, утверждений и призывов, которые ничто не связывает в их памяти. Полученные впечатления сводятся к самому печальному отзыву, какой может дать благочестивый человек, пришедший слушать внимательно: я не знаю точно, о чём проповедовал проповедник».[275] Кроме того, может случиться нечто хуже непонимания: речь могут понять совершенно превратно, с прискорбными последствиями. Нужно стремиться не просто сделать возможным, чтобы люди нас поняли, но сделать невозможным, чтобы они нас поняли неверно.[276]

11 Далее, порядок в значительной мере делает речь приятной. «Порядок — первый закон небес». Даже те явления природы, которые кажутся наиболее неправильными, и те виды, которые словно отмечены самым необузданным разнообразием, пронизаны тонким порядком, без которого они не доставляли бы удовольствия. Хаос мог бы быть ужасен, но никогда не был бы прекрасен. И речи, которые нравятся, хотя как будто не имеют плана, при рассмотрении обнаружат собственный порядок, пусть незаметный или необычный. Плохо построенная проповедь, конечно, может содержать отдельные приятные места; но и они выглядели бы ещё лучше как части упорядоченного целого, а общее действие этого целого было бы несравненно сильнее. Добавим, что хорошо построенная речь гораздо надёжнее удерживает внимание слушателей. И не только потому, что она понятнее и приятнее, но и потому, что, согласуясь с естественными законами человеческого мышления, легче увлекает за собой мысль слушателя.

12 Кроме того, хорошее построение делает речь более убедительной. И при изложении побуждений, и при обращении к чувствам порядок чрезвычайно важен. Кто хочет разбить твёрдую скалу кувалдой, не бьёт то здесь, то там по всей поверхности, а повторяет удары в определённую точку или вдоль определённой линии. Те, кто поднимает огромные здания, применяют движущую силу систематически, в тщательно выбранных точках. Так же следует поступать, когда побуждения направляют на волю.[277] И чувства слушателя будут возбуждены гораздо сильнее и устойчивее, если призывы следуют в некотором естественном порядке. «Словом или отдельным поступком мы можем сообщить душе движение, немедленно склоняющее её к определённому предмету, к

совершению волевого акта; но такое движение — лишь толчок. Тем же способом мы можем повторять и умножать эти толчки… Красноречие состоит в том, чтобы поддерживать движение развитием мысли или доказательства, делать его непрерывным, согласно выражению Цицерона: „Что такое красноречие, как не непрерывное движение души?“»[278]

[13] Наконец, оно позволяет легче запомнить речь.

[14] Значение построения можно ещё лучше увидеть, рассматривая главные составляющие хорошего построения. Ими, по-видимому, являются единство, порядок и соразмерность.[279] Может показаться совершенно ненужным подчёркивать важность единства речи, но на практике им очень часто пренебрегают, особенно в текстовых и изъяснительных проповедях, которые нередко состоят из двух или трёх маленьких проповедей, следующих одна за другой. Будь то единство вероучительного положения, исторического лица или практического замысла, единство так или иначе необходимо. Но требуется не только оно — нужен и порядок. Всё сказанное может относиться к одному предмету, а отдельные мысли при этом вовсе не следовать одна за другой сообразно своим естественным отношениям или замыслу речи. Далее, необходима соразмерность. Она включает две стороны. Отдельные части речи, обозначены они явно или нет, должны быть разработаны так, чтобы составлять гармоничное целое. Это не значит, что все следует рассматривать одинаково долго: объём каждой должен соответствовать её отношениям с другими и со всей речью. Но помимо этой соразмерности естественной гармонии, есть соразмерность особого замысла. Можно рассматривать по

существу ту же тему по существу тем же способом, но значительно менять объём отдельных частей и силу ударения на них в зависимости от цели, преследуемой именно здесь и сейчас; подобно тому как у двух животных часто обнаруживается одинаковый план строения и равная гармония, хотя некоторые кости имеют чрезвычайно различную величину, будучи приспособлены к особым функциям.

[15] Кокрель говорит, что недостаток упорядоченности — самый распространённый изъян проповеди и самый непростительный, поскольку обычно он является следствием недостаточного труда. «Человек не может наделить себя всеми качествами оратора; но, приложив необходимые старания, он может связать свои мысли и последовательно двигаться в составлении речи». Без особого дарования к построению речи эта задача не покажется лёгкой; возможно, человек никогда не научится создавать особенно удачные планы. Но удовлетворительная степень успеха в построении, несомненно, доступна всем, если они готовы трудиться.

Часть II. Глава II. Отдельные части проповеди

[1] § 1. ВСТУПЛЕНИЕ. 2. РАССМОТРЕНИЕ ПРЕДМЕТА. 3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

[2] Предложенное некоторыми авторами членение речи слишком искусственно. Некоторые выделяемые ими части очень часто слиты с другими. Например, толкование нередко составляет вступление, а во многих случаях формальное толкование не требуется или неуместно. Формулировку темы едва ли нужно рассматривать как отдельную часть речи. Если она вообще формулируется прямо, это скорее переход от вступления к рассмотрению предмета, принадлежащий и тому и другому. Самым простым и естественным представляется деление на три части: вступление, рассмотрение предмета, включая разделы, когда они выделяются, и заключение.

[3] § 1. ВСТУПЛЕНИЕ[280]

[4] (1) Едва ли нужно долго доказывать, что проповеди обычно должны иметь вступление. Людям естественно не нравится внезапность и нравится несколько постепенный подход. Здание редко приятно глазу без крыльца или чего-нибудь соответствующего ему. Свет зари, который всё более и более светлеет до полного дня, преподаёт нам урок. Поэтому всякое сочинение или обращение без вступления склонно выглядеть незаконченным. Сложное музыкальное произведение всегда имеет прелюдию или хотя бы несколько вводных нот; в поэмах, исторических трудах и тому подобном обычно тоже есть вступление. Это верно и для весьма многих библейских книг. У вступления две главные цели: заинтересовать слушателей предметом и подготовить их к его пониманию. Что касается первой, проповедник обычно действительно может рассчитывать на некоторую готовность слушать. Не многие приходят враждебными истине, но, увы, весьма многие — прискорбно равнодушными к ней. Интересное вступление способно обеспечить гораздо более живое внимание. «Все мы знаем, как много зависит в обычных делах жизни от первых впечатлений. Успех проповеди часто зависит от первых впечатлений, которые проповедник производит на слушателей вступлением. Если они благоприятны, слушатели будут воспринимать остальную речь с удовольствием и вниманием, а следовательно, с пользой».[281] Нашей целью должно быть возбуждение не только умственного интереса, но, насколько возможно с самого начала, духовного и практического: привести слушателей к сочувствию нашему собственному чувству и настроить их умы в согласии с предметом, который намерены представить.

Иногда можно прямо попросить внимания, как делали Моисей (Втор. 4:1), Исаия (28:14), Стефан (Деян. 7:2) и Господь (Мф. 15:10); но часто повторяемая просьба потеряла бы силу. Обычно лучше стремиться сказать нечто, сразу заинтересовывающее ум слушателя. «Как лучше всего привлечь внимание общины?» — спросил молодой проповедник старшего. «Дайте им что-нибудь, достойное внимания», — последовал грубоватый ответ.

5 Другая цель — подготовить слушателей к пониманию предмета — очевидно, очень важна и часто до некоторой степени достижима. Но в этих усилиях надо тщательно остерегаться преждевременного изложения того, что по праву принадлежит основной части речи.

6 Немецкие проповедники очень часто произносят вступление до объявления текста. По-видимому, этот обычай возник потому, что большинство из них обязано брать текст из перикопы, то есть чтения, назначенного на этот день; поэтому можно считать его до некоторой степени известным ещё до объявления. Привычка начинать таким вступлением склонна делать его слишком общим, бесцельным или натянутым — недостатки, нередко заметные в немецких речах; однако некоторые вступления такого рода чрезвычайно удачны, и обычай вполне заслуживает, чтобы мы изредка его перенимали.

7 Бывают случаи, когда лучше обойтись без вступления и сразу перейти к рассмотрению предмета: например, когда проповедь неизбежно должна быть длинной или когда не удалось найти ничего, что составило бы действительно хорошее вступление. В непринуждённых обращениях на молитвенных собраниях, собраниях воскресной школы и тому подобном такой путь довольно часто предпочтителен. Во всякой проповеди пусть вступление

будет хорошим либо его не будет совсем. «Хорошее начало — половина дела». А дурное начало часто губит всё.

[8] (2) Источники, из которых проповедник может черпать вступления, чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Однако может быть некоторая польза в следующей их классификации.

[9] (а) Текст. Если смысл текста требует объяснения, оно, конечно, может составить вступление. Так же и тогда, когда объяснение контекста проливает свет на смысл избранного текста.[282] Это представляется очень естественным источником; Роберт Холл со своим строгим вкусом обычно начинал с некоторого объяснения текста или контекста, предпочитая это более притязательным вступлениям. Даже если не требуется объяснение в собственном смысле, может оказаться уместным пояснить текст историческими и географическими сведениями, делающими его смысл если не яснее, то живее и интереснее. В других случаях некоторый рассказ об авторе текста или о положении определённых адресатов, как в случае Павла, может заинтересовать слушателей текстом или подготовить их к его пониманию.

[10] (б) Предмет рассмотрения, если он очевиден из простого произнесения текста или объявлен вначале, может разными способами дать вступление. Можно отметить его отношение к другому предмету, например «к роду, видом которого он является», к противоположному или сходному предмету, к связанному с ним как причина, следствие или подходящий пример. Если проповедь задумана как объяснительная или практическая, часто уместно вступление о важности предмета; если она должна установить истинность тезиса или показать его

значение, вступление нередко объясняет природу предмета. Проповедник «может изложить умственную пользу от обсуждения такой темы. Темой может быть учение о нравственном зле или о Божественном верховенстве; вначале можно сказать, что это величайшие проблемы человеческого ума, стоящие как перед философом, так и перед богословом; что они вызывали напряжение лучших умов человечества; что нет проблем труднее и потому достойнее внимания мыслящих умов. Он может показать связи предмета с другими, более практическими духовными истинами. Может устранить предубеждение, будто учение не имеет непосредственного практического отношения или пользы: так, например, испорченность, или учение о грехе, в известном смысле лежит в основании всей христианской системы, искупления, возрождения, святости и христианской жизни. Он может сделать историческое упоминание, естественно связанное с темой, что всегда составляет привлекательное вступление».[283] И так многими другими способами.[284]

[11] (в) Повод. Если проповедь относится к определённому времени года, произносится на особом религиозном собрании, в связи с совершением установленного обряда или чем-либо подобным, можно начать с замечания об этом поводе. Так же и с упоминаниями о характере нашего времени, недавних событиях или существующих обстоятельствах, показывающими, почему избран данный текст или предмет, либо пробуждающими к нему более живой интерес.[285] Можно также сказать об известных сомнениях по данному вопросу, о вражде к истине в этом отношении, о распространённом заблуждении, преобладающей или растущей ошибке либо дурном обычае, связанном с предметом.[286] В других случаях

упоминают религиозное состояние церкви или общины либо ободряющие вести из другой церкви или области страны. Иногда можно сослаться на ранее обсуждавшийся предмет или предметы, послужившие поводом сегодня представить нынешнюю тему; только что спетый гимн или прочитанный отрывок Писания, не содержащий избранного текста, порой тоже дают интересное вступление. В редких случаях проповедник может начать с себя: со своих чувств как проповедника, забот как пастыря, определённой вехи в отношениях с этой церковью или чего-нибудь из личного христианского опыта.[287] Только пусть он остерегается извинений. Они часто вызывают незаслуженное подозрение в неискренности, потому что иногда действительно неискренни, а также потому, что проповедник, которого вначале угнетает плохое здоровье или неблагоприятные обстоятельства, может совершенно неожиданно для себя возвыситься до предмета и достичь замечательного успеха. Пусть проповедник никогда не говорит, что сейчас чувствует необычное смущение, как мы так часто слышим. Извинения похожи на публичные упрёки за беспорядок среди слушателей: как бы сильно ни хотелось в тот миг высказаться, очень редко впоследствии жалеют, что промолчали. Если в начале или конце проповеди есть действительный повод для того, что можно назвать извинением, пусть оно никогда не исходит и не кажется исходящим из заботы о репутации проповедника; пусть будет кратким, спокойным и как бы попутным.

12 Часто приходится решать, поместить ли такие замечания о поводе во вступлении или в заключении. Надо рассмотреть, что лучше удаётся данному замечанию: пробуждать интерес к рассмотрению предмета или углублять впечатление от практического

приложения. Трогательные личные упоминания, при которых чувства могли бы прервать речь проповедника, вообще лучше оставлять для заключения.

13 (г) Существует огромное разнообразие других источников, не поддающихся классификации и обозначаемых лишь как разные. Изобретательность проповедника должна свободно и широко действовать, отыскивая для каждой отдельной проповеди самое подходящее вступление.[288]

14 (3) Перейдём к качествам хорошего вступления.[289]

15 Вступление должно представлять мысль, тесно связанную с темой речи, чтобы естественно и легко подвести к ней, но вместе с тем вполне отличную от самого рассмотрения предмета. Неопытные проповедники очень часто ошибаются, заранее сообщая во вступлении то, что принадлежит основной части; опасность этого должна привлекать их особое внимание.

16 Как правило, вступление не должно стремиться давать наставление отдельно от уроков самой речи. Его назначение целиком подготовительное. Проповедник часто испытывает искушение — особенно во вступлениях, взятых из текста или контекста, — попутно заметить что-нибудь об интересных предметах, каким-то образом возникающих в мысли, но чуждых нынешней цели. За исключением весьма особенных случаев, этому искушению следует сопротивляться. Вы решили провести слушателей по определённой линии мысли, надеясь прийти к ясному и важному заключению. Не начинайте с блужданий и заходов на чужие тропы: ведите к избранному пути и вступайте на него.

[17] Вступление обычно должно состоять из одной мысли: нам не нужно крыльцо перед крыльцом. Но из этого правила много исключений; часто уместно представить некоторую вводную мысль, а затем дать толкование, которое в таких случаях становится частью основной речи либо составляет своего рода остановку, пока мы расчищаем путь для рассмотрения предмета.

[18] Желательно избегать привычки начинать с какого-нибудь очень широкого и банального общего положения — о человеческой природе или жизни, о вселенной или Божественном Существе. Разумеется, иногда для этого есть действительный повод; но многие проповедники делают это обычным методом, и такое начало склонно звучать как обещание скуки: банальность для старта.

[19] С другой стороны, вступление не должно обещать слишком многого ни мыслями, ни стилем, ни произнесением. Пусть оно возбуждает интерес и пробуждает ожидание при условии, что основная часть сможет честно его удовлетворить. Оно не должно быть ни чрезмерно доказательным, ни чрезмерно страстным. Относительно последнего надо помнить: даже если проповедник с самого начала сильно взволнован, слушатели обычно нет, и ему лучше сдерживаться, чтобы не выйти за пределы их сочувствия. Когда Цицерон разразился вступительными словами против Катилины, сенат уже был сильно возбуждён; так же было с Массильоном на похоронах Людовика Великого.[290] Такие исключительные случаи надо решать по обстоятельствам. «Уметь знать, когда дерзать, а когда воздержаться, — преимущество таланта и плод учёбы и опыта. Учению в строгом смысле нельзя позволять устранять талант или

предвосхищать веления опыта».[291] Кроме того, горячо стремясь сделать вступление интересным и привлекательным, следует избегать сенсационности и претенциозности. Всё отдающее показностью крайне предосудительно для проповедника, особенно вначале. Начинать надо не только с личной скромностью, но и со скромностью служения, оставляя на более позднее место всё, что уместно высказать с властью, принадлежащей его должности.

[20] Хорошее вступление обычно должно быть приспособлено исключительно к данной речи. В некоторых случаях одна общая мысль могла бы одинаково уместно вводить несколько разных предметов. Так, рассказ о Павле способен стать вступлением к проповедям на различные места его писаний; однако почти в каждом случае этот рассказ придётся хотя бы немного изменить, чтобы он точно соответствовал замыслу. Так же и с описанием библейской местности, а до некоторой степени — со вступлениями личного характера. Адвокаты произносят множество речей по очень сходным предметам и поводам; отчасти этим объясняется сообщение Цицерона, что он держал в запасе несколько вступлений для любой подходящей речи, — так поступал и Демосфен.[292] Следует остерегаться готовых фраз и стереотипных форм вступления: люди очень скоро начинают узнавать их, и тогда действие бывает каким угодно, только не возбуждающим интерес и любопытство. Нигде не важнее стимул и очарование разнообразия; лучше всего их достигают привычным стремлением придать вступлению особую и точную пригодность к данному случаю. Вступление не должно быть слишком длинным. К одному выдающемуся проповеднику, весьма склонному к этому недостатку, однажды обратился

простой старик: «Вы так долго держали нас сегодня утром на крыльце, что мы едва ли вообще попали в дом». О Джоне Хау кто-то сказал: «Дорогой добрый человек так долго накрывает на стол, что я теряю аппетит и начинаю думать, будто обеда вовсе не будет». Конечно, вступление иногда может быть гораздо длиннее обычного; попытка некоторых авторов указать число предложений, которое оно должно содержать, чрезвычайно неразумна. Но «на одну проповедь, испорченную слишком внезапным началом, приходится сто, испорченных длинным и утомительным предисловием».[293]

[21] Вступление, хотя простое и безыскусное, следует тщательно готовить. Квинтилиан замечает, что плохое вступление похоже на лицо в шрамах и что, несомненно, очень плохим кормчим сочтут того, кто допустит удар корабля уже при выходе из гавани.[294] Говорящий без написанного текста должен точно знать, что скажет во вступлении. Но весьма сомнительно, следует ли, как часто советуют и делают, записывать вступление, оставляя остальную речь ненаписанной. Оно слишком легко кажется формальным, а переход к ненаписанному — резким и стремительным, словно шаг с пристани в глубокую воду вместо спокойного постепенного входа с берега. Иногда вступление приходит на ум на ранней стадии подготовки; чаще его приходится находить или выбирать после сбора основного материала. Однако при подробном сочинении проповеди, письменном или неписьменном, вступление следует составлять раньше основной части. Это естественный порядок, и законченное вступление поможет проповеднику сочинять остальное примерно так же, как поможет слушателям. Вступление к речи — совсем не то же самое, что предисловие к книге.

[22] Рассмотрение этого предмета можно закончить полезным замечанием Вине: «У опытных проповедников мы находим мало совершенно неудачных вступлений; у начинающих — мало хороших. Отсюда естественно заключить, что в этой части речи есть нечто особенно тонкое, но нет ничего, что требовало бы особых способностей».[295]

[23] § 2. РАССМОТРЕНИЕ ПРЕДМЕТА

[24] (1) Рассмотрение предмета, или основная часть речи, должно строиться по некоторому плану, иначе это вообще не речь. Даже если нет разделов и какого-либо формального расположения, мысли всё же должны следовать друг за другом согласно естественным законам мышления. Люди, полагающиеся на способность к полной импровизации или воображающие, будто обладают чем-то вроде вдохновения свыше, обычно спотыкаются и блуждают во все стороны, не следуя определённой линии и достигая очень малого, кроме случаев, когда, как мы видели, вступает страсть и создаёт собственный порядок.[296]

[25] План речи в широчайшем смысле включает вступление и заключение; но поскольку здесь они рассматриваются отдельно, ради удобства можно говорить о плане преимущественно применительно к рассмотрению предмета, или основной части речи, с её разделами и подразделами.

[26] Нехорошо называть основную часть речи «доказательством» в качестве общего наименования, хотя некоторые способные авторы так делали. Изложение часто целиком или отчасти состоит из доказательства, но

столь же часто — из объяснения или впечатляющего раскрытия темы без какого-либо процесса доказательства. В увещательных проповедях есть ряд побуждений, но воздействовать ими на волю — дело совсем иное, чем доказывать, хотя их нередко смешивают.[297] После исключения вступления и заключения оставшееся называют по-разному: разделением, развитием, доказательством, изложением; однако в целом «рассмотрение предмета» представляется лучшим термином.[298] Сейчас нас интересует в нём необходимость плана.

[27] Иногда план возникает вместе с темой или после совсем недолгого размышления. В других случаях мы получаем лишь разнообразные отдельные мысли. Тогда полезно записывать их по мере возникновения, делать мысли внешним предметом, чтобы можно было отойти и посмотреть на них; рано или поздно план изложения представится. Усилие найти расположение нередко подсказывает новые мысли, которых иначе мы никогда бы не получили.[299]

[28] Надо искать не просто какой-нибудь план, а лучший. «Есть планы энергичные и богатые, которые, подводя рычаг как можно глубже, поднимают всю массу предмета; есть другие, обходящие самые глубокие его расчленения и поднимающие, так сказать, лишь один слой. Именно здесь, особенно здесь, в замысле планов, мы различаем ораторов, способных на хорошее, и способных на лучшее — на то лучшее, которое, по правде говоря, служит решающим свидетельством таланта или труда… Всякий должен насколько возможно стремиться к этому лучшему и не довольствоваться первым пришедшим на ум планом, если только, углубившись в него, не найдёт его

достаточным для своей цели, пригодным исчерпать предмет и выявить его силу — одним словом, если не увидит ничего за его пределами».[300] План должен быть прост: свободен не только от неясности, но и от натужной погони за эффектом, и вместе с тем по возможности свеж и выразителен. Так много проповедей следует по проторённой дорожке, на которой вскоре можно предвидеть всё последующее, что даже благочестивым слушателям трудно сохранять внимание. Хочется жалобно воскликнуть: «Достойный брат, превосходный брат, если бы вы только могли иногда повезти нас другой дорогой, пусть гораздо менее гладкой, пусть вам не очень знакомой, — как же я устал от этой!» И только поражающий план имеет шанс запомниться. Однако надо тщательно избегать планов лишь сенсационных, причудливых или «ловких». Проповедь благодаря этим качествам может вызвать большой интерес и надолго запомниться, не сделав и половины того действительного добра, какое сделала другая, выслушанная спокойно и вскоре забытая, но оставившая в своей мере благотворное впечатление.[301] Следует также избегать большой формальности плана.

[29] Роберт Холл[302] в одном выразительном отрывке весьма справедливо критикует жёсткий и мелочно подробный метод анализа и изложения, господствовавший в его дни. Многие прежние английские и американские проповедники, несомненно, грешили в этом направлении.

[30] В отношении формальности в нынешнем столетии достигнуто значительное улучшение, но планы многих проповедников всё ещё жёстки, единообразны и монотонны.[303]

[31] (2) План речи обычно включает формулировку предмета, которую на специальном языке называют тезисом. Часто в ней нет необходимости: предмет очевиден из текста или достаточно обозначен вступлением. Но в большинстве случаев тему следует выразить прямо, даже во многих текстовых и изъяснительных проповедях, причём иногда тезис требует большой тщательности.[304] По форме он может быть логическим или риторическим. «Религия приносит счастье» — логический тезис, «Радости благочестия» — риторический. Первый способствует единству, последовательности мысли, силе доказательства; второй — свободе и разнообразию изложения, давая место доказательству, впечатляющему раскрытию, приложению или любому желаемому способу рассмотрения. Проповедник, вероятно, предпочтёт тот или иной согласно складу ума и подготовке. Какой бы он ни предпочитал, ради собственного совершенствования и разнообразия речей ему следует часто употреблять и другой. Иногда обе формы могут использоваться в одной речи; например, можно объявить тему: «Религия приносит счастье, или Радости благочестия». Разновидность логической формы — вопросительная. Она иногда пробуждает внимание тем, что словно оставляет вопрос открытым, предлагая сейчас решить, истинен или ложен заключённый в нём тезис, либо возбуждает любопытство к тому, какой именно ответ даст проповедник. В некоторых случаях предложить исследование скромнее, чем процесс доказательства. А когда предмет требует как отрицательного, так и утвердительного рассмотрения, вопросительная форма особенно удобна. «Если тема проповедника, например, признаки личного благочестия, уместнее, вместо

перечисления под этим заглавием в нескольких пунктах недостаточных или ложных признаков, а затем удовлетворительных в том же ряду, поставить вопрос: каковы подлинные признаки благочестия? Отвечая, он мог бы либо в поучительной форме отрицать достаточность некоторых предполагаемых признаков, либо задавать ряд вопросов: является ли такое-то качество или поведение подлинным признаком? А такое-то? — и так далее… Затем он представил бы истинные признаки».[305]

[32] Тезис, или формулировка предмета, должен быть полным, то есть включать всё предполагаемое к рассмотрению, простым и ясным, кратким и привлекательным.[306] Иногда его можно повторить в разных формах либо другими, но равнозначными словами; порой слушателей постепенно подводят к нему рядом утверждений, последнее из которых определённо и точно, словно попадает в самое сердце дела. Профессор Фелпс рассмотрел тезис очень полно и тщательно. Он говорит: «Тезис — и тезис изученный, и тезис высказанный, и нередко тезис, доведённый до тщательно обработанной и сжатой формы, — жизненно важная часть речи с кафедры. Хотя по форме это лишь фрагмент, он указывает на весь способ мышления, лежащий под этой формой».

[33] (3) Имеет большое практическое значение вопрос, должен ли план речи включать разделы и, если да, каковы должны быть их число, характер, порядок и общее устройство.[307]

[34] (a) Для действенной речи очевидно необходимы две вещи: как мы видели, план, а также движение, продвижение вперёд. Эти требования надо согласовать. Движение не должно быть диким и беспорядочным, как

недисциплинированная конница; упорядоченный план не должен вводить такие перерывы и остановки, которые задерживают движение. Кроме того, речь как произведение искусства не должна навязчиво выставлять свои сочленения или чрезмерно привлекать отдельное внимание к каждому члену: всё должно предстать единым соразмерным целым. Греческие и римские ораторы, весьма заботившиеся о законченности речи как произведения искусства и часто желавшие скрыть труд подготовки, редко делали ясно обозначенные разделы. Но всегда следовали определённому плану и двигались упорядоченно, как и Гораций говорит[308] о поэзии: сила и красота порядка состоят в том, чтобы сейчас сказать именно то, что сейчас надлежит сказать, а всё остальное пока отложить. Примерно так же проповедовали отцы Церкви. Но великие схоласты Средневековья, применяя самый подробный логический анализ ко всем вопросам философии и религии, установили обычай, которому вскоре последовала и проповедь. Молодые проповедники, обученные читаемыми книгами и устным университетским преподаванием исключительно такому подробному аналитическому рассмотрению, совершили всё ещё частую ошибку: перенесли методы аудитории на кафедру. Анализ стал повальным увлечением. Почти ни о чём не думали, кроме ясного деления и логического сцепления; этому в большой мере приносили в жертву всякое ораторское движение и художественную гармонию. Слишком большая часть проповеди всех столетий нового времени испорчена этим недостатком. Аналитическое изложение тем и обстоятельное доказательство были главной заботой при сравнительном пренебрежении простотой и естественностью, живым движением и практической силой. Проповедники,

особенно образованные, слишком часто считали наставление и убеждение целью трудов, хотя это лишь средства привести людей к соответствующему чувству, решению и действию. А когда обычай утвердился, ему следовали просто как обычаю многие практичные и глубоко серьёзные проповедники, по мере сил ограничивавшие и преодолевавшие недостатки метода.

[35] Два столетия назад, когда чрезмерное умножение формальных разделов и столь же формальных подразделов было почти всеобщим во Франции и Англии, Фенелон яростно выступил против всего этого обычая, призывая вернуться к методам древних ораторов;[309] почти все последующие авторы встали в этом вопросе на ту или иную сторону. Однако известная формальность деления и общего порядка осталась распространённой во Франции и Германии, большей частью также в Англии и Америке. Доктор Арнольд из Рагби подал пример и убеждал других избегать разделов, делая проповедь очень непринуждённым обращением; после него многие проповедники Англиканской церкви, например Тренч и Кингсли, пошли этим путём.[310] Но особенно примечательно, что два самых способных и наиболее широко почитаемых проповедника, недавно вышедших из Англиканской церкви, Робертсон и Лиддон, оба регулярно выделяют разделы и обычно отмечают их по ходу речи; первый часто заранее объявляет их и также обозначает множество подразделов. Доктор Джон Уотсон, более известный как «Иэн Макларен»,[311] говорит: «Следует ли делить проповедь на пункты — важный вопрос. Три отдельных маленьких проповеди не составляют одной; но и горсть замечаний, связанных текстом, не образует органического целого. Всё зависит от того, продвигаются ли пункты, восходят, накапливают силу или остаются

независимыми, разъединёнными, параллельными. Пункты бывают либо водонепроницаемыми отсеками, и тогда нельзя перейти из одного в другой, раздражаясь железной дверью, либо этажами башни, и тогда не остановишься, пока не дойдёшь до вершины, потому что с каждым подъёмом открывается более широкий вид. Некогда модно было иметь пункты, теперь модно их не иметь; но в пользу прежнего способа можно сказать многое. Человеку нравятся места отдыха и точки отправления».

[36] Что заключить из этих начал и фактов? Ясно обозначенные разделы не необходимы; их можно не делать, если план речи легко прослеживается без них. Только, судя об этом, проповедник должен помнить, что ему план, конечно, знаком, а слушатели могут не заметить переходов, очевидных для него, если как-нибудь не привлечь к ним внимание. Но, не будучи необходимыми, ясно обозначенные разделы обычно полезны не только тем, что делают ход мысли понятным слушателям, но и самому проповеднику: они побуждают к логической правильности и полноте подготовки и помогают памяти при произнесении без текста. В каждой отдельной проповеди или группе проповедей следует решать по существу случая, но обычно лучше выделять разделы. Насколько легко или отчётливо их обозначать и как тщательно указывать переход к новому разделу, также решается по обстоятельствам. Если предмет особенно требует объяснения и доказательства, обычно полезны ясно выраженные разделы, а часто и подразделы; но их нельзя так умножать или формулировать, чтобы речь перестала восприниматься живым целым или прервалось её поступательное движение к намеченной практической цели.

[37] Александер говорит[312]: «Сколько речь выигрывает в методичности и расчленённости от составления по логическому анализу или программе, столько теряет в быстроте, богатстве и оживлении», — и потому склоняется к взгляду Фенелона. Но следует заметить, что Александер сформировал это суждение на основании опыта зрелых лет, обладая вполне дисциплинированным умом, привыкшим сочинять в логическом порядке. В таких обстоятельствах человек склонен уставать от всех регламентированных методов, чувствовать облегчение, пренебрегая ими, и часто может себе это позволить, потому что вправе рассчитывать на самопроизвольный порядок собственного ума. Но у большинства, особенно молодых, положение иное, и подобные замечания, вероятно, никогда для них не предназначались.

[38] Часто говорят, что современные светские ораторы не делают формальных разделов. Но они нередко их делают, особенно в обстоятельных обращениях к большой народной аудитории, иногда даже заранее объявляя ряд тем, которые намерены обсудить. В большинстве речей адвокатов и государственных деятелей история дела или природа вопроса определяет порядок рассмотрения и не оставляет повода делить предмет по иному принципу.

[39] (б) Относительно числа разделов надо заботиться о простоте и вместе с тем о живости и разнообразии. Конечно, меньшее число проще, и во многих случаях два раздела будут наиболее естественны и приятны. Вине говорит о Боссюэ: «Он, подобно Фенелону, любит деление надвое; и, на мой взгляд, двухчастные деления обычно обладают наибольшим вкусом».[313] Но как постоянный метод двухчастное построение едва ли даёт нужное разнообразие. Также весьма желательно, чтобы

формулировки разделов были интересны и обладали живостью конкретных или определённых мыслей; часто этого можно достичь лишь при нескольких разделах, поскольку сокращение их числа сделало бы их отвлечёнными или общими. «Возьмём тему: в чём состоит слава евангельской проповеди? В том, что она (1) установлена Сыном Божиим; (2) открывает волю Божию; (3) обещает благодать Божию; (4) совершается силой Божией; (5) сопровождается благословением Божиим и (6) ведёт души в присутствие Божие. Деление можно упростить: (1) в её установлении; (2) в её предмете; (3) в её действии и последствиях. Но первое предпочтительнее, потому что выразительнее».[314] Однако когда пунктов становится пять или шесть, они должны следовать в очень естественном порядке, иначе обычный слушатель с трудом удержит их в памяти. Поэтому рассудительные и искусные проповедники редко имеют больше четырёх главных пунктов речи.

[40] Теперь мы готовы понять, почему проповеди чаще имеют три раздела, чем какое-либо иное число. Это давно замеченный факт, служивший поводом для мелкого остроумия: «Три главы, как у проповеди».[315] Несомненно, многие проповедники пытались выделить три части даже там, где ничто этого не требовало, просто по привычке или слепо следуя обычаю. Но сам обычай должен был иметь естественное происхождение. Одну из главных причин показывают предыдущие соображения: три раздела дают достаточное разнообразие, не рассеивая внимания и не обременяя памяти. И во многих областях встречаются сходные или аналогичные факты. Так, одна из самых обычных схем речи естественно такова: что? почему? что же из этого? — то есть объяснить, доказать, применить. Полностью выраженный силлогизм даёт три

суждения. Нарастание невозможно без по меньшей мере трёх ступеней. Три сообщает представление о полноте: начало, середина, конец. Когда начинают бег, сигнал всегда «раз, два, три», не больше и не меньше. Писание часто употребляет тройное повторение как самое сильное и впечатляющее: «Свят, свят, свят»; «Просите, ищите, стучите» и так далее. Нередко логические и риторические основания соединяются, определяя число три. Например: воскресение тела (1) возможно, (2) вероятно, (3) несомненно. Внести религию в повседневную жизнь (1) возможно, (2) желательно, (3) обязательно. Благочестие для каждого юноши — то, что следует (1) уважать, (2) желать, (3) искать.[316] Фелпс[317] полагает, что тройное деление возникло из желания средневековых проповедников почтить Троицу; несомненно, отчасти так и было. Эти соображения показывают, что столь частое трёхчастное деление обстоятельных речей не случайно и не странно. То, что это самое обычное число, может склонять нас избегать его, если естественное устройство предмета его не требует; но когда требует, а так бывает очень часто, воспользуемся им без колебаний. Итак, следует делать наиболее естественное деление, учитывая предмет и практический замысел речи, но не позволяя числу пунктов часто превышать четыре. Можно ожидать, что при этом чаще всего получится три, а затем — два.

[41] (в) Характер разделов определяется их отношением к предложенной теме и друг к другу. Относительно первого очевидно, что ни один раздел не должен совпадать по объёму со всем предметом; однако у неопытных составителей проповедей это иногда получается незаметно для них. Важнее вопрос, должны ли разделы исчерпывать предмет. Это зависит от того, что понимать

под предметом. Общая тема очень редко исчерпывающе делится в одной проповеди; но предложенный в речи взгляд на неё должен быть исчерпан разделами. Иными словами, они должны исчерпывать тезис, или, можно сказать, предложенный предмет. Однако даже в этом более узком смысле ораторское деление и подразделение обычно не исчерпывает тему так, как логический анализ. Последний должен строго представить «всё и каждое» содержание тезиса. Первый требует, чтобы разделы с известной общей полнотой покрывали всю область тезиса, делая речь цельным строением, но не всегда требует в этом отношении научной точности. Что же касается подразделов, анализ очень легко продолжить за пределы полезного для практического действия речи. Барроу, чьи проповеди — замечательные образцы полноты рассмотрения предложенной темы и которого Карл II называл «несправедливым проповедником, потому что он исчерпывает каждый предмет и ничего не оставляет следующим», иногда настолько далеко вёл аналитическое рассмотрение, что оно становилось утомительным для любой обычной общины. Полный логический анализ предмета с делениями и подразделениями иногда полезен как часть подготовки проповеди; но ораторское деление отличается от него, часто весьма сильно, особенно в подразделах.[318]

[42] В отношении друг к другу разделы должны быть отчётливо различны и соразмерны. У неопытных ораторов нередко один раздел в действительности включает другой,[319] а очень часто включает часть того, что входит и в другой. Иногда, рассматривая одну ветвь предмета, мы сильно искушаемся продолжить тесно связанный материал, который, однако, по праву принадлежит иной ветви. Несообразность не всегда очевидна и требует

внимания. Порой действительно трудно решить, куда правильнее отнести ту или иную мысль; но её надо либо ограничить одним пунктом, либо честно разделить между двумя, так или иначе сохраняя пункты различными. Кроме того, отдельными разделами часто выставляют мысли, недостаточно различные для деления вообще; а действительно различные формулируют так, что они скользят друг в друга без ясной границы. «Самые разные слова не всегда передают существенно разные идеи, как в делении: “Христианской вере свойственно то, что она возбуждает, направляет, поддерживает”. Доказывать последовательно, что нечто противоречит здравому смыслу и нашим собственным интересам, — значит обречь себя по окончании первой части остаться перед пустотой».[320] Помимо различимости, разделы должны быть соразмерны. Мало сказать, что они не должны быть несообразны, хотя и способные проповедники иногда сваливают вместе вещи, сочетающиеся не лучше человеческой головы, лошадиной шеи, тела из частей, собранных отовсюду и покрытых разными перьями, с рыбьим хвостом в конце, — согласно известному предостережению Горация.[321] Но важное правило в том, что все разделы должны находиться в одном и том же отношении к предложенной теме. Среди недостатков неопытных проповедников нет ничего обычнее трёх разделов, один из которых соподчинён не двум другим, а некоторому иному положению, подразделами которого те два в действительности являются: одни разделы — ветви дерева, другие — лишь веточки ветвей. Этого недостатка надо тщательно остерегаться. В некоторых отношениях идею симметрии часто проводят слишком далеко. Конечно, подразделы любого раздела должны находиться к нему в одном отношении. Но нередко стараются дать

каждому разделу одинаковое число подразделов, чтобы сделать план симметричным. Даже когда это естественно, оно легко кажется искусственным, особенно при большом числе разделов и подразделов; а когда действительно искусственно, действие нехорошо. Паскаль сравнивает такие вставки ради симметрии с ложными окнами здания: бедная попытка скрыть внутреннюю несимметричность, которая раздражает, как только мы узнаём, в чём дело. Другое ошибочное понимание симметрии требует рассматривать каждый раздел, а иногда и подраздел примерно одинаково долго. Когда это естественно, оно приятно. Но естественно бывает нечасто. Простая внешняя симметрия гораздо менее важна, чем соразмерность внутренней связи тем и особому замыслу речи.[322]

[43] Различных оснований деления предметов очень много, и их краткое обсуждение или перечисление принесло бы мало пользы.[323] О практическом устройстве разделов можно многому научиться из внимательного анализа опубликованных проповедей. Неопытному проповеднику очень полезно отдавать планы на критический разбор преподавателю или рассудительному другу. В этом деле человек вскоре научится большему из указаний на собственные ошибки, чем можно преподать в общих выражениях. Изучение логики по любому действительно хорошему труду также окажет большую помощь — здесь, как и во многих иных отношениях.

[44] (г) Порядок разделов определяется не только логическими, но и практическими соображениями. Даже когда особенно стремятся наставить и убедить, в проповеди всегда предполагается практическое действие; обычно же наставление и убеждение вполне подчинены

воздействию на чувства и определению воли. Для наставления очевидно уместно, чтобы прежде шли разделы, помогающие понять последующие; обычно удобно также предварять положительные соображения отрицательными. В отношении убеждения проповедь должна располагать доводы согласно общим принципам порядка доказательств, применимым здесь не меньше, чем в очерке или трактате.[324] Ради практического действия надо постараться ясно различить намеченную цель, а затем рассмотреть, какой отбор и порядок тем вероятнее всего, зажигая воображение и согревая чувства, побудит слушателей решиться и действовать, как требует истина. Для этого отвлечённое должно предшествовать конкретному, общее — определённому или частному, а наставление и убеждение обычно должны предшествовать призыву. Но призыв может либо целиком следовать после всей совокупности наставлений и доводов, либо непосредственно сопровождать каждую изложенную главную мысль. Последний путь — применять по ходу речи — иногда имеет значительные преимущества. Последовательные волны чувства могут подниматься всё выше до самого конца. Кроме того, хотя мысль рождает чувство, верно и то, что чувство воздействует обратно и оживляет мысль: впечатляющее приложение одного раздела может обеспечить следующему более пристальное внимание. Но по мере продвижения интерес должен неизменно возрастать, иначе действие будет плохим; если же нельзя быть уверенным, что он будет так расти от пункта к пункту, лучше отложить приложение ближе к концу.[325]

[45] Проповеднику, повторяющему проповедь, следует подумать, нельзя ли с пользой перестроить её или хотя бы улучшить план.

[46] (д) Формулировка разделов и подразделов, как и тезиса, должна быть точной, сжатой и по возможности содержательной и привлекательной. Не гонясь натужно за эффектом, часто можно выразить раздел столь кратко и ярко, что внимание слушателя сразу пробудится. Хорошо, если разные разделы, а также подразделы каждого, сформулированы сходным образом там, где это достижимо без искусственности. Сходство формулировок выявляет соразмерность разделов, делая их яснее и приятнее. Некоторые немецкие проповедники порой облекают разделы в размер и рифму[326] либо используют для этого двустишие или строфу знакомого гимна.

[47] (е) Следует ли объявлять разделы заранее? Прежде это было почти всеобщим, да и теперь остаётся постоянным обычаем многих проповедников. Некогда в некоторых частях Германии план проповеди печатали и либо публиковали в газете на предыдущей неделе, либо раздавали листками входящим в церковь.[327] Подробно объявлять разделы и подразделы и неоднократно напоминать их по ходу дела очень уместно при чтении классу лекции о трудном предмете, когда цель — не склонить к действию, а лишь наставить и убедить ум. Но в правильно понимаемой проповеди эти цели обычно подчинены побуждению. Можно отметить три случая, когда желательно объявить разделы вначале. Во-первых, когда ход мысли труден и объявление поможет за ним следить. Иногда оно лишь увеличило бы трудность: слушателю легче понять каждый раздел отдельно, по мере представления. Но в других случаях поставленные рядом разделы освещают друг друга. Во-вторых, когда особенно желательно, чтобы прочным осталось не только практическое впечатление, но и память о последовательных шагах толкования или доказательства.

В-третьих, когда мы судим, что объявление пробудит интерес и внимание, а не ослабит их; здесь каждый случай надо решать по существу.[328] Если ни одного из трёх условий нет, предварительного объявления делать не следует. Надо помнить, что способов объявления много: от формального перечисления пронумерованных разделов, а иногда и подразделов, через множество степеней до совершенно непринуждённого и, возможно, очень лёгкого упоминания разделов как намеченных для рассмотрения пунктов. Между этими пределами изобретательность, рассудительность и хороший вкус могут создать большое разнообразие способов. Шедд считает[329], что обычно повторение в конце лучше предварительного объявления: оно понятнее, сильнее впечатляет и легче запоминается. Во многих случаях это верно. Во многих других лучше предварительное объявление. Иногда полезно даже употребить оба.

[48] Объявлять вначале также подразделы едва ли когда-либо желательно; это допустимо лишь в весьма особых случаях, когда ход мысли сам по себе очень важен. Однако чаще бывает уместно, сформулировав отдельный раздел, затем объявить его подразделы или, вернее, легко и непринуждённо упомянуть их.

[49] (4) Переходы от одной части речи к другой наиболее удачны, когда наименее заметны. Идеалом было бы совершенное прилегание частей, «как хорошо отёсанных камней, не нуждающихся в растворе», по образу Цицерона, или естественное вырастание каждой из предыдущей. Этот идеал редко осуществим; но во всех случаях переход тем легче, чем основательнее изучен предмет и лучше расположены мысли. Между темами, не имеющими действительной и естественной связи,

оправдывающей непосредственное следование друг за другом, хорошего перехода не сделать. Поэтому при трудном переходе полезно спросить, не ошибочно ли само расположение. Часто трудность действительно возникает от попытки вставить мысль или отрывок, не имеющий естественного места в ходе рассуждения. Бюффон заметил: «Те, кто боится потерять отдельные мысли и пишет обособленные отрывки в разное время, никогда не соединяют их без натянутых переходов».[330] Ещё труднее с обрывками, собранными при чтении. Их следует вводить лишь тогда, когда они могут полностью войти в состав речи. Иначе, как бы ни были они разумны, ярки или приятны, лучше опустить их; если действительно так хороши, вскоре найдут место где-нибудь ещё. Речь — не простое скопление или нарастание чужеродного материала. Из каких бы источников ни происходили её материалы, они должны соединиться и срастись. Подобно соку в растении или крови в теле, жизненный поток мысли должен течь через всю речь, придавая ей оживление, гибкость и силу.

[50] И всё же нередко практический замысел проповеди или требования подготовки заставляют соединять мысли, между которыми нет совершенного прилегания или самопроизвольной живой связи. Тогда бывает нужно вставить третью мысль, связанную с обеими и образующую лёгкий переход.[331] Такая мысль не должна приобретать отдельной заметности и вообще привлекать к себе внимание слушателей, хотя критический наблюдатель заметит её уместность и правильное введение. В большинстве случаев переход осуществим одним кратким предложением. Сделать это просто, изящно и разнообразно — задача несколько тонкая, но должное внимание и упражнение позволят каждому

справляться с приемлемым успехом. Известно замечание одного из самых выдающихся американских проповедников[332]: переходы, сочленения речи дают высшее доказательство ораторского искусства. Если в сочленение включить приспособление последовательных мыслей друг к другу, это естественно охватит расположение; при таком широком смысле замечание несомненно верно.

51 Но независимо от того, осуществляется ли переход через промежуточную мысль или непосредственно, часто желательно употребить выражение, которое вместе с естественной переменой тона и манеры позволит слушателю заметить, что здесь мы переходим к другой мысли. Иногда для этого нумеруют разделы и подразделы и вводят каждый упоминанием номера, которое, кроме формального называния, допускает разные непринуждённые способы. Без нумерации или без произнесения номеров можно пользоваться любыми из многочисленных выражений, обозначающих продвижение от пункта к пункту. Среди самых обычных — «далее», «в дополнение», «кроме того», «сверх того», «ещё более», «более того», «другой пункт», «затем», «и не только это, но…», «с другой стороны», «ещё раз», «наконец» и так далее.[333]

52 Но пусть неопытный проповедник не воображает, будто существуют готовые фразы, которые приличие обязывает его принять. Пусть заметит связь между предыдущей и следующей мыслями и обозначит переход любым подходящим простым выражением, не охотясь за новизной и не пренебрегая разнообразием.

53 Если проповедь необычно длинна, при переходе к одному из позднейших разделов можно как-нибудь просто

и спокойно признать это, возможно, слегка извиниться; если определённая часть из-за трудности или важности требует особого внимания, это также можно указать в переходе; в редких случаях можно вставить слово, оживляющее ослабевшее внимание.[334] Уместность всех таких попутных замечаний и способ их произнесения должны определяться здравым смыслом и хорошим вкусом. Если не справиться с ними хорошо, они гораздо хуже полного их отсутствия.

[54] Во всём вопросе о плане речи можно радоваться тому, что в нынешнюю эпоху, особенно в нашей стране, нет установившегося господствующего обычая, а есть достаточная свобода. Проповеднику, особенно молодому, лучше не спешить с выводом, будто он выше общего опыта, а изучать и практиковать разные методы, следуя преимущественно наиболее подходящим его силам, но часто упражняясь и в других. Тогда ни один метод не станет для него необходимостью; он расширит и разнообразит свою подготовку и приспособится к различным вкусам слушателей. С другой стороны, ему не нужно всегда следовать модам времени; должным образом учитывая природу и цель речи с кафедры, следует давать свободный простор индивидуальности, иногда находить собственные методы и наблюдать, как они действуют на него и слушателей. Пусть он не стремится выглядеть независимым и оригинальным, но и не боится пробовать новое под руководством хорошего вкуса и благочестивого чувства.[335]

[55] § 3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[56] Проповедники редко забывают приготовить какое-нибудь вступление, но очень часто пренебрегают заключением; между тем последнее ещё важнее первого. Джон Брайт, один из первых политических ораторов нынешней эпохи, говорил: как бы мало он ни готовил остальную речь, заключение всегда готовит тщательно. Лорд Брум сказал, что заключение знаменитой речи в палате лордов в защиту королевы Каролины сочинял заново по меньшей мере двадцать раз. Концовка первой речи Бёрка на суде над Уорреном Гастингсом перерабатывалась шестнадцать раз.[336] Великие ораторы Греции и Рима уделяли заключительным частям большое внимание, словно чувствуя, что это последний бой, которому предстоит решить исход схватки, и собирая все силы для одного высшего усилия. Но как часто у нас иначе, особенно у проповедников, говорящих без текста! Начало и первое развитие проповеди обнаруживают хорошую подготовку и идут удачно. Ближе к концу проповедник уже не знает дороги: здесь блуждает с растерянным видом, там бьётся и барахтается. Другой, чувствуя в конце возбуждение, пускается в общее увещание и продолжает до истощения тела и ума, заканчивая чем-то разрозненным, слабым и плоским. Заключение должно было двигаться подобно реке, нарастающей в объёме и силе; вместо этого речь теряется в большом болоте или заканчивается, как опорожнение кувшина, несколькими жалкими каплями и осадком.

[57] Установим поэтому правило: заключение, или хотя бы какое-нибудь заключение, должно быть тщательно подготовлено. Если оно включает страстный личный призыв, при произнесении часто придётся изменять его

согласно состоянию чувств, достигнутому нами и слушателями. Но обычно во время подготовки можно точно определить мысли, которыми надлежит завершить проповедь, оставляя способ выражения под властью чувства минуты. Во всяком случае следует иметь наготове и хорошо подготовить нечто, что составит уместное и действенное заключение, хотя и сохраняя свободу, если минута побудит, повернуть в иную сторону или подняться выше. Когда предмет естественно ведёт к страстному увещанию, почти всегда можно предвидеть определённые пределы, которыми оно должно ограничиваться, чтобы сохранять связь с темой, и обычно наметить дальше некоторую точку, к которой будет стремиться это эмоциональное развёртывание и где можно закончить всеобъемлющим утверждением или последним призывом. Встречающаяся здесь трудность заключения — лишь высшая степень того, что возникает повсюду в лучших формах речи и что мы должны научиться преодолевать: как соединить возможно более основательную подготовку с наибольшей свободой произнесения?[337]

[58] Одним из элементов заключения часто бывает повторение пройденного. Если речь состояла главным образом из тщательного объяснения или обстоятельного доказательства и важно, чтобы отдельные разделы запомнились, но сомнительно, запомнятся ли, можно отчётливо повторить разделы, а порой даже некоторые подразделы. Однако делать это надо, говоря словами Цицерона, «так, чтобы ожила память, а не повторилась речь». Пространное повторение столь же ненужно, сколь утомительно. Хотя в этот момент, возможно, хочется вновь распространиться о любимом пункте, нужно ограничить повторение его надлежащей задачей. Однако в большинстве проповедей мы заботимся не о

воспроизведении отдельных мыслей и закреплении каждой в уме слушателя, а скорее о собирании их вместе и сосредоточении их силы в последнем усилии убеждения или побуждения. Тогда нехорошо делать формальный повтор: лучше свободнее напомнить ход мысли или главные его пункты, иногда в совсем иных выражениях. По-видимому, это Вине назвал бы резюме, в отличие от повторения.[338] Для собственно ораторских целей оно обычно гораздо предпочтительнее. Повторение или резюме, особенно последнее, иногда составляет всё заключение; но чаще лишь подводит к заключению в собственном смысле. Нередко лучше, особенно если речь включает много пунктов, дать некоторое повторение раньше заключения, обычно при переходе к последнему разделу.

[59] Заключение большей частью состоит из приложения. Как мы уже видели, этот термин в обычном употреблении охватывает разнообразный материал: приложение в собственном смысле, советы для практического руководства и убеждающий призыв.

[60] Поскольку приложение нередко встречается вне заключения, иногда даже составляя большую часть проповеди, развёрнутое в одном месте или распределённое по всему тексту, этот предмет правильно был рассмотрен среди материалов проповеди.[339] Но очевидно, что в заключении приложение, так сказать, сосредоточивается. Такое заключительное приложение ещё больше других частей речи требует от проповедника сильной веры, тёплого религиозного опыта и глубокой серьёзности.

[61] Но совершенно неверно предполагать, как, по-видимому, делают некоторые, что всякая проповедь

обязана заканчиваться очень трогательным или потрясающим призывом. Нередко лучше закончить спокойно, всё же оставляя впечатление. И чего бы ни требовал предмет, пусть человек не говорит эмоционально, если действительно этого не чувствует. Попытка искусственно разжечь в себе чувство, потому что здесь оно желательно, обычно не удастся; если же и удастся для самого проповедника, у слушателей, вероятно, произведёт всё что угодно, кроме хорошего впечатления. Если было подготовлено страстное заключение, а говорящий теперь обнаружил, что его чувства и чувства слушателей постепенно утихли и нет хорошей надежды их возбудить, пусть опустит подготовленное заключение или изменит его тон, не пытаясь сделать недостижимого. Мало что столь мучительно и вредно, как обратное действие страстных слов, не переживаемых слушателями и даже самим говорящим. «Не проповедуйте труп призыва».[340] И никогда не следует забывать: наша цель — возбуждать чувство не ради него самого, словно оно конечная задача, но сделать его средством определения воли и побуждения к соответствующему действию. Даже любовь к Богу не сохранится как простое чувство.

62 Заключительное увещание, как правило, должно быть определённым и сохранять связь с рассмотренным предметом. Велика опасность, что свободно говорящий и горячий оратор уйдёт в одни общие призывы, одинаково пригодные почти к любой другой теме или случаю. Иногда это допустимо, но более определённое увещание почти всегда было бы действеннее. Прежде у баптистов, методистов и некоторых других было очень распространено сопровождать проповедь увещанием другого служителя или простого христианина. Теперь

обычай в основном оставлен, кроме «продолжительных собраний», но при правильном исполнении иногда может быть вполне уместен и действительно полезен. Было бы превосходно вывести некоторые наши общины из благопристойной скуки неожиданным и пробуждающим увещанием. Но такие обращения не должны отрываться от проповеди или теряться в неопределённых общих местах. Обычно им следует вести предмет или одну из его ветвей дальше в том же направлении. Если такой ход мысли не возникает, пусть говорящий возьмёт мысль, которая, хотя и не вошла в проповедь, будет согласоваться с её общим действием, чтобы всё богослужение побуждало слушателей в одну сторону. Берущемуся за такое увещание следует не только чувствовать желание говорить, но непременно иметь в уме нечто определённое, что он хочет сказать, и особенно остерегаться утомить слушателей.

[63] Когда проповедь была серьёзным предостережением, в заключении иногда хорошо сказать слова утешения и ободрения на основании Божиих обещаний; когда же речь главным образом содержала горячее приглашение, возможно, лучше заключить откровенным разговором о трудностях ученичества Христу, чтобы удержать от поспешного исповедания. В каждом случае проповедник должен судить, углубит ли такое сочетание общее впечатление или два начала нейтрализуют друг друга в уме слушателя, оставив его нетронутым ни одним. Можно добавить: предостережения и всё тревожащее в евангельской истине следует произносить не так, будто мы наслаждаемся осуждением, но с особой нежностью, показывая, что говорим из верности любви.

64 Длина заключения, как и вступления, зависит от обстоятельств, и правила установить нельзя. Но велика опасность сделать его слишком длинным, особенно при увещательных призывах. Чувство говорящего склоняет продолжать, однако чувства слушателей невозможно долго удерживать на высокой ступени. Если проповедь была длинной, заключение, несомненно, должно быть кратким, кроме очень особых случаев. Иногда конец последнего раздела действительно завершает весь ход мысли и придаёт ему практический поворот; тогда отдельное заключение ненужно и обычно нежелательно. Иногда очень действенно внезапное окончание, если выполнено хорошо, со вкусом и непритворной серьёзностью. Иногда проповедник будет побеждён волнением, и тогда слёзное молчание окажется сильнее речи. «Чрезмерная длина — обычный недостаток заключений у проповедников и писателей, работающих без предварительной записи, вообще у всех, кто не руководствуется ясными планами и при подготовке, и при произнесении проповедей. Им приходят новые мысли, которые прицепляются к сказанному. Хуже того, иногда проповедник сознаёт, что не достиг цели речи или не пробудил должного интереса, и продолжает бороться в тщетной попытке возместить недостаток, пока наконец не вынужден закончить ещё дальше от цели, чем был в начале заключения».[341] Особенно неразумно дать понять, что сейчас закончишь, а затем начать снова или продолжать тянуть.

65 Общий характер заключения нужно определить прежде, чем приступать к подробному сочинению речи, письменному или неписьменному. Тогда развитие подробностей можно надлежащим образом ограничивать и направлять тем употреблением, которое предполагается

сделать из целого в заключении. Если остальной материал подготовлен и расположен, а заключение ещё не возникло, что случается нечасто, можно вновь просмотреть намеченный ход мысли, прямо спросив себя, какое заключение больше всего подойдёт ко всему этому. Возможно, новое исследование текста, его связи или параллельных мест даст нечто подходящее. Задача — найти не какое-нибудь заключение, а самое уместное и действенное. Ясно, что подробно сочинить его нельзя, пока мы не дойдём до него, составляя речь. В действительности во время сочинения может представиться заключение лучше первоначального, которым следует его заменить. То же может случиться при произнесении. Главное требование — соответствие основной части и заключения друг другу; его можно достичь, определив общее содержание и цель заключения при составлении плана, а затем позволяя стилю и тону заключения измениться или даже смениться самому его характеру так, как подскажет ход сочинения или произнесения.

[66] Последние слова заключения иногда могут состоять из всеобъемлющего и впечатляющего повторного выражения обсуждённого предмета. «Очень действенно, когда в последнем призыве мы можем сильно и живо воспроизвести ведущую идею всей речи. После столь многих основательных доказательств и столь многих искусных ораторских ходов, посвящённых ей, большое действие производит на слушателей вид великой ведущей истины, исходной идеи, вновь являющейся в этот венчающий миг во всей силе прекрасной простоты и во всей мощи единства».[342] Последними словами может стать и сам текст. Когда речь развилась из него и выявила всё богатство смысла, выразительное повторение текста

при завершении впечатляюще подведёт итог сказанному. Можно закончить другим местом Писания, частью гимна или призыванием Божия благословения. Последнее иногда естественно и впечатляет, но никогда не должно становиться постоянной формой. Однако очень часто общее содержание или цель заключения требуют закончить определённой мыслью. Последняя фраза, из чего бы ни состояла, должна быть уместной и впечатляющей, но её стиль не должен быть изощрённым и притязательным. Это очень торжественная минута. Думайте не о своей репутации, а об ответственности и о спасении слушателей.[343]

Часть II. Глава III. Различные виды проповедей

[1] § 1. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРОПОВЕДИ. 2. ТЕКСТОВЫЕ ПРОПОВЕДИ. 3. ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРОПОВЕДИ.

[2] Предпринимались разнообразные обстоятельные, но неудачные попытки классифицировать проповеди.[344] По самой природе дела точная или научная классификация невозможна: виды будут пересекаться и смешиваться всеми мыслимыми способами. Если различать проповеди вероучительные и практические, очевидно, что вероучение должно иметь практическое приложение, а практическое приложение — вероучительное основание. Если делить их[345] на объяснительные, иллюстрирующие, доказательные и увещательные, очевидно, что все эти элементы либо любые два-три могут соединяться в таких пропорциях, что ни один нельзя счесть отличительным признаком всей речи. Так будет с любым предложенным способом классификации. Однако есть два различных принципа, или основания, по которым можно проводить эти несовершенные классификации. Первый относится к содержанию проповеди, включая темы, поводы и материалы. Они уже рассмотрены.[346] Второе основание касается того, что можно назвать гомилетическим строением проповеди; как указал Фелпс,[347] оно свойственно именно проповедям, в отличие от других сочинений, и возникает из их отношения к Писанию. Поэтому в связи с общим предметом расположения материала уместно рассмотреть различные виды проповедей, определяемые их гомилетическим строением. Нам уже приходилось их упоминать: тематические, текстовые и изъяснительные. Здесь

желательно изложить особенности каждого вида и дать практические советы по его применению.

[3] Различие тематической и текстовой проповеди касается только плана речи, особенно источника её разделов. Лишь в этом отношении они составляют разные виды, но различие имеет немалое практическое значение. Эти выражения, вместо которых некоторые употребляют «топические и текстуальные проповеди» или «тематическое и текстовое деление проповедей», в целом использовались без большой точности и единообразия. Вполне очевидное и последовательно применимое употребление было бы таким: тематические проповеди — те, где разделы выводятся из предмета независимо от текста; в текстовых же разделы берутся из текста. Во втором случае, как и в первом, может быть определённая тема, ясно и даже формально выраженная; но её не делят согласно собственной природе, а делают лишь те разделы, которые представлены текстом. Иногда оба плана совпадают. Начав с темы, можно найти столь подходящий текст, что все логические разделы темы окажутся в нём; или, начав с текста, можно настолько удачно сформулировать его тему как тезис, что отдельные представленные текстом разделы составят также полное логическое деление тезиса. Но такое совпадение нечасто; то, что оно иногда бывает, не делает виды менее различными по принципу.

[4] § 1. ТЕМАТИЧЕСКИЕ ПРОПОВЕДИ

[5] Итак, в тематической проповеди мы извлекаем из текста определённый предмет, обычно ясно выражая его в форме тезиса;[348] затем текст, дав мысль, больше не участвует как формообразующая сила в плане рассмотрения. Предмет делится и рассматривается согласно собственной природе, точно так же, как если бы не был извлечён из текста.

[6] У этой формы есть важные преимущества. Она лучше обеспечивает единство, необходимое для наилучшего действия речи. Она приучает ум проповедника к логическому анализу, а мало способностей столь для него ценных. Для определённого склада умов среди слушателей, особенно образованных, она убедительнее и приятнее: такое рассмотрение более логично и обладает более явной полнотой. Кроме того, часто возникает практическая необходимость столь основательно обсудить предмет. Нужды общины побудят проповедника представить полный взгляд на какое-либо учение или вопрос общей либо частной нравственности, а не только особенные стороны, показанные тем или иным текстом. Писание не представляет истину последовательностью логических положений, как и предметы природы не встречаются сгруппированными по научной классификации. Это соответствует назначению Библии как книги для чтения и также ведёт к богатому разнообразию текстовой проповеди. Но нередко поучительно и удовлетворительно рассмотреть некоторый объединяющий предмет.

[7] Обычно лучше, чтобы тема была не общей, а определённой. Как мы уже видели,[349] это не только

способствует разнообразию последовательных проповедей, но и действительно делает каждый предмет плодотворнее. Если же тема не только логически определённа, но и является собственно темой избранного текста, это отчасти снимает одно из возражений против тематических проповедей: текст играет в них не столь важную роль, какую должен играть в проповеди. Слишком часто текст — лишь отправная точка, с которой речь затем не сохраняет не только формальной, но и живой связи. Иногда его вообще делают простым эпиграфом — обычай крайне сомнительной уместности. Конечно, текст, представляющий особую сторону предмета, можно законно использовать как подсказывающий общую тему; или извлечь общую тему из всеобъемлющего текста, а затем прямо ограничиться одной её областью. Но, как правило, гораздо лучше, чтобы предмет был именно тем, который текст наиболее естественно представляет и который полнее всего исчерпывает его смысл. Хороший пример таких определённых тем дают три проповеди Роберта Холла: «Основания будущего суда», «Характер будущего суда», «Памятование в юности о будущем суде».[350] В каждом случае избран текст, который, как предполагается, представляет отдельную тему. Первый — Деян. 24:25: «Когда Павел рассуждал о праведности, воздержании и будущем суде»; однако такое толкование, вероятно, необоснованно, поскольку слово, переданное по-английски reasoned, собственно означает «говорил, вёл речь» — discoursed. Второй — Евр. 6:2: «Суд вечный»; третий — Еккл. 11:9: «Веселись, юноша, в юности твоей… только знай, что за всё это Бог приведёт тебя на суд». Биограф г-на Холла сообщает, что он любил так ограничиваться одной стороной предмета. Подобным

образом у Сауса есть несколько отдельных проповедей об избавлении от искушения.

[8] Тема делится согласно собственной природе и нашей практической цели её рассмотрения.[351] Эта цель обычно ведёт либо к объяснению, посредством анализа или сравнения, либо к доказательству, либо к приложению; во многих случаях требуется некоторое их сочетание. Практически различные способы деления чрезвычайно многочисленны и разнообразны; здесь аналитические способности и воображение проповедника могут действовать свободно. Формальные и громоздкие методы из «Топик» древних авторов, применённые к проповеди Клодом, теперь в целом оставлены. Даже сам Цицерон, сокративший трактат Аристотеля о топике, в другом месте,[352] после нескольких практических советов о разделах речи, говорит: «Есть и другие правила деления, мало полезные в ораторском искусстве; ими пользуются в философии, и я перенёс те, которые показались подходящими». На различии логического анализа и ораторского деления невозможно настаивать слишком сильно. О делении темы мало чему можно научить иначе, чем примерами; полезнее всего изучать их критическим анализом опубликованных проповедей и повторным внимательным рассмотрением составленных нами самими планов.[353]

[9] Иногда полного рассмотрения темы не пытаются дать: имеется лишь ряд замечаний о ней. Конечно, это редко заслуживает одобрения.[354]

[10] § 2. ТЕКСТОВЫЕ ПРОПОВЕДИ

[11] Они должны руководствоваться теми же общими принципами, что тематические. У них всегда должен быть план и обычно — разделы; изложенные в предыдущей главе принципы деления в целом относятся к текстовым проповедям так же, как к другим. Текстовые проповеди включают две различные разновидности: представляющие один предмет и рассматривающие несколько.

[12] (1) Из текста извлекается один предмет и формулируется прямо или непринуждённо, затем рассматривается по разделам, которые даёт текст. Мы видели, что иногда это совпадает с полным логическим делением самого предмета; но и в таких редких случаях проповедь называлась бы текстовой, если разделы действительно выведены из рассмотрения текста. Обычно такие планы сильно отличаются от тех, которые подсказал бы логический анализ темы. Некоторые авторы смешивают текстовые проповеди этого рода с тематическими, поскольку в обоих случаях есть определённая тема. Другие называют их текстово-тематическими.

[13] Разделы, извлечённые таким образом из текста, хотя обычно не образуют полного анализа предмета самого по себе, всё же должны быть так связаны с ним и между собой, чтобы вместе образовать строение, соразмерное целое. Иначе речь воспринимается как незаконченная и отрывочная.

[14] Хорошо построенная текстовая проповедь этого рода имеет большинство преимуществ тематической и одно большое дополнительное: она гораздо теснее

соприкасается с текстом, извлекая из него не только рассматриваемый предмет, но и все ведущие мысли рассмотрения. Поэтому метод очень широко принят. Он даёт большие возможности разнообразия, свежести и самобытности. «Проповеднику нужно чутьё, чтобы обнаружить скрытый скелет. Это чутьё постепенно и несомненно приобретёт всякий, кто тщательно развивает себя во всех гомилетических отношениях. Подобно всякому тонкому различению, оно незаметно приходит в ходе обучения и дисциплины, поэтому нельзя дать отдельного особого правила для его приобретения. Однако приобрести его необходимо, иначе будет недоставать основного таланта к составлению текстовых проповедей. Кроме того, это чутьё должно быть рассудительным. В тексте можно найти больше смысла, чем он действительно содержит… Способность обнаруживать значение Писания должна ограничиваться его сутью — очевидным и полным содержанием».[355] Немецкие проповедники, которым приходится много раз в последовательные годы проповедовать на один отрывок, часто проявляют большую изобретательность, находя новые планы для того же текста: планы, дающие полный разрез всего отрывка, но в новом направлении. «Возьмём, например, историю отречения Петра. Можно исходить из самого факта отречения, рассматривая его причины, последствия и так далее; либо из опасности, в которую попадает греющийся вместе с миром; либо из мысли, что в этом мире всё содействует тому, чтобы привести ученика к падению; либо из покаяния Петра, предполагающего как любовь, так и слабость любви; либо показать силу любви Иисуса в Его взгляде на Петра: (а) как она смиряет его лучше закона и наказания, (б) как делает его новым человеком. Во всех пяти проповедях

весь текст нашёл бы место, но всякий раз в ином свете».[356] «Одно из чудесных исцелений Господа можно рассматривать либо с точки зрения Божественной благодати, прославляющей себя в этой истории; тогда образ действий Христа служит пояснением Божиих действий, например: Он действительно медлит с помощью, но в конце помогает. Или историю можно рассматривать главным образом с нравственной стороны, и тогда Христос — пример, согласно которому мы должны действовать в сходных случаях. Наконец, можно рассмотреть поведение самих исцеляемых, поставленных перед нами как пример веры, например капернаумского сотника».[357] Среди английских проповедников Мелвилл знаменит изобретательностью, с которой развивает богатый смысл из мест, большинству людей ничего не подсказывающих.

[15] Здесь, как и в тематических проповедях, иногда можно услышать лишь ряд «наблюдений» или «замечаний» о предмете, которые едва ли можно назвать его подразделениями. Вот пример из Беддома: Деян. 9:4: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» (1) Необращённым людям вообще свойствен дух гонения. (2) Христос не сводит глаз с гонителей. (3) Вред, причинённый народу Христову, Христос считает причинённым Себе. (4) Христос обращается со Своим призывом к каждому лично.[358] Четвёртый пункт можно было бы опустить. Подобные замечания, подсказанные самим текстом, представляются более удовлетворительным способом раскрытия предмета, чем замечания, лишь относящиеся к теме; однако не следует слишком часто позволять себе строить проповеди столь свободно.

[16] В каждом отдельном случае проповедник должен сам рассудить, что лучше: разделить предмет сообразно тексту или рассмотреть его самостоятельно, исходя из природы самого предмета.[359]

[17] (2) В других текстовых проповедях нет одного определённого и всеобъемлющего предмета: в них последовательно рассматривают несколько тем, содержащихся в тексте. Хотя объединить их в одну тему невозможно, они должны быть связаны между собой так, чтобы придавать речи единство. Одно и то же предложение Писания может подсказать несколько совершенно различных тем, и проповедь о них на деле будет несколькими проповедями, следующими одна за другой. Речь, лишённая единства, и оскорбляет вкус, и не имеет силы; собственно говоря, это вовсе не речь. Впрочем, единство может определяться предметом, лицом или местом, лишь бы в последних двух случаях существовала также некоторая внутренняя связь, позволяющая всему слиться в общем воздействии речи. Так, в проповеди об Иуде можно рассмотреть столь различные на первый взгляд темы, как самоубийство, неблагодарность, корыстолюбие и угрызения совести: они не только относятся к одному лицу, но и были в его жизни тесно связаны. Это станет очевидным, если расположить их в другом порядке: корыстолюбие, неблагодарность, угрызения совести, самоубийство. Показав, что в его жизни они были связаны именно так, можно даже рассмотреть их в иной последовательности, если это удобнее с ораторской точки зрения: хотя темы останутся отдельными, они по крайней мере будут казаться соединёнными в некоторое целое. Этот пример показывает, что в данном направлении допустимо заходить довольно далеко; однако, как правило, следует

добиваться как можно более тесной внутренней связи между темами речи. Главный недостаток этой разновидности текстовых проповедей состоит в их склонности перескакивать с одного на другое и блуждать в стороны: они напоминают разрозненные выстрелы нерегулярных войск больше, чем стройный сосредоточенный огонь дисциплинированного подразделения. Мы избегаем этого недостатка, отказываясь включать в проповедь любую подсказанную текстом тему, которая не занимает своего места в связном ряду, хотя сама по себе она могла бы быть интересной и поучительной.

[18] В обеих разновидностях, особенно во второй, подразделения иногда можно выражать самими словами текста. Например: «Новообращённый, вверяемый Богу», Иуд. 24: (1) «Могущему же соблюсти вас от падения»; (2) «и поставить» вас: (а) «непорочными», (б) «пред славою Своею», (в) «в радости». Гал. 5:6: «Что имеет силу во Христе Иисусе». (1) «Ни обрезание, ни необрезание». (2) «Но» (а) «вера», (б) «действующая», (в) «любовью». Порядок частей можно изменить, если это представляется более подходящим с ораторской точки зрения. Лк. 23:43[360]: (1) «Будешь в раю». (2) «Будешь со Мною в раю». (3) «Ныне же будешь со Мною в раю».[361] Когда таким образом последовательно берут отдельные слова или части текста и «развивают» их, этот приём очень похож на музыкальные «вариации» на знакомую мелодию: он обладает сходными достоинствами и подвержен тем же недостаткам. Нередко им пользуются так, что он становится утомительным: это Шлейермахер называл чтением текста по буквам. Иногда он вызывает отвращение — например, когда отрывок расчленяют так, что уничтожают самую его жизнь. Но если текст выбран

удачно, а рассмотрение его естественно и вместе с тем свежо, поучительно и живо, если связь между темами очевидна, а ораторское движение вперёд сохраняется до самого конца, такая проповедь может быть весьма действенной. Люди любят, когда их мысль остаётся в тесном соприкосновении с текстом, если это достигается интересным и впечатляющим образом.

[19] Подразделения можно выражать и другими словами, сохраняя порядок текста; можно также изменить и слова, и порядок, если это даст более удачное ораторское расположение материала. В текстовых проповедях об одном определённом предмете формулировки обычно приходится изменять именно так, и многое зависит от искусства, с которым подразделения извлекаются из текста и излагаются. Иез. 11:19, 20: «И дам им сердце единое» и т. д. «Истинная религия», раскрытая в четырёх пунктах: (1) Кто её созидает. (2) Какое расположение духа она производит. (3) Какого послушания она требует. (4) Какое блаженство она обеспечивает.[362] Пс. 72:24, 26: «Бог — всё для благочестивого человека». (1) Его вождь в жизни. (2) Его опора в смерти. (3) Его часть навеки. Иногда достаточно совсем немного отступить от слов текста. Рим. 5:1, 2: «Блаженное состояние верующего». (1) Он может иметь мир с Богом. (2) Он может стоять, то есть твёрдо держаться, в благодати Божией. (3) Он может торжествовать в надежде славы Божией.

[20] Нередко мысли текста удаётся весьма полно и стройно раскрыть посредством ряда вопросов, ответы на которые образуют подразделения проповеди. Примеры такого приёма всем знакомы.

[21] Разрабатывая подробности текстовой проповеди, не обязательно строго ограничиваться теми сторонами

предмета, которые представлены в тексте. Каждую из тем можно развить и приложить к жизни сообразно её собственной природе или особой цели проповеди. И всё же всегда приятно видеть, как все направления мысли остаются в пределах текста, если это достигается без искусственности.

[22] § 3. ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПРОПОВЕДИ

[23] Название этого вида проповедей происходит от особенности их материала, а именно от того, что они главным образом заняты изъяснением. Однако их гомилетические особенности относятся к построению — к тому ораторскому расположению и приспособлению материала, которое должно отличать изъяснительную проповедь от комментария или экзегетического исследования. Поэтому именно здесь, по-видимому, уместно рассмотреть эту важную разновидность проповедей.

[24] Почти всякий проповедник, которого спросишь, часто ли он произносит изъяснительные проповеди, ответит: «Нет; я давно считаю, что таких проповедей должно быть больше, но прежние мои попытки в этом направлении были совсем неудачны, и, по-видимому, у меня нет к этому способности». Однако сравнительно немногие когда-либо всерьёз пытались развить в себе такую способность. Люди годами трудятся, чтобы приобрести умение составлять хорошую тематическую проповедь. На это направлены вся их риторическая подготовка и вся практика. Затем они пробуют изъяснительную проповедь, которая требует иной практики и, быть может, даже иного способа изучать Писание, и удивляются сравнительной неудаче первых попыток. Это так же

неразумно, как поведение тех, кто, приучив себя читать проповеди, делает робкую и плохо подготовленную попытку проповедовать без рукописи и из почти неизбежной неудачи заключает, что у него нет способности говорить без заранее написанного текста.

25 (1) Нет необходимости подробно рассматривать достоинства и недостатки изъяснительной проповеди. Её достоинства отчасти очевидны и общепризнанны; кроме того, их превосходно изложил Александер в «Мыслях о проповедовании».[363] В его изложении они таковы.

26 (а) Этот способ лучше соответствует самой идее и назначению проповеди. (б) Это первоначальный, древний способ. (в) Он обеспечивает лучшее знание Писания и проповеднику, и слушателям — притом знание Писания в его связи. (г) Благодаря ему в проповедях содержится больше чистых истин Писания и библейских способов смотреть на вещи. (д) Он даёт повод коснуться многих мест Библии, которые иначе, быть может, никогда не вошли бы в проповеди; позволяет высказать важные практические указания и предостережения, которые некоторым слушателям могли бы показаться обидными личными выпадами, если бы они были введены в тематическое рассуждение, тогда как здесь их естественно подсказывает рассматриваемый отрывок. (е) Наконец, он значительно ослабляет искушение неверно толковать тексты посредством чрезмерной аллегоризации, «приспособления» и тому подобного: к таким неверным толкованиям людей часто подталкивает трудность найти для каждой проповеди короткий отрывок, из которого можно было бы обоснованно извлечь достаточное количество материала.[364]

[27] Возможно, полезнее было бы рассмотреть возражения против этого способа, поскольку они нередко кажутся серьёзнее, чем есть на самом деле. Во многих местах среди слушателей существует предубеждение против изъяснительной проповеди: оно возникает и потому, что её так часто ведут неумело, и потому, что её считают способом сберечь труд. В дождливые воскресенья или по будничным вечерам проповедник, у которого не приготовлена проповедь или которому хочется приберечь тщательно разработанное выступление для более благоприятного случая, нередко берётся «прочесть отрывок Писания и сделать несколько замечаний». Он чувствует, что ничем не рискует: как выразился один своеобразный старый проповедник, если его «будут гнать в одном стихе, он может бежать в другой». Поэтому люди довольно естественно заключают, что всякий длинный текст выбирают для того, чтобы обойтись без труда. Помимо этого предубеждения против самого способа, которое рассудительный и трудолюбивый проповедник может вскоре преодолеть, у него есть и внутренне присущие недостатки. К сожалению, наши слушатели редко следуют превосходному шотландскому обычаю держать во время проповеди в руках Библию; поэтому им трудно удерживать в памяти общее направление мысли и связь длинного текста, как они привыкли делать с коротким. Эту трудность нужно иметь в виду и стараться по возможности преодолеть. Кроме того, в наш необычайно беспокойный век некоторые возражают против последовательного изъяснения, говоря, что ему недостаёт разнообразия: им надоедает слышать, как проповедник воскресенье за воскресеньем объявляет одну и ту же книгу и, быть может, одну и ту же главу. Другим Библия на самом деле настолько безразлична, что её

объяснения не вызывают у них интереса; они хотят, чтобы проповедник сделал текст лишь отправной точкой и дал им «что-нибудь свежее». Третьи возражают, что изъяснительная проповедь не может дать тех связных доказательств, которыми так наслаждается человеческий ум; однако она может проследить и раскрыть доказательство богодухновенного писателя, а это должно быть интереснее доказательства, построенного самим проповедником. Если далее возразят, что речь, главным образом или в значительной мере занятая объяснением текста, оставляет мало места для приложения к жизни, мы можем ответить: сила такого приложения во многом зависит от интереса к рассматриваемому предмету, который прежде удалось вызвать у слушателей; притом краткое, даже неожиданное приложение или обращение часто действует сильнее того, которое заранее объявляет о себе и заставляет людей занять оборонительную позицию.

[28] Шедд полагает,[365] что «потребность в изъяснительной проповеди несколько меньше, чем она была до учреждения воскресных школ и классов изучения Библии». Однако он добавляет, что «проповедник обязан время от времени отдавать лучшие силы созданию тщательно разработанной изъяснительной проповеди, которая не только выполнит обычное дело проповеди — научит, пробудит и подвигнет, — но и послужит своего рода руководством и образцом для учителя воскресной школы и класса изучения Библии». Но стоит спросить: не подготавливает ли обучение в воскресной школе людей именно к тому, чтобы выше ценить изъяснительную проповедь и извлекать из неё больше пользы? Главное препятствие её действенности — не знание Писания, а его незнание. Иногда, проповедуя перед незнакомой

общиной, кажется, что можно узнать тех, кто регулярно изучает Библию, по большему интересу, с которым они слушают встречающиеся в проповеди объяснения Писания. Роберт Холл обнаружил, что его обычную воскресную утреннюю изъяснительную проповедь в Кембридже принимают весьма охотно; в Лестере же он жаловался другу, что общину, в целом менее развитую, никак не удаётся расположить к этому способу, и досадовал, что приходится менять привычку и отыскивать на каждое воскресенье два отдельных текста.

[29] Но (2) наша особая задача здесь — дать практические указания о том, как надлежащим образом вести изъяснительную проповедь. Это во многих отношениях своеобразный вид речи, требующий особого подхода; между тем учебники гомилетики, неизменно подчёркивая огромные достоинства этого способа, редко дают учащемуся какие-либо указания, которые помогли бы ему при первых попытках. Следующие советы основаны на некотором опыте и наблюдениях, на беседах с другими служителями и на изучении лучших доступных образцов.

[30] Изъяснительную речь можно определить как речь, главным образом или, во всяком случае, в очень значительной мере занятую изъяснением Писания. Она отнюдь не исключает доказательств и увещаний, касающихся учений или уроков, которые раскрывает это изъяснение. Она может быть посвящена длинному отрывку или совсем короткому — даже части предложения. Она может входить в ряд проповедей или стоять отдельно. Мы сразу видим, что между изъяснительной проповедью и обычными способами нет резкой границы: от текстовой проповеди к изъяснительной можно перейти почти незаметными

ступенями.[366] Мы видим также, что люди часто произносят изъяснительные проповеди, хотя сами так их не называют. Кроме того, это название обычно применяют лишь к речам об учительных, наставительных и молитвенных частях Библии, а не к тем, которые рассматривают её повествовательные части. Разумеется, способы изъяснения, подходящие для библейской истории, совсем иные, чем способы, применяемые к остальным частям. Однако всякий раз, когда речь не ограничивается рассмотрением определённых мыслей, подсказанных библейским рассказом или сценой, но прежде всего уделяет много времени ясному и живому раскрытию самой сцены или самого рассказа, перед нами подлинное историческое изъяснение. А это, несомненно, чрезвычайно важная разновидность изъяснительных речей. Очень большую часть Библии составляет повествование, и в этом, как и в других отношениях, Библия соответствует своему назначению: повествование обладает неизменной привлекательностью для старых и молодых, образованных и неучёных, обращённых и необращённых. Но проповеди об исторических отрывках весьма склонны впадать в одну из двух крайностей. В одном случае проповедник торопится вывести из рассказа предмет, определённые учения или уроки и начинает рассматривать их точно так же, как если бы извлёк их из какого-нибудь стиха Послания к римлянам или Псалтири; при этом само повествование со всей своей прелестью совершенно исчезает из виду. В другом случае он чрезмерно увлекается зачастую нелепой вещью, называемой «живописью словом»: покрывает простой и прекрасный библейский рассказ своими искусными описаниями и не проявляет желания — или уже не имеет времени — дать нам хотя бы увидеть уроки, которым учит

повествование. Между тем средний путь, несомненно, существует. Не расходуя наше время на показ собственных чрезмерно отделанных картин, проповедник может стремиться осветить библейскую картину так, чтобы мы увидели её ясно и живо, а затем либо указывать уроки по мере перехода от одного пункта к другому, либо собрать их во второй части речи. Мы настаиваем на том, что должен существовать такой способ проповедовать о повествовательных частях Писания, который был бы специально приспособлен к повествованию и при этом оставался проповедью.[367]

[31] Итак, что прежде всего требуется для действенности изъяснительной проповеди? Ответ должен быть один: единство.[368] Единство речи необходимо для наставления, для убеждения ума и для склонения воли. Без него невозможно удовлетворить вкус просвещённых слушателей; да и необразованные, хотя, быть может, сами не понимают почему, будут тронуты гораздо меньше. Между тем многие проповедники вовсе не стремятся к единству в изъяснительной речи. Они представляют её себе лишь рядом разрозненных замечаний о последовательных стихах. Именно такие «гомилии» имел в виду Шлейермахер, когда говорил, что они состоят из маленьких проповедей обычного вида, пристёгнутых одна к другой.[369] Но изъяснительной проповеди вовсе не обязательно иметь этот недостаток. «Трудность достижения единства, свойственная этому виду речи, никогда не означает невозможности. Мы не вырезаем наудачу из общего текста священной книги тот отдельный текст, которому будет посвящена гомилия. Выбор не произволен. Границы текста заранее определяются соображениями единства, и потому обнаружить его в тексте для нас не составит труда».[370] Создавая

отдельную, самостоятельную изъяснительную речь, легко позаботиться о том, чтобы выбранный отрывок обладал единством. При последовательном изъяснении одной книги иногда приходится брать отрывок, в котором этого нет; но и тогда мы можем собрать из него мысли, поддающиеся объединению в один план, а остальные опустить или отметить очень кратко. Единство должно быть достигнуто любой ценой. И не только единство, но и стройное построение. Благодаря влиянию схоластов современный ум весьма любит анализ и правильное расположение материала, добытого анализом; отсюда решительное предпочтение, которое многие отдают тематическим речам. Оставленные нам Отцами гомилии нередко весьма несовершенны по части упорядоченного построения, а иногда лишены даже единства. Иные, по-видимому, воображают, что «гомилии» возможны лишь по образцу Отцов, при полном пренебрежении современным вкусом и способами мышления. Между тем речь о большом отрывке Писания, удачно выбранном и хорошо рассмотренном, может иметь определённую тему и ясный, стройный план и всё же оставаться изъяснительной речью, в значительной мере занятой объяснением текста. Итак, тщательно заметим: изъяснительная проповедь может и должна обладать и единством, и упорядоченным построением; ведь частое пренебрежение этими требованиями на практике — одна из главных причин тех неудач, о которых говорилось в начале.

[32] Когда неопытный проповедник начинает подумывать о попытке изъяснительной проповеди, ему почти сразу приходит на ум последовательное изъяснение. Непременно надо подготовить целый ряд проповедей![371] Но почему бы сначала не упражняться самому в этом

способе и не приучать к нему общину, время от времени изъясняя отдельные отрывки? Для целого ряда ещё будет время, когда он приобретёт несколько больше опыта и, более того, неоднократно и весьма основательно изучит книгу, о которой собирается говорить. Следует также настойчиво советовать не начинать с псалма, как это обычно бывает: за отдельными исключениями псалмам сравнительно недостаёт явного единства, отчётливой связи и последовательного движения мысли, так что для успешного их рассмотрения нужен опыт. Иногда полезно взять и большой отрывок, но произнести лишь текстовую проповедь на длинный текст: извлечь из него несколько мыслей и воспользоваться ими так, как пользуются ими в обычной текстовой проповеди на короткий текст. Или можно объявить краткий текст, а саму проповедь посвятить рассмотрению всего абзаца, в котором он находится. Это, собственно, нередко делают люди, которым и в голову не приходит, что они произносят изъяснительные проповеди. Благодаря таким приёмам слушатели перестают воображать, будто изъяснительная проповедь совершенно отличается от остальных способов, и привыкают ко всем им, одинаково их полюбив. Тогда, когда будет предпринят целый ряд, он почти не покажется непривычным и поддерживать интерес станет гораздо легче.

[33] Теперь обратимся к последовательному изъяснению. Как уже было указано, прежде всего здесь нужно заранее тщательно изучить всю книгу или другую часть Писания, которой будет посвящён ряд проповедей. Рассмотреть каждую книгу как целое, охватить всё её содержание, а затем подробно проследить ход повествования или доказательства — такой способ изучать Писание применяется слишком редко. Одно из благотворных

последствий изъяснительной проповеди состоит в том, что она вынуждает проповедника изучать Библию именно так. Вообще можно сказать: никто не преуспеет в изъяснительной проповеди, если не находит радости в экзегетическом изучении Библии, если не любит доискиваться точного смысла её предложений, выражений, слов. Для этого, разумеется, чрезвычайно желательно знать языки оригинала Писания, однако это отнюдь не непременное условие. Эндрю Фуллер, много и успешно проповедовавший таким способом, практически не знал еврейского и греческого языков, а его сочинения были посвящены не комментированию, а догматическому и полемическому богословию. И всё же он любил исследовать сами слова Писания. Во всех его трудах видно, что он не довольствовался общим смыслом отрывка, но весьма настойчиво стремился узнать его точное значение. Один из самых красноречивых баптистских служителей Америки первой части нынешнего столетия нигде не был столь удачен и пленителен, как в изъяснительных проповедях.[372] Он тоже не знал греческого и еврейского и не располагал богатым собранием комментариев; но больше всего любил размышлять о смысле Слова Божия и беседовать о нём. В этом отношении, по-видимому, произошла перемена, достойная сожаления. Число комментариев сильно умножилось, в воскресных школах Писание изучают в огромных масштабах, хотя и с разной степенью основательности; служителей, сколько-нибудь знающих языки оригинала, у нас гораздо больше, чем прежде. Однако есть основания опасаться, что внимательное, вдумчивое, исполненное любви и терпения изучение Библии теперь менее распространено среди служителей, чем некогда. Что же касается разговоров о смысле того

или иного отрывка, которыми прежде изобиловали встречи проповедников, то они вышли из моды. Человека, который теперь поднял бы такой вопрос среди служителей, собравшихся вместе на время заседаний какого-либо объединения или съезда, едва ли не встретили бы изумлёнными взглядами. Не годится говорить, будто дома среди книг мы разбираемся с этими вопросами лучше. Тот, кто усерднее всех пользуется книгами и при этом самостоятельно мыслит, как и подобает всякому настоящему человеку, встречает больше всего вопросов, по которым книги совершенно расходятся между собой или не дают удовлетворительного ответа и о которых ему хотелось бы обменяться мнениями с разумными братьями. Но, не задерживаясь далее на этом суждении, необходимо настойчиво подчеркнуть: одна из главных причин, по которым многие служители находят изъяснительную проповедь трудной, состоит в том, что они недостаточно привыкли изучать Библию. Беглое чтение её в целом весьма полезно, молитвенное чтение небольших отрывков необходимо для личного благочестия; но серьёзное изучение Писания слишком часто ограничивается текстами на ближайшее воскресенье и их непосредственным контекстом. Поэтому, решив произнести ряд изъяснительных проповедей о какой-либо книге или иной части Писания, прежде всего надо заранее изучить её целиком с помощью нескольких лучших объяснительных комментариев, уделяя особое внимание общему содержанию и связи. Выучить книгу наизусть было бы совсем неплохо; во всяком случае, весь ход мыслей или ряд событий от начала до конца должен прочно запечатлеться в памяти.

[34] Затем полезно наметить план проповедей, охватывающий весь материал. Предшествующий опыт изъяснения отдельных отрывков позволит сделать это без особого труда; разумеется, по ходу ряда можно вносить изменения, если возникнет необходимость. Главное преимущество заранее составленного плана состоит в том, что он позволяет самым разумным образом распределить различные темы книги. Например, в первых трёх главах Послания к римлянам упоминаются различные предметы, которые впоследствии рассматриваются довольно подробно. Было бы неудачно приступать к общему их обсуждению при первом же упоминании. Там следует коснуться их кратко, приберегая более пространные замечания для того места, где они появятся вновь. Однако заранее обещать определённое число речей стоит лишь в очень редких случаях. Более того, не всегда лучше вообще объявлять о целом ряде. Добавим, что нужно остерегаться слишком медленного продвижения. Движение вперёд должно быть заметным, как того требует беспокойный дух нашего поколения. Вместе с тем можно задержаться на особенно интересном предложении или выражении, а в некоторых случаях даже посвятить ему целую проповедь. Тогда наряду с продвижением будет и разнообразие; слушателям будет приятно заметить, что проповедник выделяет отрывки не по их чисто внешним размерам, а по богатству заключённого в них пригодного материала.

[35] Но теперь предстоит построить отдельную речь. Лежащий перед нами отрывок обладает единством, и мы намечаем содержащиеся в нём основные пункты, как сделали бы это в текстовой проповеди. Таким образом у нас появится стройное построение — речь, а не разрозненные рассуждения. Однако здесь возникает одна

из главных трудностей всей задачи: надлежащее обращение с подробностями. Если мы просто возьмём тему и основные пункты, которые даёт отрывок, и начнём рассматривать их по-своему, получится текстовая проповедь, а не изъяснительная. Изъяснение некоторых отрывков, особенно у некоторых проповедников, постоянно будет тяготеть к этой форме, и нередко с пользой. Но предполагается, что наша цель — строго изъяснительная проповедь, в которой не только раскрыты ведущие мысли отрывка, но и надлежащим образом объяснены его подробности, составляющие главный материал речи. Для этого нужно основательно изучить подробности, чтобы владеть ими, а не быть ими подавленным. Благодаря этому мы глубже входим в дух отрывка, как должен входить в дух темы музыкант, сочиняющий на неё вариации. Затем необходимо отбирать и группировать. Здесь неопытный проповедник часто ошибается. Подробно изучив отрывок и увлёкшись его деталями, он желает коснуться большего числа пунктов, чем позволяют пределы речи. В результате она оказывается настолько переполненной, что слушатель следит за ней с досадным трудом, а ни один из многочисленных пунктов не успевает запечатлеться в его уме. Отбор необходим. Разумеется, следует выбирать такие подробности, которые особенно нуждаются в объяснении и в то же время дают важный или интересный материал. Часто пункты, сами по себе не слишком значительные, мелкие черты повествования или второстепенные звенья доказательства очень оживляют и усиливают речь. Все знают, что в ораторском описании следует стремиться к тому совершенству, которое мы видим в некоторых описаниях Демосфена и Тацита или в «Контурных рисунках» Реча: немного линий и штрихов,

но каждый особенно много подсказывает воображению и возбуждает его.[373] Не существует ли чего-то подобного и в ораторском изъяснении доказательства? Не должны ли мы, наряду с показом общих очертаний и главных мыслей отрывка, стараться выбрать те подробности, которые позволят всему доказательству предстать в его полноте? Помните: мы готовим не комментарий и не догматический трактат, а изъяснительную проповедь, и весь подход должен быть ораторским в хорошем смысле этого слова. В этом, как и во всём, что относится к искусству речи, практические усилия, направляемые верными принципами, непременно принесут умение.

[36] Иногда допускают ошибку, слишком умножая и удлиняя цитаты из параллельных мест. Тогда каждую подробность текста — а их, возможно, и без того слишком много для ораторских целей — окружает масса других отрывков, и речь становится нестерпимо перегруженной. «Лекции о Послании к ефесянам» Макги, в некоторых отношениях хорошие, весьма прискорбно грешат именно этим. Такой недостаток бывает и в других проповедях, хотя в изъяснительных искушение особенно велико. Проповеднику так легко убедить себя, будто обилием цитат он воздаёт честь Писанию, тогда как иной раз он воздаёт честь лишь собственной лености.[374] Разумеется, разумное цитирование других частей Писания вполне уместно и часто чрезвычайно полезно; нет нужды сочувствовать излишней привередливости Фостера, как и противоположной крайности.

[37] Существует также опасность ошибочного обращения с трудными местами, встречающимися в тексте. Проповедник, разумеется, изучит их с особенной тщательностью: ради собственных привычек к труду он не

может позволить себе скользить мимо затруднений. Но, увлёкшись этой трудной частью текста, познакомившись с предложенными толкованиями и доводами за одно и против другого, он совершенно естественно склоняется к тому, чтобы использовать столь тяжело добытый материал и рассмотреть вопрос, представляющийся столь интересным. Так была испорчена не одна изъяснительная проповедь. Правда, если проповедник действительно способен разрешить затруднение и сделать это посредством сравнительно краткого и явно удовлетворительного объяснения, люди охотно его выслушают. Если он покажет, что отрывок в таком понимании содержит интересную и ценную истину, они будут восхищены. Если этот отрывок занимал видное место в религиозных спорах или по какой-либо причине привлекал необычайное внимание, они, возможно, даже захотят услышать нечто о пути, которым было достигнуто это удовлетворительное объяснение. Но подобные случаи сравнительно редки; обычно же люди устают от долгого разбора какой-нибудь quaestio vexatissima — крайне спорного вопроса — или locus difficillimus — чрезвычайно трудного места. Если проповедник путём долгого изучения и краткого изложения результатов способен пролить на такой отрывок свет — прекрасно; однако долгое изучение — его дело, а не их. Это лишь один из многих случаев, когда проповедники ошибаются, полагая, будто людям интересно всё, что интересно им самим. А если результат исследований неудовлетворителен, если проповедник не чувствует, что может сделать дело ясным, пусть он лишь отметит существующее затруднение и перейдёт к истинам, которым отрывок несомненно учит, — к тому, что, как он уверен, ему понятно.[375] На комментарии часто жалуются за то, что они много

говорят о лёгких местах и мало о трудных. Но если книга предназначена не столько для объяснения, сколько для комментирования в строгом смысле слова — а именно таково большинство старых трудов, — автору, очевидно, следует тратить время на раскрытие и приложение учений тех отрывков, которые он понимает. Он не вправе развивать и прилагать к жизни то, в чём не уверен как в истинном смысле. Почти в таком же положении находится и проповедник, изъясняющий Писание. Подробно излагать несколько разных мнений о значении отрывка, не имея возможности показать, почему следует принять или предпочесть хотя бы одно из них, а затем оставлять дело в таком неудовлетворительном положении — утомительно в книге и нестерпимо в проповеди.

[38] По ходу изъяснительной речи часто полезно сохранять в сознании слушателей связь всего текста, довольно часто оглядываясь на уже пройденный путь. Златоуст даёт нам пример того, как делать это искусно. Он также часто вводит живой вопрос о том, что следует дальше, чтобы пробудить слушателей и заставить их заметить ответ, когда он прозвучит. Наши слушатели, как и его, обыкновенно не имеют перед глазами священного текста, и мы должны стараться восполнить этот недостаток. Если сделать главные мысли текста совершенно ясными, умело отобрать и сгруппировать подробности, а по мере продвижения оглядываться назад и указывать вперёд, эту серьёзную практическую трудность можно в значительной мере преодолеть.

[39] Нужно приложить немало усилий, чтобы указать и применить к жизни уроки, которые может дать текст. Слушатели нуждаются в их ясном изложении и желают его, если только приложение не совершенно очевидно.

Довольно часто, особенно при историческом изъяснении, удобнее прилагать к жизни каждую часть речи по мере её изложения. Но во многих случаях можно поступить так, как обычно поступают в других проповедях: оставить главные практические уроки для заключения. Разумеется, обычно их приходится указывать кратко, поскольку изъяснение требует много времени. Однако если возникает предмет особой практической важности, его можно подробно рассмотреть и настойчиво предложить слушателям, даже если некоторые части текста останутся необъяснёнными. А если текущие события или духовное состояние общины делают особенно желательным обсуждение какой-либо практической темы, которую текст естественным образом не подсказывает, её можно ввести как замечание или как отдалённое приложение некоторой общей истины или обязанности. И здесь Златоуст даёт нам пример. При всей своей любви к объяснению Писания он чувствовал, что в проповеди практический интерес важнее всего; поэтому он не только указывает множество уроков по пути, но почти неизменно находит практический предмет для заключения и нередко рассматривает его весьма пространно. Он не слишком заботится и о той связи мыслей, по которой приходит к такому важному практическому вопросу, а часто пользуется свободой, которую критики со строгими представлениями о том, что мы называем «построением проповеди», вероятно, осудили бы. Например, в проповеди о Преображении он желает обрушиться на антиохийских ростовщиков и приходит к ним следующим путём: трём ученикам было дано счастье видеть славу Христа на горе; мы можем надеяться увидеть Его в ещё более блистательной славе; но если мы этого желаем, то должны смотреть, как

живём; мы не должны поступать так-то и так-то, не должны угнетать бедных. Так он переходит к взиманию непомерных процентов и довольно долго говорит об этом с горячими обличениями и мольбами. Ещё более окольным путём он переходит от насыщения пяти тысяч к страстному осуждению затейливо вышитых и причудливо изготовленных сандалий, которые тогда были в большой моде. Он может часто возвращаться к одному предмету, если считает, что тот требует нового порицания или увещания, ухитряясь тем или иным способом ввести его вновь. В одном длинном ряду речей он почти неизменно обличает сквернословие и нечестивые клятвы; а его любимую тему милостыни можно ожидать почти в любом месте при малейшем поводе. Несомненно, во всём этом его пример не безупречен, однако чрезвычайно поучителен. Мы видели, что желательно гораздо большее единство, гораздо более упорядоченное построение и последовательное продвижение, чем встречается в гомилиях Златоуста. Но самые строгие требования в этом отношении не должны мешать нам часто и свободно вводить вопросы практической важности. Тогда слушатели будут гораздо внимательнее относиться к нашим объяснениям, постоянно ожидая какого-нибудь приложения к собственной жизни; кроме того, они будут постоянно вспоминать о том, что люди так склонны забывать, — о тесной связи истины Писания с повседневной жизнью. Пастыри иногда не решаются предпринять ряд изъяснительных речей, боясь, что не смогут неделю за неделей приспосабливаться к конкретному состоянию и нуждам своей общины; однако при соблюдении только что данных советов в этом отношении трудностей не будет. К тому же тому, кто проповедует дважды каждое воскресенье, следуя

распространённому ныне обычаю, пусть и не вполне похвальному, одна проповедь, разумеется, оставляет свободу для любого разнообразия в приспособлении к конкретным нуждам.

[40] Если предложенные советы обоснованны, то очевидно, что изъяснительная проповедь — трудная задача. Она требует большого и пристального изучения Писания в целом и тщательного специального изучения отдельного отрывка. Создать речь, которая объясняет и вместе с тем остаётся подлинно ораторской, несёт богатство подробностей, но не подавлена ими, полна Писания и изобилует практическими приложениями; привести даже вялые, несведущие и недуховные умы к заинтересованному и плодотворному соприкосновению с большим отрывком Библии — это, конечно, трудно. Поэтому нельзя говорить, как нередко говорят: сначала попробуйте изъяснительную проповедь по будничным вечерам, пока вы и слушатели к ней не привыкнете. Нет, пробуйте время от времени делать её своей главной воскресной проповедью, не объявляя, что собираетесь предпринять что-то необычное, и отдавайте лучшие силы серьёзной попытке сделать её одновременно поучительной, интересной и впечатляющей. Тогда и вы, и слушатели постепенно привыкнете к изъяснительной проповеди в её надлежащем виде. Повторяя подобные отдельные попытки более или менее часто, вы научитесь готовиться к целому ряду изъяснительных проповедей. Тот, кто берётся за неё как за лёгкое дело, найдёт её чрезвычайно трудной; но тот, кто мужественно берётся за неё как за дело трудное, будет с каждым годом опыта находить её легче и приятнее. Не всякий обнаружит, что изъяснительный способ лучше всего соответствует его умственным дарованиям. Однако каждый должен

приобрести способность пользоваться им искусно и успешно. Тогда, хотя тому или иному человеку лучше главным образом проповедовать иначе, он сможет по-прежнему время от времени вводить изъяснительные проповеди, а также придавать многим текстовым и тематическим проповедям более сильный изъяснительный характер. Можно уверенно утверждать: многим из тех, кто ныне считает этот способ неподходящим для себя, нужны лишь усердное изучение и практика на основании примерно таких принципов, какие были указаны, чтобы их изъяснительные проповеди приносили слушателям большую пользу, а им самим — особенную радость. ПРИМЕЧАНИЕ. Желающий совершенствоваться в изъяснительной проповеди, разумеется, склонен искать в проповеднической литературе хорошие образцы этого вида речей. Поэтому, возможно, полезно назвать несколько образцов, изучение которых было бы поучительным, выбирая легко доступные. Сначала — несколько хороших изъяснительных проповедей на отдельные отрывки. Хороша проповедь Моно о «Хананеянке» в сборнике Фиша «Избранные речи французских и немецких проповедников». Проповедь доктора Дж. Аддисона Александера на Тит. 2:11–15 («Проповеди», т. I) — превосходный образец изъяснения учения и его приложения к жизни. Очень хороши речи доктора Р. Фуллера «Путь в Эммаус» и «Три еврея в печи» («Проповеди»). Замечательными достоинствами отличаются «День из жизни Иисуса Назарянина» и «Падение Петра» доктора Уэйленда («Проповеди о спасении через Христа»). Проповедь Сперджена о «Слепом нищем» («Проповеди», т. VI) имеет более

отчётливо изъяснительный характер, чем обычно бывает в его проповедях.

41 Переходя к образцам последовательного или связного изъяснения, назовём следующие труды, преимущественно исторические. «Илия Фесвитянин» Круммахера едва ли уступает какому-либо из его позднейших томов, кроме «Давида». «Друзья Христа» доктора Н. Адамса — превосходная книга. «Лекции по истории нашего Спасителя» Бланта служат хорошим примером для большинства из нас: они интересны и полезны, хотя и не обнаруживают выдающихся способностей. «Пять проповедей об апостоле Павле» Моно следует непременно изучить. Ещё более выраженный изъяснительный характер имеют «Лекции о жизни Христа» Ханны, принадлежащие к самым поучительным и привлекательным образцам этого рода в нашей недавней литературе. Доктор У. М. Тейлор написал ряд превосходных книг исторического изъяснения: «Моисей-законодатель», «Давид», «Апостол Павел» и другие.

42 Следующие труды посвящены преимущественно учению или наставлениям. Труд Чалмерса о Послании к римлянам в высшей степени достоин изучения и особенно поучителен для тех, кто лучше знаком с другими его проповедями и своеобразным складом ума. Толкование Лейтона на Первое послание Петра знаменито и проникнуто прекрасным духом. Труд Лютера о Послании к галатам чрезвычайно интересен и поучителен и, быть может, представляет собой лучший сохранившийся образец тех сильных изъяснительных проповедей, которыми он совершил столь великое дело. Книги Камминга — об Откровении, о Данииле, о притчах и

другие — что бы мы ни думали о его особых взглядах, служат превосходными образцами лёгкого, приятного и привлекательного общедоступного изъяснения. Некоторые проповеди Ф. У. Робертсона, равно как и его книга о Посланиях к коринфянам, — превосходные образцы определённого рода изъяснения; однако, читая любой из его трудов, невозможно быть слишком осторожным в отношении его тяжких заблуждений о богодухновенности и искуплении. «Размышления над Евангелиями» Райла в нескольких томах содержат лишь основное содержание проповедей, а не полный их текст, но весьма полезны для нашей цели. У доктора У. М. Тейлора есть превосходная книга о притчах нашего Господа. Хорошие изъяснительные проповеди есть также у Кэндлиша, Вона, Джонстона, Джозефа Паркера, Дж. Д. Бордмана и многих других. Многие проповеди Макларена богаты изъяснением; проповеди Ф. Б. Мейера, хотя и не отличаются глубиной, проникнуты молитвенным духом и весьма полезны. Однако самый поучительный образец изъяснительной речи — как учительной, так и исторической — представляют гомилии Златоуста. Хотя ни один здравомыслящий человек не стал бы ныне строить речи в точности по их образцу, удивительно, как многому можно научиться из них в отношении искусного, живого и действенного ведения изъяснительной проповеди. Тем, кто не имеет доступа к его сочинениям на языке оригинала или не может их читать, стоило бы приобрести перевод — например, помещённый в оксфордской «Библиотеке Отцов» или, что ещё лучше, в переводах, изданных нью-йоркской Christian Literature Company. Глубокие исследователи его сочинений считают лучшими гомилии на Псалтирь и на Евангелие от Матфея. В первых неизбежно встречается много ошибочных

толкований, поскольку он не знал еврейского языка и был вынужден полагаться на Септуагинту, которая в Псалтири содержит множество ошибок. Поэтому тома о Евангелии от Матфея, вероятно, наиболее ценны для нашей цели, и приобрести их можно без больших затрат. Тот, кто знает, как сильно Эндрю Фуллер и Роберт Холл интересовались изъяснительной проповедью, ожидал бы найти полезные образцы в их сочинениях. Однако его ждало бы разочарование. Опубликованные изъяснения Фуллера на Бытие и Откровение содержат основное содержание проповедей, немало разумных толкований и здравых мыслей; но они почти ничего не сообщают о форме его речей и вовсе ничего — об обращении с подробностями. Ещё менее полезна для этой цели запись проповедей Холла о Послании к филиппийцам. Обширные гомилетические и практические замечания в комментариях Ланге могут оказаться полезными при изъяснительной проповеди тем, кто потрудится пользоваться ими разумно. Некоторые труды этого краткого перечня, возможно, не были бы признаны изъяснительными проповедями согласно обычному употреблению этого выражения. Но здесь мы отстаиваем более широкое, чем принято, его понимание и подчёркиваем, что этот способ проповедовать нередко близко подходит к другим способам.

Часть III. Стиль. Глава I. Общие замечания о стиле

[1] § 1. Природа и значение стиля. 2. Средства совершенствования стиля.[376]

[2] § 1. Природа и значение стиля

[3] Мы часто говорим о писателе, что он владеет бойким, изящным или язвительным пером. Подобным образом слово stylus, обозначавшее заострённый железный инструмент, которым римляне писали на покрытых воском табличках, часто употребляется Цицероном для обозначения манеры письма, способа письменно выражать свои мысли; позднее оно вполне естественно было распространено и на устную речь. В Новое время по аналогии его употребление ещё более расширилось — на изящные искусства, одежду и множество других предметов. Итак, стиль человека — характерная для него манера выражать мысли письменно или устно.

[4] У каждого, кто пишет сколько-нибудь легко и хорошо, есть собственный почерк. Раннее подражание «прописи» скоро растворяется в индивидуальной манере письма — или стиле, как мы до сих пор называем его и в этом смысле. Так и в высшем смысле у каждого есть собственный стиль. Даже самое рабское подражание не могло бы быть совершенным: собственный характер человека временами, вопреки ему самому, будет изменять его стиль. Ни один автор, пишущий на эту тему, не забывает привести слова Бюффона: «Стиль — это человек». Сам Бюффон любопытным образом подтверждал это изречение: его стиль отличается

величавым и тщательно выработанным изяществом, и говорят, что он не мог хорошо писать, если не был в полном парадном костюме. В том же смысле Лэндор говорил: «Язык — часть человеческого характера»,[377] а Лессинг: «У каждого должен быть свой стиль, как у каждого есть свой нос».[378] Но здесь, как и всюду, самое характерное в человеке может быть воспитано и бесконечно усовершенствовано без утраты индивидуальности.

[5] Неудивительно, что слово «стиль», в переносном смысле обозначающее манеру выражения мыслей, в различных случаях употребляется в очень разном объёме значения. Иногда в него включают построение — даже целого трактата или речи; и, несомненно, нельзя провести абсолютную границу между расположением предложений и абзацев и построением всей речи. Однако обычно общее построение в это понятие не включают. С другой стороны, стиль иногда отличают от словоупотребления: последнее тогда означает словарь человека, характер употребляемых им слов и отдельных оборотов, а первое включает всё остальное, относящееся к способу выражения мысли. Но лучше, согласно обычному употреблению, считать словоупотребление частью стиля.[379]

[6] В таком понимании стиль, очевидно, чрезвычайно важен. Его невозможно отделить от способов мышления человека, от всего склада его ума. Естественный и распространённый образ, согласно которому стиль называют одеждой мысли, очень легко вводит в заблуждение: стиль, как выразительно говорит Вордсворт, — не простая одежда, а воплощение мысли. Мы знаем мысли другого лишь в таком раскрытии, в таком

воплощении. Правда, Аристотель пренебрежительно говорит о стиле как о предмете, недавно введённом в риторические трактаты, который в любой системе обучения необходимо в некоторой небольшой мере рассматривать, хотя главное — доказательство.[380] Его практика соответствует этому мнению: собственный его стиль не только небрежен и шероховат, но часто досадно тёмен. И всё же уже тогда на его языке существовало немало благородных образцов стиля — в поэзии, истории, красноречии, — которые никогда не были превзойдены. Настолько верно для риторики то, что правильная теория следует за превосходной практикой.[381] Лишь у немногих содержание обладает столь исключительной ценностью, чтобы, подобно сочинениям Аристотеля, высоко цениться вопреки большим недостаткам стиля. Ораторы и писатели, оказывавшие широкое и длительное влияние, обычно достигали этого хорошими мыслями, хорошо выраженными. Нередко, впрочем, достоинство стиля обеспечивало широкую и устойчивую популярность произведениям, имевшим мало иных заслуг. Исторические сочинения Голдсмита долго сохраняли место во многих школах, потому что были написаны столь очаровательно, хотя отличались неточностью и очень слабо отражали исторические знания собственной эпохи. Широкая, хотя и недолгая популярность фантастической «Жизни Иисуса» Ренана объяснялась не только сенсационностью содержания, но в весьма большой мере и чрезвычайной красотой стиля, особенно во французском оригинале. Учаясь в иезуитском коллеже, Ренан уделял большое внимание совершенствованию своего стиля, а впоследствии посвятил себя главным образом изучению языка и литературы. Так же и наука во многих случаях получала должную оценку лишь тогда,

когда её представляли в привлекательном стиле. Именно это сделал Бюффон для естественной истории. Популярность геологии среди англоязычных народов необычайно возросла благодаря Хью Миллеру, его удивительному искусству описания и общей свежести и живости стиля. Позднее то же произошло благодаря Агассису, Гексли и Тиндалю. Эти факты показывают, что стиль — не просто украшение. Стиль — блеск и полировка воинского меча, но также и его острое лезвие. Он может сделать посредственность приемлемой и даже привлекательной, а силу — ещё сильнее. Он способен придать заблуждению соблазнительность, тогда как истина без его помощи может лежать незамеченной. Неужели религиозные наставники станут пренебрегать столь мощным средством приносить пользу? Правда, Павел говорит: «И слово моё и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости».[382] Он отказался от мнимой философии и сенсационной, обманчиво-блестящей риторики, столь популярных в том быстро растущем торговом городе. Но его стиль — образец пламенной силы, временами поднимающийся до непритворной и изысканной красоты.[383]

[7] И всё же в нашей стране стилем очень пренебрегают. Французы превосходят все прочие современные народы по ясности, изяществу и живости, если не по силе. Образованные англичане следуют за ними по отделке стиля и превосходят их по мощи. Обучение в английских университетах, при всех недостатках, дало в этом отношении замечательные результаты: это видно не только по великим парламентским ораторам и превосходной газетной прозе, которой гордится Англия, но и по проповедникам. Знаменитые Оксфордские трактаты не оказали бы такого влияния без своего

превосходного стиля. Проповеди Дж. Г. Ньюмена, Робертсона, Лиддона и епископа Уилберфорса в этом отношении достойны большого восхищения. И Англия нынешнего столетия может гордиться Робертом Холлом. Стиль немецкой прозы, за немногими выдающимися исключениями,[384] обычно был очень плох, особенно у религиозных авторов. Они, по-видимому, не признавали обязанности заставить слушателя или читателя понять их — или хотя бы помочь ему в этом, — а стремились лишь выразить мысль в форме, понятной им самим, не задумываясь, каково придётся другим.[385] Иными словами, они искали субъективного совершенства стиля, а не объективного. Однако теперь, кажется, быстро растёт число немецких ораторов и писателей, чей стиль отличается ясностью и грацией без ущерба для германской глубины и силы. В Америке у нас всё больше писателей и ораторов, светских и религиозных, которых можно ставить в образец. Но в общем мы значительно уступаем англичанам. Чрезвычайная небрежность и расхлябанность стиля распространены очень широко. А главный американский недостаток в устной и письменной речи — чрезмерная горячность, постоянная попытка поразить. Нашему стилю, как и произнесению, слишком часто недостаёт спокойствия осознанной силы, покоя простой искренности, тихой серьёзности, лишь изредка переходящей в пыл. «Красноречив будет тот, кто сумеет говорить о малом простыми словами, об обыкновенном — сдержанно, о великом — со страстью и силой».[386]

[8] Одна из причин такого пренебрежения стилем у нас, а в некоторой степени и в Англии, — непонимание его неразрывной связи с передаваемой мыслью. Де Квинси говорит: «Здесь наш спор простирается на тот общий английский принцип, который во всём склонен ставить

содержание выше формы, сущность выше внешнего вида. Сам по себе этот принцип благороден, но неизбежно становится ошибочным везде, где способ выражения неотделимо сливается с сущностью».[387] Лучший стиль меньше всего привлекает внимание к себе; оценить его достоинство обычно может лишь критически внимательный наблюдатель. Большинство приписывает заслугу одному содержанию и не представляет, насколько манера помогла привлечь и впечатлить их. Мысль, несомненно, главное; но стиль тоже важен. «Опыт всех времён и свидетельство всех учителей представляют нам как неразделимые два положения: (1) нельзя обольщаться надеждой на хороший стиль без интересного запаса идей; (2) даже при интересном и основательном запасе идей нельзя обольщаться надеждой, что стиль придёт сам собой».[388]

[9] Из всего этого следует, что каждый писатель и оратор должен уделять большое внимание совершенствованию стиля. Высокое совершенство стиля неизбежно редко: ведь речь, абзац, даже предложение — в действительности произведение искусства, созданное созидающим воображением; а художественные дарования всякого рода редки. Но всякий, кто будет стараться достаточно долго и упорно, способен научиться говорить то, что имеет в виду, сильно выражать то, что глубоко чувствует, и облекать мысли в одежду хотя бы простой опрятности. Некоторые из лучших писателей и ораторов с особым трудом приобретали хороший стиль — например, Джон Фостер; их успех ободряет всех нас.

[10] § 2. Средства совершенствования стиля

[11] Ораторский стиль — лишь один из множества видов стиля, а кафедральный стиль — одна из разновидностей ораторского. И всё же характерный стиль человека по существу будет одинаков во всех видах письменной и устной речи; умственное развитие никогда не следует ограничивать областью его главной умственной деятельности. Поэтому нам предстоит рассмотреть средства совершенствования не только того, что свойственно ораторскому искусству, но и стиля вообще.

[12] (1) Изучение языка, особенно собственного, в этом отношении чрезвычайно полезно. Науку о языке, столь многого достигшую за нынешнее столетие и теперь столь быстро развивающуюся, нельзя считать уступающей какой-либо другой науке по занимательности и поучительности. Но изучение науки как таковой имеет лишь косвенное отношение к стилю; главным источником пользы здесь служит практическое овладение языками.[389] Если оно ведётся систематически и на здравых основаниях, оно заставляет внимательно всматриваться в природу языка вообще, в историю, изменения и возможности слов, в отношение синтаксических построений к различным формам и процессам мышления. Оно также привлекает к особенностям родного языка более острое и разумное внимание, чем большинство людей уделяло бы им иначе. Эти преимущества в большей или меньшей мере даёт изучение любого языка. Особая польза заключается в выборе французского или немецкого, потому что они соответствуют двум великим элементам, из которых преимущественно составлен наш язык. Но освящённое временем изучение латыни и греческого ещё полезнее. В

словоизменении, синтаксисе и прозаическом ритме эти языки обнаруживают полное и поучительное развитие достоинств, которыми английский, французский и немецкий обладают лишь отчасти. Мы обращаемся к ним подобно геологам, объясняющим отдельно лежащие камни или разрозненные окаменелости через сравнение с пластами, где сходные образцы соседствуют с другими, родственными им. Такое внимательное изучение иных языков полезно не только как часть ранней подготовки оратора: по возможности его следует продолжать всю жизнь. Так поступала очень большая доля тех, кто достиг высокого совершенства стиля. Но знаком человек с другими языками или нет, он должен усердно изучать свой. Очень ободряет быстро растущее ныне внимание к английскому языку в наших лучших средних школах, колледжах и университетах. Помимо несравненной практической важности для нас, английский сам по себе достоин изучения: это благороднейший язык. Иностранцы, естественно, много жалуются на неправильности его правописания и произношения, почти неизбежно возникшие при слиянии двух различных языков в один. Отечественные критики легко указывают на его слабости и невыгодно сравнивают его в том или ином отношении с другими языками. Но противопоставим всему этому слова великого немецкого учёного, первого среди исследователей германской семьи языков: «Английский язык, отнюдь не случайно породивший и вознёсший величайшего и самого влиятельного поэта Нового времени, по полному праву может называться мировым языком. Подобно английскому народу, он, по-видимому, предназначен в будущем господствовать во всех частях земного шара ещё шире, чем ныне. Ибо по богатству, здравому смыслу и связности строения ни один

из языков, на которых сегодня говорят, не достоин сравнения с ним — даже наш немецкий, который раздроблен, как раздроблены мы сами, и должен сперва избавиться от многих недостатков, прежде чем смело выйти на состязание с английским».[390] Он не таков, как итальянский, для музыки; не таков, как французский, для беседы; не таков, как немецкий, по лёгкости образования новых сложных слов. Но в совокупности — для истории, поэзии, философии, красноречия, общественного общения и дел — ныне ему нет равного. Один популярный автор недавно назвал его «языком без грамматики»; однако у английского есть грамматика, весьма правильный синтаксис, который часто и грубо нарушают даже способные и образованные люди. Де Квинси заявляет: «Нам стыдно добавлять, что даже грамматика настолько далека у нас от совершенного усвоения, что, за двумя-тремя исключениями, одно из которых — Шекспир, причисляемый некоторыми к полуварварской эпохе, мы за огромный круг чтения не встретили ни одного писателя, который временами не нарушал бы морфологию или синтаксис английской грамматики».[391]

[13] Наиболее научные труды по английской грамматике приходится искать на немецком языке — упрёк англоязычным народам, которому пора положить конец.[392] Люди, тщательно обученные греческому и латыни, особенно посредством письменных переводов с английского на эти языки и обратно, обычно считают, что обычные руководства по английской грамматике им ни к чему. И всё же у нас есть немало книг, которые даже учёные могут изучить с пользой, а учащимся вообще они оказались бы весьма полезны.[393] Правда, грамматики — не всё в овладении языком и даже не главное. Среди нас есть люди, не изучавшие ни таких книг, ни какого-либо

другого языка, но говорящие и пишущие по-английски правильно, даже сильно и красиво. Великие произведения греческой поэзии и истории были написаны прежде, чем возникли какие-либо грамматические трактаты. Эти факты напоминают, что главные средства совершенствования стиля нужно искать в другом месте, но вовсе не доказывают бесполезности грамматик. Нам необходимо усвоить языковое употребление, а грамматики берутся представить его в систематической и удобной форме. Они показывают ошибки и предупреждают об опасностях; побуждают наблюдать язык и размышлять о нём. Правила грамматики наиболее действенно исполнили свою задачу тогда, когда их соблюдение стало привычным и сами правила больше не нужны; более того, когда мы настолько проникли в лежащие в их основе принципы, что при случае можем даже нарушить правило.[394] Правильные привычки можно сформировать и верные принципы понять без учебников грамматики, но с ними — быстрее и надёжнее, если пользоваться ими только как помощью и стремиться идти глубже, чем они способны нас провести. Во всём вопросе изучения английской грамматики широко распространены две практические ошибки, весьма нуждающиеся в исправлении. Люди, учившиеся в колледже, склонны думать, что родной язык вообще изучать не нужно, а особенно нет нужды обращаться к книгам о нём. Последняя часть этого мнения — ошибка, а первая — очень большая ошибка. С другой стороны, люди с меньшими образовательными возможностями рискуют вообразить, будто без систематического обучения ничего не могут сделать для улучшения стиля; либо, наоборот, будто, изучив одну-две книги по английской грамматике, больше ничего делать не должны.[395] Вообще можно

заметить: проповеднику следует пользоваться чистым английским языком в соответствии с современным употреблением, не подхватывая поспешно новинки улицы или ежедневной газеты и не вводя архаизмы, знакомые ему по старым книгам, но нелегко понятные слушателям. Он должен говорить на общеупотребительном английском, не прибегая без особой причины к местным оборотам; однако подлинные английские идиомы нужно сохранять даже тогда, когда поверхностные критики пытаются их вытеснить. Проповедник никогда не должен изобретать слова. Госпожа де Сталь говорит: «Вообще нет более верного признака скудости идей, чем изобретение слов». Это замечание можно хотя бы противопоставить представлению, будто такое изобретение свидетельствует об оригинальности. И, кроме весьма особых случаев, не следует употреблять слова или выражения из иностранных языков. Когда-то было очень распространено и считалось весьма уместным, чтобы служитель обильно цитировал в проповедях латынь и греческий. Даже проповеди Уэсли полны таких цитат, хотя он проповедовал главным образом простому народу. То, что теперь так больше не поступают, — признак улучшения вкуса. Оратор должен пользоваться знанием других языков лишь постольку, поскольку оно расширяет владение собственным. Даже при обращении к оригиналу Писания крайне редко уместно называть греческое или еврейское слово.

[14] (2) Изучение литературы, возможно, ещё больше способствует совершенствованию стиля, чем прямое изучение языка. Из чтения мы многое получаем для знания языка, особенно для богатства словаря и полноты выражения.[396] Но не только это. Главным образом чтением мы формируем литературный вкус — вещь

невыразимо важную. Цицерон вкладывает в уста одного из своих персонажей, говорящего о греческой литературе, такие слова: «Как, когда я гуляю на солнце, хотя бы и с иной целью, лицо моё всё же приобретает загар, так, прочитав эти книги, я чувствую, что моя манера речи словно окрашивается их влиянием».[397] И то, что Шекспир говорит с печалью, истинно также в этом лучшем смысле:

15 «Моя природа окрашена тем, в чём трудится,
Как рука красильщика».

16 Погружать ум в избранную литературу, пока он не проникнется верными принципами стиля, питать его доброй учёностью, пока вкус не станет здоровым и не научится быстро и верно отличать хорошее от плохого, — процесс, чрезвычайно плодотворный по результатам и сам по себе восхитительный.

17 И нам нужно обращаться к хорошей литературе не только ради её прямой пользы, но и для противодействия некоторым чрезвычайно сильным вредным влияниям. Немногие среди нас с детства научились говорить на изящном и сильном или хотя бы правильном английском. А когда люди вырастают и идут по жизни, столь значительная часть прочитанного в газетах и услышанного в разговорах, даже в публичных речах, написана или произнесена дурным стилем, что они неизбежно испытывают его воздействие. Помимо очевидных ошибок в произношении и синтаксисе, слишком часто допускаемых и образованными ораторами, эти влияния наносят более тонкий и серьёзный вред вкусу, который можно исправить и предотвратить лишь постоянным обращением к лучшей литературе. Де Квинси указывает, что огромное умножение газет повредило

стилю нашей беседы. Все постоянно их читают, а их авторы слишком часто пользуются самым книжным и напыщенным языком при обсуждении обыкновенного и самым недостойным — при обсуждении серьёзного. Но перечислять многочисленные и тяжёлые недостатки нашего современного газетного наречия было бы напрасно. Желающему выработать хороший стиль полезно выбирать светские и религиозные газеты с учётом этого обстоятельства наряду с другими. Стиль проповеди всегда будет естественно и в значительной степени правомерно разделять особенности современной литературы. Когда же она обнаруживает дурной вкус, как теперь столь часто бывает в газетной прозе и публичных речах, зло нужно исправлять близким знакомством с подлинно великими авторами — нашего и прежних времён.

[18] Отрадно думать, как много хороших авторов существует на английском и других языках. Наша религиозная литература — проповеди и иные сочинения — предлагает благородные образцы стиля, которыми можно одновременно питать ум, согревать сердце и утончать вкус; среди них можно выбрать те, что окажут именно то влияние, в котором человек особенно нуждается. Великие французские проповедники от Боссюэ до Моно, а вместе с ними такие американцы, как Дж. М. Мейсон и Р. Фуллер, дают превосходные примеры страсти, соединённой с изяществом. Бакстер замечателен прямотой и остротой, Беньян — простой и обаятельной непосредственностью. Если чей-либо стиль сух и бесплоден, ему можно читать Златоуста, Джереми Тейлора, Чалмерса или Мелвилла. За великим образцом стиля, который, словно юный греческий атлет, предстаёт во славе воспитанной силы и мужественной красоты,

нужно обращаться к Роберту Холлу — как к его сочинениям, так и к проповедям. А если влияние Холла ведёт к однообразной возвышенности, никогда не нисходящей до обычных выражений и не приближающейся к слушателю личным применением, верное лекарство найдётся в близком знакомстве со Спердженом. Но любое подобное перечисление образцов будет несправедливым, если не вводящим в заблуждение, по отношению ко многим опущенным авторам. Главное — читать не наугад. Принимая во внимание склад собственного ума, прежнюю подготовку и нынешнюю ступень развития, осознаваемые сейчас склонности мышления и стиля, нужно по лучшим доступным сведениям выбирать произведения, наиболее отвечающие действительным нуждам.

19 Для стиля проповедникам следует извлекать огромную пользу из постоянного чтения и подробного изучения английской Библии. Писание включает почти все виды стиля, каждый во множестве разновидностей. А общепринятый английский перевод, хотя некоторые его выражения почти устарели, представляет английский язык в его самом замечательном виде. Он восходит к золотому веку английской литературы и в высшей степени заслуживает похвалы, которую Спенсер воздал Чосеру, назвав его «источником незамутнённого английского».

20 Помимо общей почвы литературы, которой никто, каково бы ни было его особое призвание, не вправе пренебрегать, проповедники могут многому научиться у великих светских ораторов — так же как юристы и государственные деятели часто усердно изучают великих проповедников. Это верно не только для начинающего, но

ещё более для опытного оратора. Увидеть те же принципы в действии на материале и ради целей, совершенно отличных от собственных, — значит заново прояснить эти принципы и уберечь себя от формализма в построении и однообразия в стиле. В красноречии и литературе вообще греческий и наш английский богаты вне всякого соперничества. Пусть проповедник главным образом обращается к ним и в юности, и в старости, и литература распространит на его умственное и эстетическое развитие своё «самое избранное влияние». Но пусть молодой учащийся не подчиняется авторитету какого-либо писателя как совершенному мерилу и не отворачивается от некоторых величайших из-за их явных недостатков. «Нет писателя без изъянов, и ошибки вкуса, пожалуй, наиболее общи и высшему, и низшему разряду писателей. Вкус Шекспира и Мильтона не всегда безупречен. Но именно к величайшим писателям относятся слова Адама Смита: „Сколькими великими качествами должен обладать писатель, способный сделать приятными даже собственные недостатки!“ Если мы хотим найти писателя без недостатков, не будем искать его среди величайших».[398] Августин в молодости был учителем риторики. Он знал нелепость искусственного обучения стилю и произнесению, которое всегда находились учителя, готовые рекомендовать; он знал также, что даже правильная риторическая система — лишь помощь в достижении чего-то высшего. Он говорит: «Кроме того, желающему соединить красноречие с мудростью, благодаря чему он несомненно станет действеннее, я советую читать и слушать красноречивых и подражать им в упражнениях, а не обращаться к учителям риторического искусства; при условии, что те, кого он слушает и читает, справедливо

славились или славятся не только красноречием, но и мудростью».[399]

[21] Весьма полезным и вместе с тем увлекательным окажется чтение вдохновляющих жизнеописаний писателей. К счастью, у нас немало таких сокровищ в книгах, подобных «Жизни Мильтона» Массона, «Жизни сэра Вальтера Скотта» Локхарта и «Жизни и письмам лорда Маколея» Тревельяна.

[22] Следует добавить: беседа, особенно беседа умных женщин, также может давать превосходные и влиятельные образцы ясного, живого, разнообразного и во всех отношениях привлекательного стиля. То же относится к письмам. «Хотите ныне прочесть наш благородный язык в его природной красоте, живописный благодаря точности идиом, сочный в оборотах, тонкий, но мускулистый в построении, — украдите почтовые сумки и вскройте все письма, написанные женской рукой».[400] Для большинства людей письма Цицерона — гораздо лучшие образцы стиля, чем его речи. И если к знакомству с Бэконом, прозой Мильтона, Барроу и Бёрком прибавить близкое знакомство с некоторыми лучшими письмами, английский язык предстанет во всей своей щедрой силе и великолепии и во всей гибкой грации и тонкой красоте.[401]

[23] (3) Но главное средство совершенствования стиля — внимательная практика письменной и устной речи, а не одна лишь практика без внимания: такая практика развивает и закрепляет и дурное, и хорошее.

[24] В письменном сочинении весьма неразумно, хотя и очень распространено, пренебрегать подробностями. Если человек плохо пишет орфографически, ему следует энергично взяться за исправление этого недостатка, что

обычно требует лишь некоторой систематичности и настойчивости.[402] Приложить здесь усилия стоит не только ради устранения литературного изъяна, но и потому, что точность в подробностях способна благотворно влиять на умственные привычки и усиливать любовь к самому труду сочинения. Кто-то сказал, что не бывало великого скульптора, который не любил бы обтёсывать мрамор. И если правописание заслуживает внимания, то и пунктуация тоже, хотя ею пренебрегают ещё чаще. Знаки препинания указывают отношения между частями предложения. Единственная действительная трудность правильной пунктуации — определить истинные отношения частей; тот, кто не расставляет знаков, склонен больше, чем сам сознаёт, пренебрегать строением предложений. Аристотель призывает писать так, чтобы легко было расставить знаки;[403] и, несомненно, очень желательно делать смысл недвусмысленным независимо от пунктуации. Но меньшая гибкость построения и сравнительный недостаток частиц делают это в английском гораздо труднее, чем в греческом и многих других языках; поэтому для нас пунктуация особенно важна.[404] Очевидно также, что у каждого она должна быть в некоторой степени своей, поскольку выражает его способ строить предложения. Пример — Чалмерс, редко употребляющий запятую. Тире, ставшее в последнее время столь обычным, удобно для обозначения разрыва предложения: либо перерыва ради вставки, сходной с заключённым в скобки, либо резкого перехода к чему-то связанному с предшествующим, но не соединённому с ним строгой грамматической связью. Поэтому полностью отрекаться от тире, как некоторые предлагают, — манерность; однако употреблять его следует лишь по ясной и

определённой причине. Многие хорошие писатели теперь используют его, чтобы избавить себя от труда решить, какой более точный знак подходит, — несомненно, весьма ленивый обычай. А некоторые из лучших, например Брум и Бульвер, вводят тире столь часто, что разбивают многие предложения на разрозненные обломки. Практически занимаясь пунктуацией, нужно стремиться усвоить её принципы — основное значение, закреплённое употреблением за каждым знаком, — а затем пользоваться ими согласно собственному смыслу, не подчиняясь жёстким и негибким правилам, которые столь часто предписывают. Следует также заметить: хотя многие учебники это запрещают, пунктуацией иногда можно пользоваться независимо от грамматических отношений, чтобы обозначать ритмическое движение последовательных частей предложения.[405]

[25] То же относится ко всем частностям грамматики. Кэмпбелл рассказывает о проповеднике, у которого друг, задумавший публикацию, спросил, «считает ли он приличным для автора, пишущего о религии, заботиться о таких мелочах, как грамматическая правильность». Тот ответил: «Непременно. Гораздо лучше писать так, чтобы критик стал христианином, чем так, чтобы христианин стал критиком».[406]

[26] Несомненно, грамматическая точность — цель, достойная усердных стремлений. Молодой проповедник, особенно ощущающий здесь свою слабость, должен помимо уже рекомендованного изучения грамматических руководств пройти какой-либо хороший труд по искусству сочинения, старательно выполняя письменные упражнения. Даже если он не приобретёт ничего иного,

освобождение от всякого страха сделать смешную ошибку уже немало.

[27] Но, внимательно относясь к частностям сочинения, нужно быть занятым главным образом мыслью; ради этого сочинение как простое упражнение должно всё больше уступать место письму из подлинного интереса, с какой-либо практической целью. При всяком таком письме следует всецело проникнуться предметом, а затем писать настолько быстро, насколько совместимо с ясным и сильным выражением, оставляя мелкие поправки на потом. Но внести поправки нужно непременно. Мысль, однажды отлитая в форму, склонна очень быстро затвердевать, и тогда всякое значительное изменение становится трудным и тяжёлым делом. Иногда приходится возвращать целый абзац в горнило ума и заново переплавлять, чтобы устранить единственный изъян в одном предложении. Вспомните Джона Фостера, два часа трудившегося над одним предложением с решимостью довести его до правильности. Вергилий писал свои «Георгики» иногда со скоростью одной строки в день. Он диктовал несколько стихов, а затем проводил день, пересматривая, исправляя и сокращая их. Как сообщает Авл Геллий, он сравнивал себя с медведицей, вылизывающей детёнышей, чтобы придать им форму. Теннисон переписал «Приди в сад, Мод» почти пятьдесят раз, прежде чем стихотворение его удовлетворило, потратив на него почти месяц. «Локсли-Холл» он написал за два дня, а затем шесть недель менял и отделывал. Маколей и Джордж Элиот усердно и тщательно переписывали и исправляли свои произведения; и среди великих мастеров литературы, древних и новых, есть множество других примеров тех, кто часами, иногда днями, пересматривал и переделывал написанное.

[28] Чрезвычайно ценное средство совершенствования владения языком и стиля вообще — письменный перевод на английский с других языков. Он особым образом испытывает и развивает наше знание английского. Пытаясь выразить собственные мысли, мы сначала имеем идею лишь в смутной, меняющейся, туманной форме; и, стараясь найти точное выражение, можем незаметно превратить идею в нечто другое, для чего подходящее выражение нашлось. Но при переводе — не простой подстановке слова за словом, как у школьника, а точном понимании идеи, передаваемой предложением, и последующем поиске её точного английского выражения — такой подмены или смещения быть не может. Мысль закреплена в другом языке, с той особой формой и окраской, которые он ей придаёт, и мы должны найти английские слова, чтобы её выразить, либо признать неудачу своего усилия. Поэтому тщательный перевод в одном отношении лучше как упражнение, чем самостоятельное сочинение. Очевидно, сходную пользу, хотя и меньшую, принесёт устный перевод. Хорошо известно, что отец тщательно упражнял Уильяма Питта в немедленном устном переводе с греческого и других языков и что сам Питт считал полученную от этого пользу огромной.

[29] Помимо письма, для выработки устного стиля нужно усердно упражняться в говорении. Человек, искусный в обоих видах, может письменно близко воспроизвести устный стиль, но на деле они различны, а в некоторых отношениях весьма. Пусть он много произносит тщательно подготовленного, хотя и не записанного, и иногда говорит, например на непринуждённых собраниях, под сильным побуждением минуты. Пусть всегда имеет практическую цель и отдаёт себя усилию не составить

речь, а достичь задуманного. Пусть внимательно наблюдает слушателей и учится замечать, насколько они понимают и насколько тронуты. Так он научится судить, когда говорить пространно, а когда быстро, и приобретёт прямоту обращения, способность постоянно двигаться к определённой точке, пламенную силу и непреднамеренную грацию, гибкость и разнообразие, свойственные устному стилю.[407] А стремящийся к искусству речи без рукописи должен особенно внимательно относиться к своему стилю в беседе, чтобы разница между его более возвышенной и более непринуждённой манерой была различием степени, а не рода.

[30] Можно добавить: всякому писателю и оратору следует развивать разнообразие стиля. Образец превосходства в этом отношении можно увидеть в переписке и проповедях Дж. Аддисона Александера.

[31] После всего, что сказано или может быть сказано о стиле, никто не должен воображать, будто достаточно приобрести силу выражения, а мысли можно уделять мало внимания. Некоторые молодые люди впадают в эту ошибку, и она просто губительна. «Пусть будет забота о словах, — говорит Квинтилиан, — но тревога о вещах».

Часть III. Глава II. Свойства стиля: ясность

[1] Качества, или свойства, стиля по-разному подразделялись и назывались у разных авторов, писавших о риторике и гомилетике. Вероятно, полезно различать качества грамматические и риторические: к первым относятся главным образом правильность и чистота языка, тогда как вторые касаются прежде всего впечатления, или воздействия, письменной либо устной речи. Лучшее подразделение этих риторических качеств — то, которое Уэйтли и другие заимствовали у Кэмпбелла: ясность, сила и изящество. Некоторые предпочитают говорить о понятности, выразительности и красоте; однако такая замена ничего, собственно, не даёт. Сейчас нам предстоит рассмотреть риторические качества стиля в их существенной связи с проповедью, и мы сохраним термины Кэмпбелла.

[2] Самое важное свойство стиля — ясность.[408] Стиль превосходен тогда, когда, подобно воздуху, позволяет видеть мысль, сам оставаясь невидимым. Однако и это сравнение, и возникшее из него слово «прозрачность» недостаточны: хороший стиль подобен стереоскопическим стёклам, которые, сами будучи прозрачными, придают показываемому предмету форму, объём и отчётливые очертания.[409]

[3] Некоторым слушателям и читателям нередко нравится известная величественная на вид туманность: они принимают её за признак обширной учёности, большой самобытности[410] или необыкновенной глубины. Такой способ изложения вовсе не нов. Квинтилиан говорит, что

он не был нов и в его время: у Ливия он нашёл упоминание об учителе, который велел ученикам затемнять мысль. Квинтилиан приводит также остроту человека, которому слушатели пожаловались, что ничего не поняли: «Тем лучше: я и сам этого не понял».[411] В другом месте он говорит о людях, считающих себя талантливыми потому, что для их понимания требуется талант. Г-н Гюк сообщает, что в ламаистских монастырях, где буддийские учителя читают ученикам лекции, изречения считаются тем возвышеннее, чем они темнее и непонятнее. Увы, даже проповедники Евангелия не всегда ограждены от этого жалкого искушения.

4 На проповеднике более, чем на ком-либо другом, лежит священная обязанность говорить ясно. Ясность очень важна при составлении закона, документа о праве собственности или врачебного рецепта, но ещё важнее — при возвещении Слова Божия, слов вечной жизни.

5 Верно и то, что проповеднику труднее, чем любым другим ораторам, сделать свою речь понятной всем слушателям: никто другой не обращается к столь разнородному собранию, включающему людей обоего пола, всех возрастов, начиная с раннего детства, и всех ступеней умственного развития и образования. Но чем глубже мы ощущаем эту трудность, тем настойчивее и тщательнее должны трудиться. Ведь какой смысл проповедовать, если мы не можем надеяться принести пользу? И какую пользу можно принести, кроме той меры, в какой нас понимают? Претенциозная туманность может вызвать жалкое восхищение, бессодержательная красивость — доставить некоторое удовольствие, один лишь крик — подобно роли Основы, где «ничего, кроме рычания», — может подействовать на чьи-то нервы; но

действительную пользу приносит только истина, причём истина понятая. Более того, может случиться нечто худшее, чем отсутствие пользы: мы можем причинить вред. Одних слушателей туманность отталкивает и раздражает. Других вводит в заблуждение. Печально об этом думать, однако бывает это нередко: люди настолько неверно нас понимают, что предназначенное нами в лекарство превращают в яд. Если мы любим человеческие души, то должны стремиться предотвратить столь страшный исход. Нельзя ожидать, как замечал уже Квинтилиан, «что слушатель будет настолько стремиться понять, что озарит тёмную речь светом собственного ума. Сказанное нами должно быть столь ясно, чтобы проникать в его ум, как солнечный свет проникает в глаза, даже когда они не обращены к солнцу. Надо заботиться не о том, чтобы слушатель мог понять, а о том, чтобы он совершенно не мог не понять».[412] Немецкий философ Фихте написал сочинение под заглавием: «Ясное, как солнце, изложение истинной сущности моей философии; попытка принудить читателя к пониманию».[413] Лишь очень самоуверенный человек мог бы дать книге такое заглавие; но оно указывает на цель всякого наставника людей: не высокомерно, а решительно добиваться того, чтобы читатель или слушатель понял.

[6] Здесь можно сделать два общих замечания о ясности. Стиль может быть вполне ясным, а речь всё же казаться трудной для понимания — потому, что труден сам предмет или неприемлемо то, чему относительно него учат. Например, Послание к Римлянам называют тёмным; в какой мере такое мнение вызвано желанием узнать о некоторых предметах больше, чем оно сообщает, или нежеланием признать истинным то, чему оно действительно учит? Чем яснее речь излагает истины

этого Послания, тем темнее она покажется, если мы стараемся придать ей иной смысл. Второе замечание состоит в том, что ясность стиля тесно связана с ясностью мысли. Правда, как говорит Уэйтли,[414] люди порой неясно рассуждают о предмете просто потому, что хорошо с ним знакомы и забывают, что другие его не знают; проповедники весьма подвержены этой практической ошибке. Если бы кто-нибудь утверждал, что ясные представления о предмете всегда приводят к ясному изложению, этот обычный опыт опроверг бы такое утверждение. Изложение ясных мыслей будет ясным субъективно, но вовсе не обязательно объективно: оно понятно излагающему, однако может быть весьма тёмным для других. Но всё это нисколько не опровергает другого положения: *без* ясного мышления не бывает ясного выражения. Стремление составить ясное представление и найти для него прозрачное выражение обычно развивается одновременно; привычка ясно выражаться, в свою очередь, сильно влияет на привычки мышления.[415]

[7] Иногда нам приходится говорить о предметах, которых мы не можем вполне постичь, а способны лишь в некоторой мере воспринять: таковы учения о Троице, Воплощении и Искуплении. Ещё чаще мы должны обсуждать вопросы, которые едва ли сумеем сделать понятными *всем* слушателям, хотя должны быть уверены, что хотя бы *некоторые* поймут. Но во всех таких случаях следует добиваться той ясности, какую допускают предмет и обстоятельства.

[8] Ясность стиля зависит главным образом от трёх вещей: выбора слов и выражений, построения предложений и абзацев, а также правильного соотношения краткости и развёрнутости изложения.

[9] 1. В той мере, в какой ясность зависит от употребляемых слов, она требует сочетания двух условий.

[10] а) Нужно по возможности употреблять слова и обороты, понятные нашим слушателям. Если в собрании много сравнительно малообразованных людей — а так обычно и бывает, — следует стараться говорить понятными им словами. «Говори, — сказал рассудительный фермер своему брату-проповеднику, — говори так, чтобы тебя понимали женщины и дети, а мужчины уж наверняка поймут».[416] Декан Свифт в своём знаменитом «Письме молодому священнослужителю» пишет об этом так: «Мне однажды стало любопытно составить список из нескольких сотен слов, встретившихся в проповеди начинающего служителя, которых едва ли мог понять хотя бы один из ста его слушателей; и мне нелегко припомнить среди знакомых священнослужителей хотя бы одного, совершенно свободного от этой ошибки, хотя многие из них согласны со мной в её осуждении. Но я привык ставить себя на место простого народа и считаю трудными или неясными многие слова, которые проповедник не признаёт таковыми, потому что учёным они понятны».

[11] Является ли проповедник тем, кого называют знатоком языков, или нет, он должен знать по меньшей мере два языка: язык книг и язык повседневной жизни. Уэсли говорил, что проповедники могут мыслить вместе с учёными, но говорить должны вместе с простым народом.[417] Узнав что-либо на латинском или немецком и желая сообщить это своей общине, человек, конечно, должен перевести услышанное. Точно так же изученное нами в учёных трудах, где удобен и необходим специальный язык науки, при проповеди надо переводить

на общепонятный язык повседневной жизни. Многие молодые выпускники колледжей и духовных семинарий ошибаются не только в выборе предметов, мало подходящих для простых слушателей, но и в употреблении множества слов, ставших привычными им самим, однако совершенно непонятных народу. Большинство впоследствии учится хотя бы отчасти исправлять этот недостаток; но порой встречается зрелый и весьма способный человек, который, по-видимому, совсем не знаком с обычным народным способом мышления и выражения и нисколько этого не сознаёт. Немногие, кто его понимает и разделяет его чувства, с восторгом отзываются о его проповедях, но для большинства было бы всё равно, если бы они произносились по-немецки.[418] Даже хорошо знакомые людям богословские термины не всегда связаны в их сознании с отчётливым представлением. И всё же такие слова, как «возрождение», «испорченность» и тому подобные, необходимы в проповеди, иначе много времени уйдёт на утомительные описательные обороты. Нужно часто пользоваться случаем, чтобы ясно объяснять эти термины; кроме того, мы можем добавлять к ним более общепонятные слова или употреблять их в таком окружении, которое проясняет смысл.[419] Даже самые обычные слова Писания могут употребляться в совершенно небиблейском смысле: это видно из того, как часто пользуются ими современные неверующие пантеисты.

[12] Часто замечают, что англосаксонские слова обычно понятнее широким кругам народа, чем слова латинского происхождения. Последние нередко точнее, поскольку употребление закрепило за ними определённое специальное значение, тогда как англосаксонское слово

служит общим обозначением. Англосаксонская составляющая нашего языка действительно заслуживает большого внимания: её слова не только понятны всем, но зачастую особенно богаты ассоциациями, накопленными за всю жизнь. Помимо своего основного значения, они окружены облаком намёков и воспоминаний, порой необыкновенно привлекательных и возбуждающих мысль. Изучавшим латинский и французский следует изучать также англосаксонский; но независимо от филологических занятий всякий проповедник должен на практике овладеть простыми, «домашними» словами нашего английского языка. Не следует считать само собой разумеющимся, что они уже нам известны: даже образованные люди далеко не всегда умеют употреблять их с точным различением оттенков.[420]

[13] б) Нужно употреблять слова и обороты, *точно выражающие* нашу мысль. Слова могут быть понятны слушателям и всё же не давать им уверенного представления о том, что мы имеем в виду. Они могут быть двусмысленны: слушатель понимает оба значения слова, но не сразу видит, какое подразумевается здесь. Даже священные писатели, пользовавшиеся свободным разговорным стилем, иногда оставляли нам двусмысленные выражения. Так, «любовь Бога» по-гречески, как и по-английски, может означать нашу любовь к Богу или Его любовь к нам. В каждом случае смысл определяется контекстом, а иногда — словоупотреблением автора. Иоанн употребляет это выражение в обоих значениях, Павел почти неизменно — в смысле Божией любви к нам. Стиль, совершенно свободный от подобных двусмысленностей, был бы неестествен; однако их, конечно, следует по возможности избегать. Бывает и так, что одни и те же слова в пределах

одного рассуждения употребляются в разных значениях и потому, хотя сами по себе не двусмысленны, оставляют смысл неясным. Иногда слишком общие слова не показывают, какая именно частная мысль подразумевается. Или неопределённые слова оставляют неясным задуманный объём значения. Вообще слова должны быть *точны* — как бы *обточены* по мерке смысла, — чтобы выражение и мысль в точности соответствовали друг другу и ни в одном не было того, чего нет в другом.[421] Такие слова почти всегда можно найти, и нам следует приучать себя настойчиво их искать. Помимо ясности для других, эта привычка принесёт большую пользу нашему собственному уму: мысли приобретают определённую форму и отчётливые очертания лишь в той мере, в какой мы находим точные слова для их выражения. Она придаст речи и свежесть. Нет двух людей, мыслящих совершенно одинаково, как нет двух одинаковых лиц; и человек, который хоть сколько-нибудь размышляет о предмете, а затем *говорит именно то, что думает*, неизбежно будет в некоторой мере самобытен.

[14] Одно из важных средств достижения точности — верно различать так называемые синонимы. Даже в английском языке, который во множестве случаев сохраняет и англосаксонское, и латинское слово с почти одинаковым первоначальным значением, строго говоря, синонимов нет. Употребление отвело словам разные участки прежде общего смыслового поля или хотя бы разный объём применения. Как заметил Де Квинси, чем более развит язык, тем тоньше он различает кажущиеся синонимы. Возьмём знакомый пример: греческое по происхождению *sympathy*, латинское *compassion* и составленное из англосаксонских элементов *fellow-feeling* первоначально

означают по существу одно и то же — совместное переживание, сочувствие; но как различаются они теперь в английском! И всё же весьма часто разные слова совпадают в большей или меньшей мере, так что невнимательный наблюдатель считает их во всём равнозначными; различать их чрезвычайно важно. По указанной причине наш язык особенно богат такими синонимами, и невозможно слишком настойчиво призывать проповедника уделять им постоянное и тщательное внимание.[422]

[15] Умение выбирать слова ни к кому не приходит само собой. Все, кто преуспел в этом, независимо от дарований и образования, достигли успеха наблюдением, размышлением и упражнением. Кто считает слова несущественными, тот никогда не будет ни ясно выражаться, ни ясно мыслить.[423]

[16] 2. Ясность зависит также от построения предложений и абзацев. Мы не будем подробно рассматривать здесь этот важный предмет, поскольку его необходимо пояснять многочисленными примерами, а основательно овладеть им можно лишь посредством письменных упражнений.

[17] Очевидно, что короткое предложение будет яснее длинного. Однако *последовательность* очень коротких предложений не только лишена благозвучия и силы, присущей нарастанию, но в действительности неблагоприятна и для ясности. Предложения объединяют мысли, которые предстоит понять и удержать в памяти; и если эти связки, так сказать, достаточно велики, всю совокупность мыслей легче охватить и унести с собой. Для разнообразия следует сочетать короткие и длинные предложения. Даже очень длинное предложение может быть вполне ясным, если его смысл не остаётся

нераскрытым до самого конца, как бывает в периодах.[424] Вообще лучше, чтобы уточняющие части предшествовали тому, что они уточняют: тогда, дойдя до конкретного представления, мы сразу получаем его в задуманной полноте, без необходимости впоследствии что-либо добавлять или исправлять. Но «поскольку удержание в уме каждой уточняющей части требует некоторого усилия, с увеличением их числа и длительности удержания мы достигаем предела, за которым больше теряем, чем приобретаем».[425] В речи, предназначенной для слуха, этот предел достигается гораздо раньше, чем в тексте для чтения. Для необразованного ума трудность значительно больше, чем могут вообразить образованные люди. «Стремитесь к известной простоте построения предложений, избегая длинных, запутанных и сложных периодов. Всегда помните, что основная масса людей не привыкла к чтению и учению. В очень длинных предложениях они теряют нить, а когда ради закруглённости периода и отсрочки смысла до заключительной части вы нарушаете обычный порядок слов, совершенно теряются. Поэтому чем ближе ваша речь к разговорному языку, тем привычнее она слушателям и тем легче её понять. В этом отношении стиль Писания служит превосходным образцом».[426] Добавим, что предложения следует строить так, чтобы отношения между отдельными частями не оставались тёмными или двусмысленными. Наш язык требует здесь особой заботы, поскольку местоимения дают весьма несовершенные средства различать род, число и падеж. Досадно часто бывает трудно понять, к какому из двух предшествующих существительных относятся *it* или *that*, *they* или *those* — «оно», «это», «они», «те».[427]

[18] Как бы ни было практически трудно научиться хорошо строить предложения, важность этого понятна каждому. Неопытные писатели и ораторы редко столь же глубоко сознают важность абзаца. «Объединение предложений в абзацы — подлинное искусство современной прозы».[428] Нередко человек немалых способностей пишет длинную речь или статью, совсем не обозначая абзацев; и всё же, несмотря на его невнимание, какая-то естественная связь мыслей существует, так что критик или наборщик могут разделить целое на приблизительные смысловые глыбы. Другие поступают ещё хуже: обозначают абзацы как попало, часто разъединяя то, что должно быть соединено. Между тем в некоторых отношениях правильное построение абзацев важнее построения предложений. Если предложение составлено плохо, читатель или слушатель всё же имеет перед собой его содержание и обычно способен с большим или меньшим усилием понять, какое отношение между мыслями предполагалось выразить. Но когда абзацы оставлены без внимания, для восполнения недостатка требуется очень широкий охват всей связи рассуждения. При чтении, если читатель сочтёт это стоящим труда, можно вернуться назад и внимательно обозреть целое, чтобы увидеть группировку мыслей; к тому же в печатном тексте нам помог наборщик. На слух же у нас нет ни такой помощи, ни времени разбирать связи. Отсюда ясно, что правильное построение абзацев необходимо для ясности, особенно в речи, которую предстоит слушать.

[19] Первое требование к абзацу — единство. Дженанг даёт такое определение: «Абзац — связный ряд предложений, составляющий развитие одной темы».[429] Всё его содержание должно занимать одна мысль или группа связанных мыслей. Отступления, если они вообще

допускаются, должны составлять отдельные абзацы. Обычно эту единую мысль можно выразить в первом предложении; либо первое предложение может так представить начальную мысль ряда или группы, чтобы обозначить общий характер и назначение всех остальных. Иногда, однако, начальное предложение явно носит подготовительный характер: возможно, повторяет предыдущее, облегчая переход. Другое требование состоит в том, чтобы предложения последовательно вырастали одно из другого или так соединялись связующими словами, чтобы абзац составлял целое. Что касается длины абзацев, общего правила, конечно, нет: прежде всего нужно стремиться к свободному, естественному разнообразию.[430]

[20] При построении абзацев, как и предложений, следует внимательно относиться к союзам и другим средствам связи. То, что грамматики называют частицами, или малыми частями речи, не менее важно, чем части большие: именно они устанавливают отношения между последними, превращая сырой материал в строение, в действующий организм, подобно суставам тела. Удачный выбор предлога или союза либо правильное употребление относительного местоимения часто чрезвычайно способствует ясности предложения или абзаца.[431]

[21] При составлении речи без записи, или при так называемом свободном произнесении, практически полезнее, хотя по существу это одно и то же, сосредоточиваться на пунктах, а не на абзацах. Не думайте о том, как распределили бы содержание по страницам, если бы писали, а наметьте последовательность положений, которые собираетесь рассмотреть. Затем, переходя к каждому из них по

порядку, помните простое правило: «держитесь своего предмета». Так можно достичь единства и последовательности, свойственных письменному абзацу. И всё же, вероятно, ни в чём оратор не нуждается столь сильно в школе письменного изложения, как именно в последовательном развитии одной мысли. Человек, никогда ничего не записывающий, иногда может научиться хорошо строить предложения и правильно располагать материал речи. У него могут быть отчётливые пункты, соответствующие абзацам и каждый составляющие единство. Но развивать эти пункты упорядоченно, так, чтобы каждое предложение вырастало из предыдущего или имело ясно обозначенную связь с ним, чтобы развёрнутое единство превращалось в строение, в согласованный организм, — этому немногие учатся без практики написания абзацев. Поспешное писание, столь обычное у тех, кто записывает и читает свои проповеди, нисколько не исправляет дела. Нет, для нужной выучки требуется писать тщательно, без поспешности, хотя порой и быстро, и не выпускать написанное без критического пересмотра. В таком тщательном писании, причём не обязательно именно того, что предстоит произнести, свободно проповедующий служитель должен упражняться часто.[432]

[22] 3. Ясность зависит не только от выбора слов и правильного построения предложений и абзацев, но и от общей краткости или развёрнутости стиля.

[23] Ошибочно полагать, будто самое краткое выражение мысли непременно является самым ясным. Если мысль действительно понятна тому, к кому обращаются, тогда, конечно, чем короче, тем лучше. Но «крайняя сжатость мало подходит слушателям или читателям с небольшими

умственными силами и слабой подготовкой… Анатомы замечают, что питательность — не единственное требование к пище: для полноценной работы желудка необходима известная степень его наполнения; именно поэтому лошадям помимо зерна нужно давать сено или солому, чтобы обеспечить необходимый объём. Нечто подобное происходит и с большинством умов, неспособных вполне переварить и усвоить то, что, хотя бы и очень ясно, представлено им в слишком малом объёме… Нужно, чтобы внимание некоторое время задерживалось на предмете; люди, не склонные к философскому размышлению, хотя и могут внимательно читать или слушать, редко задерживаются на прочитанном или услышанном в последующем раздумье».

[24] «Однако обычное средство — приспособиться к таким умам посредством многословного изложения — редко достигает цели. Большинство тех, кто понял бы смысл при более кратком выражении, и многие из тех, кому краткое изложение было бы недоступно, скорее запутаются в утомительном разрастании речи; не умея сохранять устойчивое внимание к сказанному, они забудут часть услышанного прежде, чем изложение завершится. К тому же слабость, возникающая от чрезмерного разбавления мысли, если позволительно так выразиться, усыпляет внимание; а то, чему уделяют неполное внимание, как бы ясно оно ни было само по себе, обычно и понимается неполно. Поэтому автору не следует успокаиваться на том, что он выразил свой смысл так, что при внимательном отношении его непременно поймут: надо также учитывать, какое внимание ему действительно уделят. Если, с одной стороны, множество мыслей выражено немногими словами перед слушателями, не привыкшими размышлять, или, с другой стороны, речь

утомительно многословна, необходимого внимания, весьма вероятно, не будет».[433]

[25] Итак, многословие хуже крайней сжатости. Сжатость, даже понятая не вполне, может пробудить внимание и размышление, побудить впоследствии исследовать предмет. Многословие лишь утомляет и отталкивает. Надо признать, что на кафедре оно встречается очень часто. Проповедникам нередко приходится готовить и произносить проповеди, когда ум не расположен к творческой работе. Кажется, что долг требует что-нибудь сказать, а обычай предписывает, сколь бы ни был бесплоден предмет и неблагоприятно собственное душевное состояние, говорить не меньше определённого числа минут. В таких обстоятельствах мысли человека неясны, и в слабых попытках выразить их он неизбежно становится многословным.[434]

[26] Есть несколько способов избежать чрезмерной сжатости, не впадая в многословие. Один из них — повторение. Иногда полезно повторить положение теми же словами. Чаще можно «повторять ту же мысль и тот же довод во многих разных выражениях, каждое из которых само по себе кратко, но вместе они дают смыслу необходимое развёртывание и удерживают на нём ум столько, сколько требуется». Разумеется, повторение не должно быть простой тавтологией. Мысль нужно показать с иной стороны или в новой связи. «Выраженное в собственных значениях слов можно повторить метафорически; основание и следствие довода или части противопоставления можно переставить; несколько перечисленных пунктов — представить в ином порядке и так далее».[435] Другое средство — разнообразные поясняющие образы и примеры. Изложив мысль

настолько ясно, насколько возможно в умеренном объёме, можно дать разные её иллюстрации либо проиллюстрировать различные её стороны. Они заинтересуют слушателя и удержат его внимание на предмете, пока он не станет ему вполне знаком, не успев наскучить. Нет более замечательного примера этого, чем Чалмерс. Его проповеди часто состоят из одной мысли, которую освещают с разных сторон, поворачивают так и этак, пока мы не увидим каждой её грани; но каждая сторона так ярко озарена свежими примерами, так блистает красками воображения, что устать невозможно.[436] В этом, как и в некоторых других отношениях, Чалмерс — один из худших образцов для подражания, но один из самых полезных примеров для изучения. Третий способ достичь необходимой развёрнутости без многословия — деление. Излагаемый предмет, сколь бы мал он ни был, часто можно разделить на несколько пунктов, подобно тому как делят большие темы; когда эти пункты последовательно изложены, целое становится ясно.

[27] Здесь подчеркнём обстоятельство, над которым проповеднику следует особенно тщательно задуматься: как и в ряде других отношений, особенно в отношении развёрнутости надлежащий стиль публичной речи существенно отличается от стиля статьи или любого произведения, рассчитанного на неторопливое чтение. Об этом говорили часто и весьма решительно; например, Де Квинси выражает это следующими словами:

[28] «То, что составляет хорошую риторику на предвыборном помосте, плохо для книги. Даже в высших формах народного красноречия законы стиля значительно отклоняются от общей нормы. В сенате, а по

той же причине и в газете, повторять свой смысл — достоинство… Разнообразить слова, сохраняя по существу тот же смысл и разбавляя истину, зачастую необходимо… Преимущество книги в том, что можно вернуться к предыдущей странице, если от неё зависит понимание нынешней. Но поскольку в устной речи, где каждое предложение исчезает в момент своего рождения, возвращение невозможно, и оратор, и слушатель сознают общую заинтересованность в гораздо более свободном стиле. Для обоих полезно, чтобы важнейшие положения оставались перед взором значительно дольше, чем позволили бы в книге строгость вкуса или суровость логики».[437]

[29] Аристотель совершенно определённо сказал то же самое:

[30] «При сопоставлении речи писателей, произнесённые в прениях, кажутся сжатыми и стеснёнными; речи же ораторов, имевшие успех при произнесении, при чтении наедине оказываются обыкновенными. Причина в том, что для прений такие особенности уместны. Поэтому и сочинения, подготовленные для произнесения, при отсутствии самого произнесения не производят своего действия и кажутся смешными. Так, отсутствие союзов и частые повторения справедливо отвергаются в письменном стиле; но в стиле прений ими пользуются даже ораторы, поскольку они приспособлены к устному исполнению. Однако при повторении одного и того же необходимо изменять выражение; это как бы открывает путь к произнесению: “Вот тот, кто вас ограбил; вот тот, кто вас обманул; вот тот, кто наконец пытался вас предать”».[438]

[31] В заключение вспомним, что стремление к ясности можно довести до крайности. Невыносимо утомительно слушать человека, который тщательно объясняет то, что все присутствующие и так понимают, либо продолжает повторять, разворачивать и иллюстрировать уже достаточно разъяснённое. И та ораторская развёрнутость, о которой только что шла речь, весьма отличается от потока бесполезных слов, который нам столь часто приходится терпеть.

Часть III. Глава III. Сила стиля

[1] Понятие силы, или энергии, применительно к стилю охватывает всё, что мы обозначаем отдельными словами «живость», «убедительность» и «страстность». Живость, или одушевлённость,[439] служит возбуждению внимания: оратору недостаточно сказать то, что слушатель поймёт, если будет внимателен; нужно пробудить его, вдохнуть в него жизнь, сделать внимание лёгким и приятным, а невнимание — трудным. Главные средства здесь — свежесть мысли и притягательная сила произнесения; но многое достигается и живостью стиля.[440] Слово «сила» употребляется преимущественно применительно к доводам, а родственное понятие «могущество» — и к доводам, и к побуждениям. Страстность, которую в более мягких и нежных проявлениях мы называем патетическим, а в высшем проявлении — возвышенным, воздействует на чувства, часто посредством воображения; и убедительность, и страстность в конечном счёте стремятся повлиять на волю. Поэтому, согласно принятому нами пониманию красноречия,[441] отличительным свойством красноречивого стиля является именно энергия. Ясность нужна ему, как и стилю философскому или поучительному; изящество он может разделять со стилем поэтическим; но его особый признак — энергия, то есть живость, сила или страстность. Главное условие энергичного стиля — энергичная натура. Необходимы деятельная мысль, глубокое, если не страстное, чувство и решительное стремление достичь какой-либо цели; без этого в стиле человека не будет подлинной, возвышенной силы. Именно в этом смысле особенно верно, что оратором рождаются, а не становятся. Без этих качеств можно давать ценные

наставления; без них можно произносить проповеди, которые глупые почитатели называют «прекрасными»; но человек, лишённый силы характера и пылкой души, никогда не будет по-настоящему красноречив. Однако бывают робкие и чувствительные люди, которые, обретя уверенность благодаря практике и встретив обстоятельства, призывающие их силы к действию, обнаруживают гораздо больше этой властной натуры, чем когда-либо предполагали в себе. Фелпс[442] справедливо говорит: «Ничто другое не может заменить эту силу чувства или выполнить её работу. Энергия и воодушевление сосуществуют в характере; они должны сосуществовать и в стиле». В другом месте он мудро добавляет,[443] что истинная энергия основана на самообладании. Неумеренность и бурность, переходя границы, разрушают цели подлинного красноречия. Их действие совершенно отличается от действия напряжённой энергии, сдерживаемой властью над собой.

[2] Следующее условие — иметь что сказать, причём считать это чрезвычайно важным. Чтобы выражение было сильным, ум должен быть полон мыслей. Сказанное должно быть тем, в истинность чего оратор верит всем сердцем, важность чего глубоко чувствует и что горячо желает запечатлеть в других. В отношении материала, сообщающего речи силу, проповедник обладает особыми преимуществами, если хорошо и глубоко знает Библию и постоянно освежает это знание. Никакие временные интересы не столь значительны, как вечные. Никакие иные предметы не могут придать уму столько бодрости и авторитетности, как истины, о которых мы лично знаем, что им учит Слово Божие. «Поистине могучий духовный оратор “силён в Писаниях”».[444]

[3] Силу стиля следует рассмотреть в четырёх отношениях: выбор слов, построение предложений, сжатость и употребление фигур речи.[445]

[4] 1. Что касается выбора слов, то, насколько позволяет предмет, следует предпочитать конкретные обозначения отвлечённым, а частные или видовые — общим. В философском рассуждении или всеобъемлющих утверждениях отвлечённые и общие слова, разумеется, необходимы, однако они весьма неблагоприятны для силы стиля. «Чем обобщённее слова, тем бледнее картина; чем они конкретнее, тем она ярче. Одни и те же мысли можно выразить первым способом столь же верно и даже столь же ясно, как вторым; но поскольку краски в первом случае будут слабее, они не доставят воображению равного удовольствия и, следовательно, не помогут в той же мере ни удержать внимание, ни запечатлеть сказанное в памяти». Далее Кэмпбелл поясняет это выразительными примерами из Писания.

[5] «В песне Моисея, воспевающей чудесный переход израильтян через Красное море, боговдохновенный поэт говорит о египтянах: “Они *погрузились*, как *свинец*, в могучие воды”. Стоит лишь немного изменить выражение и сказать: “Они *упали*, как *металл*, в могучие воды”, — и разница в действии окажется поразительной. Между тем мысль будет столь же верна, и в обоих случаях едва ли можно ошибиться относительно смысла автора». Разница всецело вызвана заменой частных обозначений общими. «“Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся и не прядут; однако говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как любая из них. Если же Бог так одевает траву, которая сегодня в поле, а завтра будет брошена в печь, то тем более оденет вас”. Давайте

немного подражать безвкусной манере современных пересказчиков, подставляя более общие слова… и посмотрим, что получится. “Рассмотрите цветы, как они постепенно увеличиваются в размерах: они не выполняют никакой работы; однако объявляю вам, что ни один царь ни в каком самом великолепном наряде не бывает одет подобно им. Если же Бог Своим промышлением так украшает растительные произведения, недолго пребывающие на земле и затем помещаемые в огонь, то насколько более Он позаботится об одежде для вас”. Как безжизненна стала та же самая мысль от этих небольших изменений!»[446]

[6] Чтобы придать стилю живость и страстность, нужно обращаться к воображению. Между тем мы способны создавать образы только единичных предметов; образ отдельного представителя вида, например лилии, возникает гораздо легче и бывает гораздо ярче, чем образ представителя рода, например цветка.[447]

[7] Уэйтли указывает, что сама природа предмета редко связывает нам руки: обычно мы можем выбирать между родовыми и видовыми обозначениями. Можно сделать слова *более* общими, чем требует предмет; это уместно, «когда мы хотим *избежать* яркого впечатления, когда стремимся смягчить неприятное, отвратительное или ужасное: например, говорим об “исполнении приговора”, подразумевая предание преступника смерти… Многие, особенно неопытные писатели, впадают в слабый стиль, без необходимости заменяя частное общим или единичное видовым. Иногда они полагают, будто употребление слов, менее обычных у простого народа, создаёт впечатление большей утончённости или глубины; иногда хотят придать рассуждениям более широкий охват

и увеличить пользу сказанного, расширив область его применения. Неопытные проповедники часто ошибаются таким образом: рассуждают о Добродетели и Пороке, Благочестии и Безбожии отвлечённо, не переходя к частностям, забывая, что, *охватывая* многое, они *запечатлевают* в слушателях мало или вовсе ничего».[448]

[8] Эпитеты редко усиливают речь. Эпитет — это прилагательное при существительном или наречие при глаголе, которое ничего не прибавляет к выражаемому ими смыслу, а лишь выделяет что-то уже заключённое в нём. В обычном употреблении третьеразрядных романистов, эссеистов и ораторов эпитеты никогда не придают выражению силы. Даже действительно украшая речь, они уместны только в поэзии и поэтической прозе. Если весной вы срежете ветку яблони, чтобы порадовать друзей её красотой, то сохраните веточки, листья и цветы; но если захотите этой веткой сбить человека с ног, всё это придётся обрубить. И всё же надлежащим образом введённые эпитеты могут усиливать речь. Например, они обращают внимание на свойства предмета, которые иначе остались бы незамеченными, или заставляют ум задержаться на выделенном признаке до получения полного впечатления. Они могут быть и «*свёрнутыми доводами*, сила которых достаточно передаётся одним намёком; например, если кто-нибудь говорит: “Мы должны извлечь предостережение из *кровавой* революции во Франции”, эпитет указывает одну из причин, по которым следует остерегаться, причём не менее ясно и более сильно, чем если бы довод был изложен подробно».[449] Однако в этом отношении молодому писателю или оратору, особенно наделённому богатым воображением, гораздо нужнее сдерживать себя, чем поощрять.

[9] Слова, в которых звучание напоминает смысл, — звукоподражания — иногда придают речи силу; но в ораторской речи, если ими вообще пользоваться, они должны возникать сами, без поисков.

[10] Необычные слова и обороты тоже могут быть выразительны: контрастируя с привычным и повседневным, они пробуждают особый интерес, подобно гостю или иностранцу.[450] Но если гость — замкнутый незнакомец, а иностранец смешон, впечатление получается дурное; точно так же необычные выражения не должны быть ни непонятными, ни нелепыми.

[11] Англосаксонские слова, как мы видели, не только яснее, но часто и сильнее соответствующих слов латинского происхождения. Иногда они конкретнее, поскольку общее обозначение было заимствовано из латинского. В других случаях им придаёт силу связь представлений: с детства они соединены в нашем уме с действительными предметами и действиями, тогда как латинское слово выражает лишь понятие. Некоторые сильнее потому, что короче и потому наносят более быстрый удар; напротив, иные длинные латинские слова энергичны благодаря своей весомости и звучности.[451]

[12] 2. В отношении силы многое зависит от построения предложений.[452]

[13] Особого внимания требует периодическое строение предложений. Слово «период» означает обход, круг, оборот и тому подобное; строго говоря, периодом называется предложение, которое в конце возвращается к тому, с чего началось. В греческом и латинском, особенно в последнем, было весьма обычно начинать с существительного в именительном падеже, затем строить

длинное предложение, сперва из зависимых слов и оборотов, относящихся к существительному, затем — из относящихся к глаголу, а сам глагол помещать в самом конце. Это и есть период в строгом смысле: предложение описывает круг, и последнее слово тесно связано грамматически с первым. В английском мы редко придаём длинным предложениям именно такую форму, кроме инверсированного стиля белого стиха.

[14] “The blest in heaven, above the starry sphere, / Their happy hours in joy and hymning spend” — «Блаженные на небесах, над звёздной сферой, / счастливые часы в радости и песнопении проводят». Но в более общем смысле периодом называют всякое предложение, смысл которого остаётся незавершённым до последней части. Кэмпбелл приводит превосходный пример: “At last, after much fatigue, through deep roads, and bad weather, we came, with no small difficulty, to our journey’s end” — «Наконец, после многих утомительных трудов, по разбитым дорогам и в ненастье, мы пришли, с немалым трудом, к концу своего пути». Сравните с так называемым свободным расположением: “We came to our journey’s *end* at *last*, with no small *difficulty*, after much *fatigue*, through deep *roads*, and bad weather” — «Мы пришли к концу своего пути наконец, с немалым трудом, после многих утомительных трудов, по разбитым дорогам и в ненастье».[453] Здесь смысл завершён и предложение можно оборвать в любом из пяти мест, обозначенных в оригинале курсивом. С другой стороны, если придать первому варианту ещё более строго периодическую форму, отодвинув глагол ближе к концу, результат будет хуже: “At last, with no small difficulty, after much fatigue, through deep roads, and bad weather, we came to our journey’s end” — «Наконец, с немалым трудом, после

многих утомительных трудов, по разбитым дорогам и в ненастье мы пришли к концу своего пути». Прежде чем дойти до глагола, приходится пройти столько нанизанных частных обстоятельств, что это становится утомительным, если не запутывающим. Первый вариант лучше. Впрочем, четвёртый вариант был бы в этом отношении ещё лучше: “At last, with no small difficulty, and after much fatigue, we came, through deep roads and bad weather, to our journey’s end” — «Наконец, с немалым трудом и после многих утомительных трудов, мы пришли, по разбитым дорогам и в ненастье, к концу своего пути».[454] Однако этот вариант отличается от первого тем, какие обстоятельства названы первыми и потому особенно выделены; такое различие несколько меняет и возникающий смысл.

[15] «Периоды или близкие к ним предложения при прочих равных условиях, несомненно, обладают преимуществом в силе. Неожиданное продолжение предложения, которое читатель считал оконченным, особенно если при чтении вслух он уже понизил голос, вызывает неприятное ощущение обманутого ожидания, подобное толчку, который мы испытываем, поднимаясь или спускаясь по лестнице и обнаруживая лишнюю, не ожидавшуюся ступеньку. Если это часто повторяется, как в очень свободно построенном предложении, неопределённость относительно его окончания порождает утомлённое нетерпение».[455]

[16] В устной речи «периодический стиль гораздо менее необходим и потому гораздо менее уместен, чем в сочинениях, предназначенных для уединённого чтения. Оратор в большинстве случаев может умелым незавершённым звучанием голоса придать свободному предложению действие периода; и хотя в обоих видах

изложения следует остерегаться выставлять искусство напоказ, от устной речи ожидают большей непринуждённости».[456] Действительно, очень длинных периодов в устной речи следует избегать. Слушатель должен удерживать в уме весь период и не может вполне понять ни одной его части, пока не достигнет конца; для неподготовленного ума это весьма трудно.[457] Период сосредоточивает всю силу в одном ударе; но нельзя приобретать эту силу ценой ясности или естественности и лёгкости. Иногда полезно строить длинное предложение отчасти свободно, отчасти периодически.

[17] Расположение слов ради смыслового ударения в английском допускается в гораздо более узких пределах, чем во многих других языках. В обычном предложении “Will you ride to town to-day?” — «Поедете ли вы сегодня верхом в город?» — смысл меняется в зависимости от того, выделены ли will, you, ride и так далее: намерение, действующее лицо, способ передвижения. В греческом или латинском, где порядок слов можно весьма свободно менять, нужное слово в каждом случае можно выделить его положением. Но английский строй этого не позволяет, и ударение приходится определять по контексту или обозначать курсивом. Насколько наш язык допускает перестановку, ею следует пользоваться, обходясь без курсива. При устном произнесении ударение обозначают голосом; однако многое выигрывается, если его одновременно показывает и положение слова.

[18] Самое заметное место в предложении — начало, а следующее по значению — конец. Если слово, которое при обычном грамматическом порядке стояло бы в другом месте, поставить в начале или конце, оно привлечёт особое внимание и станет одним из важных,

ударных слов предложения. Вообще всякое перемещение слова с привычного места заставляет его особенно заметить. Такие перестановки, выделяя главное слово или часть предложения, часто значительно усиливают речь. Сравните: «Велика Артемида Ефесская» и «Артемида Ефесская велика». Возьмите слова Петра: “Silver and gold have I none, but such as I have, give I thee” — «Серебра и золота у меня нет, но что имею, даю тебе» — и расположите их в обычном грамматическом порядке: «У меня нет золота и серебра» и так далее. Как слабо! Заметьте также, что здесь наш английский перевод увеличивает силу, отделяя определение *none* — «никакого» — от существительных и помещая его в конце части предложения, на другом особенно заметном месте.[458] Ради выделения в начало может выноситься не только сказуемое: возможны и многие иные перестановки. «*Не* всякий, говорящий Мне: Господи, Господи, войдёт в Царство Небесное». «*Теперь* — время благоприятное».

[19] Иногда выделяемое слово или выражение ставится первым, хотя затем на своём обычном грамматическом месте оно должно быть представлено местоимением. «Отцы ваши — где они? И пророки — вечно ли они живут?» Как холодно и вяло прозвучало бы по сравнению с этим: «Где ваши отцы? И живут ли пророки вечно?»[459] Так же: «Быть или не быть — вот в чём вопрос». В других случаях важное слово, которое само не могло бы стоять в начале, вводится при помощи местоименного оборота. По-английски нельзя сказать “Came forth two bears out of the wood”, но можно: “There came forth…” — «Вышли два медведя из леса».[460] «Слово it часто очень полезно, позволяя менять порядок. Так, предложение “Cicero praised Cæsar” — “Цицерон похвалил Цезаря”,

допускающее по меньшей мере два смысловых оттенка, можно перестроить, выразив каждый из них: “It was Cicero that praised Cæsar” — “Именно Цицерон похвалил Цезаря”, либо “It was Cæsar that Cicero praised” — “Именно Цезаря похвалил Цицерон”».[461] Во множестве случаев удобная перестановка достигается переходом от действительного залога к страдательному. Например: «Есть ещё более разительный пример неблагодарности. Один из двенадцати избранных учеников отрёкся от Иисуса Христа, а другой предал Его». Здесь главное — «Иисус Христос», и эти слова должны стоять первыми. Это можно осуществить, хотя и несколько неловко, так: «Иисус Христос — один из двенадцати избранных учеников отрёкся от Него, а другой предал». Всё становится и естественным, и сильным при переходе к страдательной конструкции: «Есть ещё более разительный пример неблагодарности. Иисус Христос был отвергнут одним из двенадцати избранных учеников, а другим был предан».

[20] Не следует заканчивать предложение большим числом безударных слогов, как в английских словах comparable, exquisitely, agreeableness. Лучше всего заканчивать словом с ударением на последнем слоге или, во всяком случае, не дальше предпоследнего. Подобным образом нельзя завершать предложение большим числом слов, не несущих смыслового ударения. Так, “I will give my own attention to the matter” — «Я уделю собственное внимание этому делу» — гораздо слабее, чем “I will give the matter my own attention” — «Этому делу я уделю собственное внимание».

[21] Антитеза часто значительно усиливает речь. Например: «Суббота создана для человека, а не человек

для субботы». «Ты заботишься и тревожишься о многом, а одно только нужно». «Память праведника благословенна, а имя нечестивых сгниёт». Таких противопоставлений много в Притчах Соломона, как и в небоговдохновенных пословицах всех народов: сжатость и сила способствуют их распространению. Как энергично изречение, приводимое Квинтилианом: «Я живу не для того, чтобы есть, а ем для того, чтобы жить»! Во всех подобных случаях каждая из противопоставленных частей проясняет другую, поэтому без утраты ясности выражения можно сделать очень краткими и тем самым более острыми и сильными; одновременно сам контраст делает всё высказывание более впечатляющим. Антитеза настолько способствует силе и блеску стиля, что многие писатели и ораторы употребляют её чрезмерно. Это уродует стиль Маколея, во многих отношениях столь замечательный. В проповеди явное, а особенно частое стремление поразить слушателя особенно неуместно. Кроме того, чрезмерное употребление антитезы нарушает не только вкус: в каждом отдельном случае есть опасность нарушить истину. Желая резко противопоставить две вещи, мы можем бессознательно преувеличить различие. Опасность такого преувеличения очень велика, и печально приобретать силу ценой истины.

[22] Говорящий под влиянием сильного чувства весьма склонен иногда прибегать к оборванным конструкциям. Он бывает настолько поглощён предметом, что не замечает синтаксиса; либо, начав предложение одним образом, под внезапным побуждением обрывает его и заканчивает иначе. Самые страстные ораторы и писатели, естественно, чаще всего пользуются такими выражениями; например, они весьма обычны в писаниях апостола Павла. Когда оборванные конструкции

действительно порождены подлинным чувством, они допустимы и сильны. Но их никогда нельзя употреблять по расчёту; и даже совершенно естественным нельзя позволять повторяться слишком часто.

[23] Родственна этому фигура, которую грамматики называют умолчанием: часть предложения подавляется волнением. Например, в Луки 19:42: «Если бы и ты знала… то, что служит к твоему миру!» Насколько лучше была бы её участь — это предоставлено подсказать молчанию. Луки 22:42: «Отче! Если Ты благоволишь пронести эту чашу мимо Меня!» Он не продолжает просьбу об отведении чаши, но после паузы добавляет: «Однако не Моя воля, но Твоя да будет». Деяния 23:9: «Мы не находим ничего худого в этом человеке; а если дух говорил ему или ангел —?» Как выразительно было это молчание в устах фарисея, говорившего в синедрионе в присутствии саддукеев! Слова «не будем противиться Богу» прибавлены каким-то критиком или переписчиком, лучше понимавшим грамматику, чем риторику.

[24] Во всём, что касается силы построения предложений, большую пользу может принести упражнение в их перестройке. Очевидно, оно способствовало бы также ясности и изяществу, но для силы оно ещё важнее.[462]

[25] 3. Сжатость значительно усиливает стиль. «Можно установить не допускающее исключений правило: чем меньше слов, если только не нарушаются правильность и ясность, тем живее выражение. “Краткость, — говорит Шекспир, — душа остроумия”. Несомненно одно: какова бы ни была мысль — остроумная, юмористическая, серьёзная, одушевлённая или возвышенная, — чем короче она выражена, тем больше её сила, тем больше в ней жизни… Когда солнечные лучи собираются в фокусе

зажигательного стекла, чем меньше принимающее их пятно по сравнению с поверхностью стекла, тем ярче сияние… Так и при выражении мыслей речью: чем теснее круг слов, вмещающих мысль, тем энергичнее выражение… Ту же самую мысль, изложенную пространно, лишь признают верной; выраженную сжато — будут ценить за живость».[463]

[26] Нет более замечательного примера энергичной краткости, чем знаменитое изречение Цезаря: Veni, vidi, vici — «Пришёл, увидел, победил». Намеренная краткость речи лакедемонян дала нам слово «лаконичный». Ораторы американских индейцев часто отличались краткими, содержательными, меткими изречениями. Краткость ценят все — и образованные, и необразованные.

[27] Сжатости противоположны тавтология, плеоназм и многословие. Чистая тавтология — повторение одного и того же, хотя бы и другими словами, — возможно, не очень распространённый недостаток. Плеоназм, употребление слов или оборотов, ничего не прибавляющих к смыслу, весьма обычен и часто значительно ослабляет речь, хотя иногда, как указывает Герви,[464] усиливает её. А многословие — умножение слов, которые что-то добавляют, но ничего действительно существенного, — чрезвычайно часто и вредоносно.[465]

[28] Некоторое громкозвучное многословие нередко вызывает большой восторг у совсем невежественных или полуобразованных людей. Но этот восторг не доказывает ни действительной пользы для них, ни подлинной силы оратора. «Нередко о писателе или ораторе такого рода говорят, что он “прекрасно владеет языком”, тогда как, быть может, вернее было бы сказать, что “язык владеет

им”: он следует цепи слов, а не цепи мыслей и нанизывает все эффектные выражения, приходящие ему в голову по поводу предмета, вместо того чтобы сперва ясно представить себе смысл, который он желает передать, а затем найти наиболее подходящее средство его передачи. Он “владеет языком” в той же мере, в какой всадник владеет лошадью, понёсшей его».[466]

[29] Древнееврейский повествовательный стиль особенно пространен и подробен, а параллелизм древнееврейской поэзии ведёт к многочисленным повторениям. В библейском употреблении это не недостатки, а несомненные достоинства. Но в собственной устной и письменной речи мы должны помнить, что в этих отношениях современный вкус по большей части требует иного стиля и что в подобных вопросах следует считаться со вкусом слушателей.

[30] Тавтологию и плеоназм можно исправить простым вычёркиванием лишних слов; делать это следует тщательно и решительно. Для исправления многословия часто необходимо перестроить предложения и подобрать иные выражения.

[31] Нужно помнить: добиваясь сжатости, нельзя жертвовать ясностью. Иногда краткий и меткий оборот, который не сразу был бы понятен всем, всё же можно употребить, предварив его более развёрнутым изложением. «Слушателей поразит сила предложения, к пониманию которого их уже подготовили: они *поймут* длинное выражение и *запомнят* короткое».[467] Интересные примеры этого встречаются в учении нашего Господа и в Послании Иакова.[468] В других случаях краткое утверждение может быть устроено так, чтобы *подразумевать* больше, чем прямо высказано: оно либо

побуждает ум следовать цепи мыслей, либо возбуждает воображение, заставляя заполнить очерченный контур. Такое упражнение ума и воображения, если оно не слишком трудно, весьма приятно всем; ум, таким образом побуждённый деятельно овладеть предметом, удержит его гораздо прочнее, чем при пассивном восприятии. Высший тип стиля — сжатый и побуждающий к дальнейшей мысли.[469]

[32] Подавляющему большинству молодых ораторов и писателей нужно особенно тщательно воспитывать в себе сжатость. Большинство тех, кто чувствует побуждение писать или говорить, от природы словоохотливы. Они находят беглую и многословную речь лёгкой для себя и приятной многим слушателям. Чрезмерная пышность стиля гораздо более обещающа, чем крайняя скудость; но, как заметил Цицерон, подобно слишком густым весенним всходам, её следует проредить пером.[470] Эта работа часто требует строгого самообладания. Мальчику, прореживающему кукурузу, хочется оставить в одной лунке три стебля, потому что все они кажутся такими большими и прекрасными. Но он должен помнить: три дадут не больше двух, а даже меньше. Другим, напротив, следует побуждать себя к большей плодовитости стиля. Этого можно достичь, развивая воображение, знакомясь с хорошими писателями, склонными к богатому стилю, и стараясь говорить и писать под влиянием более волнующей страсти или более нежного чувства.

[33] Нельзя забывать и о том, что, хотя растянутость неблагоприятна для силы, возможно такое *изобилие*, как у Цицерона, Барроу, Чалмерса, Де Квинси и Гладстона, которое чрезвычайно энергично. Первое вяло растекается по широкой поверхности; второе устремляется вперёд

бурным потоком. Лонгин сравнивает страстный стиль Демосфена с бурей или ударом молнии, а стиль Цицерона — с пожаром, широко распространяющимся, всё пожирающим и долго не угасающим. Даже повторение, часто необходимое для ясности и становящееся у многих проповедников удручающе слабым и скучным, глубоко убеждённый человек может употребить так, что оно станет рядом сильных, быстро следующих друг за другом ударов.

[34] 4. Возможно, главный источник силы стиля — употребление фигур речи.[471] Страстное чувство — гнев, страх, любовь или переживание возвышенного — естественно выражается смелыми образами: смелыми, но никогда не вымученными и не натянутыми.

[35] Иногда фигуры речи следует относить скорее к материалу рассуждения, чем к стилю. Так, помимо самого выражения мысли, для доказательства или пояснения можно ввести сравнение. Обычно же фигуры служат средством выражения мысли, хотя могут и кое-что добавлять к ней, и потому справедливо считаются частью стиля. Как правило, они способствуют изяществу; некоторые, особенно сравнение, — ясности; но наиболее существенна их помощь в придании силы. Мы кратко рассмотрим те фигуры, которые особенно важны для сильного проповеднического стиля; за более полным изучением всего предмета учащемуся следует обратиться к трудам по риторике.

[36] Метафора больше способствует силе, чем сравнение. Сравнение полезно для ясности или изящества, но в страстной или иной энергичной речи его обычно избегают. Часто замечали, что в великой речи Демосфена «О венке», где для него так многое поставлено на карту и

где он говорит с такой прямотой, силой и пылом, имеется всего одно сравнение, причём выраженное двумя словами. Однако иногда по самой природе предмета сравнения бывают чрезвычайно впечатляющими. «Глаза Его были как пламень огненный, и голос Его — как шум многих вод». «Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого». «Нечестивые… как мякина, которую разметает ветер».

[37] Метафора предполагает или подразумевает сходство либо аналогию, не высказывая их прямо, как сравнение, и потому более сжата и кратка. Сказать о красноречивом ораторе, что он подобен парящему орлу, — сравнение; сказать, что в лучшие минуты он — *парящий орёл*, — метафора. Если метафора не сразу понятна, её можно соединить со сравнением или прояснить дополнительным словом. Множество метафор стали столь привычны, что уже не обладают особой силой; но среди тех, которые никогда не изнашиваются, и в безграничной области новых изобретений и сочетаний метафора даёт оратору неисчерпаемый источник энергичного выражения. Порождать их должно воображение, а управлять их употреблением — хороший вкус. Неопытные ораторы часто пользуются метафорами, внутренне несогласованными или разработанными до смешных либо утомительных подробностей. Однако многое зависит от предмета, случая и чувства. Даже часто осуждаемый шекспировский пример смешанной метафоры —

[38] «Поднять оружие против моря бед» — допустим и естествен в устах Гамлета, когда он в исступлении размышляет о самоубийстве и говорит наедине с собой.[472]

[39] Синекдоха также благоприятна для силы. Когда часть берётся вместо целого или вид вместо рода, выражение обычно становится живее и богаче подразумеваемым смыслом; мы уже видели, что частные и видовые обозначения энергичнее общих. «Перекуют мечи свои на орала и копья свои на серпы» несравненно сильнее общего утверждения, что люди превратят военное оружие в земледельческие орудия.

[40] Гипербола, то есть выражение большего, чем имеется в виду, весьма естественна для человека, настолько поглощённого созерцанием определённого предмета, что он преувеличивает его сравнительную важность, либо настолько сильно взволнованного, что всякое обычное выражение кажется ему бесцветным. Она допустима и во всяком случае, когда человек знает, что преувеличенная речь не должна быть понята неверно, и желает глубоко запечатлеть важный факт. «Многое и другое сотворил Иисус; если бы описывать всё подробно, то, думаю, и самому миру не вместить написанных книг» (Иоанна 21:25). Такие выражения особенно естественны для пылкого восточного ума и обладают большой силой среди широких масс. Апостол Павел отличается гиперболами и вообще сильными выражениями всякого рода. Его страстные слова: «Я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих» (Римлянам 9:3) лучше всего понимать как пример гиперболической речи; оценить их можно лишь в той мере, в какой мы разделяем его патриотический и благочестивый пыл и самоотверженность. В учении нашего Господа есть своеобразная и очень выразительная особенность: для раскрытия принципа Он использует крайние случаи. «Кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую». Когда Его Самого ударили по щеке, мы не

читаем, что Он обратил другую. Это был предельный, гиперболический способ выразить заповедь не отвечать ударом на удар; и хотя эти слова иногда понимают и представляют неверно, их никто не забывает. Сравните выражения: «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая»; «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери» и так далее (Матфея 6:3; Луки 14:26). Как Учитель людей, наш Господь пользовался множеством средств, чтобы пробудить их вялое внимание, заставить помнить и размышлять. Многие Его выражения останутся непонятыми, если не иметь этого в виду; Его пример показывает, что подобные усилия могут совершаться в духе и тоне, совершенно отличных от манеры проповедников «сенсаций».[473]

[41] Олицетворение, представляющее неодушевлённый предмет живым или обращающееся к нему как к живому, иногда придаёт речи большую живость, красоту и даже страстную силу. Примерами изобилуют Писания, как и вся поэзия и ораторское искусство. Очень выразительно олицетворение Премудрости в Притчах Соломона. Олицетворение Церкви в проповеди часто заходит дальше разумного. Наш язык даёт этой фигуре необыкновенные возможности благодаря своей особенной черте: все названия вещей относятся к среднему роду, так что достаточно назвать неодушевлённый предмет he или she — «он» или «она», — чтобы сразу возникло олицетворение. Нужно остерегаться злоупотребления этим преимуществом. Всякую напряжённую образность следует употреблять скупо.[474]

[42] Апострофа, которую иногда смешивают с олицетворением, состоит в том, что мы «отворачиваемся» от слушателей и обращаемся к какому-либо лицу или

предмету, обычно к тому, о котором перед этим говорили. Если обращаются к *вещи*, одновременно возникает *и* олицетворение. «Не бывает, чтобы пророк погиб вне Иерусалима. О Иерусалим, Иерусалим, убивающий пророков» и так далее (Луки 13:33). Но апострофа может быть обращена и к действительному лицу; олицетворение же часто бывает там, где мы лишь говорим об олицетворяемом предмете, не обращаясь к нему. Собственная область апострофы — язык страсти; но даже здесь она не должна встречаться слишком часто или продолжаться слишком долго. Проповедник, стоящий с поднятыми глазами и обращающийся к библейскому персонажу, умершему другу или олицетворённой добродетели, не может продолжать это на протяжении многих предложений.

[43] Восклицание иногда родственно апострофе, но по существу отличается от неё. Пылкие проповедники нередко склонны пользоваться им слишком свободно. Некоторые так часто произносят «о!», «ах!» или «увы!», что эти слова утрачивают всякую силу. Другие чрезмерно прибегают к восклицаниям вроде: «Как величественно!», «Роковой исход!», «Страшная мысль!» и тому подобным. С другой стороны, нельзя быть чрезмерно щепетильными, избегая восклицания там, где его естественно вызывает подлинное чувство.

[44] Вопросительная форма — частое средство оживления речи у всех ораторов. Можно не только спрашивать действительного или воображаемого противника так, чтобы пробудить живой интерес слушателей: вопросы постоянно обращают и к самим слушателям. Их ум от этого приходит в движение, словно им действительно предстоит ответить. Следует заметить, что иногда

человек как бы входит в вопросительное настроение и облекает столь большую часть речи в вопросы, что возникает самый неприятный вид однообразия. Важно остерегаться этого и, заметив за собой такую склонность в конкретном случае, решительным усилием из неё выйти.

[45] Драматизация придаёт речи жизнь, силу и обаяние, которых едва ли можно в равной мере достичь иным путём. Выступить от лица персонажа и выразить его чувства; ввести возражающего, излагающего свои возражения, и ответить ему пункт за пунктом; поддерживать диалог между двумя предполагаемыми лицами; воспроизвести сцену драматическим описанием — всеми этими приёмами в большей или меньшей мере пользуются сильные ораторы, и примерами изобилуют Демосфен, Златоуст и Сперджен. На кафедре драматизацию обычно следует держать в довольно узких пределах; ею всегда должны управлять хороший вкус и трезвость чувства. Особенно осторожно нужно подражать движениям и интонациям, чтобы это не стало смешным или по меньшей мере неподобающим благоговейной речи.[475]

[46] Во всём, что касается силы стиля, часто совершаются серьёзные ошибки. Некоторые ораторы воображают, будто должны быть энергичны по стилю и манере даже тогда, когда это не соответствует предмету или их действительным чувствам. Между тем только сильное чувство побуждает к страстному либо вообще энергичному выражению. Чтобы приобрести последнее, нужно развивать восприимчивость и удерживать ум в соприкосновении с предметом, пока не пробудятся соответствующие переживания.[476] Если подлинного

чувства мало или вовсе нет, язык страсти не производит действия или даже производит действие, противоположное желаемому. Один из важнейших уроков для проповедника — не изображать горячность стиля или произнесения, когда нет горячности чувства.

[47] Другая серьёзная и весьма распространённая ошибка — попытка поддерживать одинаковую силу на протяжении всей речи. «Автору следует остерегаться тщеславного стремления выражать *всё* в *одинаково* напряжённом, блестящем и сильном стиле. Пренебрежение этим предостережением нередко делает подражание лучшим образцам вредным. Когда восхищение прекрасными и одушевлёнными местами побуждает молодого автора принять их за *общий* образец и стремиться сделать каждое своё предложение столь же прекрасным, он, напротив, придаёт всему произведению плоскость и уничтожает действие тех мест, которые были бы сильны, если бы им позволили *выделяться*. Высветлить тёмные части картины — значит добиться примерно того же результата, что и затемнить светлые: в обоих случаях исчезают *рельеф* и *контраст*. В словесном произведении, как и в живописи, есть свет и тень; чтобы получить желаемое действие, распределять их нужно с не меньшим искусством».[477]

[48] В очень страстной речи необходимы разнообразие и чередование. При всяком сильном физическом напряжении нужно часто менять положение тела, вовлекая разные мышцы и позволяя им сменять друг друга. То же верно и относительно душевного возбуждения.[478] Ни слушатели, ни даже сам оратор не могут поддерживать *очень* высокое возбуждение дольше короткого времени — во всяком случае, естественным и

здоровым образом. Самой полной сменой здесь был бы переход от патетического или страстного к юмору. Юмористические писатели и ораторы почти всегда вводят трогательные места именно ради передышки; обратное применение этого принципа столь же справедливо. Но проповедник может облегчать напряжение слушателей лишь редкими и тонкими прикосновениями юмора. Зато он может снова и снова переходить от страстного к спокойному и непринуждённому, вызывать нарастание чувства последовательными волнами, отступающими для того, чтобы продвинуться дальше; и другими способами он должен *разнообразить* пробуждаемые переживания ровно настолько, насколько это совместимо с его определённым замыслом.

[49] Серьёзные ошибки допускаются и в самом понимании силы стиля. Бывает порывистая, судорожная энергия, как у Карлейля, вовсе не достойная подражания. Бывает чрезмерно напряжённая, преувеличенная энергия, которую Лонгин называет «не возвышенной, а скребущей небо»; бывает напыщенная, раздутая мнимая энергия, представляющая собой одну высокопарность. И в наш беспокойный век, особенно среди нашего американского народа, есть склонность необыкновенно возбуждаться по ничтожному поводу, употреблять превосходные степени, преувеличенные эпитеты и страстные образы там, где они не нужны и потому неуместны.[479]

Часть III. Глава IV. Красота стиля

[1] Изящество стиля — плод воображения, действующего само по себе или в соединении с чувством и подчиняющегося хорошему вкусу. Всякое проявление вкуса включает чувство и суждение. Чувство, вызываемое красотой или её противоположностью, непроизвольно; но суждение о том, красив ли определённый предмет, мысль или выражение либо, напротив, некрасив, можно направлять и исправлять, а внутреннее мерило, по которому мы судим, допускает бесконечное совершенствование. Поэтому желающий достичь изящества стиля должен, с одной стороны, развивать воображение и чувствительность, а с другой — стараться совершенствовать вкус вдумчивым созерцанием подлинно прекрасного.[480]

[2] В устной речи изящество менее важно, чем ясность или сила, однако оно значительно содействует целям даже самой серьёзной речи. Подлинное изящество, разумеется, будет существенно меняться сообразно предмету, случаю и замыслу; будучи так приспособлено, оно не вызывает справедливых возражений и достойно самых усердных стремлений. Аристотель замечает: «Первый риторический стиль сложился по образцу поэзии; свидетельство тому — стиль Горгия. И даже теперь большинство невежественных людей воображает, что такие ораторы говорят наиболее приятно. Однако это не так: стиль поэзии и стиль прозы различны».[481] Главная цель поэта — доставить удовольствие; цель оратора — убедить, произвести впечатление, побудить. Для первого красота — важнейший элемент стиля; для второго она

вполне подчинена ясности и силе. Подобное, хотя и не столь большое различие существует между историческим сочинением и романом. В праздничных выступлениях и всякого рода торжественных речах желание доставить удовольствие становится более заметной целью, и здесь стиль приближается к поэтическому.

[3] Это важное различие между ораторской речью и поэзией ярко поясняет Адам Смит,[482] противопоставляя танец ходьбе, а пение — речи. Ходить, словно танцуя, или говорить, словно распевая, было бы смешной манерностью. Но в танце грациозное и размеренное движение ради удовольствия зрителей составляет «собственную цель действия»; так и в песне — ритмическое движение голоса. В речи дело обстоит иначе. «В речи, как и во всяком другом обычном действии, мы ожидаем и требуем, чтобы говорящий заботился о собственной цели действия — ясном и отчётливом выражении того, что он хочет сказать. В пении, напротив, каждый открыто намеревается доставить удовольствие звуком и переливами голоса; при этом он не только не кажется виновным в неприятной манерности, но мы ожидаем и требуем, чтобы он именно так и поступал».

[4] Так и в поэзии «собственная цель» — доставлять удовольствие, и мы лишь требуем, чтобы она была искусно приспособлена к этой цели. Если поэзия также учит или побуждает к действию, это обычно подчинено главному замыслу. То же верно в отношении романов и всех других прозаических сочинений, принадлежащих к так называемой «лёгкой литературе». Но в ораторской речи, как мы видели, собственная цель совсем иная: развлечение, удовлетворение вкуса имеют место лишь

как вспомогательные средства убеждения и побуждения. Особенно это верно для проповедника, чья цель повсюду должна быть практической и вполне серьёзной, пусть не всегда торжественной. И к проповеди, едва ли не более чем ко всякому другому виду публичной речи, относятся следующие поучительные слова Генри Роджерса:

[5] «Если оратор говорит серьёзно, он никогда не пользуется воображением так, как поэт, — лишь ради того, чтобы усладить нас; да, собственно, вообще не ради услаждения, кроме того, что уместные образы, хотя и употреблённые с иной целью, неизбежно доставляют удовольствие. Поэтому иллюстрации всегда выбираются скорее по их силе, чем по красоте, и обычно отличаются более своей простой уместностью, нежели грацией и изяществом… Всё обнаруживает человека, поглощённого серьёзным делом, чья единственная забота — передать свою мысль умам слушателей с наибольшей возможной точностью и силой».[483]

[6] Теперь легко понять, почему некоторые проповедники слишком заботятся об украшениях. Они неверно понимают своё служение или, во всяком случае, руководствуются неправильным побуждением. Они чрезмерно стремятся развлекать, угождать аудитории. Они не чувствуют серьёзности своего труда, священной ответственности своего положения. Возможно, действительно желая делать добро, они слишком много думают о необходимости нравиться людям, чтобы приносить им пользу. Зная, что многие слушатели хотят лишь или главным образом развлечения, что по пути домой они говорят не об истине, а о выступлении и выступавшем, такие проповедники слишком легко уступают этому кажущемуся требованию и делают

удовольствие слушателей особой, если не главной целью. Но если горячее желание приносить людям добро вполне поглотит желание им нравиться, если сознание ответственности перед Богом возвысится над заботой о человеческих отзывах, стиль проповедника будет обладать лишь той скромной красотой, которую легко удерживать на надлежащем месте. А когда возникает искушение уступить ложному вкусу многих, полезно вспомнить: желание понравиться очень часто само себя обманывает. Его тщательно отделанные красивости не только огорчат благочестивых и вызовут отвращение у по-настоящему разумных; они скоро наскучат и тем, кого он старается привлечь. Всё это время в глубине их сердца будет жить смутное чувство, что подобное недостойно проповедника, а вскоре они начнут находить это довольно утомительным и для себя.[484]

[7] С другой стороны, некоторые проповедники весьма неблагоразумно стараются избегать прекрасного. Есть мысли, которым естественно расцветать красотой: зачем сурово подавлять их? Есть великие представления, которые сами облекаются в одежды величия и выступают с торжественным, но природным достоинством. И помимо тем, от природы сияющих и пламенеющих, существует множество самых обыкновенных предметов, которые проповедник должен постоянно представлять вниманию; даже у наиболее благочестивых слушателей они вызовут гораздо больший интерес, если слегка коснуться их красками воображения. Благородное дело — взять важные истины, потускневшие от привычки, и придать им новую яркость. Но нельзя заходить так далеко, чтобы внимание говорящего, а вслед за ним и слушателей, обращалось скорее к прекрасному одеянию, чем к самой истине. Гораздо лучше оставить истину без украшений,

пусть она привлечёт столько внимания, сколько сможет.[485] Однако человек с хорошим вкусом и серьёзной целью легко избежит этого излишества. Вине хорошо сказал, что по-настоящему прекрасное исключает красивость.

[8] Те, кто так боится изящества, забывают, что естественная красота и даже некоторое украшение стиля вовсе не обязательно вредят ясности.[486] Они забывают, что в природе прекрасное и полезное часто тесно связаны, что цветы яблони и шелковистые нити кукурузы замечательны богатой, разнообразной, но нежной красотой. Причудливый стиль некоторых проповедников столь же неуместен, как если бы человек, призванный построить семье дом, устроил садовую беседку. Но семейное жилище может быть вполне удобным и уютным и при этом обладать приятной формой и даже некоторыми умеренными украшениями.

[9] Подлинная сила стиля часто одновременно изящна. Пламенное чувство нередко не может выразиться иначе как в смелых образах; и хотя они избраны ради силы, им может быть присуща также непреднамеренная красота. Накрашенная щека отвратительна; но пусть будет крепкое здоровье и живое чувство — и без усилия, без мысли об этом щека приобретёт самый яркий и прекрасный цвет. Творец задумал, чтобы так было; неужели вы мудрее Творца?

[10] Нужно добавить: цитаты из стихов или прозы, приводимые исключительно или хотя бы главным образом ради их красоты, никогда не уместны в проповеди. Цветы, подходящие серьёзной речи, никогда не бывают искусственными. Особенно неприлично вводить для украшения отрывки из поэтов, известных своей грубой

нерелигиозностью. Некоторые проповедники, декламируя Байрона, делают себя не просто смешными, а хуже того.

11 Изящество стиля особенно зависит от слов, их расположения и образности; немало подлинного изящества заключено и в той простоте стиля, которая столь желательна во всех отношениях.

12 (1) Самые сильные выражения часто одновременно оказываются и самыми изящными, так что, стремясь к первому достоинству, мы приобретаем второе.[487] Но так бывает не всегда. Некоторых чрезвычайно выразительных слов приходится избегать из-за их непристойности или грубости. А если проповедник когда-либо употребляет жаргонные выражения, это допустимо лишь при весьма особых обстоятельствах. Слишком болезненные мысли не следует выражать самыми резкими словами: их нужно смягчать. Слова, чрезмерно величественные для предмета, — весьма распространённое нарушение изящества. Следует ли отвергнуть сильное выражение из-за его неизящности — вопрос, на который нельзя дать общего правила: каждый случай нужно решать по его собственным обстоятельствам. Многих из самых действенных ораторов взыскательные люди обвиняли в грубых выражениях: например, Цицерона, Бёрка, Патрика Генри, Уэбстера, Лютера, Уайтфилда и других. Но слова, которые действительно ослабляют выражение или вовсе его не усиливают, почти никогда не следует употреблять ради их предполагаемого изящества.

13 Джон Фостер в одном из своих знаменитых очерков весьма настойчиво утверждает, что одна из причин отвращения людей со вкусом к евангельской вере — слишком частое употребление в проповеди специальных богословских терминов и языка Писания. Сам он

прилагал большие усилия, чтобы избегать и того и другого. Несомненно, иногда таких выражений становится чрезмерно много, и проповедь приобретает наречие, совершенно отличное от языка повседневной жизни; эту ошибку хороший вкус должен исправлять. Но «отвращение людей со вкусом к евангельской вере» гораздо чаще является причиной, чем следствием их неприязни к богословским и библейским выражениям. Они желают, чтобы мы приглушили отличительные идеи Писания и утончением свели их на нет.[488]

[14] (2) Что касается расположения слов,[489] разумеется, нужно избегать резких или неприятных сочетаний, если они не необходимы ради силы. Английский язык особенно подвержен частому повторению свистящих и шипящих звуков — *s, z, sh, ch* и других.[490] Так, выражение in Jesus's name, «во имя Иисуса», по-английски звучит неприятно.

[15] Небезразлично и то, чтобы избегать слишком частого повторения одного слова в одном предложении или абзаце. Современный вкус в этом отношении требовательнее древнего. Но из одного лишь желания разнообразия нельзя жертвовать чем-либо важным для смысла — ошибка, в которую очень часто впадал наш общепринятый английский перевод. Так, в четвёртой главе Послания к Римлянам слово со значением «вменять» встречается очень часто, будучи основным термином рассуждения; однако наш перевод передаёт его тремя разными словами — count, reckon и impute, — серьёзно затемняя словесную связь без всякой иной выгоды, кроме разнообразия. Но там, где связь нашей речи в действительности не требует повторения одного слова, его следует уместно заменять. В английском языке особенно велика опасность слишком частого повторения

подряд некоторых местоимений, прежде всего *it*, *that* и *which*, а также предлога *of*.

[16] Антитеза часто способствует не только силе, но и изяществу; однако при чрезмерном употреблении ведёт к скованности или однообразию.[491]

[17] Аллитерация была главной особенностью англосаксонской поэзии и до сих пор довольно часто употребляется в стихах и даже в прозе. Чалмерс очень её любил. В прозе, особенно в проповеди, к ней следует прибегать лишь изредка и в лёгкой, непреднамеренной манере.

[18] Предложения, конечно, наиболее изящны, когда они плавны и текучи. Но лучше шероховатая сила, чем гладкая слабость. «Можно нарушить грамматику, если сокрушаете сердца». А непрерывная последовательность плавных и изящных предложений неизбежно станет однообразной. Гиббон утомляет своей неизменной величавостью. Даже стиль Прескотта выиграл бы от введения время от времени предложений совершенно иного строя.

[19] Части предложения нередко соразмеряются так, чтобы придать ему ритмическое движение. Возбуждённое чувство естественно склоняется к ритмическому выражению, что иногда заметно даже в голосе и жесте. Стихотворный метр — один из видов ритма. Однако совершенно правильное повторение одних и тех же движений слишком выработано и обдуманно, чтобы быть естественным в устной речи. Поэтому, как замечает Аристотель, ритм ораторской речи никогда не должен превращаться в метр. Единственное исключение, если оно вообще существует, — похвальные речи и подобные

им, где присутствует возвышенное, но несколько искусственное чувство и где, как в поэзии, главная цель — доставить удовольствие.[492] Ради ритма в прозе не следует вставлять отдельные части предложения только с этой целью, как часто делают Джонсон и его подражатели;[493] но выражения можно так выбирать и согласовывать, чтобы целое получало ритмическое движение. Лучше, чтобы это возникало свободно, однако вовсе не обязательно бессознательно: даже при свободном произнесении речи допустимо уделять некоторое, эпизодическое и подчинённое главному внимание соразмерности частей, гармоничному течению предложения. Очевидно, особое значение здесь имеет каденция — заключительный ход предложения. Как мы видели, говоря о силе, следует избегать окончания, состоящего из ряда неударных слов или безударных слогов. В английском это требует особой заботы. У нас есть не только множество таких окончаний, как *-osity, -ility* и другие, но и много слов вроде occupancy и profitableness, в которых, согласно германской тенденции, ударение остаётся на первом или основном слоге, сколько бы слогов ни прибавлялось. Они крайне мало подходят для завершения предложения. Кроме того, нехорошо звучит, когда предложение, содержащее одну или несколько длинных частей, завершается короткой. Можно было бы отметить немало подобных моментов; но в конечном счёте ритм прозы едва ли нуждается в особых правилах: его достаточно регулирует слух, если человек научился уделять ему некоторое внимание в собственной устной и письменной речи и в книгах, которые читает наиболее внимательно. Чрезвычайно важно, чтобы ритм следующих друг за другом предложений часто менялся, как это в высшей степени происходит у Бёрка. Проза

Мильтона обладает величавым движением, но разнообразия в ней едва хватает, и практическая прямота отчасти приносится в жертву. Стиль Роберта Холла в этом, как и в большинстве других отношений, весьма замечателен; однако даже он сильнее действовал бы на разнородную аудиторию, если бы время от времени предложение завершалось резче — каким-нибудь быстрым, острым изречением, щёлкающим, словно бич. В некоторых пламенных местах проповедей Аддисона Александера ритм великолепен.[494]

[20] (3) Большинство фигур, придающих стилю силу, сообщают ему также изящество. Особенно способствуют изяществу сравнение, метафора и олицетворение. Сравнение, имеющее сколько-нибудь значительную ценность для прояснения или доказательства, становится гораздо ценнее, если оно ещё и красиво: тогда оно привлекает радостное и сочувственное внимание. То, что не способствует ясности или силе, никогда не следует вводить лишь как украшение: как мы видели, это принадлежит поэзии, но не практической и серьёзной речи. Всем знакомо употребление сравнений и метафор для возвышения или унижения. Лучшего примера, чем часто приводимый из Аристотеля, не найти.[495] Победитель в состязании мулов попросил поэта Симонида написать победную оду; оскорблённый малым предложенным подарком, поэт сказал, что не станет писать о полуослах — таково было обычное греческое название мулов. Но когда ему предложили более щедрый дар, он обратился к ним в оде как к «дочерям буреногих коней». Много значит умение выбрать, какую сторону предмета показать.[496]

[21] (4) Ни одно свойство стиля не рекомендуют столь часто как цель стремлений, как простоту. Все чувствуют, что простота — великое достоинство. Но когда мы пытаемся её проанализировать и показать, как её достичь, часто обнаруживается неожиданная трудность. Противоположностью простого стиля представляется стиль запутанный, чрезмерно отделанный или перегруженный украшениями. В первом случае можно сказать: простой стиль не заворачивает мысль во множество придаточных и предложений, которые приходится с трудом разворачивать, чтобы её увидеть, а сразу раскрывает мысль перед нашим взором; он прям и легко понятен. Затем употребление слова расширяется и обозначает стиль, который не чрезмерно вымучен, ни в каком отношении не искусствен и не выглядит плодом больших усилий. А в особой разновидности этого употребления мы имеем в виду стиль без сложных украшений. «В манере простота противоположна не искусству, а искусственности; в побуждении — самодовольству, тщеславию, честолюбию».[497]

[22] Итак, простой стиль, сразу раскрывая мысль, будет ясным, хотя может существовать определённая ясность там, где, строго говоря, простоты нет. Можно сделать идею понятной повторным и разнообразным изложением и иллюстрированием; простой стиль делает её понятной сразу. В этом отношении простота требует обоих условий ясности, которые мы уже отметили: язык должен быть легко понятен слушателям и точно выражать мысль. Человек вовсе не обязательно «упрощает» мысль, когда вбивает её долгим и скучным объяснением. Архиепископ Ашер говорил: «Нам нужна вся наша учёность, чтобы делать вещи ясными». Оратор должен находить наименее сложное, самое прямое и легко понятное выражение,

которое вместе с тем точно передаёт его смысл. Люди часто пользуются знакомыми словами, но выбирают и соединяют их не так, чтобы стиль становился простым. Знаменитому критику лорду Джеффри приписывают изречение: «Простота — последнее достижение развивающейся словесности».[498]

[23] В другом случае простой стиль означает стиль не вымученный и не искусственный, свободно текущий и кажущийся естественным. Если он одновременно действительно ясен, такая лёгкая, неусложнённая манера всегда является результатом тщательной самодисциплины и выражением терпеливо обдуманных, ясно представленных идей. Здесь, как и во всём, есть особенности природной склонности; но считать подлинную простоту стиля одним лишь даром природы — большая ошибка. Чтобы уметь говорить просто и при этом действительно что-то сообщать, нужно постоянно доводить мысли до ясности и приобрести широкое, свободное владение лучшими средствами языка.

[24] А когда под простотой мы понимаем отсутствие чрезмерных украшений, остережёмся противоположной крайности. Саут едко высмеял своего великого современника Джереми Тейлора, извлекая из его сочинений образцы чрезмерной и причудливой отделки. «„Я говорю слова здравого смысла“, — сказал святой Павел, — и проповедую Евангелие не „убедительными словами человеческой мудрости“. Так апостол говорил о священных предметах. Здесь нет ничего о „бахроме северной звезды“, ничего о „природе, становящейся неестественной“, ничего о „пухе ангельских крыльев или прекрасных локонах херувимов“; нет накрахмаленных сравнений, вводимых словами „Так видел я облако,

катящееся в своём воздушном чертоге“, и тому подобного. Нет: это были высоты, недоступные подъёму апостольского духа. Ведь апостолы, бедные смертные, довольствовались более низкими ступенями и просто говорили миру: кто уверует, будет спасён, а кто не уверует, будет осуждён. Именно этот язык пронзал совесть и заставлял слушателей восклицать: „Мужи братия, что нам делать?“… Одним словом, проповедь апостолов была могущественной и успешной потому, что была простой, естественной, близкой и нисколько не превышала понимания слушателей. Нет ничего нелепее, чем, объявляя своей целью человеческие сердца, промахиваться, стреляя поверх голов».[499] Выражения, приведённые Саутом, по крайней мере в таком виде, крайне смешны для проповеди; к сожалению, подобное встречается и в наши дни. Но простота вовсе не исключает всякое украшение во всех случаях. Многие мысли, несомненно, «без украшений украшены всего лучше», потому что, как у статуи без драпировки, прекрасна сама их форма. Но, как мы уже заметили, есть мысли, которые естественно настолько возбуждают воображение, что оно само облекает их в прекрасную одежду. И многим истинам нужны отдельные штрихи фантазии, иначе они не будут представлены должным образом. Девушка летним вечером, одетая в самое простое белое платье, всё же умеет удачно расположенной ленточкой или бутоном розы в волосах придать всему облику скромную прелесть. Неужели простому одеянию истины следует отказать в подобном преимуществе? Везде, где простота должна обладать полной привлекательностью и проявлять свою истинную силу, она не должна быть голой простотой. Время от времени непременно появится лёгкая необычность

оборота, тонкий оттенок воображения, небольшая удача выражения, поднимающая её над грубым или обыденным. Любопытно наблюдать, как Беньян или Сперджен, употребляя разговорные обороты, те простые английские идиомы, которые обладают такой силой, этой лёгкой игрой воображения лишают их грубости и придают им почти утончённый вид.

[25] Здесь следует помнить две вещи. (а) Худшая из всех манерностей стиля — напускная простота. Она подобна притворной скромности нескромной женщины. И (б) стиль может обладать подлинной красотой и подлинной силой, не будучи простым. Торжественное шествие величавых предложений Мильтона, сменяющиеся великолепные образы Чалмерса, молнии и сияния Златоуста и Джереми Тейлора напоминают нам, что простота — не всё. Однако эти авторы часто бывают просты: у них слишком много хорошего вкуса и естественного чувства, чтобы пользоваться напыщенной речью, говоря об обыкновенных вещах. Так и стремящиеся к привычной простоте должны позволять стилю меняться сообразно предмету и чувству. Обычно ограничиваясь средними тонами, подходящими к общим мыслям и опыту человечества, пусть они будут готовы и способны пройти всю гамму выражения, возвышаться и снижаться, как требует случай или подсказывает страсть.[500]

[26] «Постоянное употребление одного вида оборотов, с которым теперь всем приходится бороться, свидетельствует о неразвитой языковой способности. Иметь один определённый стиль — значит быть бедным в речи… Как у тонко чувствующего человека игра черт лица, звуки голоса и его переливы меняются в согласии с

каждой высказанной мыслью, так у человека с вполне развитым даром речи форма, в которую отливается каждое сочетание слов, будет просто меняться вместе с чувством и соответствовать ему… Совершенный писатель будет выражаться как Юний, находясь в душевном состоянии Юния; когда он чувствует так, как чувствовал Лэм, он воспользуется столь же непринуждённой речью; а в карлейлевском настроении перейдёт к шероховатости Карлейля. То он будет ритмичен, то нерегулярен; здесь его язык будет прост, там — украшен; иногда предложения будут уравновешенными, а в другое время — несимметричными; некоторое время будет преобладать заметное единообразие, а затем вновь большое разнообразие».[501]

[27] Из всего этого видно, что подлинная простота стиля — сразу понятного, легко движущегося, обладающего естественной красотой и естественным разнообразием — требует терпеливого размышления, воспитанного воображения и основательного владения языком.[502]

Часть III. Глава V. Воображение в проповеди

[1] Воображение, как мы уже видели, принадлежит к главным свойствам красноречия.[503] Оно играет чрезвычайно важную роль в построении речи и в стиле и имеет немалое значение даже для нахождения материала. Хотя под этими различными рубриками мы уже неоднократно о нём говорили, здесь, по-видимому, нужно несколько подробнее обсудить его назначение в ораторском искусстве и средства его развития.

[2] § 1. Польза воображения для оратора

[3] По распространённому представлению, воображение до сих пор помогает оратору лишь создавать пышные образы и пускать фейерверки фантазии, которыми увлекаются начинающие студенты и восхищаются полуобразованные люди. Но современная психология всё более склоняется к тому, чтобы отводить воображению высокое положение и широкую, разнообразную область деятельности.[504] Всё яснее признаётся, что оно оказывает незаменимую помощь в научном исследовании и философском отвлечении, в создании геометрических и этических, равно как и художественных идеалов, в разнообразных задачах практического изобретательства и даже в понимании и ведении повседневной жизни. Попадая в незнакомую страну или оказываясь вследствие великих общественных потрясений в новом положении, большинство людей из-за недостатка воображения не способны вполне осознать новую обстановку и быстро распознать её главные, определяющие силы. Поэтому Наполеон говорил: «Люди воображения правят миром».

[4] Каждый истинный оратор в высокой степени обладает этой благородной способностью. Без неё человек может быть поучителен и убедителен, может влиять на других практической энергией, решимостью и твёрдостью, но никогда не проявит особой силы красноречия. Проповедника без воображения могут уважать за здравомыслие, любить за простую доброту, но он не взволнует собрание, не станет влиятельной силой в обществе. Если же, напротив, его воображение извращено или не воспитано, оно может погубить всю пользу его служения. Проповедники редко уделяют этому предмету вдумчивое внимание; между тем мало что столь важно

для их подлинного успеха, как обладание воображением, его развитие и владение им.

[5] Слова imagination и fancy — «воображение» и «фантазия» — некогда были практически равнозначны. Второе, как показывает старое написание phantsy, представляет собой искажение греческого phantasia; впоследствии это слово вновь вошло в английский в более полной форме phantasy, и употребление закрепило за ним особые значения.[505] Аддисон говорил, что пользуется словами imagination и fancy без различия.[506] Некоторые авторы, особенно Рёскин, склонны утверждать, что существуют две различные способности ума, которые они хотели бы обозначать этими двумя словами. Более распространённое и, по-видимому, более правильное мнение состоит в том, что называемое нами воображением и фантазией — лишь разные формы и способы действия одной способности. Мы называем её фантазией, когда она играет на самой поверхности вещей, и воображением, когда она проникает в сердце, в сущность; фантазией — когда она шутлива или холодна, воображением — когда пламенна или хотя бы серьёзна. Воображение «не может не быть серьёзным: оно видит слишком далеко, слишком мрачно, слишком торжественно, слишком напряжённо, чтобы когда-либо улыбаться. В сердце всякой вещи, если мы сумеем до него добраться, есть нечто, над чем нам не захочется смеяться. „Несмолкающий смех“ моря находится на поверхности, а не в глубине».[507]

[6] (1) Оратор пользуется воображением при построении речи. Чтобы знакомый материал приобрёл свежий интерес, его нужно привести в новые сочетания; а чтобы вообще получилась речь, из материала необходимо

создать завершённое и соразмерное сооружение. Кучи кирпича, брёвен и песка являются домом ровно в той же мере, в какой простое нагромождение мыслей составляет речь. Строитель дворца или хижины действует посредством созидающего воображения; та же способность строит и речь. На деле воображение, этот чудотворец, делает гораздо больше. Лишь низшее воображение берёт куски материала и складывает их в новое сооружение, так что каждый кусок сохраняет свою отдельность. Высокое, напряжённое воображение расплавляет материал, разлагает его на естественные элементы и создаёт из них сооружение, обладающее полным единством. Один процесс — новое составление из фрагментов; другой — новая организация элементов. Первый скрепляет материал цементом или, в лучшем случае, сваривает; второй заставляет его срастаться, сообщая жизненное начало, которое принимает расчленённый материал и организует его по новым законам. Воображение не создаёт мысль, но организует её в формы столь новые, насколько бронзовая конная статуя непохожа на металлические руды, пока те лежали в шахте. Эта строящая, формирующая и организующая функция воображения действует при создании поэмы или рассказа, но ещё более — при создании речи, где гораздо больше потребность в единстве, соразмерности и соответствии особому замыслу.

[7] И воображение нужно не только для построения речи в целом: каждый абзац, да и каждое предложение, по существу есть его произведение, произведение искусства. Живописец, скульптор, архитектор не создают лишь общих очертаний своего труда, предоставляя подробности случаю. Целое — это только части, взятые вместе. Каждая часть должна иметь определённую завершённость в себе

и всё же оставаться сама по себе незавершённой, будучи лишь фрагментом единого целого. Так должно быть и в построении речи.

[8] (2) Если, как говорит Портер, «изобретать или открывать — значит всегда вновь сочетать, располагать в новых положениях предметы или части предметов, которые прежде никогда так не соединялись»,[508] то воображение имеет немалое отношение к нахождению мыслей. Каковы именно его функции в этом отношении, исследователи психологии ещё не установили. Несомненно, оно каким-то образом помогает проникать в сердце предмета и развивать его изнутри; тем самым оно содействует и самостоятельному анализу, и изложению, хотя теория Рёскина о «проникающем воображении», как он практически сам признаёт, неопределённа и неясна.[509]

[9] (3) Оратор использует воображение для создания образов. Нередко мысль, которую он хочет представить, сама может быть превращена в образ. Так воображение придаёт массам мысли определённую форму, ясные очертания, а иногда делает их выпуклыми, словно на стереоскопическом изображении. Это возбуждает воображение другого человека и тем самым воздействует на его чувства. Чувственно воспринимаемые предметы сильнее всего действуют на чувства, а образы ближе к таким предметам, чем одни лишь понятия. Поэтому, если вместо рассуждения о благожелательности мы представим образ благожелательного человека или доброго поступка, впечатление будет гораздо сильнее.[510]

[10] И независимо от того, может ли данная мысль сама стать образом, мы можем связать с ней и расположить вокруг неё — по сходству, аналогии или

противоположности — другую мысль или несколько мыслей, которые допускают образное воплощение и отразят свой свет и блеск на рассматриваемом предмете. Это и есть иллюстрация со всей её силой: не только удовлетворять вкус, но и помогать пониманию, убеждать и пробуждать чувство.

[11] Таким образом, главным образом через воображение мы затрагиваем чувства и посредством их властно направляем истину на волю — в чём состоят цель и самая сущность красноречия. А с другой стороны, страсть воспламеняет воображение. Любовь, например, заставит даже самый неповоротливый ум высечь несколько искр воображения. Гнев, всепоглощающее горе, пламенное моление часто стремятся выразиться посредством самых смелых образов. Так воображение и страсть постоянно действуют друг на друга: одно начинает светить ярче, другая разгорается жарче.

[12] (4) Ещё одно применение воображения, хотя и не вполне отдельное от предыдущего, — живое осознание и изображение того, что открывает Писание. Мы уже отмечали, как много в Библии повествования и как важно, чтобы проповедник умел живо описывать её сцены и события.[511] «Историческое воображение», воссоздающее прошлое, — одна из любимых идей нашего времени. Пользуясь им, необходимо тщательно заботиться, чтобы его направляли и сдерживали основательное знание воссоздаваемой эпохи и истинное сродство с её духом; иначе мы перенесём в прошлое собственный опыт и современные представления и создадим совершенно ошибочную картину, как нередко случалось в исторических описаниях. Но с этой оговоркой историческое воображение можно признать необходимым

не только для описания библейской истории, но и для правильного понимания всей системы вероучения и долга, ибо всё покоится на основании фактов. Например, участники споров часто сильно ошибаются, не умея живо представить обстоятельства первоначальной эпохи и потому неверно понимая точную цель того или иного наставления либо установления; а также не понимая действительных взглядов и чувств тех, кому противостоят.

13 Воображение нужно не только в отношении прошлого: оно необходимо, если мы хотим правильно постичь и живо представить откровения Писания о невидимом мире и вечном будущем. Вера принимает эти откровения, а воображение, пробуждённое верой и призванное ей служить, делает невидимое и вечное определённой реальностью для ума, так что оно воздействует на чувства почти как чувственно воспринимаемые предметы и становится силой нашей земной жизни. Воображение может также в некоторой мере дополнять библейские картины невидимого мира, следуя аналогиям здешнего; но здесь требуются умеренность, сдержанность и тщательное различение открытого и предполагаемого, которых прискорбно недостаёт некоторым книгам и многим проповедям.

14 § 2. Средства развития воображения

15 Если эта способность столь многое определяет в построении и стиле и даже в нахождении материала речи, то для проповедников чрезвычайно важно пользоваться наилучшими средствами, чтобы основательно развить её и полностью подчинить управлению.

16 (1) Воображение пробуждается и крепнет от общения с природой. Между внешней природой и нами по закону нашего бытия существует некое невыразимое сродство. Её формы и краски имеют для нас смысл более тонкий, чем может передать язык, и вызывают в нас странные стремления и воспламенения души, пока мы не начинаем видеть всё созерцаемое в идеальном свете. А наше вдумчивое наблюдение природы может быть оживлено и возвышено наукой. Систематическое изучение минералов, растений, животных открывает нам новое и чудесное, учит читать почерк нашего Бога там, где прежде мы его не замечали. Геология знакомит нас с могучим прошлым земли; астрономия вводит в мир всё расширяющейся и всё ярче сияющей славы вселенной, переполненной чудесами, пока «музыка сфер» не приобретает для нас возвышенного оркестрового величия, неземной сладости, богатства драгоценного смысла, которых не знал мудрый грек. Теперь нам не нужно населять все природные предметы невидимыми получеловеческими существами и не нужно теряться в неопределённости пантеизма: наша личность всюду может удовлетворять жажду общения с личностью, во всей природе мы можем находить личного Бога. Но слова здесь напрасны. Если мы желаем силы воображения, будем наблюдать природу, созерцать её, общаться с ней.

17 (2) Большую помощь могут оказать искусство и литература. Большинство из нас весьма несовершенно понимает и ценит природу, пока поэт или художник не истолкует её нам. Возможно, мы выросли среди величественных гор или у многоголосого моря и всё же мало знали их смысл, мало чувствовали их вдохновение, пока какой-нибудь верховный жрец природы пером или кистью не научил нас видеть, понимать и сочувствовать.

[18] Скульптура, живопись, архитектура, музыка обладают удивительной силой развивать воображение вообще, а иногда побуждать его к отдельным усилиям; они не могут быть безразличны никому, кто обладает этой способностью хотя бы в умеренной степени. Когда Эндрю Фуллер внезапно остановился среди архитектурного великолепия Кембриджа и предложил проводнику вернуться домой, чтобы обсудить с ним учение об оправдании, он выдал тот недостаток воображения, который заметен в построении и стиле его во всех прочих отношениях превосходных проповедей. Многие проповедники могли бы рассказать, как какая-нибудь картина, возможно увиденная случайно, помогла им составить проповедь; многие же совершенно не способны определить, насколько общее изучение произведений искусства содействовало развитию их воображения.[512]

[19] В нашей стране немногие имеют сколько-нибудь значительную возможность видеть самые вдохновляющие произведения искусства.[513] Но поэты доступны всем, и здесь они — наши главные учители. Они замечают аналогии между внешней природой и нравственной и религиозной истиной так, как большинство из нас не умеет, и открывают нам неведомые глубины собственной природы. У них можно учиться наблюдать и сравнивать, изображать и истолковывать; но нельзя забывать: их главная цель — доставить удовольствие, тогда как мы должны всё подчинять духовной пользе, и такое различие целей должно вести к большому различию методов. Причём наиболее полезны в этом отношении не обязательно те поэты, которые обычному читателю кажутся наиболее богатыми воображением, а те, кто сильнее всего пробуждает наше. Поэтому стихи Вордсворта и обоих Браунингов гораздо полезнее стихов

Мура и Скотта. Если нам нужно не простое развлечение, а развитие, следует собственным усилием воображения стараться представить образ поэта. Лучшим для нас будет тот поэт, кто пробуждает наше воображение, задаёт ему общее направление, подстёгивает несколькими самыми выразительными подробностями и оставляет всё остальное ему самому. Иными словами, ради предлагаемой здесь пользы нужно изучать поэзию.

[20] Есть и немало прозы, богатой воображением и обладающей сходной ценностью. Чтение романов, которое, как известно, многим вредит, при правильной организации было бы чрезвычайно полезно некоторым проповедникам для развития воображения и литературного вкуса.

[21] Как правило, следует читать только самые лучшие произведения самых лучших романистов; никогда не читать два романа подряд, а всегда помещать между ними несколько сочинений совершенно иного рода. Часто из романа можно извлечь больше, если ещё в начале перелистнуть страницы и узнать, чем закончится история, либо если сознательно разобрать уже прочитанное произведение. Гёте, Эдгар По и многие другие дали нам сочинения, богатые воображением, которые не вполне правильно называть рассказами и которые могут быть полезны подобным образом. Некоторые историки сильно воздействуют на воображение читателей и упражняют его: например, Маколей и Мотли. А великие ораторы и проповедники показывают нам воображение, действующее именно теми способами, которые нас более всего занимают. Кто хочет пробудить в себе стремление к богатству образной мысли и речи, пусть читает Платона, Цицерона, Златоуста,

Джереми Тейлора, Мильтона, Бёрка, Чалмерса. Кто хочет приучить себя к более трезвому и упорядоченному употреблению воображения, чтобы оно должным образом подчинялось другим способностям, пусть читает Демосфена, Тацита, Дэниела Уэбстера, Роберта Холла. Вообще следует помнить: здесь, как и в других областях, влечение не всегда служит надёжным руководителем.

[22] (3) В конечном счёте главное средство развития воображения, как и всех наших способностей, — действительное упражнение. Чрезмерная демонстрация второсортного воображения, столь неприятная у некоторых людей, толкает других в противоположную крайность: они сторонятся иллюстраций и образов там, где те действительно нужны, и никогда не останавливаются, чтобы обдумать, насколько многочисленны, разнообразны и чрезвычайно важны функции этой способности, которой столь злоупотребляют. Пусть человек свободно упражняет воображение — в построении и нахождении материала, в изображении и иллюстрировании, в воссоздании прошлого и придании живой реальности невидимому миру. Но пусть всюду оно действует под руководством здравого суждения и хорошего вкуса, а прежде всего — благочестивого чувства и священного сознания ответственности перед Богом.

[23] Есть также другой, нравственный смысл, в котором мы должны научиться управлять воображением. «Религия есть искусство воспитания воображения».[514] Мысленное воссоздание сцен, которые человек видел, о которых читал или слышал, и создание в воображении новых сцен могут помогать нравственной природе или вредить ей — смотря по тому, добры эти сцены или дурны, возвышают

или унижают. Невозможно измерить глубину влияния человеческого воображения на нравственную и духовную жизнь; поэтому и через эти пути, и более непосредственно оно имеет для проповедника огромное значение в его проповеди.

Часть IV. Произнесение проповедей. Глава I. Три способа подготовки и произнесения проповеди

[1] § 1. Описание и история трёх способов. 2. Чтение. 3. Произнесение по памяти. 4. Свободная речь. 5. Общая и специальная подготовка к импровизированному произнесению.[515]

[2] Чтение, произнесение по памяти, свободная речь — какой способ проповедовать лучше? Этот вопрос, хотя его так часто обсуждают, постоянно возникает вновь — не только перед молодыми проповедниками, которые появляются каждый год, но и перед многими людьми зрелого возраста, не уверенными, что избрали наиболее мудрый путь. Вопрос касается не только манеры произнесения, но и всего способа подготовки, а в действительности — всех привычек мышления и выражения. И хотя избранный способ не столь непременное условие полезности, как верность истине, любовь к своему делу или прирождённое ораторское дарование, всё же для человека, отдающего проповеди лучшие силы всей жизни, несомненно, чрезвычайно важно учиться и говорить наиболее действенным образом.

[3] § 1. Описание и история трёх способов

[4] Поскольку способ подготовки неизбежно связан со способом произнесения, полезно обсуждать их вместе. Для ясности опишем здесь подробнее три различных способа подготовки и произнесения проповедей.

[5] (1) Чтение общине проповеди, более или менее тщательно написанной заранее, — один из способов, который прежде часто применялся и применяется до сих пор, хотя в нашей стране едва ли так же распространён, как примерно поколение назад. (2) Произнесение по памяти, то есть повторение наизусть целиком написанной и заученной проповеди, тоже было обычаем немалого числа проповедников, в том числе некоторых весьма выдающихся. Вероятно, это самый редкий из всех способов, и вполне справедливо. (3) Свободная, или импровизированная, речь, не зависящая ни от рукописи, ни от точного словесного запоминания, — третий способ. Однако здесь необходимо различить виды подготовки к такому произнесению. (а) Как и два других, этот способ может следовать за самой тщательной письменной подготовкой, хотя рукопись не читают и не заучивают для повторения наизусть. (б) Возможна частичная письменная подготовка, более или менее полная и тщательная в зависимости от обстоятельств: от довольно подробного наброска до простого перечня основных пунктов речи. (в) В некоторых случаях письменной подготовки может не быть вовсе, но проповедь продумывается целиком либо только в главных очертаниях. (г) Наконец, иногда проповеднику бывает необходимо или желательно создавать проповедь во время её произнесения, без непосредственной предварительной подготовки. В таком случае, очевидно,

он должен опереться на общий запас материала или, что чаще встречается и легче осуществимо, на какую-либо проповедь, ставшую привычной благодаря многократному употреблению.

6 Из всего этого видно, что свободная речь — гораздо более сложный способ, чем два остальных, вследствие разнообразных видов и степеней подготовки, на которые она опирается. Преимущества и трудности каждого способа вскоре будут рассмотрены подробнее; но поскольку все три способа проповедовать в большей или меньшей мере были в ходу, вероятно, во все эпохи, прежде оценки их сравнительных достоинств интересно будет сказать несколько слов об их истории.

7 Несомненно, люди выступали публично до изобретения письменности, как и ныне часто бывает у диких племён; с самого начала некоторые из этих речей должны были продумываться заранее, и даже словесное выражение в известной мере закреплялось. Когда письмо распространилось, естественно было иногда готовиться письменно. Великие греческие и римские ораторы, как мы видим, либо импровизировали, либо произносили по памяти; причём многое в их практике, о чём обычно говорят как о произнесении наизусть, по-видимому, в действительности было свободной речью после письменной подготовки.[516] Плиний говорит, что и римские, и греческие ораторы иногда читали по рукописи; но это явно было необычно. Говорят, Цицерон прочитал в сенате свою речь после возвращения из изгнания. Лорд Брум, чрезвычайно преданный и проницательный исследователь Демосфена, без колебаний утверждал: «Ни одна афинская аудитория не могла бы следить за Демосфеном в той сжатой форме, в

какой напечатаны его речи». Бёрк и Фенелон высказываются в том же духе. Таким образом, если греки и римляне читали речи, а ранние христиане — проповеди, это было редким исключением. Герви упоминает несколько случаев чтения проповедей древними проповедниками. «Проповеди, — говорит Неандер о времени Златоуста и Августина, — иногда, хотя и редко, целиком читались по записям или заучивались наизусть; иногда произносились свободно по заранее приготовленному плану; а иногда были совершенно импровизированными. О последнем мы узнаём попутно из сообщения, что Августину порой подсказывал выбор темы тот отрывок, который чтец — prælector — избирал для чтения; он рассказывает, что иногда впечатление данной минуты побуждало его придать проповеди иное направление, чем первоначально предполагалось. Златоуст также сообщает, что тема нередко подсказывалась ему тем, что он встречал по дороге в церковь или что внезапно происходило во время богослужения».[517]

[8] Об обычае Средневековья Нил говорит: «Средневековая практика, несомненно, была той же, что и в нынешних церквах континента: проповедник повторял по памяти то, что предварительно сочинил».[518]

[9] Обычно считают, что чтение проповедей как распространённый обычай возникло в царствование Генриха VIII. «Те, кому было дозволено проповедовать, — говорит Бёрнет в „Истории Реформации“, — часто подвергались обвинениям за свои проповеди; горячие люди обеих сторон жаловались на них королю, и потому они стали обыкновенно писать и читать свои проповеди. Так чтение проповедей вошло в обычай этой церкви; и

хотя в нём не было того жара, который монахи проявляли в своих декламациях, так что страсти слушателей возбуждались не столь сильно, оно создало величайшее сокровище веских, серьёзных и основательных проповедей, какое когда-либо имела Церковь Божья. Это в значительной мере возмещает кажущуюся плоскость их произнесения для простонародного слуха».[519] Обычай укрепился вследствие гражданских войн, особенно из-за сильной неприязни к страстной проповеди индепендентов. В Англии долго держалось убеждение, будто импровизированная проповедь — изобретение пуритан. Одного викария однажды прогнали с лондонской кафедры за то, что он привык во время проповеди поднимать глаза от рукописи![520] Карл II, не привыкший на континенте к этому более вялому способу, напрасно пытался его исправить; об этом свидетельствует следующее любопытное письмо, выписанное Гресли из книги постановлений Кембриджского университета: «ВИЦЕ-КАНЦЛЕР И ГОСПОДА! Поскольку Его Величеству сообщено, что обычай чтения проповедей повсеместно принят проповедниками перед университетом и потому продолжается даже в Его присутствии, Его Величество повелел мне объявить вам Свою волю: чтобы означенный обычай, получивший начало в смутах недавних времён, был совершенно оставлен и чтобы означенные проповедники произносили свои проповеди как на латинском, так и на английском языке по памяти, без книг, ибо этот способ проповеди Его Величество считает наиболее согласным с употреблением зарубежных церквей, с прежним обычаем университета и с природой сего святого занятия. А дабы повеление Его Величества о вышеизложенном должным образом уважалось и исполнялось, дальнейшая Его воля состоит в

том, чтобы имена всех духовных лиц, продолжающих нынешний беспечный и ленивый способ проповедовать, время от времени сообщались Ему действующим вице-канцлером под страхом неудовольствия Его Величества. МОНМУТ. 8 октября 1674 года».

[10] Попытка не удалась, и в Англиканской церкви чтение продолжало широко практиковаться. Однако по сей день оно весьма редко встречается на континенте и повсюду среди римских католиков; распространено оно лишь среди некоторых протестантов Великобритании и Америки. Растущее число служителей Епископальной церкви в нашей стране, говорящих свободно, пользуется большой популярностью даже среди собственных собратьев, если им удаётся делать это действенно. Многие ведущие пресвитерианские служители и некоторые их церковные власти не одобряли чтения и даже решительно его осуждали.

[11] Большинство знаменитых примеров чтения допускает какое-либо объяснение. Джонатан Эдвардс в поздние годы сожалел об этой привычке и полагал, что лучше преимущественно проповедовать memoriter, то есть по памяти, иногда импровизируя.[521] Доктор Чалмерс, на которого так часто ссылаются, словно пример очень своеобразного человека мог установить правило, заявлял, что не умеет импровизировать. Но посмотрите на его стиль. Он чрезвычайно, даже чрезмерно любил длинные предложения из тонко уравновешенных частей, причём соответствующие слова каждой части часто подчёркивались аллитерацией; он необычайно стремился к своеобразным словесным находкам. Его образы нередко строятся в большом и сложном масштабе, и он был взыскателен к их окраске и отделке. Эти известные

особенности в значительной мере объясняют его убеждение, что импровизировать он не может. Импровизировать некоторые из излюбленных им искусно разработанных отрывков было бы почти столь же трудно, как хоровую оду. И всё же доктор Уэйленд сообщает:[522] «Один господин, постоянно его слушавший, уверял меня, что его импровизированные речи, обращённые к рабочим на окраинах Глазго, были гораздо действеннее и подлинно красноречивее, чем проповеди, доставлявшие ему столь громкое одобрение в церкви Трон этого города»; имеются и другие свидетельства того же.

[12] Когда мы приступаем к вопросу, какой способ предпочтительнее для нас самих и нашего времени, мы можем спрашивать лишь о том, какой способ лучше вообще. Ни один из трёх нельзя обоснованно объявить единственно допустимым. Для процесса столь сложного, как подготовка и произнесение проповеди, охватывающего такое множество различных и изменчивых элементов, заранее должно быть очевидно: установить можно только общие правила. В таком исследовании отдельные случаи обычно ничего не доказывают. Некоторые люди говорили с великой силой, хотя не умели написать ни слова. Даже теперь, когда искусство письма так широко распространено, можно услышать проповедников, весьма действенных в некоторых важных отношениях, но совершенно неспособных к чисто механической задаче записать речь. Среди легко владеющих пером есть люди, получившие образование самостоятельно и ставшие популярными, действительно сильными проповедниками, которым всё же очень трудно письменно сочинять, потому что они никогда не упражнялись в этом и никак себя к этому не приучали. Сперджен где-то очень резко говорит о

тяжёлом труде и трудности письменного сочинения в сравнении с лёгкостью и восторгом свободной речи. Одно стало ему привычным, другое оставалось новым и тягостным. Неудивительно, если, с другой стороны, встречаются многие, вся подготовка и практика которых состояли в письме и которым потому трудно и кажется невозможным произносить не написанное заранее. Кроме того, высокоодарённые люди могут действенно говорить любым способом. Лютер, лежащий на спине, связанный по рукам и ногам, и тогда проповедовал бы впечатляюще. Неотёсанный ломовой извозчик отказывается верить, что туго натянутые поводья уменьшают тяговую силу лошади, поскольку у него есть очень сильная лошадь, которая и с натянутыми поводьями тянет огромные грузы. Мы называем его глупцом, а в других вопросах рассуждаем точно так же. Каждый из способов проповеди применялся и применяется некоторыми людьми с замечательным успехом. Особенности предмета или обстоятельств могут порой делать целесообразным иной способ, чем обычно употребляемый. Некоторые служители могут быть вынуждены придерживаться того или другого вследствие своего крайне своеобразного склада либо укоренившихся привычек долгой жизни. Но какой способ лучше вообще?

[13] В обсуждении этого вопроса очень часто встречаются крайности со всех сторон. Например, некоторые скажут, что читать проповедь — вовсе не значит проповедовать. Возражающие против свободного произнесения очень часто говорят так, словно оно означает проповедь без всякой подготовки. Конечно, надлежит спокойно рассмотреть преимущества и недостатки каждого способа, насколько их можно выявить, и так решить, какому отдать предпочтение.

[14] § 2. Чтение

[15] (1) Писать проповеди и читать их — способ, несомненно имеющий некоторые важные преимущества. Они относятся и к подготовке, и к произнесению, и к полезности проповедника в иных отношениях.

[16] (а) Письмо значительно помогает подготовке, облегчая сосредоточение ума на предмете. Умственное прилежание облегчается всяким подходящим телесным действием; люди, которые не пишут, часто находят необходимым ходить по комнате или вообще принимать какую-нибудь определённую позу либо совершать регулярно повторяющееся действие.[523] Письмо предполагает высокую степень того управления телом, которое столь способствует управлению умом, и при этом обладает преимуществом более тесной естественной связи с мыслью, чем любое другое действие, кроме самой речи. В самом деле, всякий знает, насколько письмо помогает удерживать мысли от блуждания.

[17] (б) Кроме того, написание проповеди вынуждает к большей полноте подготовки. Готовящийся без письма может — и, как правило, должен — проследить все развития и раскрытия своих мыслей до того предела, до которого их доведёт речь; но тот, кто пишет, обязан сделать это, вынужден к этому.

[18] (в) Далее, письмо в нескольких отношениях помогает обеспечить более высокий уровень стиля. Вообще говоря, ненаписанная речь не может сравняться с написанной в грамматической правильности, точности, краткости, плавности и риторической отделке. Это весьма важные свойства стиля, особенно применительно к требованиям некоторых аудиторий, случаев или предметов. Так, если

человек обсуждает спорный вопрос вероучения в присутствии готовых понять его неверно или исказить его слова, точность и недвусмысленность языка желательны ещё более обычного. Некоторые слушатели очень взыскательны к отделке проповеднического стиля. Его язык, равно как манера произнесения и одежда, должен быть comme il faut — как подобает, — иначе они не захотят иметь с ним дела. Такая взыскательность, возможно, не заслуживает большого уважения, но, конечно, не следует без нужды ею пренебрегать. От проповедей по академическому или иному особо литературному случаю обычно и естественно ожидают необыкновенной плавности и изящной отделки. И сам проповедник, особенно молодой, получивший хорошее литературное образование, склонен болезненно замечать малейшие стилистические недостатки; письмо позволяет ему лучше удовлетворять требованиям собственного вкуса.

19 (г) Что касается произнесения проповеди, преимущество этого способа в том, что проповедник чувствует себя спокойнее и заранее, и во время выступления. Имея написанную проповедь, он будет избавлен — и знает, что будет избавлен, — от полного и унизительного провала. Великое облегчение — избежать трепетной и нередко мучительной тревоги, которую иначе легко испытывать. У проповедника, намеренного читать, гораздо больше шансов крепко спать в субботнюю ночь. Полезно также быть собранным и уверенным во время произнесения, а не подавленным нервным беспокойством и не доведённым до исступления неудержимым возбуждением. Некоторые проповедники находят, что чтение спасает их от чрезмерной многоречивости или крайней горячности, которые иначе

трудно сдержать; очень многие боятся, что без рукописи их совершенно раздавит страх сбиться.

[20] Кроме того, написание проповедей способствует полезности проповедника в нескольких других отношениях.

[21] (д) Написанную речь можно использовать впоследствии без новой подготовки, что нередко сберегает немало времени и труда.

[22] (е) Проповеди остаются для печати, если когда-нибудь это окажется желательным. Многие действительно великие проповедники, приносившие широкую пользу в своё время, оставили лишь бледнеющее, исчезающее имя, тогда как их современник, возможно, не более способный, но записывавший свои речи, всё ещё известен и всё ещё полезен. Например, сравните Фенелона с Бурдалу.

[23] (ж) Затем, эта практика даёт лёгкость письма, которое в наши дни служит чрезвычайно важным средством приносить пользу. Успешному проповеднику теперь открывается много возможностей печататься; если он время от времени не заявляет о себе через печать, это легко превращается в своего рода упрёк ему и уменьшает его влияние.

[24] (2) Итак, писать и читать — способ, обладающий рядом преимуществ, из которых некоторые несомненно важны. Каковы же его недостатки?

[25] (а) Если письмо помогает мышлению, оно легко делает человека в значительной степени зависимым от этой помощи. Особенно нежелательно то, что такая практика приучает проповедника связно мыслить лишь с той скоростью, с какой он может писать, тогда как

естественнее и удобнее мыслить с той скоростью, с какой человек может говорить.

[26] (б) И если письмо заставляет проповедника полнее охватить предмет, оно не всегда делает исследование глубже. Мышление становится шире, но может стать менее напряжённым. Вынужденный пробежать всю поверхность, проповедник может нигде не проникнуть под неё. Если множество проповедей произносится после очень поверхностной подготовки, то после столь же поверхностной подготовки множество проповедей и пишется. Огромное количество написанного представляет собой импровизацию в строгом смысле. Люди склонны думать, что написанное и прочитанное непременно тщательно готовилось, но часто жестоко ошибаются. Один очень популярный проповедник однажды сказал — конечно, наполовину в шутку, — что ему так часто приходится готовить проповеди наспех, что писать совершенно необходимо, дабы придать им хотя бы видимость тщательной подготовки.

[27] (в) К последнему близок и недостаток, состоящий в расходовании столь большого времени на чисто механический труд письма, — времени, которое часто было бы полезнее посвятить мыслям самой речи или общему развитию проповедника. Правда, свободно говорящему на первых порах нужно тратить на подготовку не меньше времени, а скорее больше; но если вначале он трудолюбив, его способность разрабатывать подробности быстро возрастает, и нужное для этого время значительно сокращается, тогда как пишущий до конца жизни должен тратить известное число часов на записывание. Между тем от пасторов больших церквей в нашей стране часто, даже обычно, ожидают работы

нескольких разных людей. Пастырские и общественные обязанности, разнообразные требования к ним как руководителям мысли и благотворительной деятельности, призывы к общецерковному служению своего исповедания, настоятельная необходимость постоянно совершенствоваться, чтобы сохранять свежесть и расти, — всё это тяжело давит на наших перегруженных пасторов. При таком положении очень серьёзным становится решение проповедника пожизненно обречь себя каждую неделю тратить шесть, восемь, двенадцать часов на одно лишь записывание каждой из двух проповедей; и это после того, как несравненно важнейшая и труднейшая часть подготовки — выбор текста и темы, толкование, нахождение материала и расположение речи — должна быть завершена ещё до начала письма.

[28] (г) Далее, этот способ заставляет проповедника следовать первоначально принятому плану, хотя в процессе подготовки может выясниться, что другой план был бы гораздо лучше. Это должно происходить очень часто, особенно если письмо начинается прежде, чем план вполне созрел. Кто не обнаруживал, пройдя больше половины подготовки, что «в-третьих» должно стать «во-первых», или даже что лучше иначе сформулировать тему и соответственно изменить всю её разработку? Часто ли утомлённая и торопящаяся человеческая природа согласится выбросить всё написанное и начать заново? Кроме того, если спешка или небрежность подготовки породили недостатки в подробностях, большинству читающих очень трудно исправить их во время произнесения, как бы ясно они тогда ни замечались.

[29] (д) Этот способ лишает мышление проповедника также пользы всего того умственного оживления, которое создаёт присутствие общины. Что касается мыслей, впервые возникающих тогда, люди редкой гибкости, такта и изящества действительно нередко умеют удачно включать их в чтение. Но такие люди не устанавливают общего правила, и огромное большинство читающих вынуждено либо совсем терять эти мысли, либо вводить их неловко и с относительно слабым действием. А помимо отдельных мыслей, возникающих лишь в момент произнесения, есть нечто гораздо важнее: более тёплая окраска, которую воспламенившийся и сияющий ум придал бы всему содержанию, те различия оттенка и тона, которые превращают массу приготовленного материала в живую, дышащую, пылающую речь. Вот стоят осенние деревья, и все их многочисленные краски тусклы и унылы под пепельным небом; но вскоре вечернее солнце прорывается сквозь облака и озаряет лес почти неземной славой. Не меньше различие между подготовкой и речью для всякого прирождённого оратора. Всё относящееся здесь только к способу звучания читающий может в известной мере осуществить. Но всё, что принадлежит преображённому замыслу, изменившейся окраске и возвысившемуся тону выражения, что в свободной речи проявилось бы легко и полно, он способен лишь отчасти почувствовать и бессилен выразить. Правда, как нам иногда напоминают, сочиняя, можно усилием воображения до некоторой степени представить себе общину и заранее ощутить оживляющее действие её присутствия; но мало в чём воображение настолько уступает действительному опыту.

[30] (е) Что касается самого произнесения, чтение по необходимости менее действенно, а в большинстве

случаев неизмеримо менее действенно для всех великих целей ораторства, чем свободная речь. Бóльшая холодность манеры почти неизбежна. Если человек пытается быть очень оживлённым или трогательным, это выглядит неестественно. Интонации монотонны либо разнообразятся натужно. Жесты почти всегда неестественны, поскольку много жестикулировать при чтении неестественно; они почти никогда не поднимают нас выше ощущения, что этот человек действительно читает почти как говорит. Само перелистывание страниц, как бы искусно оно ни делалось, нарушает непрерывность произнесения. Быть может, посреди какого-нибудь пламенного отрывка, когда лицо проповедника сияет, движения стали разнообразны и страстны, а он возбудил в нас сильное сочувствие, его правая рука вдруг опускается и перекидывает лист — и очарование разрушено. Нас заставляют вспомнить, что мы делаем, напоминают, что это всё-таки не живая речь, а лишь великолепное чтение; что мы не находимся, как казалось минуту назад, в непосредственном и полном сочувствия соприкосновении с пылающей душой оратора: между нами — «вон та бумага». Подумайте также, что сильнейшим элементом произнесения у настоящего оратора часто бывает выразительность глаз. Никто не может её описать; впоследствии невозможно вполне её вспомнить, а в самую минуту человек слишком всецело находится под её влиянием, чтобы думать об анализе и объяснении. Но каждый чувствовал её — чудесную, волшебную, временами почти сверхчеловеческую власть ораторского взора. Этот взгляд пронизывает самую глубину нашей души, то воспламеняя страсть, то размягчая нас до нежности. Тем лучше, что он не ощущается как нечто отдельное от речи, а сливается с нею теснее, чем может

жест, полнее, чем музыка с поэзией, и всей своей таинственной мощью усиливает действие мысли, чувства и звука. При чтении же эта чудесная выразительность глаз прерывается, прискорбно утрачивает силу, сводится к отдельным солнечным лучам, на миг пробивающимся между зимними облаками.

31 Одним словом, чтение существенно отличается от речи. Хорошо исполненное чтение имеет собственную силу, но подменять им речь неестественно; в лучшем случае оно может лишь приблизиться к тому же действию, никогда не достигая его вполне.

32 (ж) Следует добавить, что чтение вреднее для голоса. Всякий, кому не повезло стать подверженным ларингиту, вскоре обнаружит, что говорить он может с гораздо меньшим утомлением, чем читать. Это показывает естественное различие, хотя люди со здоровыми голосовыми органами могут его не замечать. Несколько причин совместно порождают столь распространённую «болезнь горла служителя».[524] Обычай читать проповеди — отнюдь не главная из них, но несомненно оказывает некоторое действие.

33 (з) То, что привычка читать заставляет бояться выступления без рукописи, не является необходимым следствием. Всякий просвещённый защитник чтения настаивал бы, чтобы проповедник упражнялся также в ненаписанной речи и потому мог говорить, когда его внезапно попросят; и, конечно, есть люди, постоянно читающие, но при случае способные очень действенно импровизировать. Всё же очевидная склонность и обычный результат привычного чтения — зависимость и робость; такие проповедники часто упускают возможности делать добро, а иногда становятся смешны

из-за неспособности проповедовать, потому что «не захватили с собой проповедей». Почти все находят такую рабскую и беспомощную зависимость от рукописи мучительной, если не жалкой. По этой и другим причинам постоянное чтение очень редко защищают, хотя кое-где по-прежнему часто практикуют.

[34] (3) Рассмотрев преимущества и недостатки чтения проповедей, теперь можно предложить несколько советов тем, кто выбирает этот способ.

[35] Если вы читаете, не пытайтесь скрыть этого. Кокрель замечает, что все употребляемые ради этого уловки «некрасивы и малоуспешны. Если человек читает на кафедре, лучше читать открыто и смело, заботясь только о том, чтобы рукопись легко разбиралась и была аккуратно расправлена на переднем крае кафедры; затем переворачивать листы, не стараясь притворно скрыть это — бесполезно и неприлично. Можно быть уверенным, что слушатели в этом отношении не обмануты: они всегда знают, когда оратор читает».[525]

[36] Но следует сказать больше. Не пытайтесь превратить чтение в свободную речь. Они, как уже сказано, существенно различны. Можно ли говорить так, словно читаешь? Пусть попробуют: кто ближе подойдёт к успеху, тот вернее всего испортит свою речь. Но, с другой стороны, действительно ли можно читать так, словно говоришь? Учителя часто говорят мальчикам: «Читай точно так, как разговариваешь»; усилие сделать это может помочь избавиться от школьного пения, приблизив чтение к разговору. Но в действительности никто не может читать в точности так, как разговаривает, и никто не должен. Вероятно, ни один вдумчивый человек не станет отрицать этого существенного различия между

чтением в частном кругу и частным разговором. Разве оно не столь же верно для публичного чтения и публичной речи? Чтение перед большой аудиторией, конечно, отличается от спокойного чтения нескольким людям; а когда читаемое носит наставительный или увещательный характер и мы лично желаем внушить его слушателям, это тоже придаёт чтению особенность. Но оно всё-таки остаётся чтением. Попытка превратить его в речь противна природе, должна потерпеть неудачу и заслуживает неудачи. «Нам кажется, когда проповедник по какой бы то ни было причине читает проповедь, ему следует вместо желания создать видимость свободной речи, всегда в некоторой мере являющегося попыткой обмана, поставить себе целью читать хорошо — примерно так, как человек с теплотой и интересом читает своей семье напечатанную речь». На этот взгляд немецкого автора Пальмера мы ответили бы: да, примерно; но с естественным отличием, возникающим оттого, что вы читаете большому собранию и читаете то, что глубоко волнует вас самих. Пальмер продолжает:

[37] «Слушать, как хорошо читают хорошее произведение, всегда приятно. Но вместо этого один человек не даёт себе труда заботиться о чтении и тянет содержание рукописи с монотонным равнодушием и утомительностью. Это отталкивает. Другой впадает в противоположную крайность. Чувствуя, что чтение — недостаток, он хочет его загладить, декламируя проповедь с могучим пафосом. Это производит обратное впечатление: чем преувеличеннее декламация и движения, тем разительнее контраст с крайне прозаическим действием — заглядыванием в рукопись. Человек, столь ужасно серьёзно относящийся к сказанному, должен, думают люди, также знать, что он хочет сказать; его жар должен,

как бывает повсюду, сам вкладывать слова ему в уста. Скромное, спокойное, но выразительное чтение было бы уместнее».[526]

[38] Добавим вновь: чтение порой может стать очень горячим, даже если не страстным, но должно оставаться чтением. Пусть читающий не пытается принимать позы, жесты или выражения лица, которые, по его мнению, подошли бы человеку, произносящему эти слова свободно. Это неестественно, это актёрство; а актёрство, как бы искусно и восхитительно оно ни было, на кафедре — преступление; и, говоря словами дипломатов, не только преступление, но хуже того — ошибка. Нет, пусть читающий знает, что читает; пусть намерен читать и намерен дать всем понять, что читает; а затем пусть старается читать хорошо, чтобы запечатлеть истину в слушателях и принести им добро.[527] Соблюдение этого различия может разрешить и часто обсуждаемый вопрос: хорошо ли читающему вставлять ненаписанные отрывки? Если он пытается сделать это так, чтобы различия не заметили, попытка не удастся. Александер говорит: «Вся цепь умственных операций при чтении или произнесении речи по памяти и при импровизированном её произнесении различна. Если заимствовать образ у машин, ум находится в иной передаче. Никто не переходит с одного пути на другой без болезненного толчка на „стрелке“. В этом, полагаю, причина, по которой доктор Чалмерс… предостерегает учеников от всякой попытки смешивать чтение со свободной речью… Нужны годы практики, чтобы изящно врезать импровизированный абзац в написанную проповедь».[528] Это верно там, где хотят, чтобы оба звучали одинаково. Но если чтение не выдаёт себя и не пытается выдать себя за речь, а остаётся просто чтением, человек может при

всякой подходящей возможности ввести нечто ненаписанное — либо в непринуждённом тоне, соответствующем добавочному пояснению или замечанию, либо даже в порыве страстного призыва. Это будет отличаться от чтения, но может внести разнообразие; и чтение не обязательно покажется плоским при возвращении к нему, потому что оно и не притязало быть свободной речью. Так действительно поступают многие искусные чтецы проповедей, хотя их теория может быть иной: природа часто торжествует над неверной теорией, побуждая людей читать просто с убеждённостью, а затем, когда они считают нужным, отходить к свободной речи как к отдельному действию. Если бы читающие проповеди твёрдо усвоили, что чтение не есть свободная речь и превратиться в неё не может, и дали природе свободу в чтении, преимущества способа остались бы целы, а недостатки значительно уменьшились бы. Другой вопрос — сможет ли чтение даже тогда вообще стать столь же впечатляющим, как хорошо подготовленная свободная речь. Можно добавить: если слабое зрение, дурное освещение или низкая кафедра затрудняют чтение, лучше просто спокойно поднять рукопись, чтобы видеть её. Если страницы отдельные и не слишком велики, это можно сделать без неловкости; а если люди увидят, что проповедник не притворяется свободно говорящим, но читает с прямодушной простотой, им скорее понравится его открытость; во всяком случае, через несколько минут они привыкнут к тому, что поначалу казалось странным.

[39] Если кто-либо возражает против всего этого и настаивает, что либо по самой природе дела, либо вследствие представлений и чувств людей необходимо скрывать рукопись и делать чтение как можно более

похожим на свободную речь, то он фактически говорит то, чего в нашем обсуждении не говорилось: проповеднику вообще никогда не следует читать проповедей.

[40] § 3. Произнесение по памяти

[41] Как мы видели, произнесение по памяти, то есть повторение написанного и выученного, — способ проповедовать, которого придерживалось немало выдающихся людей. Его защищал даже такой проницательный и здравомыслящий писатель, как Кокрель.[529] С другой стороны, Филлипс Брукс называет его «способом, который некоторые практикуют, но который, надеюсь, никто не рекомендует».[530] В Европе он был распространён шире, чем в нашей стране; однако кое-что о нём следует сказать.

[42] (1) Он обладает всеми преимуществами первого способа в отношении более полной и отделанной подготовки, упражнения в письме и сохранения проповеди для последующего использования и публикации. Однако здесь нет защиты от полного провала и страха провала — скорее наоборот. У него есть два преимущества, которыми прежний способ не обладает. Произносить по памяти собственное сочинение — действительно один из видов речи; а чтение, как мы видели, таковым не является. Произнесение наизусть — речь с трудностями и недостатками, но всё же речь. Считать его таковым не противно природе, и не невозможно приблизить его довольно близко к совершенству и силе хорошо подготовленной свободной речи. Другое преимущество — развитие памяти. Всякое действительное улучшение памяти, конечно, весьма ценно; постоянно произносящие наизусть неизменно

получают пользу в этом отношении, а у некоторых результаты замечательны. Однако нельзя забывать: превосходя в этом чтение, произнесение по памяти не превосходит свободной речи; способность словесного запоминания в действительности менее ценна, чем умение удерживать идеи вместе лишь с теми словами, которые необходимы для их точного выражения.

43 (2) Что касается недостатков, произнесение по памяти страдает многими из тех же, что и чтение. Здесь ещё меньше возможностей исправлять ошибки, замеченные в момент выступления, вставлять мысли, впервые тогда возникающие, или под влиянием возбуждения настоящей речи придавать мыслям новую форму и окраску, а выражениям — новую силу. Ум легко оказывается весь в оковах и почти не пользуется никакими способностями, кроме памяти. При её действии часто смешиваются зрительно-местная память и та, которую можно назвать логической: воспоминание о том, что дальше на странице, и о связи мыслей иногда помогают друг другу, но в других случаях смешиваются, сбивают и отвлекают. Этот способ требует также ещё большего времени на подготовку. Избравшему его нужно не только подготовить материал и составить план, что необходимо при любом способе, и не только потратить много часов на полную запись, как должен и читающий, но ещё отдать другие часы — для большинства немалые — заучиванию. Человеку, проповедующему два или три раза в неделю, писать и заучивать все проповеди если не невозможно, то несомненно несовместимо с терпеливым и глубоким обдумыванием при подготовке, с широким общим развитием и надлежащим исполнением прочих пастырских обязанностей. Мучительный страх провала — тоже очень серьёзное возражение против заученного

произнесения: проповедник ни минуты не свободен от него до начала выступления, а затем страх лишь усиливается. Для говорящего свободно тревога о неудаче может стать полезным возбуждением; произносящему наизусть она приносит не пользу, а лишь страдание. Рассказывают, что Бурдалу часто держал глаза закрытыми на протяжении всей проповеди; когда его спросили о причине, он объяснил, что боится увидеть нечто, что отвлечёт внимание и заставит забыть текст. В столь великом человеке это прискорбно, жалко; конечно, случай крайний. Кроме того, произнесение заученного всегда должно быть более или менее искусственным. Что бы ни удавалось с отдельными короткими отрывками, какие лорд Брум хвалился умением включать в свободную речь так, что слушатель не мог отличить одно от другого, мы сомневаемся, способен ли кто-нибудь произнести таким образом целую продолжительную речь — дословно по памяти, — чтобы аудитория не обнаружила, и особенно не почувствовала, различия. Несомненно, способны на это очень немногие, а мы обсуждаем общие вопросы. Легко сказать, что искусство должно скрывать искусство. Мы серьёзно спрашиваем: может ли искусство скрыть искусство? Кто слышал одну из торжественных речей Эдварда Эверетта и не испытывал неловкого ощущения, что это великолепная нереальность, лишь совершенная декламация блистательного сочинения? Всё это вполне годилось для большой торжественной речи, например о Вашингтоне: в таком случае ожидают произведения искусства и довольны и восхищены, если искусство совершенно. Мы охотно отдавались очарованию и были глубоко тронуты, как могли бы быть тронуты драмой. Но когда человек борется за жизнь своего подзащитного или спасение страны, а тем более когда, будучи посланником

от имени Христа, умоляет людей примириться с Богом, мы чувствуем, что всякое сознательное искусство неуместно.

[44] Итак, при искусном применении этот способ может очень хорошо подходить для речей в колледже, публичных лекций, исключительных торжественных выступлений, для всякой речи, в которой искусство по праву составляет важный элемент. Следует заметить также: чтобы произнесение было настолько свободным и непринуждённым, насколько возможно при заучивании, человеку нужно — если он не принадлежит к немногим обладателям чудесной памяти — достаточно времени, чтобы совершенно освоиться с речью. Великие французские и немецкие проповедники, принявшие этот способ, обычно проповедовали гораздо реже американского пастора и могли позволить себе всё необходимое время для полной уверенности в выученности своих проповедей. Кроме того, от проповедников при дворе Людовика XIV ожидали произведений искусства, так что искусственность не вызывала возражений; позднее же у пламенного евангельского проповедника, подобного Адольфу Моно, это редко бывало действительным произнесением наизусть, но вновь и вновь переходило в свободную речь после письменной подготовки. Везде, где проповедник и слушатели довольны постоянным дословным произнесением по памяти, можно усомниться, глубоко ли та или другая сторона чувствует действительность проповеди. Вопрос Сидни Смита: «Что может быть смешнее оратора, произносящего зачерствевшее негодование и пыл недельной давности?» — не только острый сарказм, но и неопровержимый довод.[531] Произносящий наизусть либо должен быть лишён

негодования и пыла, либо выражение их будет более или менее искусственным. И мы повторяем: сознательное искусство не может быть терпимо проповедником, а заметное искусство — общиной, если они верно понимают и глубоко чувствуют действительность проповеди и слушания. Конечно, в поистине великом проповеднике может быть столько подлинной горячности, что, несмотря на неизбежную искусственность манеры, он произведёт глубокое впечатление; но и тогда способ произнесения остаётся недостатком — серьёзным, и особенно серьёзным именно там, где речь должна быть наиболее впечатляющей.

45 (3) Но разве человек не может записать проповедь, а затем свободно говорить на основании этой письменной подготовки? Конечно, может. Некоторые выдающиеся проповедники так и делают, с превосходнейшим результатом; но это не произнесение наизусть. Некоторые из них рассказывают, что вовсе не заучивают речь в смысле особого усилия запомнить слова, однако воспроизводят все мысли и в значительной степени теми же словами, которые записали. И, как уже замечено, некоторые из заучивающих постепенно учатся отходить от повторения наизусть и выражать по существу ту же мысль совершенно иным языком. Это вполне отлично от произнесения по памяти. Когда человек не старается помнить слова, а вспоминает их лишь по связи с идеями, которые стремится выразить, в процессе отсутствует существенный признак заученного произнесения. Что же это? Ответ должен быть таков: свободная речь после письменной подготовки — лишь одна из разновидностей того, что мы называем импровизированной речью. Поначалу может показаться нелепым утверждение, что можно целиком написать проповедь, затем проповедовать

свободно и всё же сказать очень многое из написанного, часто теми же словами. Соответственно доктор Скиннер, судя по одному мимоходом сделанному замечанию, признаёт четвёртый отдельный способ речи и называет его воспроизведением рукописи.[532] Но какое существенное различие между этой свободной речью после полной письменной подготовки и речью после полной мысленной подготовки? Роберт Холл продумывал длинные цепи мыслей, не записывая, и воспроизводил их в значительной мере теми же словами; Цицерон упоминает такую способность Гортензия; в действительности и многие люди сравнительно скромных дарований порой делали то же. Если человек старается повторить слова, это произнесение наизусть, хотя и без записи. Если не старается, это не произнесение наизусть, была ли подготовка письменной или мысленной. Все согласились бы отнести такую речь после мысленной подготовки к свободной проповеди; почему же не отнести к тому же разряду всякую свободную речь, даже когда подготовка была письменной? Это не оставляет расплывчатой границы между двумя способами. Хотя они порой очень сближаются, хотя опытный оратор может, подобно Бруму, свободно переходить от одного к другому, их разделяет вполне определённая и отчётливая линия. Когда человек старается повторять слова, употреблённые при подготовке, это произнесение по памяти, записывал ли он их или нет; когда нет усилия повторять слова, это импровизированное произнесение, была ли подготовка частичной или полной, чисто мысленной или целиком письменной. У некоторых людей память так хороша, что если они вообще подготовятся заранее, произнесение фактически станет повторением наизусть. О Руфусе Чоуте говорят, что он мог записать речь, тотчас встать из-за

стола, оставив её там, и произнести как написанную. Александр Гамильтон записал свою величайшую речь, затем разорвал её, чтобы быть свободным, и на следующий день произнёс с подавляющей силой.

[46] Можно усомниться, многим ли удаётся успешно владеть этой своеобразной разновидностью свободной речи. Кажется, лишь ум особого склада способен свободно воспроизводить полностью написанное, не впадая в простое повторение наизусть. Но если мы хотим составить верные представления о способах проповеди, весьма важно понимать, к какому разряду в действительности относится рассматриваемая практика.

[47] § 4. Импровизированная, или свободная, речь

[48] Необходимо определить специальный смысл этого выражения. Первоначально оно, конечно, означает речь без подготовки, лишь по внушениям данной минуты. Разговорное выражение для этого — говорить off hand, буквально «с руки»: образ взят из стрельбы без упора; у немцев есть соответствующее выражение — говорить «со стремени», словно стреляешь верхом, не спешиваясь. Эти народные обороты выразительны. Естественно расширяясь, выражение «импровизированная речь» применяется к случаям, когда мысль подготовлена, сколь угодно тщательно, но словесное выражение предоставлено внушению минуты. Далее, когда делаются записи в помощь подготовке, когда план речи намечен на бумаге и все главные пункты изложены или обозначены, мы называем это свободной речью, потому что всё перечисленное рассматривается только как средство расположить и вспомнить мысли, а язык создаётся на месте. Если человек в значительной степени опирается на эти записи ради самих слов, то в той мере это произнесение наизусть, когда записи оставлены дома, и чтение, когда они лежат перед ним на кафедре; но вообще говоря, это не так, и проповедь по записям справедливо называется свободной. Ещё один шаг мы делаем, когда, как уже сказано, настаиваем: свободная речь после полного написания речи для подготовки, но без всякого усилия повторить язык рукописи, должна называться импровизированной. Думаем, достаточно показано, что такое последнее расширение выражения правомерно и необходимо. А если так, многие выдающиеся люди, например Уайтфилд, о которых обычно говорили как о

произносивших наизусть, в действительности были отчасти или целиком свободными проповедниками; причём в поздние годы Уайтфилд вообще редко писал.[533]

[49] Ни один разумный человек теперь не предложил бы, чтобы проповедники постоянно импровизировали самое содержание. Правда, нередко возникают случаи, когда важно уметь говорить без особой непосредственной подготовки; но наиболее уместно и действенно это сделают те, кто привык поступать иначе. В действительности фанатичные или ленивые люди, утверждающие, что никогда не готовятся, обманывают себя. Большая часть сказанного ими подготовлена многократным прежним повторением, а во многих случаях самое содержание первоначально заимствовано из книг, чужой проповеди или бесед. Кроме отдельных мыслей, подсказанных минутой, ассоциация идей ведёт их ум, пусть неосознанно, к уже разработанному прежде. Действительно импровизировать содержание проповеди столь же неосуществимо, сколь неправильно. И совершенно несправедливо представлять защитников свободной проповеди так, будто они предлагают проповедовать без подготовки.

[50] Излагая преимущества и недостатки этого способа, придётся отчасти повторить уже высказанные мысли. Это, очевидно, необходимо для полноты; к тому же теперь они будут рассмотрены с иной точки зрения. (1) Итак, рассмотрим преимущества.

[51] (a) В отношении подготовки этот способ приучает мыслить быстрее и с меньшей зависимостью от внешних пособий, чем привычка всё писать целиком.

52 (б) Он позволяет также отдавать силы главным образом более трудным или более важным сторонам предмета. При недостатке времени, столь часто неизбежном для пастора, человек может вложить в проповедь больше мысли, чем если бы всё время уходило на поспешное записывание первого пришедшего в голову. В подобных случаях приходится выбирать: либо импровизировать язык, когда мысль разработана, либо брать мысль на ходу ради подготовки языка. Это действительно важное соображение выразительно изложил Уэйленд: «Большая часть наших написанных речей готовится в отчаянной спешке поздним субботним вечером, а иногда между воскресными богослужениями; мысли сваливаются вместе, слабо упорядоченные и ещё слабее обдуманные… Если бы то же время было отдано серьёзному обдумыванию, разве речь не была бы подготовлена тщательнее, чем простым процессом письма?»[534]

53 (в) Далее, этот способ сберегает время для общего развития и другого пастырского труда. Конечно, не вначале: неопытному проповеднику нередко нужно больше времени на основательную подготовку к свободному произнесению, чем ушло бы на письмо; но, приобретя лёгкость и уверенность в себе, он может сберечь много времени. Бичер и Сперджен никогда не смогли бы сделать столько другой работы и одновременно так хорошо проповедовать, если бы тратили время на полное предварительное написание проповедей.

54 (г) В самом произнесении у свободно говорящего огромные преимущества. С гораздо большей лёгкостью и действенностью, чем при чтении или повторении наизусть, он может воспользоваться идеями, возникающими в данную минуту. Саути говорит:

«Выдающиеся места в ораторстве Уайтфилда не были приготовленными отрывками; это были взрывы страсти, подобные струям гейзера, когда источник действует в полную силу».[535] Всякий человек, обладающий хотя бы в скромной мере пламенной ораторской природой, обнаружит: после тщательной подготовки некоторые из благороднейших и вдохновеннейших мыслей, какие он когда-либо обретает, приходят к нему во время выступления. Если он полон своей темы и проникнут её важностью, если вскоре завладеет заинтересованным и сочувственным вниманием хотя бы немногих хороших слушателей, а огонь его глаз отразится в их глазах, так что между ними начнут перебегать электрические вспышки и самая его душа засияет, запылает, загорится, — он не может порой не высекать мыслей более блестящих и драгоценных, чем когда-либо посещающие его в уединённом размышлении. «Если аудитория скорее враждебна, чем сочувственна, оратор собирает всю свою отвагу: выбирает позицию, следит за удобной минутой, вступает в схватку и торжествует».[536]

[55] (д) И, как мы уже видели, есть приобретение более важное, чем вызванные новые мысли. Вся масса приготовленного материала от этого вдохновения произнесения светлеет, согревается, порой преображается. Язык проповедника без сознательного усилия возвышается в соответствии с возросшим величием и красотой его представлений; и, как выразился Эверетт, говоря о Вебстере, «речь сама собой транспонируется в более высокую тональность». Это возвышение души, временами доходящее до восторга, никогда нельзя описать как следует; но оратор, хотя бы в некоторой мере не знающий, что это значит, не рождён быть оратором. Следует особенно подчеркнуть: помимо

мыслей, впервые приходящих в голову во время речи, — что постоянно отмечают, — произнесение производит гораздо более важное действие: меняет форму и окраску и неизмеримо усиливает мощь ранее подготовленных мыслей.

56 (е) Кроме того, проповедник по ходу речи может следить за её действием и намеренно менять формы выражения, как и манеру произнесения, сообразно собственному чувству и чувству аудитории. Особенно желательно такое приспособление в увещательных частях проповеди, часто самых важных. Если проповедник и слушатели доведены до сильного волнения, уместны сильные образы, страстные восклицания и вообще язык страсти. Ничто другое тогда не будет естественно; если же в таком случае язык останется лишённым образности и спокойным, разочарованные слушатели почувствуют его плоскость и вялость, и никакая горячность одного лишь произнесения не восполнит недостатка. Ещё хуже результат, если чувство не поднялось высоко, а проповедник доходит до заранее приготовленного образного и страстного языка. Если теперь его манера соответствует, как всегда должна, действительному чувству его самого и слушателей, между произнесением и стилем возникает мучительное несоответствие; если же он старается подняться до приготовленного языка, всякий частичный успех лишь выводит его из согласия с чувствами аудитории. Несомненно, никто не оспорит огромной важности этого соображения. Какой проповедник не замечал часто, повторяя проповедь другой аудитории, различия, иногда очень большого, в том чувстве, с которым он и слушатели подходили к заключительному увещанию? Несколько предложений, точно попадающих в верную тональность по мысли, стилю

и произнесению, тогда чудесно усилят действие всей речи.[537] Какова будет эта тональность, ни один человек ораторской природы не может всегда предсказать. Здесь читающий или произносящий наизусть неизбежно потерпит неудачу, тогда как подготовленный свободный оратор легко и естественно повышает или понижает тон в соответствии с чувством минуты. Но кто-нибудь возразит: «Я не стремлюсь к высоким ораторским эффектам; довольствуюсь более скромными усилиями». То, о чём мы говорим, постоянно делают некоторые скромные люди в обращениях на молитвенном собрании. Это простая риторика природы.

[57] (ж) И здесь спросим: что же с зависимостью от Святого Духа и молитвой о Его помощи в проповеди? Как может человек молиться, чтобы Бог провёл его через лес, если он уже разметил весь путь зарубками и обязался ему следовать? Конечно, следует искать помощи при подготовке речи; а если человек читает, следует молиться о способности правильно чувствовать при чтении. Но насколько естественнее такая молитва, насколько действительнее зависимость от божественной помощи, насколько свободнее простор для подлинной помощи Духа, если проповедь ещё не отлита в формы, а собранный материал теперь расплавлен в уме и окончательное действие ещё предстоит совершить!

[58] (з) Что касается самого произнесения, только в свободной речи той или иной разновидности оно может быть совершенно естественным и достигнуть высшего действия. Идеал речи, как справедливо сказано, недостижим никаким другим путём. Только так голос, движения и взгляд будут именно такими, как велит природа, и достигнут полной силы. Пока усердное

обучение напрасно старается читать или произносить наизусть в точности как свободную речь, свободный оратор сравнительно легко может подняться к лучшему произнесению, на какое способен. Этим путём, как уже замечалось, легче всего приобрести и сочувствие слушателей: они сочувствуют человеку, а не сочинению, — человеку, весь живущему мыслями, которые он думает сейчас, и пылом, который сейчас испытывает, а не просто по возможности оживляющему мысли и чувства прежнего времени. Если ненаписанную проповедь произносят столько раз, что она становится простым повторением наизусть, она теряет силу. Если человек не может каким-либо образом заинтересовать свой ум предметом, чтобы выражать живую мысль, ему следует отложить эту проповедь и долго не пользоваться ею.

59 (и) Преимущество этого способа также в том, что он даёт лёгкость речи без непосредственной подготовки. Проповедник, неспособный при случае сделать это, упускает много возможностей приносить пользу и теряет влияние на людей из-за неспособности, которую они считают укором ему.

60 (к) Это подводит к одному из действительно важнейших преимуществ свободной проповеди. Для широких народных масс это любимый способ. Когда затронут принцип, следует противостоять людским представлениям; но когда речь идёт лишь о целесообразности, — а нынешний вопрос не более чем таков, — общее и очень решительное народное предпочтение оказывается чрезвычайно важным соображением. Не помогает делу насмешка над глупостью масс, так часто предпочитающих необразованных проповедников, которые вполне им

сочувствуют и говорят любимым ими способом. Есть действительная и серьёзная опасность, что мы «образованием оторвёмся от народа». Здесь же образованные проповедники имеют возможность в одном отношении удовлетворить народный вкус и приобрести народное сочувствие. Если некоторые препятствия такому сочувствию устранимы лишь отчасти, с этим препятствием затруднений быть не должно. Особенно тем исповеданиям, чья сила всегда была в массах, следует почти всё подчинять сохранению связи с народом. Несомненно, некоторые общины приучили терпеть чтение; но почти всегда это неохотное согласие или высокая оценка проповеди конкретного человека вопреки тому, что он читает. Несомненно, есть полуобразованные и привередливые люди, решительно предпочитающие чтение или произнесение наизусть. Но действительно образованные вполне согласны с массами относительно того, какой способ вообще лучший. И вместо того чтобы воспитывать в людях терпение к тому, чего они никогда не полюбят и что никогда не сможет так глубоко их тронуть, пусть проповедник воспитывает себя, учится проповедовать так, чтобы достигать масс и удерживать их, а немногим привередливым оставит думать что угодно.

[61] (2) Но мы должны перейти к недостаткам свободной речи. Некоторые из них требуют не только тщательного рассмотрения в рассуждении, но и очень бдительного внимания на практике. Часть их, поскольку речь о подготовке, не относится к свободному произнесению после полной записи; однако их удобно обсудить вместе.

[62] (a) Возможно, самый серьёзный из всех — склонность пренебрегать подготовкой после приобретения лёгкости

самостоятельного мышления и импровизированного выражения. Люди склонны злоупотреблять всеми преимуществами; но философия, заключающая отсюда, что преимуществ следует избегать, поверхностна. И если многие свободные ораторы становятся ленивыми и слишком полагаются на внушения минуты, то хотя бы в самую эту минуту у них должна быть некоторая умственная деятельность; тогда как те же ленивые люди, привыкшие читать или произносить наизусть, повторяли бы давно приготовленные проповеди, уже без деятельности ума и подлинного тепла сердца. Эта склонность пренебрегать подготовкой действительна и сильна, но ей можно сопротивляться, и многие свободные ораторы сопротивляются, всю жизнь продолжая тщательно готовить проповеди; а среди читающих, как только что замечено, то же делают лишь многие, отнюдь не все.

63 (б) Трудно сосредоточить ум на подготовке, не записывая всё целиком. Это затруднение может быть устранено практикой. Вначале его можно преодолевать либо обильными заметками, либо проговариванием предмета наедине.

64 (в) Ещё один серьёзный недостаток этого способа — склонность мешать формированию привычки писать. По мере возрастания беглости контраст между крылатой, славной речью и медленным, трудным письмом становится для многих слишком велик, чтобы терпеть его, и у них развивается то, что кто-то удачно назвал каламофобией, боязнью пера. Это не только отрезает их от многих важных средств приносить пользу — особенно в наши дни, в эпоху печатного станка, — но и пагубно отражается на способности говорить. И начинающий

оратор, и опытный, готовый к речи человек должны заставлять себя писать — много и тщательно. Не обязательно записывать то, что собираются произнести, если только они не принадлежат к людям, способным свободно говорить после полной письменной подготовки; но писать для других целей: очерки и толкования ради основательного изучения отрывка или предмета, статьи для печати, проповеди после их произнесения и тому подобное. Письмо способствует точности мысли, равно как точности высказывания; мысль становится внешним предметом и потому может быть внимательнее исследована. Так привычки письма и речи сохранят равновесие в наших способах мышления и стиле выражения, причём каждая будет осуществляться сообразно собственной существенной и отличительной природе.

65 (г) Если проповедь предстоит использовать вновь и она не записана полностью, требуется некоторая новая подготовка. Но это тоже скорее приобретение, чем потеря: речь легче и точнее приспособить к новым обстоятельствам. Проповедь, точно соответствовавшая одной аудитории и одному случаю, обычно, по крайней мере во многих подробностях, совершенно не подходит к другим; и только свободный оратор может легко внести необходимые изменения, часто небольшие и тонкие, но чрезвычайно важные для практического результата. Кроме того, времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Проповедь, приготовленная годы назад, часто требует немалого изменения, чтобы отвечать изменившимся мнениям, вкусам и чувствам самого проповедника. Затем необходимость заново переработать подготовленный материал освежает всё в его уме и вновь согревает в сердце. Итак, свободный способ

действительно делает повторное употребление той же проповеди более трудоёмким, но вместе с тем гораздо более действенным.

66 (д) Свободный оратор не может цитировать Писание или сочинения других так обильно, как читающий. Но он, вероятно, процитирует только действительно важное для темы, что поэтому легко помнится. Лёгкость цитирования — не безусловное благо. Читающие часто цитируют длинные отрывки, не усиливающие, а иногда прямо уменьшающие интерес и впечатляющую силу проповеди. То, что точно подходит, повторим, легко запомнить. Кроме того, часто гораздо лучше заимствовать чужие идеи, каким-либо образом указав источник, но изложить их собственным языком. Людям почти всегда интереснее это, чем пространные цитаты. Когда действительно важно процитировать сам язык, а отрывок длинен, его можно прочесть из Библии; если же источник иной, можно выписать и прочесть именно как важную цитату. Человек, обычно говорящий легко и непринуждённо, пожалуй, мог бы принести «Путешествие пилигрима», «Потерянный рай» или том Сперджена, просто взять книгу, как делают юристы, и прочесть отрывок. Нечто подобное часто происходит в полемических проповедях и публичных обсуждениях.

67 (е) Стиль свободной проповеди склонен быть менее сжатым и отделанным, чем если бы она была записана и прочитана либо произнесена по памяти. Но это не обязательно недостаток. Стиль может именно поэтому лучше соответствовать устной речи в отличие от стиля письменного очерка. На действительном и значительном различии между ними решительно настаивали такие мастера действенной речи, как Фокс, Питт и Брум.

Обилие, развёртывание и даже частое повторение мысли в новых формах или с иными пояснениями нередко совершенно необходимы при обращении к широкой аудитории, пусть даже столь образованной, как палата общин. Перед такими отрывками или после них могут стоять краткие, насыщенные высказывания, какие столь выразительно встречаются в Послании Иакова. Письменному стилю мы учимся письмом; устный же должны формировать в процессе действительной речи.[538] Для определений и других коротких мест, где язык приобретает особую важность, можно заранее закрепить точные выражения — записав их или обойдясь без записи. Однако хотя в речи, стремящейся произвести практическое впечатление, вообще не следует гнаться за сжатым и в высшей степени отделанным стилем, существует опасность утомительного повторения, «длинно растянутой цепи скуки», особенно того, что кто-то называет «заключениями, которые никак не заключают». Эту опасность можно устранить тщательностью подготовки и произнесения, а также постоянным упражнением в добросовестном письме для других целей.

[68] (ж) Подобный, но более серьёзный недостаток — опасность ошибок в высказываниях. В пылу минуты свободный оратор может сказать нечто не относящееся к делу, необдуманное, неуместное, а иногда, увы, даже неистинное. Некоторые рискуют больше других, но все в большей или меньшей мере подвержены этой опасности. Можно дать несколько защитных советов. Готовьтесь основательно и тем значительно уменьшайте опасность. Сохраняйте холодную голову, как бы ни согревалось сердце во время проповеди. Если оговорка серьёзна, исправьте её на месте и продолжайте; если очень

серьёзна и не замечена тогда, исправьте при другом случае. Но в большинстве случаев оставьте такие ошибки в покое. Если у вас есть подлинные достоинства и вы пользуетесь доверием людей, одним из благословеннейших ваших преимуществ будет возможность последующей жизнью заставить забыть многие промахи.

[69] (з) Успех свободной проповеди во многом зависит от чувств проповедника в момент произнесения и от обстоятельств, так что он подвержен явной неудаче. Именно это больше всего удерживает многих от попыток говорить свободно. Однако это условие, при котором проповедники гораздо чаще выигрывают, чем проигрывают. Многие величайшие ораторы страдали нервной робостью в начале речей и проповедей. Э. П. Худ[539] выразительно говорит о «силе нервного волнения как составляющей успешного красноречия: том пульсирующем, трепещущем волнении чувства, которое соединено с совершенным владением предметом и интересом к нему». Маколей однажды написал о человеке, которого называет «едва ли не самым находчивым и беглым участником прений из когда-либо известных»: «Тирни говорил, что никогда не вставал в палате, не чувствуя дрожи в коленях; и я уверен, что никто, кому не знакома хоть доля этого чувства, никогда там не преуспеет».[540] Человек, неспособный потерпеть неудачу, никогда не может быть красноречив. Если его природа не настолько возбудима, а отзывчивость к окружению не настолько чувствительна, чтобы крайне неблагоприятные обстоятельства глубоко его подавляли, то и самые благоприятные условия не будут сильно возвышать и вдохновлять его. Подобным образом способ проповеди, делающий неудачу невозможной, делает

невозможной и высшую впечатляющую силу. Ограждённый от падения ниже определённого уровня, проповедник будет также лишён возможности взлететь настолько высоко над ним, насколько иначе мог бы. Нет, пусть человек отдаст себя случаю и предмету — соберётся с духом и смело пустится вплавь, будь что будет.

[70] (и) Упадок сил и нервная подавленность после свободной проповеди склонны быть сильнее, чем в остальных случаях. Это, возможно, неизбежно, но возмещается большей впечатляющей силой и действенностью свободного произнесения.

[71] Теперь внимательно отметим: все недостатки свободной речи таковы, что их можно полностью устранить решительным и разумным усилием, тогда как чтение и произнесение наизусть имеют много внутренних недостатков, которые, конечно, можно более или менее уменьшить, но никогда нельзя удалить. Прирождённый оратор сумеет преодолеть трудности свободной речи и найдёт здесь, и только здесь, свободное применение своих сил. Мы имеем в виду не только немногих великих ораторов, но всех, у кого действительно есть природный дар речи, включая тех, в ком он долго остаётся неразвитым вследствие недостатка упражнения или неверных способов. Некоторые люди, не рождённые ораторами, но желающие делать добро и ревностные пастыри, могут писать и читать достаточно поучительные и приемлемые речи, хотя никогда не смогли бы проповедовать свободно. Но, конечно, то, что лучше для них, ещё не доказано лучшим вообще. Способы речи следует выбирать по потребностям и силам тех, кто имеет некоторый ораторский дар. Очень немногим из

остальных, если вообще кому-либо, следует делать публичную речь своим занятием.

[72] § 5. Общая и специальная подготовка к свободному произнесению проповеди

[73] Проповедник должен заботиться о здоровье не только по другим причинам, но и потому, что речь, настоящая речь, требует большой нервной энергии и выносливости. Для этого он должен достаточно спать вообще и особенно в субботнюю ночь. Немало прекрасных проповедей портится оттого, что к концу проповедник начинает физически слабеть и уже не может ни испытывать сильного чувства, ни говорить со страстью и силой.

[74] Он должен развивать точность и быстроту мышления, приучать себя без перерыва прослеживать цепи мыслей и по возможности не зависеть от внешних вспомогательных средств. Знание Писания и все прочие знания, насколько возможно, должны быть у него готовы слететь с языка. Привычка держать знание пригодным для дела, так чтобы сразу высказать известное или думаемое об изученных предметах, предохранит от опасности сбиться и позволит столь же основательно готовить проповеди за более короткое время. Поэтому проповеднику полезно продумать все главные вероучительные истины, чтобы иметь определённые — не обязательно непогрешимые! — взгляды на каждую и уметь излагать их при необходимости, навсегда усвоив наизусть некоторые главные подтверждающие места Писания. Профессор Парк даёт превосходный совет о запоминании изучаемого: в самый момент учения следует намереваться запомнить навсегда, а не только для данной проповеди или случая.

[75] Большое внимание следует уделять употреблению языка в обычном письме и разговоре. Нужна привычка искать самые точные слова и строить предложения грамматически правильные и вместе с тем простые и лёгкие. Самый непринуждённый разговор не должен вырождаться в жаргон, а самый торжественный — в педантизм. Между стилем публичной речи и разговора не должно быть такого резкого различия, какое часто наблюдается. Это должны быть не разные инструменты, а лишь более высокий или низкий диапазон одного инструмента. Детей учат: чтобы наверняка быть вежливыми в гостях, надо каждый день быть вежливыми дома. Так и Кокрель говорит: «Чтобы иногда говорить хорошо, необходимо говорить хорошо всегда». Несомненно, это необходимо, чтобы быть уверенным в способности хорошо говорить в любое время. Человеку, сформировавшему такие привычки, не нужно тревожиться: его обращение с языком никогда не будет чрезмерно плохим.

[76] Молодому проповеднику, желающему говорить свободно, следует начать сразу. Способ господина Цинке[541] — всё писать целиком и затем трудоёмко запоминать содержание, отчего произнесение становится почти повторением наизусть, — может очень хорошо подойти тому, кто читал до среднего возраста и затем решил говорить свободно; но для молодых он отнюдь не лучший. Вероятно, величайшая и самая распространённая ошибка во всём этом вопросе находится именно здесь. Авторы, преподаватели, пасторы часто говорят молодому служителю: «Конечно, свободная проповедь лучше, если ей правильно пользоваться, и я надеюсь, вы научитесь говорить свободно. Но не думайте пробовать с самого начала. Начните с чтения — или с

проповеди по памяти — и постепенно приучайте себя к свободному произнесению». Так он начинает, формирует все привычки мышления и построения речи, владение выражением, стиль, произнесение — всё — применительно к другому способу, — а привычки оратора на всю жизнь складываются очень скоро, — и через несколько лет время от времени пытается проповедовать способом, к которому себя не готовил и который во многих отношениях совершенно иной. Кто удивится, что он терпит неудачу, падает духом и возвращается к постоянной практике прежнего способа, будто почему-то лучшего для него? Нет, пусть человек сразу начинает то, что намерен сделать привычкой всей жизни.

[77] Лорд Брум настаивает, что сначала нужно научиться говорить легко и бегло, пожертвовав всем ради этого первейшего требования, а затем научиться «превращать такую лёгкую речь в строгое красноречие». Говоря так, он считает себя «несогласным со всеми прочими учителями риторики». В действительности обычный совет следует изречению Квинтилиана: «Не быстрым письмом мы приходим к хорошему письму, но хорошим письмом учимся писать быстро». Вероятно, в двух случаях имеются в виду разные типы ума. Если молодой человек обнаруживает, что говорит не бегло, а медленно и нерешительно, пусть следует совету Брума и во что бы то ни стало учится говорить легко, хотя бы сначала нарушал все правила риторики и даже грамматики. Но если, как бывает чаще, он находчив и бегл, то должен строго приучать себя к точности выражения. «Старый, зрелый оратор всегда употребляет меньше слов и выбирает их лучше, чем молодой».[542] Владение языком состоит не в том, что Юэ непочтительно назвал une fluxe de bouche, не

в простом извержении слов, а в умении в нужную минуту вызвать именно нужное слово.

[78] Свободный проповедник должен тщательно расположить проповедь по естественному порядку мыслей, и тогда ему нетрудно будет помнить её. Проповедь не должна произвольно блуждать по предмету, но должна иметь отчётливые, хорошо обозначенные пункты и неуклонно переходить от одного к другому. В обоих отношениях то, что помогает ему, значительно поможет и слушателю. Имеет ли обращение к широкой аудитории формальные деления или нет, в нём всегда должны быть ясные пункты. Одно из преимуществ свободной речи в том, что она вынуждает к такому расположению. Если теперь перед человеком простирается ясно обозначенный путь мысли, разделённый естественными ориентирами на отчётливые участки, он может при случае отклониться от него и без труда вернуться.[543]

[79] Если проповедник делает записи при подготовке, как обычно лучше и поступать, вообще говоря, ему не следует брать их на кафедру. Особые темы или способы разработки иногда делают это желательным. Вероятно, большинству, особенно в первые годы труда, лучше составлять обильные заметки или даже полный набросок. В некоторых случаях значительные части могут быть написаны и прочитаны либо произнесены по памяти, пока постепенно не приобретена уверенность, позволяющая вовсе оторваться от рукописи. Некоторые находят полезным брать набросок или записи на кафедру: они чувствуют себя спокойнее, хотя не следят за текстом пристально или вообще его не читают. Но в целом следует заранее уделить достаточно времени тому, чтобы

содержание проповеди растворилось в уме и могло свободно литься; или, возвращаясь к другому образу, сделать предстоящий путь настолько ясным умственному взору, чтобы одним мгновенным взглядом окинуть его от начала до конца. Это не заучивание слов, и с небольшой практикой делается быстро. Необходимость незадолго до проповеди основательно пройти весь приготовленный материал принесёт большую пользу и в других отношениях: так ум и сердце воспламеняются и входят в сочувственное единение с данным предметом. Иногда заранее следует закрепить самые слова. Обычно это относится к определениям, часто — к переходам, иногда — к образам, которые необходимо представить точно и изящно, иначе лучше было бы вовсе без них. Отдельные предложения можно так подготовить письменно и заучить или подготовить целиком мысленно. Часто советуют заучить вступление, а язык остальной речи импровизировать. Правильность этого сомнительна. Это придаёт началу формальность и легко делает переход резким. Места Писания и другие предполагаемые цитаты следует мысленно повторить во время непосредственной подготовки, чтобы не было ошибок или запинок.

[80] Доктор Р. С. Сторрс в полезном сборнике лекций «Проповедь без записей» удачно излагает условия успеха этого способа следующим образом. Сначала он называет физические и умственные условия: (1) телесная бодрость, поддерживаемая упражнениями, сном и обычными средствами сохранения здоровья и жизненной силы; (2) умственная бодрость, поддерживаемая сосредоточенным, быстрым и широким чтением, беседами с равными умами, разнообразием труда; (3) план проповеди должен быть прост, последователен в своём развитии и прочно укоренён в уме; (4) проповедник должен владеть

достаточным числом вспомогательных ходов мысли, чтобы раскрывать и запечатлевать сказанное. Затем он обсуждает нравственные и духовные условия: (1) ясное и сильное чувство важности именно этого предмета; (2) определённая цель, практическое впечатление, которое эта речь должна произвести на этих слушателей; (3) чувство ответственности ввиду последствий данного рассуждения и нынешней верности проповедника; (4) торжественное чувство личного присутствия Учителя. Он добавляет: (5) проповедник должен не заботиться о критике и (6) ожидать успеха. Эти плодотворные указания надлежащим образом развиты в изложении и заслуживают запоминания и дальнейшего размышления, исходя от человека, достигшего выдающегося успеха в защищаемом им способе проповедовать. Почти о том же говорят мудрые слова профессора Парка, утверждающего, что пламенное благочестие — первое из всех требований к свободной проповеди, поскольку оно способствует: (1) интересу проповедника к теме; (2) любви к слушателям; (3) уверенности в успехе; (4) решимости чего-либо добиться; (5) власти над своими чувствами — всему необходимому для действенной проповеди.

[81] Теперь мы видим, как неопытный молодой проповедник может говорить свободно без большой опасности полного провала. Пусть он очень тщательно расположит речь и вновь и вновь продумает её целиком, не стараясь удерживать попавшиеся слова, кроме определений и тому подобного, но совершенно освоив мысли и их последовательность. Нет ничего дурного в том, чтобы проговорить её в своей комнате или в лесу; некоторые находят это очень полезным при первых подготовках. Затем пусть помолится о помощи и идёт вперёд: помнить

он может лучше, чем предполагает, — и лёгкость быстро возрастёт.

82 В непринуждённой беседе с таким молодым братом можно добавить следующие советы относительно самого выступления. Если забудете, что хотели сказать дальше, не останавливайтесь. Ничто не бывает так неловко, как мёртвая пауза; и неловкость растёт в геометрической прогрессии с каждой секундой. Говорите что-нибудь, повторяйте, подводите итог, даже говорите наугад — что угодно, только не останавливайтесь. Если запутаетесь в сложном предложении, не поворачивайте назад, а прорвитесь вперёд. Если допустили грамматическую ошибку, неверное произношение или что-либо подобное, не останавливайтесь ради исправления, если ошибка не серьёзна. Случайную невнимательность охотно прощают при хорошем общем стиле. А если вы сильно ошибётесь в стиле, забудете половину лучших мыслей или совершенно провалитесь, это вас не убьёт. Другие великие люди тоже терпели неудачу. Вспомните молодого Роберта Холла.

83 Публичная речь — одно из благороднейших применений человеческих сил; проповедь — её высшая форма; и если свободная речь есть лучший способ проповеди, то, несомненно, совершенство в ней стоит труда: прилежного и верного самовоспитания, решительной готовности всегда делать всё, на что способны, пока мы живы.

Часть IV. Глава II. Произнесение проповеди: голос

[1] § 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОИЗНЕСЕНИИ. 2. ГОЛОС И ЕГО ОТДЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ. 3. ОБЩЕЕ РАЗВИТИЕ ГОЛОСА. 4. УПРАВЛЕНИЕ ГОЛОСОМ ВО ВРЕМЯ РЕЧИ.

[2] § 1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОИЗНЕСЕНИИ[544]

[3] Нет необходимости доказывать важность произнесения тем, кто правильно понимает его природу и ценит цели публичной речи.

[4] Знаменитое изречение Демосфена, неоднократно приводимое Цицероном, иногда совершенно искажают. Он не говорил, что первое, второе и третье в красноречии — действие в современном английском значении слова action; он говорил о произнесении, ибо именно это, как известно, означает латинское actio. А произнесение состоит не только и даже не главным образом в звучании голоса и жестикуляции. Оно предполагает, что человек захвачен предметом, вполне ему сочувствует и живо сознаёт его важность; что он не повторяет заученные слова, а выпускает на свободу мысли, заключённые в его уме. Даже актёрская игра хороша лишь в той мере, в какой актёр отождествляет себя с изображаемым лицом — действительно мыслит и действительно чувствует то, что говорит. У оратора это должно быть совершенным: ведь он не берётся изображать другого человека, усваивать чужие мысли и чувства, а стремится — или

должен стремиться — просто быть собой и высказывать произведённое собственным умом.

[5] Почему же ораторы так часто и так прискорбно терпят неудачу в этом главном элементе произнесения? Отчасти потому, что многие излагаемые ими мысли заимствованы, никогда не были усвоены размышлением и не вошли в саму ткань их мышления. Отчасти потому, что они так часто говорят не то, что действительно чувствуют, а то, что, по их мнению, должны чувствовать и что, быть может, искренне, но безуспешно пытаются почувствовать. Ещё более — потому, что они произносят плод прежней умственной деятельности, происходившей во время подготовки; и даже если тогда мысль и чувство были совершенно реальны и подлинны, породившие их состояния ума теперь возвращаются лишь отчасти. Во всех этих отношениях видно, что оратор, вероятно, в некоторой мере становится актёром. Поэтому нетрудно понять, как одарённый и трудолюбивый актёр может гораздо полнее проникнуться совершенно чужими мыслями и чувствами, чем оратор, которому недостаёт дарования и труда, — такими, которые в данный момент не вполне его собственные. К тому же от актёра мы не ожидаем полного совершенства в этом отношении, а удивляемся и восхищаемся, когда он иногда так близко к нему подходит. От оратора же мы естественно ожидаем совершенства и бываем недовольны очевидным недостатком.[545] Поэтому для оратора, а прежде всего для проповедника, чрезвычайно важно противостоять склонности отчасти становиться актёром и усерднейшим образом стремиться говорить лишь то, что он сейчас действительно думает и сейчас подлинно чувствует. Иногда проповедник огорчается, забыв удачное выражение или дорогую ему мысль; но отсутствие того,

чего нынешняя деятельность ума не смогла породить, в действительности могло оказаться приобретением: это вошло бы в речь лишь как мёртвая вещь, уменьшив её жизненность и замедлив общее движение. Во всяком случае, представляется ясным, что проповедник должен вырабатывать умственные привычки, весьма отличные от актёрских. И хотя люди, желающие стать ораторами, надеются извлечь пользу из уроков актёров, всё же актёр только пытается подражать оратору. Несомненно, лучше обратиться к самой сути дела и стараться действительно быть тем, кем призван быть, чем копировать несовершенную копию; лучше упражняться в выражении того, что мы действительно думаем и чувствуем, чем учиться у актёра говорить то, чего не думаем и не чувствуем, почти так, словно это нам свойственно.

[6] Эти взгляды подтверждаются сильными словами человека, с которым немногие могли сравниться в понимании и владении подлинным искусством.
«Вагнер. Я часто слышал уверенья,
Что проповеднику полезен как учитель актёр.
Фауст. Да, если проповедник сам играет роль, — согласен:
В наше время это часто происходит.
Вагнер. Ах, если человек так предан книгам,
Что видит мир едва лишь в праздник,
И словно в подзорную трубу его читает,
Как может он надеяться вести его убеждением?

> [7] Фауст. Чего не чувствуешь, того не выследишь охотой:
> Оно само должно излиться из души,
> Свежей радостью чаруя,
> Сердца всех слушающих подчинить.
> Сиди же вечно! Отогревай свой клей,

Раздуй золу и на огне унылом
Вари в горшке рагу
Из остатков чужих мыслей!
Дети и обезьяны будут любоваться,
Если их суд способен радовать тебя.
Но ни одно ты сердце не зажжёшь,
Коль искра не пришла из сердца говорящего.

[8] Вагнер. Успех оратора решает произнесение,
Хотя, признаюсь, я и здесь далёк от цели.

[9] Фауст. Ищи честной добычи, без притворства!
Не будь глупцом, звенящим, как кимвал.
Здравый ум и верное суждение
Находят речь без множества искусств и правил.
И если есть что высказать всерьёз,
Зачем метаться в поисках словес?
Да, ваши столь изысканные речи,
Где жарят жалкие обрывки человечества,
Так же не освежают, как туман и ветер,
Свистящий в сухих осенних листьях».[546]

[10] Речь в строгом смысле слова существует только в самом акте говорения. Всё предшествующее — подготовка к речи; всё остающееся после — запись сказанного. Каким бы удобным ни было иное разграничение в наших учебниках риторики, чрезвычайно важно не мыслить речь и её произнесение как вещи, существующие отдельно. Каким бы способом мы ни готовились, следует постоянно считать всё это лишь подготовкой. Её необходимо хранить живой в уме, она должна составлять жизненную часть самого ума;

тогда и произнесена она будет как живая, дышащая мысль.

11 И как подготовка не является речью до произнесения, так и сам способ говорения не должен в этот момент становиться предметом отдельного внимания. Он должен естественно возникать из своеобразия оратора под действием предмета, который сейчас наполняет его ум и сердце. Мысль о том, что можно стать красноречивым одним лишь изучением голоса и жестов, хотя иногда и встречается, по существу нелепа. Никто не ожидал бы таким способом стать приятным собеседником. Афиняне гораздо выше нас ценили то, что назвали «скульптурой и музыкой красноречия». Они слушали политические и судебные речи во многом с тем же критическим настроением, с каким мы слушаем профессионального музыканта или литературную лекцию. Однако они были весьма далеки от того, чтобы уделять главное внимание одному лишь употреблению голоса и жестов. И даже понимая произнесение в самом широком смысле, мы обнаруживаем, что Демосфен, как уже замечалось,[547] вовсе не считал его единственным главным делом. Он предполагал само собой разумеющимся, что оратор позаботится о материале, расположении и стиле; его речи показывают, что сам он делал это в высочайшей степени. Но произнесение, особенно важное в Афинах, для него самого было особенно трудной задачей. Отсюда его поразительное, гиперболическое утверждение: произнесение — всё.

12 Условия действенного произнесения можно кратко изложить так:

13 Имейте что сказать — и будьте уверены, что это стоит говорить: едва ли что-либо придаст произнесению столько

достоинства, прямоты, непринуждённости и силы, сколько эта уверенность. Хорошо расположите материал, но не по образцу письменного очерка, а с упорядоченным и быстрым движением, свойственным речи. Основательно освойте всё, что намерены сказать, чтобы не тревожиться: страх неудачи прискорбно прерывает течение мысли и чувства.[548] Незадолго до часа выступления вновь обдумайте всё, чтобы чувствовать твёрдую почву и живо настроить чувства в согласии с предметом. Однако непосредственно перед выступлением лучше освободить ум от деятельного размышления, сохраняя лишь спокойный молитвенный настрой. Пусть физическое состояние будет по возможности бодрым. Для этого заботьтесь о здоровье вообще; хорошо выспитесь в ночь перед выступлением; перед речью ешьте умеренно, легко усвояемую пищу, а если предстоит говорить сразу — совсем немного; и, если этого можно избежать, не истощайте свои силы за день возбуждёнными разговорами. Чрезвычайно важно здоровое состояние нервной системы — не болезненная возбудимость, вызванная, например, занятиями до поздней ночи накануне, а здоровье, при котором чувство быстро отвечает на мысль, возникает сочувственное волнение и одновременно сохраняется полное самообладание.[549]

[14] Прежде всего будьте собой. Свободно и серьёзно высказывайте то, что думаете и чувствуете. Лучше тысяча недостатков, чем бесцветность из страха перед ними. Некоторые из самых полезных проповедников, красноречивые в истинном и высоком смысле, имели серьёзные недостатки манеры. Постоянно исправляйте их, насколько возможно; но хороши или плохи голос и жесты, если внутри вас есть что сказать — выскажите. И

непременно избегайте всякого позёрства и даже искусственности.[550]

[15] «В мужчине иль в женщине, но больше в мужчине,
А более всего в том, кто совершает служение
И служит у алтаря, я всей душой ненавижу
Всякую рисовку. Её презираю без меры;
Она — предмет неумолимого отвращения.
Что! Неужто человек станет кривляться,
Тешиться глупым, нежным самомнением
О стройном теле, верных соразмерностях,
О модной осанке и красивом лице — пред Богом?
Иль станет ослеплять меня тропами,
Как бриллиантом на своей лилейной руке,
И разыгрывать блестящую роль передо мной,
Когда я алчу хлеба жизни?
Он глумится над Творцом, продаёт и позорит
Благородное служение и, вместо истины
Показывая собственную красоту, морит голодом стадо!
Прочь же всякую позу, пристальный взгляд
И театральное вздрагивание, отрепетированное у зеркала!»[551]

[16] § 2. ГОЛОС И ЕГО ОТДЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

[17] Голос — главное орудие оратора. Ничто другое в физическом устройстве человека не имеет сопоставимой важности. «Для действенного и превосходного произнесения, — говорит Цицерон, — голос, без сомнения, занимает первое место».[552] Не всякий выдающийся оратор обладал внушительной наружностью, но каждый, достигший величайшей славы, имел действенный голос. Недостатки, происходящие от природного устройства, — растянутая речь, тонкость, слабость, нечёткое произношение, — нередко можно отчасти исправить разумным и терпеливым трудом; пример тому Демосфен. И голос, чрезвычайно несовершенный в некоторых отношениях, в других может обладать большой силой и точно соответствовать душевному складу человека; пример — Джон Рэндолф. Гладстон говорит, что голос Шила походил на жестяной чайник, помятый со всех сторон, голос Ньюмена был тонок и слаб, а у Чалмерса был резкий шотландский выговор; но в каждом случае голос настолько вполне соответствовал всему произнесению и всему человеку, что иного и не хотелось бы. О Бёрке сказано, что «голос его, который он никогда не пытался упражнять, был резок в спокойном состоянии, а при возбуждении он часто так хрипел, что его едва можно было понять». Это, вместе с очерковым стилем его в остальном великолепных речей, объясняет, почему его обычно слушали с утомлением. Однако в отдельных случаях, выражая некоторые виды мыслей и чувств, он произносил речь с большой силой.[553] Роберт Холл имел сравнительно слабый голос, но придавал ему действенность быстротой произнесения, а

при возбуждении голос наливался силой. Голосовые дарования Златоуста, Уайтфилда и Сперджена хорошо известны. Из всего этого следует: хотя без необыкновенных голосовых возможностей нельзя стать оратором высшего класса, можно всё же быть весьма действенным говорящим, несмотря на серьёзные недостатки. Поэтому каждого следует ободрять к наилучшему использованию тех голосовых сил, которыми он располагает.

[18] Подробное знание анатомии и физиологии органов речи оратору не требуется. Даже общее знакомство с ними полезнее для предотвращения болезни, чем непосредственно для улучшения произнесения.[554]

[19] Но существуют определённые возможности голоса, которые важно различать применительно к публичной речи.

[20] (1) Диапазон — пределы высоты, в которых действует голос. Разница между голосами в этом отношении очень очевидна у певцов, но не менее реальна и в речи. Она чрезвычайно важна для выражения огромного разнообразия чувств, которые оратор испытывает даже на протяжении одной речи.

[21] (2) Сила звучания — количество производимого звука — совершенно отлична от высоты, хотя их часто смешивают в обиходном употреблении слов «громкий» и «сильный». Большая сила звучания при правильном управлении позволяет голосу быть слышимым дальше и делает его более властным.

[22] (3) Проникающая сила. Расстояние, на котором слышен голос, зависит не только от силы и высоты звука и не только от отчётливого произношения: голоса

различаются по способности проникать в пространство. Подобное различие существует у многих других звуков, природных и искусственных. Его природа удовлетворительно не объяснена, и в руководствах по искусству произнесения этот факт почти не отмечается; но даже небольшое наблюдение убеждает в его действительности. Более того, проникающая сила иногда явно передаётся по наследству,[555] что доказывает: это природное свойство голоса.

[23] (4) Мелодичность. Она зависит и от приятности, и от гибкости голоса. Отдельные звуки должны быть приятны, а постоянные переходы по высоте, требуемые сменой чувств, должны совершаться быстро, точно и плавно. Голос немелодичен, если ему недостаёт хотя бы одного из этих качеств.

[24] § 3. ОБЩЕЕ РАЗВИТИЕ ГОЛОСА

[25] Цицерон рассказывает, что Гай Гракх во время речи держал поблизости, но вне поля зрения, слугу с флейтой: её звук время от времени поднимал голос оратора, когда тот ослабевал, или возвращал его к должной мере при чрезмерном напряжении. И Цицерон рассудительно добавляет: лучше оставить флейтиста дома, а на форум принести приобретённую привычку.[556] Это верно для всякого развития голоса, да и для всего, что относится к произнесению. Общими упражнениями и вниманием следует выработать такие привычки речи и поведения, чтобы во время самого публичного выступления они почти не требовали заботы.

[26] Всё, что укрепляет общее здоровье, улучшает и голос, особенно мышечные упражнения, прежде всего

развивающие грудь и способствующие свободной прямой осанке. Пение развивает голос почти во всех отношениях и, вероятно, больше всего другого, кроме самой речи. По многим иным причинам также весьма желательно, чтобы служитель умел петь и петь по нотам; молодым служителям и готовящимся к служению следует усердно учиться пению. Если для приобретения способности петь церковную музыку с листа потребуется столько же времени и труда, сколько для изучения нового языка или какой-либо науки, польза будет не меньшей; почти всякий ещё молодой человек может научиться петь сносно благодаря разумным и настойчивым усилиям. Чтение вслух также хорошо развивает голос. Однако оно утомительнее, чем говорение, и его следует сразу прекращать, когда утомление становится явным. Правильное обращение с голосом во всех обычных разговорах имеет чрезвычайную важность. Как в вежливости и стиле, так и в пользовании голосом, а также в жестах, невозможно действительно хорошо действовать в особых случаях, если обычно человек небрежен и неряшлив. Мы уже настаивали на этом применительно к стилю и импровизированной проповеди, но это стоит повторять снова и снова. Заботьтесь, чтобы ваша речь в разговоре всегда была слышной, приятной и вместе с тем лёгкой и естественной; тогда в публичном выступлении она почти позаботится о себе сама. Голосовые упражнения в некоторых целях и до известной степени могут быть весьма полезны. При чрезмерности или неправильном характере они способны серьёзно повредить органы; ещё больше опасность, что они породят искусственность. При индивидуальных занятиях под руководством действительно рассудительного учителя произнесения они могли бы очень помочь

исправлению отдельных недостатков. Но многие учителя, даже умные, поразительно склонны браться за слишком многое и не довольствоваться скромной задачей исправления недостатков: они хотят привить какое-либо положительное и неизбежно искусственное совершенство. В конечном счёте главное после заботы об обычном разговоре — практика самой речи. Но это должна быть внимательная практика с наблюдением обнаруживаемых недостатков и последующим стремлением их избежать; иначе она лишь закрепит и сделает неисправимыми природные или случайные пороки. Кто-то сказал: «Практика делает совершенным; дурная практика делает совершенно дурным».

[27] Нужно постоянно заботиться о том, чтобы не уничтожить индивидуальность голоса. Голос человека — часть его самого, часть его силы; его следует сохранять в основе неизменным, совершенствуя насколько возможно.

[28] Можно отметить несколько средств развития отдельных возможностей голоса.

[29] (1) Ничто не расширяет диапазон так, как пение. Некоторую пользу приносит повторение короткой фразы на открытом воздухе со всё более высоким или низким тоном, до полного предела голосового диапазона. При этом нужно следить, чтобы на любой высоте сохранялась речь, не переходящая в полупение. В таких упражнениях необходимо помнить: на низком тоне лучше говорить медленно, на высоком — быстро. Разница ясно видна при сравнении нижних и верхних тонов фортепиано или скрипки; а человеческий голос — тоже струнный инструмент. При настоящем говорении природа сама подсказывает более быстрое или медленное произнесение, если только дать ей свободу.

[30] (2) Что касается силы звучания, главным образом помогают привычная осанка и физические упражнения, расширяющие и укрепляющие лёгкие. Верховая езда, рубка дров и в замечательной степени некоторые гимнастические упражнения производят такое действие, что вскоре обнаруживается по увеличению ширины груди. Несколько глубоких вдохов каждое утро до завтрака или в любое время дня, когда желудок не полон, действуют на лёгкие и при регулярном повторении достигают гораздо большего, чем можно предположить. Здесь весьма важна привычка говорить с достаточно открытым ртом, чтобы звук выходил полно и свободно, разумеется, без утрированного движения губ. Полезно время от времени громко петь, но не на высоком тоне; а сама практика речи, если только она не поставлена совсем плохо, будет постоянно увеличивать силу голоса на протяжении всех молодых лет.

[31] (3) Проникающую силу можно увеличить, уделяя ей особое внимание при голосовых упражнениях, а иногда и во время речи. Нужно стараться посылать голос вдаль, заставлять его достигать большего расстояния, не повышая тона и не увеличивая количества звука. Окликая друга на противоположном холме или выбирая взглядом далёкого слушателя в большом собрании и стараясь быть услышанным им, мы естественно развиваем эту силу. Но необходимо тщательно следить, чтобы не подменять её изменением высоты или тона. Различные физические опыты показывают, что чистые тоны, не смешанные с неравномерными шумами, — полные, ясные, устойчивые[557] — слышны дальше других. Для развития чистоты тона это ещё более важное основание, чем её влияние на мелодичность.

[32] Чистота тона относится главным образом к произнесению гласных. Но проникающей силе голоса также очень помогает отчётливая артикуляция согласных. Чрезвычайно часто, приближаясь к оратору, мы слышим звук, даже громкий, прежде чем начинаем различать слова. Главная причина в том, что оратор усиливает гласные, но не выделяет согласных. Между тем именно они главным образом определяют слово и в речи, и в стенографии.

[33] В отчётливости артикуляции весьма распространены большие недостатки, и здесь есть широкое поле для совершенствования простыми средствами. В разговоре, чтении и речи, особенно в пении, где это труднее всего, следует постоянно заботиться о правильном звуке каждой буквы, прежде всего каждой согласной. Можно пользоваться особыми упражнениями, содержащими часто пропускаемые согласные, например отчётливое r и носовой звук ing, либо трудные сочетания двух-трёх согласных, как в английских shrink, expects, fifth and sixth verses. По разным причинам важно, чтобы проповедники умели легко произносить формы второго лица единственного числа глаголов — wouldst, blessedst и подобные, — постоянно встречающиеся в молитве и иногда в увещании. Особая трудность часто возникает, когда согласная или сочетание согласных заканчивает одно слово и начинает следующее: например, take care, sit down. Едва ли один из пяти образованных служителей правильно произнесёт слова «In the evening it is cut down and withereth» — «Вечером её подсекают, и она увядает». Превосходный пример — изречение «It is the first step that costs» — «Труден первый шаг».[558]

[34] Большинство людей повсюду мало заботятся об отчётливости артикуляции; особенно это заметно в нашей стране и прежде всего на Юге. Американский английский слабее по звучанию, чем язык в Англии; а на Юге уже в некоторой мере проявляется общая склонность жителей тёплого климата удлинять гласные и придавать им певучесть, но опускать, изменять или смазывать сильные сочетания согласных. Для публичной речи это серьёзный недостаток. Итальянский язык превосходен для музыки, но для красноречия настоящий английский гораздо лучше. При этом будем остерегаться крайностей. Например, раскатистое шотландское r противоречит установившемуся американскому произношению, и подражать ему не следует. Вообще нельзя показывать усилие, направленное на отчётливость: даже бормотание едва ли хуже такой натуги. По замечанию одного немецкого автора, человеку незачем говорить так, словно он учит глухонемых речи. Когда выросший с небрежной артикуляцией впервые пытается её исправить, некоторое время усилие будет заметно; но это можно вскоре преодолеть упражнениями наедине и особенно внимательностью в разговоре.

[35] Кто желает быть услышанным на большом расстоянии, должен говорить довольно медленно. Тогда между звуковыми волнами будет ясный промежуток, и даже пройдя далёкий путь и ослабевая, они останутся различимыми.

[36] Эта проникающая сила голоса вместе с помогающей ей отчётливой артикуляцией, по нашему убеждению, заслуживает особого внимания всех публичных ораторов.

[37] (4) Мелодичность, как мы видели, зависит от приятности и гибкости голоса. Первое качество

преимущественно природное, но его можно улучшить пением; также вниманием к чистоте тона в разговоре, избегая сиплости и всякой примеси простого шума к звучащей речи; и вообще поддержанием органов речи в здоровом состоянии. Здесь важнее всего гласные: их протяжённость создаёт приятные тоны. Согласные, которые ради других целей нужно отчётливо артикулировать, ради мелодичности следует произносить плавно и легко. В нашей стране, особенно на Севере, заметна склонность опускать или искажать многие безударные гласные, чем сильно нарушается мелодичность слов, а иногда и их разборчивость. Пример — сокращённое произнесение absolute, tolerable, immensity, которое мы так часто слышим.[559] Все желающие говорить приятно должны тщательно избегать этой склонности, а все желающие добра нашему языку — противостоять ей и исправлять её. Но немало проповедников впадают в противоположную крайность и демонстрируют нарочитую точность. Так, в difficult гласная второго слога должна иметь свой надлежащий звук, хотя в просторечии звучит как краткое u; но в audible, sensible такая точность была бы манерностью, потому что редуцированный звук утверждён лучшим употреблением.

[38] Гибкость необходима и для точного выражения меняющегося чувства, и для мелодичности. Она развивается практикой, если человек говорит с искренним чувством; её также можно упражнять быстрыми переходами с одного тона на значительно более высокий или низкий. «Вероятно, лучшее упражнение — чтение вслух… диалогов, в которых читатель попеременно представляет нескольких собеседников. Живость, свойственная этому виду речи, и

частые быстрые перемены голоса, необходимые для различения лиц и характеров, дают самые действенные средства развития этой способности. Для той же цели хороши юмористические отрывки».[560]

[39] Мелодичность чрезвычайно желательна, но даже не обладающий ею в высокой степени голос оратора может быть весьма действенным благодаря другим качествам. Серьёзный же недостаток — разыгрывать голосом мелодии, давать своего рода музыкальное сопровождение, отдельное от выражаемых чувств. По-видимому, это довольно распространено в Англии и иногда встречается в Америке в проповедническом тоне даже образованных людей.

[40] § 4. УПРАВЛЕНИЕ ГОЛОСОМ ВО ВРЕМЯ ПРОПОВЕДИ

[41] Полезно помнить несколько простых советов.

[42] (1) Не начинайте на слишком высоком тоне. Это особенно легко случается на открытом воздухе, в большой незнакомой церкви или при сильном волнении. Поразительно, как трудно оратору понизить основной тон, на котором он уже начал говорить. Он может заметить ошибку через три минуты и неоднократно пытаться её исправить, но в большинстве случаев не справится; а когда наступят страстные места, где голос должен подняться, он поднимется до визга. Все неоднократно это наблюдали. Конечно, изменить тон не невозможно, и при необходимости следует осторожно пытаться это сделать. Но главное — избежать неверного начала. Тенора, очевидно, особенно склонны начинать слишком высоко.

[43] Если оратор воодушевляется уже в начале речи, ему не следует сразу выпускать голос на полную силу; высшую мощь нужно сохранить для более поздней вершины, как поступают с наиболее сильными инструментами в оратории.[561] Вообще голос должен крайне редко достигать предельной высоты или полной силы: всегда нужен запас, кроме, быть может, мгновения самого высокого душевного подъёма. Долгое кричание, перемежаемое лишь отдельными вспышками мучительного визга, во всех отношениях вредно всем участникам.

[44] Именно долгое говорение на высоком тоне под открытым небом, с несдерживаемой страстью, привело многих первых баптистских проповедников нашей страны к той напевной манере, или «святому завыванию», которое ещё слышно в некоторых местностях. Напряжённый и утомлённый голос инстинктивно искал облегчения в ритмическом повышении и понижении, как бывает и в громких выкриках уличных торговцев. В этот недостаток впадали обычно ревностные, а иногда и великие люди; последователи же часто подражали ему с обычной для подражателей поверхностностью, принимая явный недостаток за скрытую силу. Для некоторых невежественных людей такое особое завывание связано жизненной привычкой с самыми впечатляющими истинами и самыми торжественными случаями; поэтому оно трогает их независимо от сказанного, а иногда и тогда, когда слов проповедника не слышно, — подобно напевам духовных пробуждений или мелодиям, знакомым нам с детства.

[45] Нельзя начинать на высоком тоне, но текст всё же должен быть отчётливо слышен. Возникающую в большом

собрании трудность можно преодолеть, произнося текст медленно, ясно и, если нужно, дважды, а также посылая голос вдаль вместо его повышения.

[46] (2) Не позволяйте голосу пропадать на последних словах предложения. Хотя ему часто необходимо опуститься, возвращаясь к общему тону речи, он не должен падать слишком резко или слишком низко. Нередко последние слова становятся совершенно неслышны.

[47] (3) Непременно вдыхайте до полного истощения воздуха в лёгких и обычно поддерживайте их хорошо наполненными. При импровизированной речи это чаще всего происходит без усилий, но при чтении и произнесении на память требует особого внимания. Моно говорит: «Для этого необходимо дышать довольно часто и пользоваться небольшими остановками в произнесении».[562] Оратор не должен судорожно хватать воздух ртом, но должен дышать через нос ровно и спокойно. Голову и шею необходимо держать прямо ради свободного дыхания, как и по другим причинам; ничто не должно туго стягивать горло.

[48] (4) Часто смотрите на самых дальних слушателей и следите, чтобы они вас слышали. Если отдельные люди в какой-либо части помещения стали невнимательны, их нередко можно пробудить, на мгновение спокойно направив к ним голос.

[49] (5) Пусть будет разнообразие — высоты, силы и скорости.[563] Монотонность совершенно губительна для красноречия. Но разнообразия произнесения нужно достигать не внешним подражанием, а заботой о действительном и заметном разнообразии чувств, а затем

просто выражать каждое чувство наиболее естественно.[564]

[50] В остальном оставьте правила и думайте не о голосе, а о предмете и о тех, в чьём сознании хотите его запечатлеть. Исключение лишь одно: если заметный недостаток привлёк внимание или был указан другом, необходимо впредь заботиться о его устранении.

[51] ПРИМЕЧАНИЕ. Существует особое заболевание, вызываемое чрезмерным или неправильным употреблением органов речи и настолько часто встречающееся у проповедников, что его называют «горловой болезнью служителей». Причин этого ларингита, по-видимому, несколько: (1) Общее слабое здоровье, особенно органов пищеварения. (2) Продолжительная речь под влиянием подавляющих чувств, которые ведут к сжатию горла. (3) Речь при охриплости. (4) Пение, когда органы уже утомлены говорением. (5) Речь с возвышения, вследствие чего приходится смотреть вниз: это вызывает изгиб и сужение голосового тракта как раз в том месте, где возникает болезнь. (6) Можно добавить, что чтение гораздо вреднее для горла, чем говорение, а проповедникам, даже если они не читают своих проповедей, приходится много читать публично.

[52] Таким образом, проповедники, по-видимому, особенно подвержены заболеваниям горла, но большинство причин можно устранить или ослабить. Симптом, требующий особого внимания, — чувство усталости и слабости органов, при котором говорить кажется тягостно и трудно ещё до появления боли. Всегда, а особенно при общем слабом здоровье, этот признак настоятельно требует отдыха. Но даже если ларингит уже возник, положение,

хотя и серьёзно, не безнадёжно. Хорошая врачебная помощь, отдых, телесные упражнения, путешествие и более внимательное соблюдение законов здоровья часто приводят к выздоровлению за несколько недель. Даже здоровому голосу легко повредить сильным напряжением в очень холодном или очень горячем воздухе. Если человек сильно разгорячился во время проповеди и выходит на холод, чрезвычайно важно остерегаться простуды, не столько укутывая горло, сколько защищая всё тело. Пренебрежение этим часто вызывает болезни хуже ларингита.

Часть IV. Глава III. Произнесение проповеди: выразительные движения

[1] Слово action — «действие», или выразительные движения, — теперь обычно ограничивают тем, что Цицерон называет sermo corporis, «речью тела»: сюда входят выражение лица, поза и жесты, но не использование голоса.[565]

[2] Свобода и разнообразие движений детей, разговаривающих друг с другом, показывают, насколько они естественны. Их удивительную выразительность, даже без слов, иногда обнаруживают глухонемые и другие люди, искусные в пантомиме. Известен рассказ о споре Цицерона с Росцием, актёром, знаменитым своей пантомимой: кто из них способен выразить мысль красноречивее — один словами или другой знаками? Во многих случаях жест гораздо выразительнее любого количества слов. «Насколько справедливо считать язык препятствием мысли, хотя и необходимым её орудием, мы ясно поймём, вспомнив сравнительную силу, с которой простые идеи передаются знаками. Сказать „Выйдите из комнаты“ менее выразительно, чем указать на дверь. Приложить палец к губам действеннее, чем прошептать „Не говорите“. Поманить рукой лучше, чем сказать „Подойдите сюда“. Никакая фраза не передаст удивление столь живо, как раскрытые глаза и поднятые брови. Пожатие плечами многое потеряло бы при переводе в слова».[566] «Кто владеет этим языком знаков, тот действительно обладает почти волшебной силой. Соединяя его со словесной речью, оратор приобретает

необычайную живость выражения. Говорят не только его уста, но и глаза, черты лица, пальцы. Слушатели читают приближающееся чувство на его лице и в движениях почти прежде, чем голос достигнет их ушей: они одновременно зрители и слушатели; все чувства поглощены зачарованным вниманием».[567] О Цицероне говорили, что красноречивы даже кончики его пальцев, а о Гаррике — что одним движением локтя он мог произвести впечатление, которого не достигли бы никакие слова.[568]

[3] Как же получается, что взрослый так часто теряет эту удивительную силу, которой обладал ребёнок? Иногда он, ещё в ранней зрелости, ожесточился в слишком суровой жизненной борьбе и утратил свежее и живое чувство детства. Но чаще он стал скованным и поглощённым сознанием самого себя: уже не забывает себя, как ребёнок, в предмете разговора. И робок он или тщеславен, его манера неизбежно оказывается неестественной и неловкой. Тьер, впервые выступая во французском Собрании, был порывист, ораторски пышен — и вызывал смех. Талейран спросил: «Почему вы не говорите с трибуны так, как в салоне?» Тьер понял намёк, усвоил лёгкую разговорную манеру и стал великой силой в прениях. Выразительные движения истинны лишь тогда, когда они непосредственны и в данную минуту почти неосознанны. Даже ребёнок становится скованным, как только замечает, что за ним наблюдают. Напротив, самый застенчивый или самодовольный человек, если вся его душа поглощена предметом и он на время забыл о себе, вновь становится свободным и выразительным в движениях — по крайней мере настолько, насколько теперь позволяют дурные привычки. Помимо всего этого, иногда влияют и неправильные представления о

движениях, усвоенные от неразумных учителей или из случайных разговоров.

4 Как же проповеднику и в этом отношении «быть как дети»? Он должен развивать религиозную восприимчивость и веру, живо воспринимающую духовные истины как действительность. Нужно молитвенно стремиться больше заботиться о священных темах и меньше — о себе, постоянно и вполне подчинять мысль о себе мысли о спасении душ и прославлении Искупителя. Нужно помнить: именно он сам, каким создал его Творец, призван проповедовать Евангелие; сохраняя свою индивидуальность, развивая способности и исправляя недостатки, он должен совершать назначенный ему труд. Тогда, вполне овладённый предметом, поднявшись над страхом перед людьми и воспламенившись усердием приносить пользу, пусть он открыто высказывает то, что думает и чувствует. Несомненно, он допустит некоторые промахи; но что из того? Ребёнок никогда не научится ходить, ни разу не падая. Но он не будет всё время падать одним и тем же образом; так и промахи оратора могут чему-нибудь его научить. Вероятно, не замечая их в сам момент речи, потому что занят более высоким, впоследствии он может вспомнить недостатки своих движений или услышать о них от доброжелательного, а может быть, и недоброжелательного критика; в следующий раз он немного внимательнее отнесётся к этому и исправит или избежит их.

5 Некоторые люди от природы жестикулируют гораздо больше других. То же относится к расам и к людям одной расы в разных областях. Более возбудимые народы, например французы, жестикулируют почти постоянно;

англичане — сравнительно мало. В этом вопросе нам не следует прислушиваться к английским авторам: американцы от природы горячее и возбудимее англичан, больше склонны к свободному и разнообразному жесту.[569] И один и тот же человек будет двигаться больше или меньше в зависимости от физического состояния и настроения, а также от предмета и обстоятельств. Поэтому доверяйте непосредственному побуждению. Не подавляйте природу, кроме тех случаев, когда обнаруживаются конкретные недостатки. И никогда не насилуйте её: движения не обязательны, тогда как неестественные движения вредны. Роберт Холл обычно жестикулировал мало, хотя выражение его лица было замечательным. В движениях Сперджена не было ничего особенно поразительного, зато голос у него был необыкновенный. С другой стороны, «в Эйзенахе показывают дубовую кафедру, которую Лютер разбил кулаком во время проповеди»;[570] а апостол Павел, по-видимому, имел особую, впечатляющую манеру простирать руку. Итак, делайте то, что естественно для вас и для данной минуты. Пусть движений будет много или мало, того или иного рода. И всегда помните: вы участвуете не в турнире, а в битве; ваша главная забота — не соблюсти правила, а победить.

[6] Выше уже было отмечено, что выразительные движения, «речь тела», включают несколько различных составляющих.

[7] (1) Выражение лица обладает большой силой. «Но особенно господствует лицо. Им мы молим, угрожаем или успокаиваем; им печалимся или радуемся, торжествуем или падаем духом. К нему приковано внимание людей, на него они смотрят и его изучают ещё до того, как мы

заговорили… оно часто превосходит всякие слова».[571] Однако, за исключением одной черты, выражение лица почти непроизвольно, и для его улучшения мало что можно сделать, кроме исправления недостатков. Когда человек поглощён предметом и вполне подчиняет ему всякую мысль о себе, его лицо само принимает все подобающие выражения.

[8] Но исключение весьма заметно. Цицерон говорит: «В произнесении речи после голоса по силе действия следует лицо; а им управляют глаза».[572] «Выразительная сила человеческого глаза столь велика, что он до некоторой степени определяет выражение всего лица. Почти невозможно её скрыть. Говорят, что игроки, желая узнать положение противника в игре, больше полагаются на изучение его глаз, чем на любое другое средство. Даже животные восприимчивы к этой силе. Собака следит за глазами хозяина и ещё до единого слова узнаёт по ним, ждать ли ласки или опасаться наказания. Говорят, лев не может напасть на человека, пока тот твёрдо смотрит ему в глаза… Все страсти и чувства человеческого сердца, во всех степенях и взаимных сочетаниях, выражаются в глазах с наибольшей полнотой и силой».[573] Глазами мы в некоторых отношениях можем управлять. Мы не можем одним волевым решением заставить их пылать, блестеть или смягчаться; но всегда можем смотреть на слушателей. Важность этого трудно преувеличить. Помимо прямой силы, с которой взгляд оратора действует на аудиторию, проникая в самую душу, именно благодаря взгляду он улавливает выражение лиц и входит в живое сочувствие со слушателями. Мы уже говорили о поддерживающей и воодушевляющей силе сочувствия аудитории.[574] Тот, кто не чувствует его помощи и не испытывает большой потери при его отсутствии, либо не

рождён быть публичным оратором, либо странным образом исказил свою природу неправильными понятиями и дурными приёмами. И помимо непроизвольного воздействия, которое оказывает на говорящего вид лиц слушателей, он может наблюдать производимое впечатление и сознательно приспосабливать мысли, стиль и манеру к их нынешнему состоянию.

9 Если человек чувствует должным образом, его первоначальный взгляд будет почтителен без робости, независим без вызывающей дерзости или самомнения, серьёзен без напускного благочестия; затем его характер будет самопроизвольно меняться с каждой переменой чувства.

10 (2) Важна также поза. При ходьбе, стоянии, сидении и верховой езде нужно стараться приобретать привычную прямоту и непринуждённость; тогда в публичной речи будет мало опасности принять неподходящее положение. Но из-за отсутствия таких привычек, ошибочных представлений об ораторском искусстве или неправильных чувств в момент речи многие обнаруживают различные недостатки. Квинтилиан и более поздние авторы предостерегают от них; некоторые следует назвать.

11 Один из самых распространённых недостатков проповедников — привычка опираться на кафедру. Все неопытные ораторы, чувствуя себя неловко, склонны неустойчиво держаться и искать что-либо, на что можно опереться. Кафедра так удобна для этой цели, что нечего удивляться частому возникновению привычки на неё налегать. Когда молодой проповедник замечает у себя эту склонность, ему следует не только противиться ей на

кафедре, но и стараться на непринуждённых собраниях, при выступлениях в воскресной школе и тому подобном стоять открыто, не имея ничего перед собой. Несколько первых опытов быстро образуют привычку — хорошую или дурную.

12 Тело следует держать просто прямо. Лёгкий наклон головы в начале для большинства людей — естественное выражение уважения к слушателям, но он должен быть совсем небольшим и исчезнуть по мере оживления проповедника. Привычная сутулость — серьёзный недостаток и потому, что некрасив, и потому, что вредит органам речи; по возможности её нужно исправить, хотя у немногих людей она природна и непреодолима. Откидываться назад, как делают некоторые, — значит внушать, пусть и несправедливо, мысль о высокомерии или самомнении.

13 Сначала руки должны спокойно висеть вдоль тела. Скрещивать их на груди — жест, выражающий особые чувства, и прибегать к нему следует редко. Если поставить руки на бёдра пальцами вперёд, это как будто выражает развязную вызывающую дерзость; если пальцами назад — наводит на мысль о слабой спине. Сцеплять руки на животе неприятно; держать их сцепленными за спиной, хотя и не неприятно, едва ли изящно, особенно если они спрятаны под фалдами сюртука. Класть руки в карманы сюртука неизящно, а в карманы брюк — грубо. Стоять, как многие, заложив одну руку за борт, либо занимать её игрой с ключом или цепочкой часов, пуговицами и тому подобным, как делал Эндрю Фуллер, — в большей или меньшей степени нежелательно. Естественно, чтобы вначале руки свободно висели вдоль тела ладонями к нему, пока не появится

повод поднять одну или обе для жеста, а после жеста стремились вернуться в то же положение, хотя во многих случаях на некоторое время задерживаются в промежуточном положении сравнительного покоя.

[14] Ноги не должны быть ни широко расставлены, как у моряка, ни плотно сведены. Их точное положение определяется сложением и привычками человека; правила, предписывающие одну особую стойку, следует отвергнуть. Римский оратор обычно выдвигал левую ногу, потому что поддерживал тогу левой рукой; древний воин выставлял левую ногу, потому что на левой руке нёс щит. Теперь подобных причин постоянно выдвигать левую ногу нет.[575] Единственное основание для выбора, по-видимому, таково: если в данный момент одна рука активно жестикулирует, естественнее и легче немного выставить соответствующую ногу. Как часто оратор будет менять позу, зависит от его темперамента и нынешнего возбуждения; едва ли стоит особо заботиться об этом, если только он не склонен к беспокойной суетливости, которой, конечно, следует избегать. Нужно остерегаться «принимать позу», подобно капралу Триму и многим другим желающим прослыть ораторами.

[15] Кто замечает у себя склонность к какому-либо из этих недостатков, должен решительно исправлять их и тщательно от них оберегаться. Единственная настоящая трудность в исправлении таких сравнительно мелких недостатков состоит в том, что люди не считают их стоящими хлопот. Но ничто, сколько-нибудь влияющее на пользу проповеднического труда, на деле не является мелочью. Молодым людям избавиться от этих дурных привычек будет нетрудно; для людей среднего возраста это тоже вполне возможно. Твёрдая решимость и

настойчивость, особенно забота о выработке противоположных привычек вне кафедры, обычно побеждают. Если же недостатки действительно неисправимы, нужно стараться не тревожиться о них и, несмотря на них, делать всё возможное.

[16] (3) Жест, если исключить позу, означает движение — всего человека, ног, туловища, головы или рук. Для сколько-нибудь оживлённого оратора неестественно стоять совершенно неподвижно; вместе с тем важно не суетиться и не ходить по помосту, как тигр по клетке. Между этими крайностями человек будет более или менее свободно менять место сообразно темпераменту, обстоятельствам и вкусу. Топнуть ногой иногда бывает естественным выражением негодования или иных сильных чувств, но это легко наводит на мысль о бессильной ярости и во всяком случае почти никогда не подобает проповеднику. Движений туловища — покачивания вперёд и назад или из стороны в сторону — почти всегда следует избегать; сильно наклоняться вперёд уместно очень редко. Голова допускает разнообразные уместные и выразительные движения, но нужно остерегаться неловкости, чрезмерной резкости и однообразия.

[17] Руки и кисти приходится рассматривать вместе, потому что в публичной речи едва ли возможен жест кистью, который естественно не сопровождался бы каким-либо движением руки. Поэтому одно может обозначать и то и другое. Греки включали всё искусство произнесения речи в понятие хирономии, то есть управления руками.[576] Несомненно, кисти и руки имеют в жесте несравненное значение. Квинтилиан говорит: «О руках, без которых произнесение было бы увечным и слабым, едва ли можно

сказать, сколько у них движений: их почти столько же, сколько слов. Другие части тела помогают говорящему; эти же, я едва не сказал, говорят сами».[577] Но многие ораторы совершенно не знают, куда деть руки;[578] сходное затруднение часто обнаруживается и в гостиной, и на улице. Гресли указывает здесь на преимущество чтения проповеди: «Проповедующий без рукописи… должен найти занятие рукам. Но когда перед вами лежит написанная проповедь, руки время от времени заняты переворачиванием её листов»;[579] таким образом, читающий — счастливый человек — не вынужден жестикулировать.

[18] Перечислять все недостатки, наблюдаемые в жестах кистей и рук, было бы утомительно. Среди самых распространённых — порхание кистей, превращающееся у некоторых в заметную привычку; отталкивающее движение, уместное для выражения отвращения или неприятия, но не в иных случаях; и движения, похожие на боксирование. Одни двигают рукой вверх и вниз, как рукоятью насоса; другие машут только предплечьем, словно крылом пингвина, вместо того чтобы свободно двигать всей рукой от плеча, как естественно побуждает публичная речь. Угловатые движения подходят для некоторых чувств, но как постоянная манера очень неловки. Ладонь, самая выразительная часть кисти, обычно должна быть обращена к слушателям и немного раскрыта. «И всё же как часто мы видим руку оратора, вытянутую плоско, с плотно сомкнутыми пальцами, словно доску, или ребром, словно рубящий нож, или бессильно сложенную лодочкой, как у нищего, принимающего милостыню. Иногда, напротив, мы видим её сжатой так, что невольно вспоминается удар нечестивым кулаком».[580] Сжатый кулак, направленный

указательный палец и тому подобное весьма действенны, когда нужно их особое значение, и столь же неуместны и вредны в других случаях. Распространён и недостаток опускать руку со шлепком на бедро — движение неизбежно неизящное — или часто хлопать ладонями, что уместно очень редко; а у некоторых проповедников есть настоящая привычка колотить по Библии.

19 Во всех занятиях и обстоятельствах жизни пусть оратор следит, чтобы его манера держаться была свободной, непринуждённой и не лишённой изящества. Тогда во время речи ему редко придётся думать о позе или жесте, и он сможет без страха следовать побуждениям природы. Вообще никогда не следует подавлять движение, к которому вы склоняетесь, из боязни, что оно окажется неизящным. В конце концов жизнь и сила гораздо важнее грации; а робкое самоограничение на деле губит и саму грацию. С другой стороны, никогда не делайте жест по расчёту. Он должен быть непосредственным плодом нынешнего чувства; иначе он неестествен и обладает лишь искусственно оживлённой жизнью. Кто заранее декламирует или даже просто обдумывает речь и решает, что здесь или там сделает такой-то жест, неизбежно испортит произнесение в этом месте — будь он даже самим Эдвардом Эвереттом. Невыразимо глупо, хотя некоторые преподаватели ораторского искусства действительно так поступают, определять, сколько предложений можно произнести до первого жеста. Крайне неразумно начинать жестикулировать в определённом месте из мысли, что теперь пора. Начинать следует тогда, когда возникает побуждение, — ни раньше ни позже. Проповедь или иная речь обычно должна начинаться спокойно, а потому в самом начале жестов обычно не будет.

[20] (4) Можно добавить несколько простых правил, относящихся ко всем видам выразительных движений.

[21] (а) Движения должны скорее наводить на образ, чем подражать ему. Точно подражательные жесты, кроме изображения некоторых достойных действий, не подходят серьёзной речи и принадлежат скорее комедии. Говоря «он поразил его в самое сердце», человек сделает какое-нибудь резкое движение рукой, напоминающее о смертельном ударе; движение, точно его имитирующее, было бы смешным, комическим. Один по-настоящему добрый человек, проповедуя в университете, однажды сказал: «Вы закрываете глаза на красоту благочестия; вы затыкаете уши перед призывами Евангелия; вы поворачиваетесь спиной…» — и при этих словах закрыл глаза, заткнул уши пальцами и развернулся, выставив напоказ свою широкую спину. Увы, какова была польза студентам от его благонамеренной проповеди! «Согласуя действие со словом», он «переступил меру естественности». Даже поднятие глаз к небу, указание на него пальцем, прижатие руки к сердцу и тому подобное, хотя и допустимы, иногда доходят до чрезмерности или повторяются слишком часто.

[22] (б) Жест никогда не должен следовать за ударным словом предложения; обычно ему следует немного опережать его.[581] По-видимому, естественно, что возбуждённое чувство скорее выражается в инстинктивном движении, чем в речи, являющейся плодом размышления. В рассуждающей, доказательной речи жест естественно совпадёт с ударным словом.[582]

[23] (в) Движения не должны быть чрезмерными ни по частоте, ни по силе. При некоторых темах, случаях или состояниях говорящего естественно, чтобы движения

были редкими и сдержанными. Слишком частый жест, подобно курсиву на письме и ударению в речи, постепенно ослабляет собственное действие. Чрезмерная резкость вызывает у слушателя обратную реакцию, склонность как раз к противоположному тому, чего хочет говорящий. Гамлет говорит актёрам: «И не пилите слишком воздух рукой, вот так, но всё делайте мягко: ибо в самом потоке, буре и, можно сказать, вихре вашей страсти вы должны обрести и породить умеренность, которая придаст ей плавность».

[24] (г) Избегайте однообразия. Неизменный круг поз и жестов, повторяемый снова и снова, — довольно распространённый и весьма тяжёлый недостаток. Ему сродни, хотя пока ещё не столь неприятно, употребление по одной лишь привычке какого-либо любимого жеста, когда испытываемое чувство лучше выразилось бы другим. Заметно частое повторение слова, интонации или жеста всегда является недостатком; как только человек его осознал, он должен тщательно его избегать.[583]

[25] В заключение уместно повторить: во что бы то ни стало необходимы жизнь, свобода, сила. Не подавляйте природу, хотя ею нужно управлять; и не насилуйте её. Стремитесь не к положительному совершенствованию движений, а к отрицательному — исправлению недостатков по мере их появления. Замечайте такие недостатки. Время от времени просите верного и очень рассудительного друга указать на те, которые ему бросились в глаза; и никто в этом отношении не может быть столь полезен, как умная жена. Свободно и смело высказывайте то, что чувствуете. Человек никогда не научится выполнять какое-либо движение изящно иначе как выполняя его часто и с большой свободой. Лоза

должна расти, иначе её нельзя обрезать. И не будем забывать, что даже некоторые недостатки человека в движениях и голосе могут быть частью его самого. Исправляйте их везде, где возможно; но лучше пусть они останутся, чем сменятся искусственностью или вялостью.

Часть V. Ведение общественного богослужения

[1] § 1. Чтение Писания. 2. Гимны. 3. Общественная молитва. 4. Продолжительность богослужений. 5. Благопристойность на кафедре. 6. Заключительные замечания.

[2] В наших религиозных собраниях нередко можно заметить склонность пренебрегать поклонением и думать только о проповеди. Мы и в самом деле часто слышим, как добрые люди говорят о предварительных действиях. Благоговейное чтение Слова Божьего, сладостные гимны хвалы, «молитва и прошение с благодарением» — всё это, надо понимать, не имеет большого значения: лишь крыльцо, порог! Соломинки показывают, откуда дует ветер; здесь поучительна сама форма публичных объявлений. «Богослужение состоится в церкви Святого Марка в ближайший …» и так далее. «Преподобный — — будет проповедовать в баптистской — пресвитерианской, методистской и так далее — церкви в ближайший …» и так далее. Объявление Епископальной церкви упоминает только богослужение. Другие упоминают только проповедь и редко забывают сказать, кто будет проповедовать. Соответственно сторонники высокой церковности обычно мало заботятся о проповеди, главным образом желая, чтобы она была достаточно короткой; евангельские же епископалы придают проповеди гораздо больше значения и часто желают некоторой свободы сокращать службу. Другие названные исповедания слишком часто мало думают о службе, о поклонении. Некоторые люди среди них, недовольные ощущаемым недостатком интереса, воображают, что

другого средства нет, кроме «установленной формы богослужения» или какого-либо приближения к ней; поэтому иногда встречаются воскресная школа или община, читающие стихи попеременно, участвующие в хоровых ответах и так далее, — некий первый клин для дальнейших нововведений.

[3] Но средство находится в другом. Свободу, непосредственность, простоту и духовность новозаветного поклонения нужно сохранять любой ценой. Естественной склонности человеческого сердца придавать большое значение внешнему, оставаясь без духовности, следует всеми средствами противостоять. Насколько людям наскучивают неустановленные формы поклонения из-за недостатка молитвенного чувства в них самих, настолько нужно остерегаться уступок. Но неудовлетворённость часто, хотя бы отчасти, вызвана холодностью, безжизненностью, несвязностью и общей небрежностью, которыми так часто отмечено наше богослужение. Мы должны уделять этому гораздо больше обычного внимания — и в общем развитии, и в подготовке к каждому отдельному случаю. Для тех, кому нужно только совершить чин, приготовленный другими, это менее необходимо, чем для того, кто при каждом отдельном случае обязан создать богослужение для себя и для общины. Совершенно простое по форме, чтобы не побуждать людей останавливаться на внешнем, но полное интереса, живости, благоговения, торжественной сладости, с определённым, однако несложным соответствием случаю, — таким должно быть наше поклонение. То, что не увлекает и не впечатляет, не может быть полным выражением горячего благочестия; а затем выражение по общему закону воздействует обратно на чувство. Внешнее, как бы оно ни взывало к

эстетическому чувству, никогда не создаст благочестия; но живое и искреннее выражение укрепит его, и этого можно достигнуть, тщательно избегая опасности формализма.

[4] Поэтому мы считаем важным поговорить об участии проповедника в ведении общественного богослужения. Здесь это можно сделать лишь очень кратко, хотя предмет заслуживает подробного рассмотрения и, собственно, отдельного трактата.[584]

[5] § 1. Чтение Писания

[6] (1) Выбирая отрывок или отрывки Писания для чтения, следует предпочитать те, которые в высокой степени проникнуты молитвенным духом: например, многие псалмы, места Пятикнижия, Исаии и других пророков, Евангелий, посланий и Откровения. Они не только научат, но и пробудят благоговейное чувство. Их чтение естественно предшествует главной молитве — непосредственно либо с гимном между ними. Особый характер избранных молитвенных отрывков и общий тон проповеди должны согласоваться. Прочесть скорбный отрывок, а затем произнести радостную проповедь, или наоборот, было бы неуместно. Однако достаточно общего согласия; усиленно искать точное соответствие излишне, если не неприлично.

[7] Но во многих случаях проповедник желает прочесть контекст избранного текста. Если этот контекст по тону глубоко молитвенен, его можно прочесть в обычном месте как часть поклонения. Если нет, его следует прочесть после главной молитвы — либо перед вторым гимном, либо при объявлении текста. В таком случае часто

полезно перед молитвой прочесть какой-либо короткий молитвенный отрывок, например несколько стихов псалма. Иногда можно прочесть два различных отрывка непосредственно один за другим. Во всех этих подробностях дана широкая свобода, и не нужно быть связанным обычаем больше, чем богослужебным предписанием. Руководить должны хороший вкус и благоговейное чувство; возможно интересное разнообразие без погони за новизной. Иногда хорошее действие производит чтение контекста текста в самом конце проповеди. Во множестве случаев лучше вовсе не читать контекст, а кратко изложить его при открытии речи.

[8] Избранные отрывки не обязательно должны начинаться и заканчиваться вместе с главой. Некоторые проповедники словно считают себя обязанными прочесть целую главу, как бы длинна она ни была, и только одну главу, как бы коротка она ни была. Мы уже видели[585], что принятое деление на главы сделано неудачно: оно часто соединяет совершенно различные предметы и разделяет тесно связанное. Спокойно не считаясь с такими границами всякий раз, когда этого требует смысл, проповедник усилит действие богослужения и приучит слушателей искать настоящую связь при собственном чтении.

[9] Если предложенный отрывок содержит выражения, ныне и для нас кажущиеся непристойными, его можно заменить другим либо опустить соответствующие части, когда это удаётся сделать без привлечения внимания и без существенной потери. Вообще такие выражения следует читать; а если читать, то без малейшего колебания, робости или проявления чувства. Прекрасная

невозмутимость утончённой женщины, которая словно ничего не замечает, когда ей приходится услышать или увидеть что-либо непристойное, во всех подобных случаях — лучший образец.

[10] (2) Хорошо читать — редкое умение. Гораздо чаще встречается превосходство в пении или публичной речи. По сравнению с хорошими чтецами хороших проповедников много. Для хорошего чтения требуется несколько условий. Во-первых, нужна большая быстрота понимания, позволяющая одним взглядом схватывать смысл целых предложений; ведь один из обычнейших недостатков — начать предложение с выражением, не соответствующим его окончанию. И в действительности чтец всё время должен ясно держать в уме всю связь и читать каждое предложение как часть большего целого. Это показывает также необходимость близкого знакомства с читаемым — если не с языком отрывка, то, по крайней мере, с его содержанием. Второе условие — чувствительность, позволяющая не только понять, но быстро и вполне проникнуться чувством. Вероятно, её недостаёт чаще, чем первого. Нужна и большая гибкость голоса, чтобы сразу и точно выражать каждый меняющийся оттенок чувства. Наконец, требуется обильная и тщательная практика. Но очень немногие много упражняются в чтении в решающую пору жизни. В детстве знания слишком ограниченны, голос слишком слаб, а подробности произношения и прочего требуют слишком большого внимания для совершенно хорошего чтения. Именно при наступлении зрелости, когда ум окреп и быстро схватывает, отзывчивость широка и ещё чувствительна, а голос достиг почти полной силы и нисколько не утратил гибкости, нужно основательно обучаться благородному искусству чтения — с

наставником или без него. Тщательные упражнения в чтении должны завершать курс колледжа. Если бы на выпускных торжествах вместо неизбежной речи мы могли услышать чтение некоторых выпускников — не показную декламацию и полутеатральные уловки, а простое, мужественное, подлинное чтение, — это доставило бы удовольствие и пользу всем. Кружок чтения в селении, особенно если в нём участвуют оба пола,[586] часто полезнее общества для прений. Обучение чтению менее рискованно, чем обучение публичной речи: первое в известной степени неизбежно искусственно, и при чтении несколько меньше опасность испортить природу и впасть в жалкое жеманство.

11 Хороший чтец, конечно, должен владеть правильным произношением[587] и приобрести отчётливую, лёгкую артикуляцию. Всё остальное заключено в том, что мы называем выразительностью; а сила выражения, насколько она не природный дар, должна приобретаться разумно устроенной практикой. Обычно следует упражняться на чтении того, что хорошо известно и чему вполне сочувствуешь. Кроме такого чтения для упражнения, нужно пользоваться всяким подходящим случаем читать ради удовольствия и пользы слушателей, выбирая нечто увлекательное, чтобы забыть себя в выражаемом чувстве. А проповедникам, склонным к мрачности, непременно следует читать наедине некоторые юмористические произведения, чтобы поддерживать равновесие.

12 Среди разных элементов выразительного чтения два или три следует кратко назвать. Первым обычно приходит на ум логическое ударение; первый результат усилий в этом направлении — обыкновенно множество неверных

ударений. Помимо очевидной ошибки выделить не то слово, существует более тонкая и очень серьёзная ошибка: неумение правильно *распределить* ударение. Многие способные и образованные люди переносят весь его вес на одно слово предложения или его части, когда он должен в разных долях распределяться между двумя, тремя или несколькими словами. Это заслуживает особого внимания и упражнения с взаимной критикой друзей. В конечном счёте настоящая трудность логического ударения заключается в полном понимании мысли и ощущении чувства читаемого; доказательство — крайне редкие неверные ударения в непринуждённом разговоре. Можно заметить, что Книга Притчей даёт множество превосходных примеров для упражнения. Очень многие читают все вопросительные предложения с той особой конечной интонацией, которая подходит вопросам, ожидающим ответа «да» или «нет»: например, «Он сказал, что придёт?» Но есть второй разряд вопросов, ожидающих ответа, однако не в форме «да» или «нет»: «Кто сказал, что придёт?» В третьем разряде ответа не ожидают: «Неужели никто никогда не придёт мне помочь?» Различие вполне очевидно; в разговоре его никогда не упускают, а при чтении — часто. При чтении почти никогда не должно быть жестов, кроме естественного движения головы и выражения лица. Частое учительское наставление «читай в точности так, как разговариваешь» строго говоря неверно. Ораторскую разновидность чтения следует решительно осудить; удобно сказать: «Читай больше похоже на разговор», — но существенное различие между разговором и чтением не должно и в действительности не может быть уничтожено.[588]

[13] Особенно важно хорошо читать Писание. Теперь лишь сравнительно небольшое и быстро уменьшающееся число людей в наших общинах поневоле зависит от публичного чтения во всём знании Писания — как столь часто было вначале, когда сказано: «Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего».[589] Но фактически многие сами Библии не читают, и их ум непосредственно соприкасается с нею лишь через публичное чтение; другие читают её механически, без должного понимания и впечатления. С другой стороны, те, кто чаще и плодотворнее читает Библию дома, нередко больше всего радуются её чтению на общественном богослужении. И вообще все причины хорошо читать что-либо в высшей степени относятся к Книге книг, Слову Божьему. Хорошее чтение имеет истолковательную ценность, помогая сделать смысл ясным. Оно раскрывает также всю занимательность и впечатляющую силу отрывка. Некоторые места обрели для нас новый смысл и дополнительную сладость с тех пор, как однажды, быть может давно, мы услышали их от хорошего чтеца.[590]

[14] Но читать Библию действительно хорошо — трудная задача. Обычный способ печатать стихи часто серьёзно затемняет связь. Имена собственные требуют внимания, чтобы произносить их легко, правильно и вместе с тем без педантизма.[591] Гораздо важнее недостаток полного умственного и духовного сочувствия Писанию, столь часто мешающий вполне войти в смысл. Распространена склонность под влиянием ошибочного благоговения переходить на однообразный тон, лишённый действительной выразительности. Библию никогда не следует читать в точности так, как другие книги. Она вся священна; даже в менее явно молитвенных частях должна преобладать торжественность. Но эта торжественность не

запрещает богатого разнообразия выражения, как, по-видимому, воображают многие чтецы.

15 Разные части Библии также очень сильно различаются по предмету и стилю, и чтение должно соответственно различаться. Есть повествовательные части — от простых рассказов через множество ступеней до необычайно трогательных или страстных; поучительные части разных видов, какие мы видим в разнообразных речах Господа, в повсюду изобилующих наставлениях, в развёрнутых и часто страстных доказательствах некоторых посланий Павла; есть поэтические части, включающие возвышенную образность пророческих описаний в Ветхом и Новом Заветах, поэтические рассуждения Иова и наставления Притчей, огромное разнообразие лирических мест в Псалтири и в других книгах, представляющих многие состояния чувства и часто переходящих в одном коротком псалме от покаяния к радости и хвале.[592] В действительности Библия — не столько одна книга, сколько библиотека, содержащая почти все виды словесного произведения и требующая почти всех разновидностей чтения.

16 Никогда не следует читать отрывок на общественном богослужении, не ознакомившись с ним основательно; обычно для этого нужно внимательно пройти его незадолго до чтения.

17 (3) Когда-то было очень распространено — и кое-где мудро сохраняется до сих пор — сопровождать чтение объяснительными и другими замечаниями. Они не должны быть столь многочисленными или пространными, чтобы присваивать внимание, принадлежащее самому отрывку. Их цель — объяснить его, пробудить к нему интерес, изредка указать практические применения и

особенно усилить его действие в пробуждении молитвенного чувства. Сперджен делал это замечательно, но многие подражатели далеко не достигли установленного им уровня. Если отрывок основательно изучен, а проповедник постарался приобрести соответствующий навык, краткие, живые и вместе с тем благоговейные замечания могут сделать эту часть общественного богослужения гораздо интереснее и полезнее. Но случайные замечания без изучения и умения лишь прерывают чтение и порой тяжело задерживают его ход.

[18] § 2. Гимны

[19] (1) Странно, что некоторые служители так мало заботятся о правильном выборе гимнов. Они, несомненно, не задумываются о благословенной силе священного пения и о том, что неуместные, невыразительные гимны не только не приносят добра, но прямо охлаждают и причиняют тягостное чувство. Некоторые выбирают гимны там, где впервые раскрылась книга, совсем не заботясь об их соответствии общему тону богослужения. Другие озабочены тем, чтобы каждый гимн касался в точности предмета проповеди, забывая, что гимны предназначены не специально для наставления, а для выражения и оживления молитвенного чувства.

[20] Чтобы удачно выбирать и читать гимны, нужно понимать природу лирической поэзии — то есть поэзии, пригодной для пения, — и сочувствовать её духу. Некоторым это легко по самому их складу, но всем полезно по возможности специально изучать главных лирических поэтов: Пиндара и Горация, Гёте и Беранже, Бёрнса, старые английские баллады,[593] а также хорошую

лирику из многих других источников. Это разовьёт и утончит не только общий вкус к поэзии, но и особый вкус к лирике, которая, помимо важности для нашей цели, принадлежит к высшим и сильнейшим формам поэзии.[594]

[21] Благоговейное изучение псалмов, предпринимаемое главным образом ради более высоких целей, даст также лучшее понимание духа библейской поэзии. Христианские гимны разных времён и народов существуют в богатом изобилии; они пригодны для углубления личного благочестия и одновременно для совершенствования критического понимания священной лирики, чтобы мы научились мудро выбирать. Наиболее ценны латинские гимны эпохи отцов Церкви и Средневековья, немецкие и английские гимны. Первые нередко искажены большей или меньшей примесью нездравого учения: многие обращены к Деве Марии или святым; и всё же даже в них немало весьма ценного, тогда как другие, в том числе некоторые из лучших, почти совершенно свободны от предосудительного содержания и полны благороднейшего поэтического и молитвенного вдохновения.[595] Немецкие гимны начали сочинять раньше, и теперь их больше, чем наших; многие непревзойдённы по ритмическому движению и молитвенной сладости.[596] Английских гимнов было очень мало до доктора Уоттса в начале прошлого века; но к множеству созданных им, а затем Чарльзом Уэсли с тех пор непрестанно прибавлялись новые, так что ныне мы обладаем богатым наследием. Все недавние сборники гимнов, особенно изданные конгрегационалистами и баптистами, богаты прекрасными и благословенными гимнами, хотя обычно содержат и такие, без которых можно обойтись. Служитель непременно должен, сколько бы времени и труда это ни стоило, основательно

ознакомиться со своим сборником: чтобы быстро и разумно выбирать, быть готовым к своевременному цитированию гимнов, которое добавляет проповеди больше, чем цитаты из любого источника, кроме Библии, и чтобы умножать личное благочестие. Друзья могут иногда провести восхитительный час, обсуждая сборник, сравнивая любимые гимны, читая образцы и приобретая таким образом критическое знание вместе с молитвенной радостью и пользой. Важно также знакомиться с другими собраниями, кроме собственного, отыскивать первоначальный вид изменённых гимнов старых авторов и другие гимны, опускаемые современными сборниками, — в Уоттсе и Риппоне, в полном поэтическом собрании Чарльза Уэсли, во многих недавних ценных книгах о гимнологии. Есть и сборники низшего достоинства, содержащие незатейливые произведения, которые критики сразу отвергли бы, но которые обладают такой силой среди народа, что побуждают к исследованию и часто вознаграждают его. Интересно также распределить главных авторов английских гимнов по разрядам в зависимости от числа и совершенства оставленных ими гимнов. Первый разряд несомненно включал бы Уоттса и Чарльза Уэсли; второй, вероятно, Каупера, Монтгомери и мисс Стил; третий — Джона Ньютона, Доддриджа и Беддома; далее был бы многочисленный разряд написавших один или несколько гимнов высшего достоинства.[597] Обстоятельства первоначального создания гимна иногда очень интересны; и хотя редко желательно рассказывать о них непосредственно перед пением, порой их можно с хорошим результатом сообщить, цитируя гимн в проповеди.

[22] Свойства хорошего гимна можно кратко определить так. (а) Верность содержания. Его общее учение должно

быть здравым, чего нельзя вполне сказать о слишком многих популярных гимнах, песнях и хоровых припевных песнопениях; все отдельные выраженные в нём мысли и чувства должны быть верны. (б) Молитвенный дух. Некоторые гимны даже Беддома чисто поучительны, не согревают и не трогают. Немало гимнов о скорби и о небе выражают болезненные или лишь фантастические чувства, совершенно лишённые истинного благоговения. (в) Поэтичность образов и языка. Многие гимны — лишь размеренная проза без прикосновения подлинного воображения, иногда со словами, чуждыми самой природе поэзии. Но песня, не являющаяся действительно поэтичной, лишена жизненно важного источника силы. Даже когда мы поём фразы без стихотворного размера, они всегда должны быть поэтичны по чувству, быть языком воображения и страсти. (г) Ритмичность: правильный размер, живое и разнообразное движение, но не шероховатое и спотыкающееся, а истинно мелодичное.[598] (д) Соразмерность: строфы должны показывать упорядоченное развитие мысли и образовывать полное, гармоничное целое. В совершенно хорошем гимне невозможно опустить ни одной строфы, не разрушив смысла. Однако существует много полезных и даже восхитительных гимнов, к которым это не относится; когда требования богослужения вынуждают опустить одну или несколько строф, нужно заботиться гораздо тщательнее, чем иногда бывает, чтобы после сокращения гимн оставался связным и гармоничным.[599]

[23] Лучше, чтобы первый спетый гимн не относился к точному предмету проповеди, а был прежде всего гимном поклонения. Особенно когда проповедь обращена к необращённым, неуместно начинать торжественное поклонение Богу одним лишь стихотворным увещанием

нераскаянных людей. Конечно, этот начальный гимн, как и всякая другая часть поклонения, должен в общем тоне согласоваться со всем последующим. Гимн непосредственно перед проповедью естественно служит подготовкой. Последний гимн приложит проповедь к жизни, либо выразит чувства, которые должен пробудить представленный предмет, либо послужит общим завершением службы. И нужно постоянно помнить: точное соответствие теме проповеди гораздо менее важно для гимна, чем то, чтобы он был действительно хорош, особенно отраден, выразителен и тёпл. Как и при выборе текстов, крайне неразумно избегать знакомых гимнов: они стали знакомыми именно потому, что исключительно хороши.

[24] (2) Зачем вообще читать гимны перед тем, как их будут петь? Не только потому, что у многих присутствующих, особенно в некоторых частях страны, нет сборника,[600] но и потому, что предварительное чтение приводит ум к некоторому сочувствию выраженному чувству, и при пении мы полнее входим в него; отчасти по той же причине мы так охотно просим повторить хорошую песню. Отсюда следует, что чтение должно быть живым и сочувственным. Если человек не может или не хочет читать иначе, чем скучно, вяло и монотонно, ему, вероятно, лучше вовсе отказаться от чтения. Правда, преувеличенная, ораторская манера чтения гимнов крайне предосудительна. Не должно быть натуги, ничего, кроме естественного чувства. Но если гимн хорош, вообще достоин чтения и пения, а человек хорошо его знает — по общему знакомству или благодаря недавнему вдумчивому чтению, — читать его иначе, чем живо и тепло, будет неестественно. Прочесть совершенно спокойно и невозмутимо слова «Иисус! Люблю Твоё

пленительное имя: для слуха моего оно — музыка» для истинно благоговейного человека было бы почти невозможно. В действительности во всём выражении чувства образованные люди скорее склонны привередливо отступать, чем переходить границы приличия.

[25] Подобные соображения показывают, что ритмом гимнов никогда нельзя пренебрегать. Напевная манера чтения стихов, часто встречающаяся у необразованных, и монотонные интонации, которые многие образованные регулярно воспроизводят в конце первой, второй, третьей и четвёртой строк, — одно зло; но человек впадает в печальную противоположную крайность, если пытается, как некоторые прямо заявляют, читать стихи словно прозу. Смысл главенствует; но пренебречь ритмом — значит и утратить часть красоты и выразительности гимна, и оскорбить слух явным отсутствием естественно ожидаемого и требуемого. Особенно следует соблюдать ритмическую паузу в конце каждой строки: не опускать голос и не придавать ему нисходящей интонации, если того не требует смысл, но даже когда смысл продолжается прямо дальше, делать небольшую паузу, удерживая голос, в знак ритмического окончания. Во всех сколько-нибудь длинных строках есть также не менее важная пауза примерно в середине; разнообразие её положения очень способствует ритмическому действию. Кто не изучал классическую цезуру, тот легко научится различать место этой паузы без затрудняющей терминологии, читая наедине много строк с этой целью и особенно преувеличивая сначала ритмическое движение, даже доходя до напева. Иногда таких пауз две: одна близко к началу строки, другая — ближе к концу. Этими ритмическими паузами слишком часто пренебрегают,

хотя человек с хорошим музыкальным слухом нередко соблюдает их бессознательно. А между тем овладеть ими можно сравнительно легко.[601]

[26] Немало можно приобрести и изучением английских стихотворных размеров, особенно обычных в гимнах. Слух чаще всего может выручить человека, но нередко должен подвести. Чрезвычайно мало людей читают стихи без частых ошибок, если не обращали внимания на их метрическое строение. Изучить размеры наших гимнов нетрудно;[602] распределить их по довольно многочисленным разновидностям ямба, хорея и их сочетаний, анапеста и, в немногих образцах, дактиля для некоторых будет приятным развлечением, отнюдь не бесполезным. Чаще всего ошибки замечаются при чтении анапестических гимнов, многие из которых чрезвычайно прекрасны.

[27] Разумеется, частое чтение вслух светских стихов значительно улучшит умение читать гимны и особенно поможет исправить склонность к жалобности или монотонности. Многим проповедникам в чтении гимнов так называемого общего размера (Common Metre) помогло бы время от времени с полной живостью и воодушевлением читать друзьям «Джона Гилпина» Каупера.

[28] Любопытно видеть, как старые обычаи сохраняются после исчезновения вызвавшей их причины. Когда даже у руководителя пения не было сборника гимнов, приходилось заранее объявлять размер гимна; многие баптистские и методистские служители до сих пор регулярно и весьма торжественно делают это там, где никакой нужды нет. Так и при построчном задавании гимна служитель, прочитав его целиком, затем читал

первые две строки для пения; и там, где это задавание давно оставлено, он часто всё ещё повторяет первые две строки тем же образом. Если желают освежить впечатление от начальных слов, это допустимо; но часто лучше достигается простым повторным чтением одной первой строки или, в других случаях, всей строфы.

[29] (3) О музыке гимнов здесь уместно сделать лишь краткое замечание. Превосходство общинного пения несомненно. И всё же обычно, по-видимому, необходим хор, чьё правильное назначение — вести пение общины, но чья известная склонность — присваивать его целиком. Отсюда великие беды, печально знакомые всем нам. Надлежащий посредник между хором и общиной — проповедник. Если он любит музыку, особенно если умеет хорошо петь по нотам, он может сохранять расположение хора и побуждать его не публичными, а частными просьбами петь главным образом знакомые мелодии. Тогда время от времени публично и лично увещевая людей участвовать в пении, он достигнет наилучшего устройства, обычно осуществимого на практике. Дружеская беседа с руководителем пения могла бы также обеспечить лучшее соответствие мелодии гимну, чем часто бывает.

30 § 3. Общественная молитва[603]

31 Молитвы составляют важнейшую часть общественного богослужения. Кто ведёт большое собрание в молитве, берётся выражать перед Богом то, что люди чувствуют или должны чувствовать, даёт голос их поклонению, исповеданию и прошению, тот принимает очень тяжёлую ответственность. Все мы охотно соглашаемся и иногда отчасти сознаём, что говорить людям от Бога — дело торжественное; разве менее торжественно говорить Богу от людей? Вся возможная подготовка к исполнению этой обязанности, несомненно, должна быть сделана с величайшей тщательностью. И всё же, хотя теперь очень немногие ставят под вопрос уместность общей и специальной подготовки к проповеди, приходится опасаться, что огромное большинство по-прежнему совершенно пренебрегает подготовкой к ведению общественной молитвы.

32 Общая подготовка к ведению общественной молитвы состоит главным образом в следующем. (i) Пламенное благочестие. Оно включает привычку молиться наедине и в совместных собраниях. Если верно, что «единственный способ научиться проповедовать — проповедовать», то ещё решительнее верно: единственный способ научиться молиться — молиться. И если некоторые терпят проповедь ради упражнения, то молитву ради упражнения все безоговорочно осудят. Отсюда ясно, что никто не будет постоянно хорошо молиться публично, если мало и неблагоговейно молится наедине. Наряду с этим заметим: во всякой попытке молиться, при любых обстоятельствах, следует искренне стараться сознавать, что делаешь. (ii) Близкое знакомство с Писанием, которое даёт и темы молитвы, и наиболее подходящий и

трогательный молитвенный язык. Служителю следует постоянно сберегать в памяти наиболее прямо молитвенные выражения, встречающиеся повсюду в Библии, особенно в псалмах и пророках, Евангелиях, посланиях и Откровении. Возможно, немногие ошибаются, составляя молитвы почти из непрерывной череды длинных цитат; но это редкость, а большинству из нас очень нужно более обильное и разнообразное присутствие библейского языка в молитвах. (iii) Изучение поучительных образцов молитвы. В Библии, кроме множества отдельных молитвенных выражений, есть различные замечательные примеры связных и полных молитв и очень много случаев, когда сообщается содержание молитвы, хотя не её форма. Их нужно внимательно изучать, чтобы учиться содержанию и способу молитвы. Некоторые давно установившиеся литургии тоже очень поучительны. Как бы решительно мы ни противились навязыванию какой-либо молитвенной формы, несомненно, многому можно научиться, изучая формы, приготовленные с величайшей тщательностью и в большинстве случаев очень способными и благочестивыми людьми. Более современные произведения — сборники молитв и молитвы, записанные в дневниках, — также вознаградят за периодическое знакомство. Во всяком таком изучении нужно тщательно заботиться, чтобы молитвенный дух не потерялся в одном критическом подходе. Полезным окажется также изучение благочестивых сочинений, таких как «О подражании Христу», «Тихий час» Фелпса и другие.

[33] Особую подготовку, которую следует совершить к молитве при данном случае, лучше всего понять, рассмотрев общественную молитву со стороны содержания, расположения, языка и произнесения.[604]

[34] (1) По содержанию молитвы в зависимости от обстоятельств бывают очень общими и всеобъемлющими либо очень конкретными. Простая и удивительно всеобъемлющая молитва, данная Господом как образец в Нагорной проповеди и впоследствии повторённая в значительно сокращённом виде,[605] обычно называемая молитвой Господней, — пример первого рода; ко второму принадлежит молитва семнадцатой главы Иоанна. В обоих направлениях мы часто видим серьёзные ошибки. Некоторые молитвы настолько общи, что включают почти всё и потому не имеют определённого средоточия. Молитва никогда не должна быть неопределённой и блуждающей; в ней всегда должны быть отчётливо очерченные темы, которые по возможности следует определить заранее. Некоторые ведущие молитву входят в такие мелкие подробности, что это не соответствует характеру молитвы для целого собрания, а иногда бывает непристойно.[606]

[35] Слишком многие в общественной молитве вовсе опускают либо перед окончанием упоминают лишь несколькими привычными фразами те великие предметы прошения, которые лежат вне их непосредственных забот. Между тем в молитве Господней эти предметы занимают половину места, причём первую половину. Молитва о миссиях в своей стране и за рубежом, об умножении работников, о воскресных школах и других подобных предметах должна звучать часто: иногда подробнее останавливаясь на одном, иногда на другом.

[36] Часто и справедливо напоминают, что, молясь, мы не должны браться наставлять Бога. Но не следует доводить эту мысль слишком далеко. Господь в молитве семнадцатой главы Иоанна рассказывает, что делал, и

объясняет, как обретается вечная жизнь. Поэтому иногда уместно пересказывать события или излагать положения, если они становятся поводом для благодарения или прошения. Далее, молитва не должна использоваться как средство увещевать людей, что часто делают полусознательно. Не должна она содержать и хвалебных намёков. Молиться об ином присутствующем служителе, расточая изысканные комплименты, — прискорбно частый и грубо неподобающий обычай. Роберт Холл ошибался, слишком часто молясь о знаменитых людях среди слушателей. То же относится к упоминаниям «этой многочисленной и разумной общины». Конечно, возможна молитва об особых группах людей, а иногда и об отдельных лицах; но без комплиментов. Упоминания политических вопросов и всего, что вызывает раздор в обществе, могут быть оправданы лишь особыми обстоятельствами и способом обращения с ними.

[37] Нужно особенно заботиться о необходимом разнообразии общественной молитвы — и в темах, и в порядке. Многие проповедники неизменно молятся об одном и том же; когда они также следуют постоянному порядку и употребляют множество шаблонных фраз, получается фактически установленная молитвенная форма, только без преимущества особенно хорошей предварительной подготовки. Для разнообразия можно многое сделать, заранее спросив себя, какие прошения подсказываются случаем, темой проповеди, только что прочитанным отрывком Писания или спетым гимном. Из тем, которые по необходимости нужно вводить часто, одни можно подробнее раскрывать в один раз, другие — в другой. Этими и многими подобными путями достигается разнообразие. Конечно, не должно быть ни натужной погони за ним, ни какой-либо изощрённости в молитве.

[38] Всякая попытка составить здесь перечень или классификацию содержания молитвы была бы неуместна.

[39] (2) Расположение молитвы не должно быть формальным, но действительный порядок должен быть всегда. Доводить его до подробностей не обязательно, даже если это желательно. Главные темы, как мы видели, нужно не только выбрать, но и заранее расположить в уме. Все доводы, высказанные нами в пользу расположения материала проповеди, более или менее относятся и к порядку молитвы.[607]

[40] Порядок, который обычно, по-видимому, считают наиболее подходящим, можно изложить так: (а) обращение, поклонение, благодарение; (б) исповедание и молитва о прощении; (в) обновлённое посвящение себя и молитва о помощи; (г) ходатайство обо всех общих или особых нуждах. Начав с мысли о характере Бога и Его милостях, мы естественно переходим к собственным грехам; отсюда названный порядок. Но за поклонением столь же естественно может следовать молитва о том, чтобы Бога знали и Ему поклонялись по всей земле — смотрите молитву Господню, — а обращение к самим себе, будь то благодарение или прошение, вводится позднее. Или самые первые слова после обращения к Богу могут быть исповеданием греха и воплем о милости. Более того, особенность случая, нечто явно тяготящее сердца молящихся, может требовать большого отступления и от обычного порядка, и от обычного выбора тем. Нужно избегать двух крайностей: блуждания туда и сюда и жёсткого, формального, неизменного порядка. В этих пределах можно руководствоваться рассудительностью и вкусом, чувством и случаем.[608]

41 (3) Язык молитвы, конечно, должен быть грамматически правилен и свободен от всякой грубости и странности. Он должен быть совершенно прост — не низок и груб, но и не учён и напыщен. Следует избегать изощрённости и красивости, которые крайне оскорбляют хороший вкус и тягостны истинно благоговейному чувству; но при глубоком волнении нельзя избегать естественного языка чувства, который склонен быть образным, а иногда чрезвычайно образным. Когда это действительно естественно, никто не примет его за украшательство. Один из беднейших комплиментов человеку — сказать, что он произнёс «красноречивую» молитву. Искренняя, горячая, торжественная, глубоко впечатляющая, духовно полезная — вот желательные определения, если молитву вообще хвалят.

42 Почти у всех ведущих молитву появляются любимые выражения: либо первоначально заимствованные, либо просто ставшие привычными. Очень хорошо, если чужая молитва подсказывает темы или чувства, которых мы раньше не вводили; но заимствовать молитвенные фразы — признак жалкого вкуса, и даже бессознательного заимствования следует избегать всеми возможными средствами. И всё же по всей стране слышны одни и те же любимые фразы, явно усвоенные подражанием. Иногда они содержат образ: «Останови их в безумном беге»; иногда аллитерацию: «Choose all our changes for us» — «Избери для нас все перемены», «Touch and tender their hearts» — «Коснись и смягчи их сердца» — последнее неграмотно по-английски; иногда — учёное слово вместо простого англосаксонского: «И в конечном итоге спаси нас», где «наконец» было бы проще и лучше. Примеры можно, но не нужно умножать, хотя зло чрезвычайно распространено и очень вредно. Употребление подобных

фраз словно показывает, что ум занят одной внешностью молитвы, а не поглощён благоговейным чувством. Даже когда выражения не заимствованы, а просто стали привычными, слишком частое их возвращение в молитве ещё предосудительнее, чем в проповеди.

[43] Многие непрерывно повторяют «О!», «Ах!», «О Господи!», «Мы молим Тебя», «Мы умоляем Тебя» и тому подобное. Фамильярного языка мистиков — «мой Иисус», «сладостный Господь» — лучше избегать. Выражения обращения к Богу естественно выбирать с некоторым вниманием к связи. Так Господь говорит: «Благодарю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты сокрыл это» и так далее. Речь о действии верховной власти. «Разве Судия всей земли не поступит справедливо?» естественнее, чем «Разве Всемогущий — или Премудрый, или милосердный Бог — не поступит справедливо?».

[44] Употребляя язык Писания, как уже рекомендовано, очень важно цитировать правильно; любопытно наблюдать неверные цитаты, слышимые в далёких друг от друга местах и показывающие, что их усвоили устным преданием. «Где двое или трое… там Я посреди них, *и чтобы благословить их*». Слова «и чтобы благословить их», выделенные в оригинале курсивом, — добавление. «Ты не можешь смотреть на грех с малейшей снисходительностью» — это портит сильный и прекрасный образ.[609] «Чтобы слово Господне имело свободный ход, бежало и прославлялось» — здесь с поля добавлено слово «бежало», предложенное там как возможная замена словам «имело свободный ход». «Агнец Божий, Который берёт на Себя грехи мира» — любопытная замена единственного числа «грех» множественным; но она встречается в «Книге общей

молитвы» и в греческом гимне, восходящем, вероятно, ещё к третьему веку.

45 (4) Произнесение молитвы «должно быть мягче, ровнее… менее бурным, более сдержанным. Каждая интонация должна дышать нежностью и прошением… Трудно сказать, что менее подходит этому священному действию: торопливое, небрежное произнесение, словно читают нечто утомительное или пустячное; буйная декламация, словно человек отважился бранить своего Создателя; или стремительное, путаное выговаривание».[610]

46 Произнесение непременно должно быть отчётливым: не шумным, но вполне слышным во всём помещении. Для этого следует держать голову прямо, не склонять её вперёд и не закрывать лицо руками. Невозможность расслышать очень тягостна и довольно обычна. Что касается точных интонаций, пусть человек старается сознать, что делает, а затем говорит просто так, как чувствует, если только не заметит особых недостатков. Некоторые склонны пользоваться жалобным тоном, не принадлежащим естественному языку покаяния и любви и порой смешным. Тон, конечно, должен быть скорее торжественным и благоговейным, чем фамильярным, но это не требует, чтобы он был «заунывным».

47 Нужно избегать также гримас и манерных поз и жестов, которые всегда найдутся кому заметить.

[48] § 4. Продолжительность богослужений

[49] Надлежащая продолжительность во многом зависит от обстоятельств. Два столетия назад и в Англиканской церкви, и у диссентеров нередко занимали от трёх до шести часов. В настоящее время во многих местах проявляется сильное нетерпение к долгим службам; ему не следует ни уступать, ни пренебрегать им. В сельской местности, где люди приезжают или приходят издалека и имеют лишь одно богослужение в день, оно может быть значительно длиннее, чем в городе. Когда особый случай требует необычной продолжительности и делает службу интересной на всём протяжении, её можно продлить за обычное время. Вообще следует учитывать местные обычаи и известные предпочтения общины, но не позволять им связывать нас железными оковами. Нужны свобода и некоторое разнообразие, чтобы противостоять постоянному тяготению к формализму. Многие считают обычай своего рода неписаным законом, более обязательным, чем властно установленная форма поклонения. Служитель может практически возражать против этого изредка вносимыми уместными изменениями, заботясь не потрясти людей резкими или странными переменами. Мало свободной, непосредственной жизни там, где она стеснена неизменными формами, установленными законом или обычаем. Но нововведение лишь ради новизны хуже бесполезного.

[50] Что касается продолжительности проповеди, пастору полезно добиться понимания, что иногда он может произнести очень короткую, а иногда довольно длинную проповедь. Есть темы, которые можно сделать очень интересными и поучительными на двадцать минут; но

чтобы занять тридцать или сорок, пришлось бы вводить посторонний материал, ослабляющий действие, или так растягивать стиль, что он станет менее выразительным. Немало проповедников задумывалось над темами или текстами именно такого рода и вынуждено было либо отказаться от них, либо испортить одним из указанных способов. Почему не произносить иногда очень короткую проповедь — двадцать, даже пятнадцать минут? В таком случае, если позволяют обстоятельства, другие части службы можно без объяснений сделать длиннее обычного, заботясь об их интересе и впечатляющей силе. С другой стороны, есть темы, настоятельно требующие пространной разработки и плохо поддающиеся разделению; проповедник, особенно в собственной общине, должен чувствовать свободу занять целый час, а в редких случаях и больше, если уверен, что речь будет иметь такое разнообразие отчётливых пунктов, такое увлекательное движение от начала до конца и такую неизменную энергию произнесения, что сохранит высокий интерес людей. В этих пределах подходящая средняя продолжительность в городах, вероятно, составит от тридцати до сорока пяти минут: первое лучше при обычной сжатой и сосредоточенной разработке, второе — при более пространной и разнообразной. Очевидно, многое зависит от способа разработки. Длинная проповедь может показаться короткой, короткая — «краткой, да скучной», как сцена Пирама и Фисбы.

[51] Молитвы очень часто делают слишком длинными. Люди не могут не утомляться. Лучше было бы иметь во время службы больше молитв, но короче. Вообще их может быть три, с продолжительностью, меняющейся по обстоятельствам. Начальное обращение к Богу, открывающее службу после вступительного песнопения

хора или гимна общины, обыкновенно и по праву кратко, но при случае иногда может быть длиннее. Главная молитва перед проповедью особенно склонна становиться чрезмерно долгой. Последняя молитва после проповеди должна весьма различаться по продолжительности. Если проповедник или другой приглашённый молиться человек глубоко взволнован, а служба не была необычно длинной, эту молитву можно значительно продлить. Если нет, она должна быть короткой, иногда очень короткой. Даже когда проповедь произвела большое впечатление, особый характер этого впечатления и темы должен определять, лучше ли после неё долгая молитва или краткая. Уайтфилд однажды упрекнул человека, молившегося слишком долго: «Сэр, вашей молитвой вы привели меня в доброе расположение духа, а затем ею же вывели из него».[611] Иногда хорошо дать после проповеди гимн, а затем завершить благословением. Или благословение может следовать сразу, без гимна. В обоих случаях благословению, которое есть не что иное, как краткая молитва, могут предшествовать несколько предложений другой молитвы, соответствующей представленному предмету.

[52] Вообще, как уже намечено, различные части службы — чтение Писания, пение, проповедь, молитва — должны меняться по продолжительности сообразно обстоятельствам: одна становится длиннее, когда другая короче, без натужной погони за сенсационной новизной, но с разнообразием, естественно подсказываемым свободным чувством. Всей службе не следует часто значительно выходить за привычное время окончания.

[53] § 5. Благопристойность на кафедре

[54] Удивительно, сколько вреда порой причиняют мелкие нарушения благопристойности на кафедре. Входить в церковь или на кафедру следует не дерзко и не притворно смиренно, не небрежно и не ханжески; проповедник должен думать о Божьей истине, о настоящем поклонении Богу и быть исполнен желания назидать и спасать души. Если увидят, как проповедник, особенно молодой, поправляет волосы или галстук, это может совершенно настроить некоторых против его проповеди. Неряшливая или броская одежда произведёт подобное действие. Если заметят или услышат, что он пьёт стакан воды или смотрит на часы, пока другой молится после его проповеди, либо подыскивает гимны, пока другой молится перед нею, едва ли можно удивляться оскорблению людей. Двум служителям не следует разговаривать во время пения, если нет особого повода. При особых службах — рукоположениях, похоронах, освящениях, — когда участвуют несколько служителей, подробности нужно тщательно устроить и вполне понять заранее, чтобы избежать неловкости и ненужных совещаний во время службы. Небрежно оглядываться перед началом богослужения — признак ума, мало занятого священным. Однако заменять это нарочито торжественным видом отнюдь не желательно. И обычай становиться на колени при входе на кафедру весьма сомнителен по уместности. Проповеднику следует помолиться перед началом торжественных обязанностей, но не лучше ли вознести молитву наедине, чем публично? Следующая картина стала знаменитой:

> [55] «Если б хотел я описать проповедника, которого Павел,

будь он на земле, послушал бы, одобрил и признал своим, —
сам Павел должен был бы направлять меня. Я следовал бы
его мастерским чертам, рисуя по его замыслу.
Я изобразил бы его простым, серьёзным, искренним;
неповреждённым в учении, ясным в языке
и простым в манере; пристойным, торжественным, чистым
и естественным в движениях; самим глубоко проникнутым
сознанием своего страшного поручения
и прежде всего заботящимся, чтобы и питаемая им паства
почувствовала его; любящим во взгляде
и нежным в обращении, как подобает
посланнику благодати к виновным людям.
Вот картина. Похожа ли? На кого?
На те создания, что прыгают на кафедру
и затем спрыгивают вниз; объявляют текст;
прочищают горло — кхм! — и, читая то, чего никогда не писали,
ровно пятнадцать минут, кое-как сворачивают свой труд
и благовоспитанным шёпотом завершают сцену!»[612]

[56] Проповедник никогда не должен проявлять раздражения из-за невнимания и даже дурного поведения слушателей. Когда действительно необходимо обличить, и обличить резко, должно быть видно: он не негодует из-за личного пренебрежения, а движим высшими побуждениями. В огромном большинстве случаев от публичных упрёков лучше отказаться. Они часто

обижают, а добро, которое делают, обычно можно получить иным способом. Доброе, но решительное слово наедине обыкновенно гораздо лучше. Немногим проповедникам приходилось жалеть, что они промолчали, чувствуя побуждение публично укорить; многие сожалели, что заговорили.

[57] В манере проповедника не должно быть важничанья или формальности. Обычно лучше говорить «я», чем употреблять царственное «мы», множественное число величия. Во втором случае может быть больше себялюбия, чем в первом. Чтобы избежать слишком частого возвращения первого лица единственного числа, проповедник нередко может соединить себя со слушателями и тогда сказать «мы».

[58] После сильного возбуждения на кафедре или вне её легко наступает соответствующий спад. Но многие не понимают, как человек, столь торжественный во время проповеди, теперь так легкомысленен. Людям возбудимого склада следует избегать демонстрации этого обратного действия. Как бы глупо люди ни придирались к мелочам, мы не должны в подобных малых делах оставлять им повод к упрёку.

[59] § 6. Заключительные замечания

[60] После всей общей и специальной подготовки к ведению общественного богослужения и к проповеди в настоящем успехе мы зависим от Духа Божьего. И кто проповедует Евангелие, полагаясь на Божье благословение, никогда не проповедует напрасно. Проповедь, предназначенная необращённым, может принести великую пользу верующим, и наоборот. Не дав ни малейшего заметного результата сейчас, проповедь может отозваться много времени спустя — быть может, лишь в вечности. А самая жалкая неудача, кажущаяся совершенно бесполезной, может принести пользу самому проповеднику, а через него — всем его будущим слушателям. Так мы отчасти видим, каким образом Слово Божье всегда делает добро, всегда успешно исполняет то, для чего Он послал его.

[61] Нельзя также никогда забывать силы характера и жизни, подкрепляющих речь. То, что представляет собой проповедник, в значительной мере определяет действие его слов. Есть изречение Августина: «Cujus vita fulgor, ejus verba tonitrua» — если жизнь человека есть молния, его слова — громы.

Библиография

[1] Здесь не предпринимается попытка дать полный список книг по гомилетике и смежным предметам; однако предполагается, что названия и краткая критическая характеристика ряда важнейших трудов окажутся полезными учащемуся. Все упомянутые книги проверены в работе или при личном ознакомлении. Уместно назвать: (1) книги по общей риторике; (2) сочинения, специально посвящённые гомилетике; (3) работы по некоторым связанным с нею предметам.

[2] I. ТРУДЫ ПО ОБЩЕЙ РИТОРИКЕ. 1. Древние сочинения. Некоторые древние труды заслуживают особого упоминания. «Риторику» Аристотеля непременно следует изучить хотя бы в переводе, например из «Библиотеки Бона», если невозможно прочитать оригинал.

[3] Трактат Лонгина «О возвышенном» знаменит и интересен. Сочинения Цицерона о красноречии — «De Oratore» («Об ораторе»), «Orator» («Оратор») и «Brutus» («Брут») — весьма несистематичны и неполны, но богаты яркими мыслями и полезными советами.

[4] «Образование оратора» Квинтилиана непременно следует прочитать всякому, кто желает исследовать предмет до основания.

[5] «Ars Poetica» («Наука поэзии») Горация содержит множество правил для сочинений всякого рода. «Диалог об ораторах», ошибочно приписываемый Тациту, имеет некоторую ценность.

[6] Эти великие греческие и римские труды не утратили значения с появлением современных книг, столь многое из них почерпнувших. Читая их в оригинале или переводе, учащийся будет часто вспоминать саркастическое замечание Сидни Смита: «Древние украли все наши лучшие мысли».

[7] 2. Современные сочинения. «Философия риторики» Кэмпбелла, хотя несколько суха и трудна, представляет собой замечательно сильный труд и вознаградит внимательное изучение. Превосходная «Риторика» Уэйтли также не обесценилась из-за более поздних исследований. Особенно хороши её разделы об аргументации и стиле. Небольшой том Теремина «Красноречие как добродетель» в переводе Шедда, с хорошим введением, можно прочесть с большой пользой.

[8] Среди новых трудов особенно ценны следующие. «Искусство речи» Дэя — основательно хорошая книга, пожалуй, несколько жёсткая по форме, но аналитическая, ясная и здравая. «Искусство выражения» профессора Дж. Г. Гилмора — краткое, но понятное и полезное сочинение. «Композиция и риторика» Бэна была весьма полезным руководством. «Принципы письменной речи» профессора Т. У. Ханта из Принстона содержат много превосходного материала. «Практическая риторика» и «Руководство по риторическому анализу» профессора Джона Ф. Дженанга — весьма разумные и полезные исследования. У профессора А. С. Хилла два труда высокого достоинства: «Основы риторики» и «Принципы риторики»; второй предназначен для более подготовленных учащихся. «Наука риторики» Д. Дж. Хилла, как указывает название, излагает принципы риторики для старших классов и содержит немало ценного. Одна из лучших недавних книг

— «Английская композиция» профессора Гарварда Барретта Уэнделла. Она избегает суровой аналитической формы большинства учебников и вправе ценится за собственные литературные достоинства. То же можно сказать о прекрасном томе покойного Остина Фелпса «Английский стиль в публичной речи». Профессор Фринк из Амхерстского колледжа переработал его в учебник, но изучающим гомилетику предпочтительнее первоначальное сочинение. II. ТРУДЫ ПО ГОМИЛЕТИКЕ

[9] 1. Древние. «О священстве» Златоуста — очаровательное небольшое сочинение с несколькими превосходными отрывками о проповеди. Оригинал доступен отдельным томом; недавно Б. Г. Купер вновь перевёл его на английский. Августин до обращения преподавал риторику; в трактате «De Doctrina Christiana» («О христианском учении») он посвящает книгу IV наставлению в изложении христианской истины и высказывает множество интересных и полезных мыслей.

[10] 2. Немецкие. «Homiletik» («Гомилетика») Пальмера принадлежит популярному лютеранскому автору и обладает несомненными достоинствами. «Liturgik und Homiletik» («Литургика и гомилетика») Гагенбаха содержит много хорошего. Немецкие авторы обычно рассматривают гомилетику в общих трудах по практическому богословию. «Evangelische Praktische Theologie» («Евангелическое практическое богословие») Отто необычайно подробно освещает этот предмет и в нескольких его областях обнаруживает несомненное мастерство. «Praktische Theologie» («Практическое богословие») Эбрарда сравнительно скупа на гомилетику, но содержит живые замечания и советы. Есть также хорошие работы Нича, Бейера и Генке. Позднее вышла

«Geschichte und Theorie der Predigt» («История и теория проповеди») Теодозиуса Гарнака. В ней есть достоинства и недостатки немецкого метода и взгляда, но это ценный труд, побуждающий к размышлению.

[11] 3. Французские. «Диалоги о красноречии» Фенелона легко читаются и по некоторым вопросам превосходны. Их можно найти в хорошем сборнике «Проповедник и пастор». «Опыт о составлении проповеди» Клода весьма ценен и оказал широкое влияние; существует ряд его английских изданий. «Гомилетика» Вине в переводе Скиннера издана после смерти автора по его записям и записям некоторых учеников; несмотря на этот недостаток, по многим вопросам она весьма ценна и интересна. «Лекция о произнесении проповедей» Адольфа Моно исключительно хороша. Она опубликована приложением к «Избранным речам» Фиша, переведённым с французского и немецкого. Небольшой труд Кокреля «Observations Pratiques sur la Prédication» («Практические замечания о проповеди») не переведён. Это живое, острое, наводящее на мысли, практичное и полезное сочинение.

[12] 4. Английские. «Лекции о кафедральном красноречии» Кэмпбелла рассудительны и полезны, хотя весьма кратки. «Трактат о проповеди» Гресли переиздавался в нашей стране; специально приспособленный к нуждам английского духовенства, он всё же ценен для всех и написан приятным стилем. «Статьи о проповеди и публичной речи», подписанные «Уайкхэмист», — небольшое, но превосходное сочинение, несистематическое, однако здравое и живое. «Ad Clerum» («К духовенству») знаменитого лондонского проповедника Джозефа Паркера — живая и интересная

книжка, хотя не всегда рассудительная. «Искусство проповеди и составление проповедей» Генри Бёрджесса по некоторым вопросам весьма здраво, но как руководство крайне неполно. У пастора Э. Пакстона Худа два занимательных и полезных тома о проповеди: «Престол красноречия» и «Призвание проповедника». Три серии «Лекций моим студентам» Сперджена рассматривают разнообразные вопросы проповеди и полны ярких советов и выражений, благочестивой ревности. Они легко читаются и ценны, но иногда односторонни: автор не понимает умов и методов, существенно отличных от его собственных. Вторая серия особенно посвящена произнесению, третья — искусству иллюстрации. «Для дела служения» профессора У. Г. Блейки из Эдинбурга рассматривает и проповедь, и пастырскую работу. Книга кратка, но полна здравого смысла. Здесь нужно упомянуть также два труда римско-католического священника и профессора из Дублина Томаса Дж. Поттера. Один называется «Священное красноречие» и содержит много хороших замечаний вместе с яркими цитатами из католических авторов. Другой, «Произнесённое слово», более специально рассматривает импровизированное произнесение.

[13] 5. Американские. В нашей стране появилось множество превосходных книг по гомилетике. Среди них можно назвать следующие. «Гомилетика» Д. П. Киддера, прежде профессора Методистского библейского института в Эванстоне, штат Иллинойс, а позднее Богословской семинарии Дрю, весьма полно охватывает круг тем и содержит немало хорошего. Однако обсуждения очень неровны, а взгляды по некоторым вопросам представляются спорными. «Мысли о проповеди» Александера, хотя и отрывочны, — отличная книга,

пробуждающая мысль и полная ценного. «Христианская риторика» пастора Г. У. Герви — примечательный и для умеющих различать читателей ценный труд. Это очень полное и всестороннее исследование, обнаруживающее широкую начитанность и хорошее владение предметом. Автор пытается заново построить риторику для кафедры целиком на библейских примерах. Поэтому он проводит широкое различие между гомилетикой и риторикой. Он с большой силой настаивает, что проповедник может ожидать и должен иметь в проповеди то, что называет «частичным вдохновением». Хотя термин может вызывать возражения, автор искренне и справедливо настаивает на зависимости проповеди от помощи Святого Духа.

[14] «Гомилетика и пастырские обязанности» Шедда — превосходный труд. Он рассматривает определённые вопросы с известной силой авторского анализа и энергией выражения. Это замечательная книга для чтения теми, кто уже знаком с предметом в целом, или для изучения вместе с каким-либо систематическим руководством.

[15] «Гомилетика» профессора Джеймса М. Хоппина — пересмотренное и расширенное издание гомилетического материала из его прежнего труда «Проповедь и пастырское служение». Очерк истории проповеди довольно обширен, но совершенно фрагментарен. Расположение несколько неудачно и неудобно; зато отдельные вопросы обсуждаются с заметным мастерством и здравым суждением и обнаруживают хорошее знакомство с литературой предмета.

[16] Покойному профессору Остину Фелпсу из Андовера принадлежат три весьма ценных труда по гомилетике в целом. Первый — «Теория проповеди», плод многолетнего преподавания в Андоверской семинарии. Он построен по

принципу ответов на вопросы, которые в разное время поднимали студенты. Получился своеобразный том, переполненный хорошими мыслями и ценными советами, но это не полное и не хорошо устроенное руководство. Некоторым темам автор уделяет несоразмерно много времени, другие совершенно опускает. Уже знакомые с предметом найдут здесь очень много свежего и полезного. Стиль ясен, жив и силён. «Люди и книги» рассматривает некоторые вопросы, пропущенные в «Теории проповеди», и даёт ценные советы об изучении человеческой природы и литературы. Это превосходный труд для молодого проповедника и пастора. «Английский стиль в публичной речи» рассматривает стиль прежде всего применительно к кафедре и обладает большими достоинствами. Эти три книги профессора Фелпса — одно из полезнейших пополнений гомилетической литературы за последние годы; они щедро вознаградят тщательное и многократное изучение.

[17] «Священная риторика» доктора Р. Л. Дэбни, пресвитерианина, — ценный и побуждающий к мысли труд о теории проповеди, содержащий множество рассудительных наблюдений и здравых принципов.

[18] «Проповедник и его проповедь» пастора Джона У. Эттера, выпущенная издательством Объединённых братьев в Дейтоне, штат Огайо, — обширное и практическое руководство, весьма здравое и полное, хотя не поражающее оригинальностью.

[19] «Руководство по проповеди» профессора Франклина У. Фиска из Чикагской конгрегационалистской богословской семинарии — сильный учебник, ясный, разумный и верный в суждениях.

[20] «Трубный призыв Христа к служению» доктора Д. С. Грегори, хотя и не является трактатом по гомилетике, содержит много ценных указаний о темах и методе проповеди, необходимой в наше время. Это сильная книга, полная здравого смысла и особенно полезная для противодействия некоторым стремлениям века уйти от простоты Евангелия.

[21] 6. Йельские лекции о проповеди. В 1871 году при Йельской богословской школе Генри У. Сейдж из Бруклина, член Плимутской церкви Генри Уорда Бичера, учредил лекционный курс о проповеди. В честь выдающегося отца Бичера он получил название Лекции Лаймана Бичера о проповеди. С тех пор ежегодно какой-либо выдающийся служитель из Америки или из-за границы читает в рамках этого фонда серию лекций. Многие опубликованы и составляют ценное собрание лекций о разных сторонах проповеди. Как и следовало ожидать, тома весьма разнообразны по характеру и содержанию и очень неравны по ценности. Едва ли необходимо рассматривать здесь все; для особого упоминания выделим лишь несколько наиболее примечательных.

[22] Первыми по времени идут три серии Генри Уорда Бичера, читавшего лекции первые три года. Первая посвящена проповеди, вторая — пастырской работе, третья — темам проповеди. Первый и второй тома весьма ценны, свежи, часто очень ярки и повсюду побуждают к мысли. Однако труды отмечены склонностью Бичера к полуистинам, и читать их следует с различением.

[23] Самые ценные в Йельском курсе — «Лекции о проповеди» Филлипса Брукса. В этом томе проявляются благородные черты великого проповедника. Он полон

здравого смысла, глубокой духовности и чрезвычайно полезных советов. Стиль весьма приятен и выразителен.

[24] «Девять лекций о проповеди» покойного Р. У. Дейла из Англии, хотя весьма неровны по изложению, содержат много интересного и полезного. Стиль несколько многословен.

[25] Тома доктора Уильяма М. Тейлора, епископа Мэтью Симпсона, доктора Джона Холла и доктора Э. Г. Робинсона обладают значительной практической ценностью и интересом.

[26] «Лекции» доктора Натаниэля Дж. Бёртона, прочитанные в 1884 году и дополненные некоторыми другими лекциями и сочинениями, — своеобразная книга. Автор был весьма оригинальным и сильным человеком; хотя со многими его утверждениями нельзя согласиться, книга побуждает к мысли и сильно оживляет ум. Особенно ценны лекции о самостоятельности проповедника, о воображении и об усвоении чужого материала.

[27] Лекции более поздних лет уделяют внимание преимущественно темам проповеди и её соответствию времени. Среди них следует назвать «Проповедник и его место» доктора Дэвида Г. Грира из церкви Святого Варфоломея в Нью-Йорке. Лекции написаны приятно и, хотя не отличаются особой силой или яркостью, полезны и наводят на мысли. «Евангелие для века сомнений» доктора Генри Ван Дайка написано превосходным стилем и содержит весьма полезные советы о проповеди, необходимой времени. Однако в некоторых вопросах автор заходит слишком далеко, уступая духу века больше, чем представляется благоразумным. «Попечение о

душах» доктора Джона Уотсона, более известного под литературным именем «Ян Макларен», — сердечная, приятно написанная и побуждающая к мысли книга, но её портят некоторые серьёзные ошибки.

[28] «Verbum Dei» («Слово Божие»), серия 1893 года пастора Роберта Ф. Хортона из Англии, примечательна тем, что внушает мнение: нынешние проповедники вправе ожидать и должны искать подлинного вдохновения от Бога в той же мере, что пророки и апостолы. В книге много хорошего и яркого, но эта небиблейская и вводящая в заблуждение позиция составляет серьёзное возражение против неё.

[29] III. ТРУДЫ ПО ПРЕДМЕТАМ, СВЯЗАННЫМ С ГОМИЛЕТИКОЙ

[30] 1. История проповеди. Следует упомянуть несколько трудов. Изложение истории в «Гомилетике» Хоппина уже отмечалось и имеет ценность. «Христианское красноречие первых пяти столетий» Моула — превосходный небольшой том. «Средневековые проповедники и проповедь» Нила интересны, но не очень глубоки. «Лекции по истории проповеди» Бродуса были прочитаны в Ньютонском богословском институте в 1876 году и вскоре опубликованы. «Лекции по истории проповеди» профессора Джона Керра из Шотландии вышли после его смерти. Они несколько отрывочны, но хорошо написаны и полны полезных сведений о рассматриваемых вопросах и эпохах. Более полные труды по истории проповеди существуют на немецком языке, а отдельным эпохам и периодам посвящены сочинения на разных языках. Основательная и полная история проповеди всех времён и стран всё ещё остаётся желанной, но не осуществлённой задачей.

[31] 2. О красноречии. «Красноречие и ораторы» профессора Уильяма Мэтьюза содержит немало интересного и наводящего на мысли. «История красноречия» профессора Лоренцо Сирса из Брауновского университета — весьма ценное и всестороннее, хотя краткое, рассмотрение предмета. Оно гораздо полнее, чем, казалось бы, возможно в столь небольшом труде, и вполне заслуживает изучения. «Аттические ораторы» профессора Р. К. Джебба — самый учёный труд по указанной эпохе, книга непреходящей ценности. «Британское красноречие» Гудрича — превосходное собрание речей с введениями и примечаниями, помогающими их понять и весьма полезными учащемуся красноречию. Существуют различные сборники речей и сочинений великих ораторов, особенно английских и американских, которые нет нужды перечислять здесь отдельно; общее знакомство с ними вознаградит учащегося.

[32] 3. Логика. Два великих труда по логике для англоязычного учащегося — «Лекции» сэра Уильяма Гамильтона по дедуктивной логике и «Система логики» Джона Стюарта Милля по индуктивной. «Теория мышления» профессора Ноа К. Дэвиса из Виргинского университета — глубокое рассмотрение аристотелевской и гамильтоновской систем дедуктивной логики со многими ценными дополнениями самого автора. «Принципы науки» У. Стэнли Джевонса — самый полный труд этого автора по общей области индуктивной логики, содержащий много ценного. Книга Сиджвика об «Ошибках рассуждения», хотя и написана в интересах эволюционной теории, весьма вдумчиво рассматривает свой особый предмет.

[33] Все эти книги предназначены для более подготовленных учащихся. Среди начальных полезны следующие. «Логика» Уэйтли, хотя недостаточна и в некоторых отношениях устарела, всё ещё заслуживает изучения и не вполне заменена более новыми трудами. Для начинающего самые ясные, полные и полезные руководства — книги профессора Н. К. Дэвиса соответственно по индуктивной и дедуктивной логике. Эти два небольших тома содержат самую суть авторской мысли и преподавания по данному предмету. Они превосходны. Кроме них можно назвать Джевонса в редакции Хилла, Шайлера, Фаулера и Маккоша — всё это учебники для колледжей. К ним можно добавить интересную «Грамматику согласия» кардинала Ньюмена, в которой он рассматривает способность рассуждения, исходя из нашего согласия с утверждениями.

[34] 4. Английский язык и стиль. Учебников по этому предмету так много, что одно перечисление даже лучших заполнило бы том. Поэтому отметим лишь некоторые из лучших.

[35] Среди английских грамматик великими трудами являются две немецкие книги, обе переведённые: одна Мецнера, другая Коха. Это весьма основательные научные исследования английской грамматики. Есть также очень полезный и интересный труд профессора Сэмюэла Рамзи «Английский язык и английская грамматика». К ним можно добавить «Основы английской грамматики» Уитни, «Высшую английскую грамматику» Бэна и «Начала исторической грамматики» Морриса.

[36] Существуют сочинения об ошибках и правильном письменном английском, многие из которых заслуживают внимания. «Просторечия и другие ошибки речи»,

выпущенные Клакстоном в Филадельфии, — хорошее пособие. Хороша и книга Мередита «Повседневные ошибки речи». «Уроки английского для англичан» Сили и Эбботта, а также «Как выполнять грамматический разбор» Э. А. Эбботта помогают добиваться точности письменного английского.

[37] Следует отметить несколько специальных трудов об английском языке: «Лекции об английском языке» Марша в новом издании; «Наш английский» А. С. Хилла в серии «Чотокуа»; «Нормативный английский» Олифанта и несколько томов Ричарда Гранта Уайта. «Английская проза» профессора Оксфордского университета Джона Эрла — великая книга, рассматривающая предметы, элементы, историю и употребление английской прозы. Она вознаградит серьёзное изучение. В английской филологии весьма ценен «Этимологический словарь» У. У. Скита. У профессора Эрла есть также ценная книга «Английская филология». Для общих занятий «Различение синонимов» Смита, пожалуй, лучшее сочинение по этому вопросу. «Тезаурус» Роже в последнем издании по-прежнему ценен. Небольшие книги архиепископа Тренча, хотя несколько устарели, также всё ещё стоит читать: «Слова и их употребление» и «Английский язык в прошлом и настоящем». У епископа Фэллоуза есть полезный справочник «Синонимы и антонимы» с некоторыми дополнениями. Недавно издательство «Фанк и Уэгноллс» выпустило «Синонимы» Джеймса К. Фернальда. Следует упомянуть и «Синонимы» Соула.

[38] 5. Произнесение и искусство речи. «Искусство импровизированной речи» Ботена содержит некоторые ценные советы; хороша также книга Томаса Дж. Поттера

«Произнесённое слово». «Искусство произнесения с кафедры» Уильяма Рассела даёт множество полезных практических советов, а «Развитие голоса», заново отредактированное пастором Фрэнсисом Т. Расселом, — полезное практическое руководство. Полезна «Импровизированная речь» Питтенджера. «Импровизированная проповедь» Уайлдера Смита полна здравого смысла и ценна. «Проповедь без записей», лекции доктора Р. С. Сторрса, также весьма полезна для импровизированной проповеди.

Указатель

[1] Примечание редакции. Все номера страниц в этом историческом указателе относятся к изданию «О подготовке и произнесении проповедей» 1898 года, а не к страницам настоящего издания. В обоих языках сохранён исходный английский алфавитный порядок.

[2] Приспособление текстов, 32, 36.

[3] Признание заимствования: когда необходимо, 144.

[4] Жестикуляция: при произнесении, 496; у детей, 498; у людей разных народов, 499; правила, 507.

[5] Ad Clerum, 546, 457, примечание, 530, примечание.

[6] Манерность: следует избегать, 482, 483.

[7] Александер, Дж. У., «Мысли о проповеди», 547; замечательное высказывание, 27; о вероучении, 77; о предпочтении частных тем общим, 79; о политике, 91; об изучении Библии, 123, примечание; об оригинальности, 132; о делении, 284; о чтении проповедей, 449; о речи без рукописи, 473, примечание.

[8] Аллегории Писания, 68.

[9] Развлечения: как о них проповедовать, 91.

[10] Аналогия: определение, 192; основа метафор, 194; довод по аналогии, 195; употребление, 196.

[11] Аналогия веры, 73, примечание, 197, примечание.

[12] Анализ: чрезмерный, 289, примечание.

[13] Занимательные случаи: употребление в проповеди, 238.

[14] Англосаксонские слова: ясность, 366; сравнительная сила, 386.

[15] Антитеза, 391.

[16] Апологетика: применение, 82.

[17] Извинения, 271.

[18] Апострофа, 400.

[19] Применение: главное в проповеди, 245; посредством замечаний, 246; посредством практических указаний, 248; убеждение как важнейшая часть, 249; часть заключения, 300.

[20] Априори: определение, 180; употребление у Канта, 184.

[21] Аргументация: человеческая склонность к ней, 168; значение в проповеди, 169; предварительные условия, 172; основные разновидности, 180; формы, 204; порядок, 216; общие указания, 220.

[22] Argumentum ad hominem, 207, 211.

[23] Аристотель, «Риторика», 543; о повествовании, 157; об индукции, 191; о привычных доводах, 222; о чувствах, 255, примечание; о стиле, 341, 356, 378, 405.

[24] Расположение материала: значение, 258; содействует убеждению, 263; составные части, 264.

[25] Искусство и литература: изучение, 427.

[26] Искусственность, 13; опасность, 14.

[27] Афиняне: их оценка ораторского искусства, 481.

[28] Августин, «О христианском учении», 545; цитируется, 5; о благодати, 99; о плагиате, 138, примечание; об изучении образцов, 354; изречение, 541.

[29] Авторитет: отличие от свидетельства, 197; авторитет Отцов, 202; авторитет Писания, 203.

[30] Бэн, «Сочинение и риторика», 544.

[31] Ботен, «Искусство речи без подготовки», 553.

[32] Барроу: его анализ, 288.

[33] Барроуз, «Спутник читателя Библии», 68, примечание.

[34] Бичер, Генри Уорд, «Йельские лекции», 549; цитируется, 31, 160, 227; источники его иллюстраций, 231.

[35] Вера и неверие, 204.

[36] Библия: язык, 43; деление на главы и стихи, 48; абзацная Библия, 49; история, 93; главный предмет изучения для проповедника, 122; мерило при обращении к слушателям, 171; образец стиля, 353.

[37] Биография: помощь в изучении гомилетики, 18; источник иллюстраций, 237.

[38] Промахи, 468.

[39] Бурдалу: манера проповеди, 452.

[40] Краткость, или сжатость стиля, 374, 393, 395.

[41] Брайт: о заключении, 298.

[42] Броддус, Эндрю: толковательная проповедь, 327.

[43] Брукс, Филлипс, «Лекции о проповеди», 549; выбор текстов, 31; строгость толкования, 34; оригинальность, 135; текущие события, 237, примечание; произнесение наизусть, 450.

[44] Брум: тщательная подготовка, 298.

[45] Бьюкенен: об аналогии, 192, примечание.

[46] Бюффон: о переходах, 295; о стиле, 340.

[47] Беньян, 58, примечание.

[48] Бремя доказательства, 174 и далее.

[49] Бёрджесс, «Искусство проповеди», 546.

[50] Бёрнет, «История Реформации», 435.

[51] Бёртон, Н. Дж., «Лекции», 549; 129, примечание.

[52] Батлер, епископ, «Аналогия», 196; о привычке, 253.

[53] Кэмпбелл, Джордж, «Риторика», 544; «Красноречие с кафедры», 546; об аналогии, 196; о возбуждении чувств, 256; о стиле, 361, 382, 387; о выделении слов, 389.

[54] Причина и повод: различие, 186.

[55] Чалмерс, д-р: использование английского перевода, 40; о Послании к Римлянам, 337; разнообразные иллюстрации, 377; почему читал проповеди по рукописи, 436.

[56] Капеллан Роджера де Коверли, 139.

[57] Любовь: ложная, 83.

[58] Чосер: цитируется, 129.

[59] Дети: проповеди детям, 109 и далее (образцы упомянуты в примечании, 110); дети как критики, 113; когда проповедовать детям, 114; наблюдение за детьми, 233; недостаток проповедей детям, 244, примечание.

[60] Хоры: участие в богослужении, 527.

[61] Христос: прообразы, 68; учение, 72; учитель нравственности, 86; главные источники Его иллюстраций, 232.

[62] Златоуст: «О священстве», 545; о благодати, 99; о плагиате, 138; толковательные проповеди, 333, 334; беседы, 338.

[63] Цицерон: труды об ораторском искусстве, 543; совет молодому оратору, 4; о чувствах, 254; упоминается, 287, примечание, 289; о красноречии, 344; о стиле, 350; о делении, 310; письма, 355; о ложном вкусе, 404, примечание; о произнесении, 483; спор с Росцием, 496.

[64] Кларк, д-р Сэмюэл: упоминается, 181.

[65] Клод, «Опыт о составлении проповеди», 545.

[66] Клей, Генри: ранняя подготовка, 9.

[67] Комментаторы: когда их следует упоминать, 156.

[68] Тетрадь выписок: использование, 24, 126.

[69] Общеизвестное: основание красноречия, 7.

[70] Сравнение: применение, 167, 257.

[71] Заключение проповеди, 298; страстное заключение, 301; длина, 303.

[72] Симфония: греческая и еврейская, применение, 66.

[73] Кокерель, «Практические замечания о проповеди», 546; о заимствовании, 142; о понятности, 262; о расположении материала, 265; о чтении проповедей, 446.

[74] Лицо: выражение при произнесении, 500.

[75] Каупер: о манерности, 483; описание проповедника, 539.

[76] Дабни, «Священная риторика», 548; о простоте, 415; об общественной молитве, 535.

[77] Дейл, «Девять лекций о проповеди», 549.

[78] Дэвис, Ноа К.: труды по логике, 551; об индукции, 186, примечание, 188, 221.

[79] Дэй, «Искусство речи», 544; о нахождении материала, 153, примечание; упоминается, 182, 183, 184; о возбуждении чувств, 253.

[80] Благопристойность на кафедре, 538.

[81] Дедукция: определение, 186; применение, 187.

[82] Определение: значение термина, 163, 164; важность ясного определения, 165.

[83] Произнесение проповедей: общие замечания, 431; значение, 477; труды о нём, 477; причины неудач, 478; условия действенности, 481.

[84] Демосфен: сведения о нём, 12; горячность, 254; изречение о «произнесении», 477.

[85] Де Квинси: о стиле, 344, 377; об английской грамматике, 347.

[86] Описание: применение проповедником, 160; обучение его применению, 161.

[87] Дилемма, 206.

[88] Рассуждение, или основная часть речи, 276.

[89] Деление проповеди на части, 281; исторические упоминания, 282; число частей, 285; преимущества трёх частей, 286; характер, 288; взаимное отношение, 289; порядок, 291; формулировка, 292; объявление, 293; рифмованное, 293; переход от одной части к другой, 294.

[90] Вероучительные истины: основа проповеди, 76; великие истины, о которых следует проповедовать, 78; отдельные стороны, 80; примеры, 81; история, 125.

[91] Драматизация, 401.

[92] Драммонд, «Естественный закон в духовном мире», 197, примечание.

[93] Эрл, «Английская проза» и «Английская филология», 552.

[94] Эдвардс, Джонатан, 245, 436.

[95] Красота стиля: общие свойства, 405; в различных видах сочинений, 406; проповеднику нельзя стремиться только к ней, 407; не следует её избегать, 408; от чего зависит, 410–419.

[96] Красноречие: определение, 5, 264; практический характер, 5; серьёзный характер, 6; общеизвестное как основание, 7.

[97] Смысловое ударение при чтении, 516.

[98] Сила стиля, 380; главные условия, 381; как достигается, 382–401; ошибки, 402.

[99] Английский язык, 346; труды о нём, 348.

[100] Английский перевод: использование, 40, 326.

[101] Эпитеты: использование, 384.

[102] Ошибки: в тексте Писания, 29, примечание; вероучительные — главный источник силы, 83; часто следует оставлять без внимания, 85.

[103] Нравственная философия, 125.

[104] Эттер, «Проповедник и его проповедь», 548.

[105] Эверетт, Эдвард: его выступления, 453.

[106] Доказательства христианства: Роберт Холл о них, 82; как их рассматривать, 83; внутренние и основанные на опыте, 83.

[107] Восклицание, 401.

[108] Ex concesso: довод из признанного положения, 206.

[109] Экзегеза: использование, 155.

[110] Пояснение примером, 165.

[111] Заключительное увещание, 302.

[112] Опыт: тема проповедей, 97; рассказ о собственном опыте, 98; религиозный опыт, 233.

[113] Объяснение: часто необходимо, 153; предостережения, 154; объяснение предметов, 163.

[114] Толкование: последовательное, 325; манера Златоуста, 333.

[115] Толковательная проповедь: преимущества, 318; возражения, 319; ведение, 321; необходимость единства, 323; подробности, 329; параллельные места, 330; трудные места, 331; примеры, 337.

[116] Выражение лица, 500; при чтении, 515.

[117] Речь без рукописи: определение, 456; преимущества, 458–464; появление блестящих мыслей, 460; возможность изменять проповедь, 461; естественность произнесения, 462; недостатки, 464–470; трудности, 468; успех, 468; общая и специальная подготовка, 470.

[118] Глаза оратора: сила воздействия, 445, 501.

[119] Басни: использование в проповеди, 239.

[120] Неудача: чувствительность к ней, 468.

121 Фэрберн, «Руководство по герменевтике», 54, примечание.

122 Фантазия и воображение, 421.

123 Отцы: авторитет, 202.

124 Чувства: необходимость возбуждать их, 252.

125 Фенелон, «Диалоги о красноречии», 545; упоминается, 282.

126 Фернальд, «Синонимы», 553.

127 Фигуры речи: труды о них, 396, примечание; содействие силе, 396; красоте, 414; главные фигуры, употребляемые в проповеди, 397 и далее.

128 Фиск, «Руководство по проповеди», 548.

129 Флеминг, «Философский словарь», 184, примечание.

130 Фостер, Джон: упоминается, 25, примечание; 174, 358; об употреблении выражений Писания, 410.

131 Свободное произнесение на основе письменной подготовки, 454.

132 Свежесть проповеди, 146; как достигается, 148, 149.

133 Фуллер, Эндрю: его толкование Писания, 40; влияние, 52; как толкователь, 326; толкование Бытия, 338; невосприимчивость к искусству, 427.

134 Фуллер, Ричард: использование происшествий, 237; о переходах, 296.

135 Дженанг, Джон Ф., «Риторика», 544; упоминается, 258, примечание, 264, примечание.

136 Жест: в устной речи, 504–509; при чтении, 516.

137 Гилмор, Дж. Х., «Искусство выражения», 544.

[138] Гладстон, 483.

[139] Гёте: прозаический стиль, 343, примечание; об актёре и ораторе, 479, 480.

[140] Гудрич, «Британское красноречие», 551.

[141] Евангелия: предполагаемые противоречия, 199.

[142] Гракх, Гай, 485.

[143] Грамматики английского языка: использование, 349.

[144] Грегори, д-р Д. С.: труд о проповеди, 548; упоминается, 108, примечание.

[145] Гринлиф, «О доказательствах», 176, примечание.

[146] Грир, «Проповедник и его место», 549.

[147] Гресли, «Трактат о проповеди», 546.

[148] Гримм, Якоб: об английском языке, 347.

[149] Гагенбах: о гомилетике, 545.

[150] Холл, Роберт: о доказательствах христианства, 82; упоминается, 278, 455; предпочитает частные темы, 309; стиль, 352; голос, 484.

[151] Гамильтон, сэр Уильям, «Логика», 551.

[152] Руки: использование при выступлении, 504.

[153] Счастье: правомерное побуждение, 250.

[154] Гаррисон, Гесснер: рассказ о нём, 332.

[155] Ад: учение Писания о нём, 68.

[156] Генри, Патрик: ранняя подготовка, 9.

[157] Герви, «Христианская риторика», 547; о проповеди ради упражнения, 14, примечание; устаревшие заблуждения, 209; упоминается, 433.

[158] Хилл, А. С.: о риторике, 544.

[159] Хилл, Д. Дж., «Наука риторики», 544.

[160] История: в толковании, 71; примеры использования, 72; библейская, 93; пренебрежение ею в проповеди, 95; история христианства, 96; источник иллюстраций, 236.

[161] Святость: стремление к ней как побуждение, 250.

[162] Гомилетическая привычка, 122, примечание.

[163] Гомилетика: значение и происхождение термина, 15; изучение, 17.

[164] Худ, Э. П.: труды о проповеди, 546; цитируется, 468.

[165] Хоппин, «Гомилетика», 547; определение гомилетики, 16; о тексте, 20, примечание; о текстах-эпиграфах, 37; об аргументации, 169; о вступлении, 269, 272.

[166] Гораций, 290.

[167] Хортон, Р. Ф., «Verbum Dei», 550.

[168] Хоу, Джон: использование текстов, 20.

[169] Хаусон, декан, 140, примечание.

[170] «Гудибрас»: цитируется, 209.

[171] Хант, Т. У.: труд по риторике, 544.

[172] Гексли, 200, примечание.

[173] Гимны: цитирование, 239; важность выбора хороших гимнов, 519; их наличие, 520; труды о них, 521, 522, примечание; лучшие авторы, 522; свойства хорошего

гимна, 522; связь с проповедью, 523; чтение, 524; ритм, 525; музыка, 527.

[174] Гипербола, 398; примеры, 399.

[175] Иллюстрация: определение, 225; применение, 226; значение, 228; труды о ней, 229, примечание; источники, 229–242; возможность вымысла, 234; предостережения об употреблении, 242.

[176] Воображение: применение для возбуждения чувства, 256; польза оратору, 420; труды о нём, 422; историческое, 425; средства развития, 426; вдохновляющие образцы, 428, 429; воспитание, 430.

[177] Подражание: сознательное и бессознательное, 12; примеры, 13, примечание.

[178] Лень: враг оригинальности, 136.

[179] Индукция: определение, 188; поспешная, 189; надёжная, 190; Аристотель о ней, 191.

[180] Выводы: часть применения, 247.

[181] Толкование: необходимость строгости, 32, 33; источники ошибок, 38–55; примеры неверного толкования, 55–64; руководства, 65; указания, 64–74.

[182] Риторический вопрос, 401.

[183] Вступление: уместность, 266; цель, 267, 268; источники, 268–272; качества, 272; Вине о нём, 274, 276; не должно быть слишком длинным, 275.

[184] Нахождение материала и вспомогательные средства, 118–120; вымысел как источник иллюстраций, 234.

[185] Ирония: допустимость, 212.

[186] Джей: планы проповедей, 317, примечание.

[187] Джебб, «Аттические ораторы», 551.

[188] «Иисус из Назарета» (лекции автора), 201, примечание.

[189] Джитер, Дж. Б.: рассказ о нём, 4.

[190] Джевонс, «Принципы науки», 551.

[191] Иуда: проповедь о нём, 315.

[192] Юлиан Отступник: предписывает философам подражать проповеди, 1.

[193] Кант: употребление понятия «априори», 184.

[194] Киддер, «Гомилетика», 546; надгробные речи, 103; нахождение материала, 119; заключение, 303.

[195] Знания: необходимы для хорошей проповеди, 8; полезны все виды, 122; три измерения, 137.

[196] Кох: об английской грамматике, 552.

[197] Язык: несовершенство, 38; язык Писания, 42–46; влияние изучения языка на стиль, 345; овладение языками, 345, примечание; книги об английском языке, 348.

[198] Письма: дружеские, польза их чтения, 355; письма Цицерона, 355.

[199] Лиддон, каноник: рассмотрение возражений, 210, примечание.

[200] Жизнь человеческая: источник иллюстраций, 231; обращения к ней нашего Господа, 232.

[201] Литература: источник иллюстраций, 239; влияние её изучения на стиль, 350–354.

[202] Логика: рекомендуется изучать, 170, 215; труды по ней, 216, примечание.

[203] Лорд: об образном языке, 68, примечание; лектор по истории, 94.

[204] Любовь: сильнейшее побуждение, 251.

[205] Лойола: его проповедь, 254.

[206] Мецнер, «Английская грамматика», 552.

[207] Массильон: начальные слова проповеди, 273, примечание.

[208] Материал проповеди: приобретаемый заранее, 120; из Писания, 122; из систематического богословия, 123; из другого чтения, 125; из природы и жизни, 127; подготавливаемый к случаю, 128; оригинальный, 129–137; заимствованный, 137–146; специальный, 152.

[209] Мэтьюз, «Ораторы и ораторское искусство», 556; о речи без рукописи, 461.

[210] Маккош, Джеймс, «Логика», 551; 183, примечание.

[211] Мелодичность голоса, 485, 491.

[212] Мередит, «Повседневные ошибки речи», 552.

[213] Метафора, 397.

[214] Способы проповеди: исторические сведения, 432.

[215] Стихотворные размеры: книги о них, 526, примечание.

[216] Милль, Дж. С., «Логика», 551; об аналогии, 193; о логических ошибках, 216, примечание.

[217] Чудеса: доказательство, 200, 201.

[218] Неверно применённые тексты: примеры, 55–64.

[219] Моно, «О произнесении проповедей», 545.

[220] Побуждения, 249.

[221] Тексты-эпиграфы, 37, 38.

[222] Моул, Х. М.: об истории проповеди, 550.

[223] Повествование: использование проповедником, 157.

[224] Повествования Библии, 322; проповеди на них, 323.

[225] Природные дарования, 8.

[226] Естественность: ей необходимо учиться, 14.

[227] Природа: источник иллюстраций, 230; помощь воображению, 426.

[228] Нил, Дж. М., «Средневековая проповедь», 550.

[229] Неандер: о чтении проповедей, 434.

[230] Отрицание: не требуется доказывать, 174.

[231] Ньюмен, кардинал, «Грамматика согласия», 552; о горячности, 254.

[232] Новости дня: как использовать, 237.

[233] Газеты, 351.

[234] Новый Завет: пересмотренный перевод, 28, 66, примечание; издание Муди, 74, примечание.

[235] Романы: как читать, 428.

[236] Возражения: опровержение, 219.

[237] Неясность, 362.

[238] О’Коннелл, Дэниел: изречение, 5.

[239] Причудливость, 131.

[240] Ветхий Завет: не следует пренебрегать, 28.

[241] Оратор и актёр, 478, 479.

[242] Ораторы: индейские, 9; великие светские, 353.

[243] Ориген: его духовное иносказательное толкование, 51.

[244] Оригинальность, 129; абсолютная, 129; относительная, 130; притязание на неё, 131; почему желательна, 132; препятствия, 133.

[245] Писание на языках оригинала: преимущества, 41; в толковательной проповеди, 326.

[246] Отто: труд по гомилетике, 545; о делении, 286.

[247] Пейли, «Horæ Paulinæ», 200.

[248] Пальмер: труд по гомилетике, 545; о текстовых проповедях, 313; о чтении проповедей, 447, 448.

[249] «Статьи о проповеди», 546; цитируются, 241.

[250] Притчи нашего Господа: толкование, 54.

[251] Парадокс: иногда допустим, 131.

[252] Библии с делением на абзацы, 49, примечание.

[253] Абзацы: значение, 371; как строить, 372.

[254] Параллельные места: цитирование, 330.

[255] Частицы: употребление, 373.

[256] Паскаль: о плагиате, 143, примечание.

[257] Павел, апостол: прямота речи, 85; стиль, 342; язык, 399.

[258] Олицетворение, 400.

[259] Ясность стиля, 361; необходимость, 362; пояснения, 363; условия, 365–377.

[260] Убеждение: применение, 249; используемые побуждения, 250.

[261] Отречение Петра: проповеди о нём, 313.

[262] Фелпс, Остин: труды по гомилетике, 544, 547; определение гомилетики, 16; о приспособлении текстов, 36; тексты-эпиграфы, 37; пробуждения, 108, примечание; плагиат, 146; применение, 257, примечание; основное положение, 281; заключение, 301; гомилетическое построение, 306; сила чувства, 381.

[263] Благочестие: необходимо для действенной проповеди, 7.

[264] «Путешествие пилигрима»: особенно рекомендуется, 239.

[265] Питтенджер: о речи без подготовки, 553.

[266] Плагиат: определение, 137; смешные и серьёзные последствия, 140.

[267] План проповеди, 276; простой и свежий, 278; примеры, 279, примечание.

[268] Поэзия и проповедь, 406.

[269] Поэты: изучение, 428.

[270] Пункты рассуждения: оратору следует сосредоточиваться на них, 373.

[271] Полемика: тема проповедей, 83, 84.

[272] Положение тела при выступлении, 501.

[273] Поттер, Томас Дж.: труды о проповеди, 546; об изложении возражений, 210; ложные доказательства, 215; первые впечатления, 267; заключение, 305.

[274] Практика: главное средство совершенствования стиля, 355.

[275] Молитва (общественная): подготовка, 528, 529; содержание, 530; замечания о молитве Господней, 530; неуместное в ней, 531; разнообразие, 531; построение, 532; язык, 533, 534; произнесение, 534.

[276] Проповедник: когда красноречив, 7; должен проповедовать о вероучении, 76; отношение к спорам, 83; к нравственности, 86; к политике, 88; должен избегать крайностей, 89; опыт молодого проповедника, 121; почему старый терпит неудачу, 121; Библия — главный предмет изучения, 122; как быть оригинальным, 130; как использовать чужие мысли, 138–144; объяснение текста, 155; должен изучать мышление простых людей, 222; быть внимательным наблюдателем, 230; возбуждать чувство, 252; должен сам чувствовать, 254; не быть неизменно бурным, 257; развивать разнообразие, 297; избегать вымученного чувства, 301; быть ясным, 362; разнообразить стиль, 403; не стремиться к красивости, 407.

[277] Проповедь: отличительная черта христианства, 1; у язычников, 1, 2; отношение к печати, 1; к пастырскому труду, 2; трудность, 4; условия действенности, 7; искусство, 10; перед учебной группой, 14, примечание; вероучительная, 76; политическая, 88; историческая, 93; толковательная, 317; без рукописи, 431, 432, 438, 456 и далее.

[278] Презумпция: использование в аргументации, 175–179.

[279] Изобилие, 396.

[280] Постепенное приближение: довод, 205.

[281] Многословная растянутость, 375, 376.

[282] Положение: логическое и риторическое, 279.

[283] Приличие на кафедре, 538.

[284] Пословицы: ценность, 240, 241.

[285] Пунктуация, 356.

[286] Квинтилиан, «Наставления оратору», 543; об ораторе, 6, примечание; о шумливости, 159; о слабых доводах, 223; острое изречение, 241; о вступлении, 275; о ясности стиля, 362.

[287] Цитаты: использование иностранных, 350.

[288] Рэмзи, Сэмюэл: об английской грамматике, 552.

[289] Чтение: замечания, 126; публичное чтение Писания, 512, 517; хорошее чтение — редкое искусство, 514; рекомендуется кружок, 515; смысловое ударение, 516; выразительность, 515; разные стили, 518.

[290] Чтение проповедей по рукописи: происхождение обычая, 435; где распространён, 436; преимущества, 439–441; недостатки, 441–446; указания, 446–450.

[291] Подведение итогов, 300.

[292] Произнесение проповедей по памяти: преимущества, 451; недостатки, 452; произнесение речей по памяти, 453.

[293] Reductio ad absurdum — сведение к нелепости, 206.

[294] Ссылки: использование, 74.

[295] Опровержение, 207; часто неполное, 208; косвенное, 211; не должно быть слишком бурным, 213; действие успешного опровержения, 214.

[296] Ренан: упоминается, 342.

[297] Покаяние: тексты о нём, 81.

[298] Повторение, 411.

[299] Пересмотр перевода: Кентерберийский, 28; Новый Завет, 66, примечание.

[300] Проповеди духовного пробуждения, 105.

[301] Риторика: правила, 10; опасности, 11.

[302] Ритм в прозе, 412; книги о нём, 414.

[303] Рипли: о текстах, 25; о возражениях, 219; о расположении материала, 262; об основном положении, 280.

[304] Роджерс, Генри: цитируется, 407.

[305] Рёскин: о воображении, 421, 424, 428, примечание.

[306] Рассел: об искусстве произнесения, 553.

[307] Райл, «Толковательные размышления», 337.

[308] Духовное красноречие: Роджерс о нём, 407.

[309] Шлейермахер, 324, 439, примечание.

[310] Наука: источник иллюстраций, 234.

[311] Писание: источник иллюстраций, 242; изучение прежде и теперь, 326, 327; публичное чтение, 517.

[312] Сирс, Лоренцо, «История ораторского искусства», 551.

[313] Сенсационность в проповеди, 149; опасности, 150.

[314] Предложения: длинные и короткие, 370; периодические, 386; расположение слов для смыслового выделения, 388; прерванные, 392.

[315] Последовательность: логическая и физическая, 185.

[316] Проповедь: части, 266; вступление, 266; план, 276; деление, 281; заключение, 298; длительность, 536.

[317] Проповеди: тема или текст, 75; классификация по содержанию, 75; вероучительные, 76; не трактаты, 80; нравственные, 86; политические, 88; исторические, 93; об опыте веры, 96; надгробные, 100; академические, 103; пробуждающие, 105; для детей, 109; для отдельных групп, 115; различные виды, 306; тематические, 308; примеры тематических, 309; текстовые, 311; примеры текстовых, 313–315; толковательные, 317; план серии толковательных проповедей, 328; длительность, 536.

[318] Богослужения: длительность, 535.

[319] Шекспир: цитируется, 351, 398, 507, 508.

[320] Шедд: о постижении смысла текста, 67; об обязанности проповедника перед обществом, 90; о гомилетической привычке, 122, примечание; о нахождении остова проповеди, 312; о толковательной проповеди, 320; о духовном ораторе, 382.

[321] Шерлок, 202, примечание.

[322] Сиджвик: о логических ошибках, 551.

[323] Простота: стиля, 415; напускная, 418; богослужения, 511.

[324] Пение: средство развития голоса, 486.

[325] Остовы и наброски проповедей, 141.

[326] Умение: необходимо для хорошей проповеди, 9.

[327] Смит, Адам: о стиле, 406.

[328] Смит, Ч. Дж., «Различение синонимов», 552.

[329] Смит, Уайлдер, «Проповедь без рукописи», 553.

[330] Соул, «Синонимы», 552.

[331] Саут: о стиле, 416.

[332] Устная речь: отношение к стилю, 359.

[333] Spectator, 139.

[334] Спенсер, Герберт: о стиле, 418.

[335] Дух Святой: помощь, 462, 540.

[336] Духовное иносказательное толкование: в природе вещей, 50; в Библии, 51; применение Отцами, 51; дурные последствия, 69.

[337] Духовные явления, 198.

[338] Сперджен: использование нескольких текстов, 23; цитирование гимнов, 239; об иллюстрациях, 240, примечание; вступления, 271, примечание; чтение Писания, 519.

[339] Неподлинные места: не следует брать за текст проповеди, 28; примеры, 29.

[340] Старки: о доказательствах, 176, примечание.

[341] Сторрс, «Проповедь без записей», 553; 474.

[342] Стиль: общие замечания, 339; руководства, 339, примечание; Бюффон о нём, 340; значение, 341; французский, немецкий и американский, 343; средства совершенствования, 345; образцы, 352; разнообразие,

360; свойства, 361; ясность, 361–379; устный и письменный, 377, 378; сила, 380–404; красота, 405–419.

[343] Сведенборг: упоминается, 50.

[344] Свифт: письмо молодому священнослужителю, 365.

[345] Синонимы, 368, 369.

[346] Беседы о смысле отрывков Писания, 327.

[347] Вкус хороший, 151, 405.

[348] Тейлор, У. М.: лекции о проповеди, 549; о красноречии, 7, примечание.

[349] Теннисон, «Северный фермер», 262; тщательность при исправлении написанного, 358.

[350] Слова и термины: следует определять, 165; двусмысленных следует избегать, 173; должны быть понятны, 365; точны, 367; частные сильнее общих, 382; не должны быть неизящны, 410.

[351] Свидетельство: довод на его основании, 197; свидетельство Христа, 201.

[352] Текст проповеди: значение термина, 19; первоначально длинный, 20; преимущества его наличия, 21; возражения против него, 22; выбор, 23; списки, 24; правила выбора, 25–31; необычный, 26; знакомый, 27; не следует использовать неподлинные места, 28; слова людей, не имевших боговдохновения, как текст, 29; приспособление, 33–36; трудность толкования, 38; источники ошибок толкования, 38–55; примеры неверного применения, 55–64; изучение, 65; объяснение, 155.

[353] Богословие систематическое: ценность, 123, 124.

[354] Теремин: о красноречии, 544; 6.

[355] Переходные слова, 296.

[356] Перевод: недостатки, 39, 40; применение, 66.

[357] Переводы: средство совершенствования стиля, 358.

[358] Тренч: об английском языке, 552.

[359] Суд присяжных, 199.

[360] Люди, не имевшие боговдохновения: их высказывания, 29, 30, примечание.

[361] Единство темы: значение, 315, 323.

[362] Университетская подготовка (английская): результаты, 343.

[363] Ван Дайк, д-р Генри: лекции о проповеди, 550.

[364] Многословие, 394.

[365] Вине, «Гомилетика», 545; о красноречии, 6; об использовании текстов, 23; о толковании, 42, 46, 54; упоминается, 76, 90, 153, примечание, 205, 252, примечание; об определении, 164; властный тон, 171; об априори, 184; чистое рассуждение, 188; опровержение, 208, 210, 211, 212; расположение материала, 259, 261; красноречие, 264; вступления, 276; план проповеди, 277; о Боссюэ, 285; о стиле, 344.

[366] Вергилий: тщательность исправления написанного, 358.

[367] Голос: значение хорошего голоса, 483; возможности, 484; диапазон, 484, 487; объём звучания, 485, 488; проникающая сила, 485, 488; мелодичность, 485, 491; совершенствование, 486; правила владения им, 492.

[368] Вольтер: о текстах проповеди, 23.

369 Уотсон, д-р Джон («Иэн Макларен»): лекции о проповеди, 550; о делении, 283.

370 Уэйленд, Фрэнсис: о письменных речах, 459.

371 Уэбстер, Дэниел: о применении, 245.

372 Уэнделл, Барретт: труд по риторике, 544.

373 Уэсли, Джон, 270, примечание.

374 Уэйтли, «Логика», 551; о текстах, 67; рассказ о нём, 135; «Логика», 172; о презумпции, 177, 178, 179, примечание; упоминается, 186, примечание, 190, 192, 193, 197, 198, 205, 209, 213; цитируется, 212; о возбуждении чувств, 252; о сжатости, 375; общие и частные слова, 384; периоды, 387; многословие, 394; равномерная сила, 402.

375 Уайтфилд: ораторское искусство, 459; замечание, 538.

376 Уитни, «Английская грамматика», 552.

377 Написание проповедей, 439; привычка писать, 465.

378 Йельские лекции о проповеди, 548 и следующая страница.

379 Цинке, Ф. Б.: способ проповеди без рукописи, 471.

Примечания

1. [Этот отказ от преподавания оказался временным и был вызван состоянием здоровья автора, хотя тогда он полагал, что оставляет предмет навсегда. Через год он вернулся к гомилетике и с увлечением и успехом преподавал её до конца жизни. — Д.] ↑

2. [Так было в прежних изданиях; в настоящем издании библиография помещена в конце книги. — Д.] ↑

3. [Пастор, доктор Уильям Д. Томас, в то время — любимый прихожанами пастор баптистской церкви в Гринвилле, Южная Каролина; ныне — профессор философии Ричмондского колледжа в Ричмонде, Виргиния. — Д.] ↑

4. [Впоследствии — профессор истории Церкви в богословской семинарии Крозера, Апленд, Пенсильвания; к настоящему времени скончался. — Д.] ↑

5. Ср. Вине, с. 21. ↑

6. Григорий Богослов. Слово против Юлиана Отступника (Orat. in Jul. Apost.). ↑

7. Покойный доктор Дж. Б. Джитер из Виргинии. ↑

8. Цицерон. Об ораторе, II, § 85. ↑

9. Квинтилиан. Наставление оратору, XII, 1: «Оратор — добрый человек, искусный в речи». Это определение, как он говорит, принадлежало Катону. Во введении профессора Шедда к книге Теремина высказаны весьма ценные мысли о природе красноречия. ↑

10. Вине. Гомилетика, с. 176, примечание. ↑

11. Доктор У. М. Тейлор (журнал Forum, март 1887 года) утверждает, что «необходимые условия красноречия — дарования, отстаиваемое дело, случай и слушатели». ↑

12. Дэй. Искусство речи, с. 18. ↑

13. Ср. Цицерон. Об ораторе, гл. XXIII. ↑

14. Ср. Уэйтли. Риторика, с. 33 и далее. ↑

15. «Меланхтон держал одно плечо выше другого, а ученики считали себя Меланхтонами, если подражали его осанке». Гагенбах. Гомилетика, с. 142. Учеников Сперджена постоянно обвиняют в подражании ему. Тем, кого тревожит этот вопрос, следует напомнить и об иной опасности, о которой они, возможно, не думали. Несколько лет назад один профессор на многодневном собрании несколько раз слушал проповедь своего студента, а затем проповедовал сам. Посреди проповеди он поймал себя на том, что явно подражает некоторым характерным интонациям своего уважаемого молодого брата. Подумайте только: и профессора могут подражать студентам! ↑

16. Автор полагает, что практика студенческих проповедей перед учебной группой в целом приносит больше вреда, чем пользы, и от неё следует отказаться. Пусть студенты проповедуют там, где возможна настоящая проповедь, или вовсе не проповедуют. Даже дискуссионное общество ставит непосредственную цель, которой нужно достичь, и пробуждает живой интерес. Герви («Христианская риторика», с. 518) согласен с этим мнением и одобрительно цитирует Штира и Роте. Штир говорит: «Кто привык проповедовать скамьям, словно перед ним люди, тот впоследствии будет проповедовать людям, словно перед ним скамьи». ↑

17. Паниэль. История христианского красноречия (Gesch. der Christl. Beredsamkeit), с. 265, примечание. ↑

18. Гомилетика, с. 9. ↑

19. Теория проповеди, с. 1. ↑

20. Как предлагает Киддер, с. 19 и далее. ↑

21. Замена этого названия термином kerуktik, которую предлагают некоторые немецкие авторы, на деле ничего не дала бы. Термин происходит от греческого kerux — «глашатай», а в Новом Завете — «проповедник». ↑

22. Ср. texture («ткань», «строение»), context («контекст») и т. п. ↑

23. Гагенбах объяснил это слово правильно (Hom., с. 96), а Шедд (Hom., с. 159) явно ошибся. Ошибся и Фелпс (Theory of Preaching, с. 45); по-видимому, также Хоппин (Hom., с. 288), хотя его выражения не вполне ясны. ↑

24. См. ниже, часть II, гл. III, § 3, об изъяснительных проповедях. ↑

25. Вольтер. «Век Людовика XIV». Цитируется у Вине, Hom., с. 99. ↑

26. Американское издание проповедей Сперджена, третья серия, с. 241. ↑

27. Многочисленные яркие примеры таких записей — не текстов, а мыслей — см. в Life of John Foster («Жизнь Джона Фостера»), т. I, с. 108–156. Ср. Александер, «Мысли о проповеди», с. 513. ↑

28. См. далее об изъяснительной проповеди, часть II, гл. III; ср. также Фелпс, «Теория проповеди», с. 84–91, где дано весьма здравое и более пространное рассмотрение сравнительных преимуществ ясных и трудных текстов. ↑

29. Рипли. ↑

30. См. Худ, Lamps, Pitchers, etc. («Светильники, кувшины…»), с. 591. ↑

31. «Мысли о проповеди», с. 10–12. ↑

32. Ср. Гагенбах, с. 102. ↑

33. Обнаружение ошибок в общепринятом тексте Писания даёт не больше оснований для тревоги, чем обнаружение их в распространённых переводах. Люди, хорошо знающие о втором обстоятельстве и не тревожащиеся из-за него, иногда бывают потрясены первым, потому что оно для них ново. Но ни в тексте, ни в переводе наши обычные Библии не содержат таких ошибок или сомнительных мест, которые изменяли бы какое-либо учение Писания. И всё же положение о том, что не следует употреблять как Писание то, что заведомо является поздней вставкой, по-видимому, не нуждается в доказательстве. ↑

34. Некоторые примеры см. у Вине, Hom., с. 109; весьма здравое обсуждение всего вопроса — в «Руководстве по проповеди» Фиска, с. 68–70. Профессор Фиск перечисляет несколько способов употребления таких текстов: (1) как иллюстрации характера Бога; (2) Его дел; (3) несовершенства добрых людей; (4) характера дурных людей; (5) силы совести в дурных людях. ↑

35. «Йельские лекции», первая серия, с. 40 и далее. ↑

36. Интересно отметить, что Филлипс Брукс («Йельские лекции», с. 153 и далее) рассматривает те же три положения подробнее и с превосходным суждением. Очень сходное обсуждение есть также у

Теодозиуса Гарнака в «Geschichte und Theorie der Predigt» («История и теория проповеди»), с. 174. Оба сочинения вышли после первого издания этой книги. ↑

37. «Йельские лекции», с. 162–163. ↑

38. «Теория проповеди», с. 124. ↑

39. Ср. о тематических проповедях, часть II, гл. III. ↑

40. «Теория проповеди», с. 114 и далее. ↑

41. Ср. также Хоппин, Hom., с. 314–318; Фиск, «Руководство по проповеди», с. 74 и далее. ↑

42. Hom., с. 318. ↑

43. «Теория проповеди», с. 126 и далее. ↑

44. Пересмотренный, или Кентерберийский, перевод внёс значительные улучшения, но всё ещё сохраняет некоторые архаичные и порой неточные выражения перевода короля Иакова. ↑

45. Доктор Чалмерс, повторяя свой любимый совет, что студенты и служители, знающие оригинал, должны также регулярно и обстоятельно изучать английский перевод, где-то ссылается на Эндрю Фуллера как на яркий пример того, насколько глубокого знания Писания можно достигнуть с помощью одного лишь английского перевода. Несколько кратких и хороших советов по изъяснению даёт Фуллер в Works («Сочинениях»), издание Американского баптистского издательского общества, т. I, с. 712. ↑

46. Вине, Hom., с. 111. ↑

47. Эти выдержки, вместе с некоторыми библейскими местами, приведёнными для пояснения, взяты у Вине, Hom., с. 113–114. В отдельных случаях цитируемые предложения немного изменены. ↑

48. См. об изъяснительной проповеди, часть II, гл. III. ↑

49. Бэгстер выпустил Библии с делением на смысловые абзацы в разных оформлениях. Annotated Paragraph Bible («Библия со смысловым абзацным делением и примечаниями»), новое издание которой выпустило Американское баптистское издательское общество, хорошо устроена и содержит весьма ценные примечания. У этого общества есть также достаточно дешёвые Библия и Новый Завет,

напечатанные абзацами. Пересмотренный Новый Завет и другие пересмотренные издания того же общества обладают преимуществом такого же способа печатания. ↑

50. См. ниже, § 4, правило (2). ↑

51. Ср. Вине, с. 120. ↑

52. Хорошие наставления по этому вопросу содержатся в «Руководстве по герменевтике» Фэрберна, с. 157–173. ↑

53. Примечание редакции Life for God: в издании 1898 года указано Иер. 2:7. Цитата взята из Иер. 2:6; ссылка исправлена. ↑

54. Беньян в «Путешествии пилигрима» правильно употребляет этот образ: его пилигрим проходит долину смертной тени задолго до того, как достигает реки. ↑

55. Например, «Руководство по герменевтике» Фэрберна (по Новому Завету), «Библейская герменевтика» Дэвидсона (особенно подробно излагающая историю толкования), «Библейское руководство» Энгуса, «Спутник читателя Библии» Бэрроуза (новая, недорогая и весьма хорошая по этому предмету книга), «Введение» Хорна. ↑

56. См. ниже, гл. VI, § 2. ↑

57. Пересмотренный Новый Завет Американского баптистского издательского общества в целом весьма точен, достойно отражает лучшие научные достижения своего времени и служит ценным пособием при истолковании текстов. Разумеется, Пересмотренным, или Кентерберийским, переводом следует пользоваться постоянно. ↑

58. «Жизнь и литературное наследие Уэйтли», с. 402. ↑

59. Шедд, Hom., с. 176. ↑

60. Ср. Бэрроуз, «Спутник читателя Библии», гл. XXXV; Лорд, «Законы образного языка». ↑

61. Ср. раздел об изъяснительной проповеди: часть II, глава III. ↑

62. Обычно употребляемое здесь выражение «согласно аналогии веры» возникло из неправильного понимания греческого текста Рим. 12:6; от него следует отказаться, даже если вместо него нет другого специального термина. ↑

63. Новый Завет Муди весьма удобен: параллельные места в нём напечатаны полностью на той же странице. Поэтому легко отметить те из них, которые кажутся важными, а затем найти их и рассмотреть в контексте. Многие теряют охоту пользоваться ссылками, потому что имеют дело с чрезмерно обширным и плохо подобранным их собранием. Библия со смысловым абзацным делением и примечаниями Американского баптистского издательского общества в этом, как и в других отношениях, представляет собой чрезвычайно хорошее издание. ↑

64. Ср. классификации Вине, с. 75, и Киддера, с. 268. ↑

65. Хорошее обсуждение этого вопроса есть в «Священной риторике» Дэбни, с. 50 и далее, и в «Йельских лекциях» Филлипса Брукса, с. 128–129. Дэбни говорит: «Золотым правилом отцов протестантизма было: “Учения следует проповедовать практически, а обязанности — вероучительно”». Брукс говорит: «Проповедуйте учение — проповедуйте всё учение, которое знаете, и вечно узнавайте всё больше; но всегда проповедуйте его не ради того, чтобы люди ему поверили, а ради того, чтобы, уверовав, они спаслись». ↑

66. Александер, «Мысли о проповеди», с. 50; он неоднократно и настойчиво отстаивает необходимость вероучительной проповеди. См. с. 10–12, 42–43, 51, 234–236, 249–252. ↑

67. Ср. Дэбни, с. 54. См. также Д. С. Грегори, «Трубный призыв Христа к служению», во многих местах, особенно с. 110 и далее. ↑

68. Ср. выше о знакомых текстах: глава I, § 3. ↑

69. Мысли о проповеди, с. 512. ↑

70. Редакционное исправление: в издании 1898 года здесь напечатано Деян. 3:16; приведённые слова находятся в Деян. 3:19. ↑

71. Ср. Рипли, «Священная риторика», с. 32. ↑

72. Слово apology первоначально означало защиту, без какого-либо признания неправоты; позднее в английском оно получило также значение «извинение». ↑

73. «Сочинения», т. II, с. 299. ↑

74. Флп. 3:2; Гал. 6:12; 1 Тим. 4:1–2; 2 Тим. 4:14. Ср. Мф. 23:33; 3 Ин. 10. ↑

75. Гал. 2:11–21. ↑

76. Ср. Филлипс Брукс, «Йельские лекции», с. 136–140; Дэбни, «Священная риторика», с. 243 и далее, где хорошо раскрыта связь воображения с нравственным убеждением. ↑

77. Хорошие замечания об этом есть в «Сочинениях» Роберта Холла, т. II, с. 290 и далее. См. также Герви, «Христианская риторика», с. 144, 149. ↑

78. Вине, Hom., с. 83. ↑

79. См. Тит. 3:3–8 — важное место по этому вопросу. ↑

80. Ср. Филлипс Брукс, «Йельские лекции», с. 141. ↑

81. Сходные взгляды см. у Вине, Hom., с. 71–74, 86–87; и у Шедда, Hom., с. 248–249. ↑

82. Александер, «Мысли о проповеди», с. 47. ↑

83. 2 Тим. 4:2. ↑

84. Шлегель. ↑

85. Джон Лорд. ↑

86. См. о воображении, часть III, гл. V; ср. об изъяснительной проповеди, часть II, гл. III. Также об описании — ниже, гл. VI, § 2. ↑

87. См. ценные замечания в книге Уэйленда «Евангельское служение», с. 86–96. ↑

88. Киддер, Hom., с. 280; там есть и другие полезные замечания. ↑

89. О проповеди на собраниях пробуждения ср. Эттер, «Проповедник и его проповедь», с. 236 и далее; Грегори, «Трубный призыв Христа к служению», с. 268–297; Фелпс, «Теория проповеди», с. 287 и далее, «Люди и книги», с. 11 и далее. ↑

90. Полное и весьма хорошее рассмотрение этого вопроса см. у Эттера, «Проповедник и его проповедь», с. 256 и далее. Ср. также Отто, Evan. Prak. Theol., с. 141 и далее. ↑

91. Полезно назвать несколько лучших сборников проповедей и обращений к детям. Большую ценность представляют «Проповеди в Рагби» Арнолда и «Беседы с детьми» доктора Джона Тодда. Из более

новых английских книг назовём «Проповеди в Рагби» Темпла; «Беседы с детьми» Александра Флетчера; «Играющие мальчики и девочки и другие обращения к детям» епископа Райла; «Чудесный светильник», «Кроткое сердце», «Детская доля» Александра Маклеода — очень добрые и благотворные книги; «Осанны детей и другие краткие проповеди для юных богомольцев» Дж. Р. Макдаффа; «Библейские очерки и их уроки для молодёжи» баптиста С. Г. Грина. Из американских книг рекомендуются следующие: серия доктора Ричарда Ньютона в 18 томах, особенно «Ручейки», «Лучшие вещи», «Библейские чудеса», «Библейские благословения» — изданы небольшими томами у Картеров; четыре тома У. У. Ньютона, сына Р. Ньютона; «Наглядные проповеди для молодёжи» Эмерсона Эндрюса; «Планы проповедей детям» — сочинения двадцати девяти шотландских проповедников, изданные, однако, Армстронгом в Нью-Йорке; «Беседы с детьми» Т. Т. Итона. ↑

92. Об области действия и силе воображения см. часть III, гл. V. ↑

93. «Он всё время старался нас рассмешить, и мне это ужасно надоело». «Он рассказывал нам об одном мальчике, а закончил, знаешь, как они всегда заканчивают: “И этот мальчик, дети, сегодня здесь”». «Он очень старался быть смешным, но мне совсем не хотелось смеяться». «Папа, разве можно говорить столько глупостей, когда рассказываешь о нашем Спасителе?» «Ох, раньше мне эта история казалась очень смешной, но я слышал её уже столько раз». Родителям порой бывает трудно исправить дурные последствия, о которых свидетельствуют подобные слова. ↑

94. «Гомилетика», с. 152. ↑

95. Часть III, гл. V. ↑

96. Часть II, гл. I. ↑

97. См. § 4 настоящей главы. ↑

98. См. Шедд («Гомилетика», с. 108), который говорит, что проповедник должен «приобретать и развивать гомилетический склад ума». Всё, с чем он соприкасается, должно обращаться в проповедь. Ср. также йельские лекции Брукса, с. 157. ↑

99. Ср. выше, гл. II, § 2, (1). ↑

100. Превосходные мысли и советы Александера об изучении Библии, особенно для служителей среднего возраста, уже приобретших

значительные знания, находятся в «Мыслях о проповедовании», с. 56–60 и 464–466. ↑

101. Выдающийся английский епископ, один из ведущих авторов в области экзегетики, выражает в частном письме убеждение, что изучение систематического богословия предотвратило бы многое из того полускептицизма, который теперь прискорбно распространён среди духовенства Англиканской церкви. Превосходные замечания о преимуществах изучения богословия имеются у Р. У. Дейла в йельских лекциях, с. 7 и далее. ↑

102. Ср. Шедд, «Гомилетика», с. 26 и далее. ↑

103. «Читайте Батлера и проповедуйте чернокожим», — так много лет назад рассудительный старший наставник посоветовал молодому проповеднику. ↑

104. Ср. Шедд, «Гомилетика», с. 121–124. ↑

105. Об источниках иллюстраций см. замечания ниже, гл. VII. «Люди и книги» профессора Фелпса — превосходный труд по этому предмету. ↑

106. Шедд в «Гомилетике», с. 8, считает это невозможным, но употребляет слово «абсолютный» в другом смысле. Яркое и характерное для Н. Дж. Бёртона рассуждение о самостоятельности содержится в его йельских лекциях, с. 64 и далее. ↑

107. Александер, «Мысли о проповеди», с. 362. ↑

108. Архиепископ Уэйтли любил сравнивать этот мнимо самостоятельный стиль с историей любителя древностей у декана Свифта, нашедшего римский щит с весьма любопытными и почти разборчивыми надписями. Он пригласил друзей помочь их расшифровать; но когда кухарке пришло в голову отчистить ржавчину, щит оказался старой крышкой от горшка. ↑

109. «Лекции о проповедовании», с. 24. ↑

110. Некоторые из этих препятствий упомянуты в Christian Review за 1842 год, с. 142 и далее. ↑

111. Златоуст в своём прекрасном трактате «О священстве» (§ 451) с лёгким юмором жалуется на обвинения проповедников в плагиате, иногда даже за повторение собственных мыслей. Августин же действительно защищает эту практику странным образом (De Doct.

Christ., кн. IV, гл. XXIX, № 62): он говорит, что человека нельзя обвинять в краже или плагиате за произнесение «alienos sermones» — «чужих проповедей», если он живёт по содержащемуся в них учению, ибо тем самым оно становится его собственным; «ведь слово Божье не чуждо человеку, который ему повинуется». Удивительно, к каким софистическим словесным уловкам порой позволяют себе прибегать великие умы! ↑

112. Spectator, № 106. ↑

113. Декан Хаусон говорит: «Если план принадлежит вам, проповедь в более подлинном смысле принадлежит вам, и вы, вероятно, произнесёте её с большим чувством, чем если возьмёте построение у кого-нибудь другого, а затем заполните пустые места». ↑

114. «Гомилетические» примечания в комментариях Ланге и других слишком близки к этому роду материала; пользоваться ими следует с большой сдержанностью и осторожностью. ↑

115. Кокрель, Observ. sur la Prédication («Замечания о проповеди»), с. 204. О «скелетах» проповедей см. энергичные замечания Шедда в «Гомилетике», с. 116–122. ↑

116. Мы вовсе не намерены незаслуженно порицать некоторых превосходных служителей, которые пользовались такими книгами под влиянием примера, никогда достаточно не задумываясь о том, насколько вообще неуместна эта практика. ↑

117. Ср. выше, § 3. ↑

118. У Паскаля где-то есть тонкое саркастическое замечание: когда такой проповедник говорит «мы», он имеет в виду себя и человека, у которого украл. ↑

119. «Люди и книги», с. 199. ↑

120. Полное и в целом ценное рассмотрение нахождения материала можно найти в «Искусстве речи» Дэя, с. 42–207. Он классифицирует материал по четырём целям: объяснению, подтверждению, возбуждению чувств и убеждению. Его рассмотрение объяснения — самое подробное из существующих (с. 57–111); хотя в некоторых отношениях оно слишком формально, читатель найдёт его поучительным и богатым полезными мыслями. См. также Вине, с. 153–169. ↑

121. Ср. Вине, Hom., с. 166. ↑

122. Ср. об изъяснительных проповедях, часть II, гл. III. ↑

123. См. выше, гл. II. Ср. Герви, «Христианская риторика», с. 202. ↑

124. Таковы «Искусство речи» Дэя и «Риторика» Бэна; в обеих книгах содержится хорошее рассмотрение с этой точки зрения. ↑

125. Особенно Аристотель, «Риторика», III, 16, и Квинтилиан, IV, 2, где читатель найдёт множество полезных мыслей. ↑

126. «Повествование есть изложение совершившегося события… полезное для убеждения» (Narratio est rei factae . . . utilis ad persuadendum expositio). Квинтилиан, IV, 2, 31. ↑

127. Аристотель, «Риторика», III, 16, 1–3. ↑

128. Ср. Деян., гл. 7 с гл. 13 и гл. 22 с гл. 26. ↑

129. Квинтилиан, IV, 2, 37–39. ↑

130. О повествовании в проповеди ср. об исторических темах, гл. III, § 3, и об изъяснительных проповедях, часть II, гл. III. ↑

131. Г. У. Бичер. Интересную главу о «живописи словом» см. у Поттера, «Произнесённое слово», с. 210 и далее. ↑

132. Ср. об изъяснительной проповеди, часть II, гл. III, и об изяществе стиля, часть III, гл. IV. Некоторые полезные советы об описании содержатся в «Риторике» Бэна, с. 153 и далее. ↑

133. Вине, Hom., с. 161–163. ↑

134. См. Вине, с. 165. ↑

135. Ср. ниже, с. 173. ↑

136. Вине, с. 164, 165. ↑

137. Часть II, гл. II. ↑

138. Интересные и поучительные примеры такого рода можно найти в «Христианском зеркале» Джитера. ↑

139. Ср. Вине, с. 167, и см. ниже об иллюстрации, гл. VIII. ↑

140. См. Дэй, «Искусство речи», с. 104–109. ↑

141. См. далее об иллюстрации, гл. VIII. ↑

142. Вине, с. 176. ↑

143. Хоппин, с. 408. ↑

144. Ср. гл. III, § 1, «Вероучительные темы». ↑

145. Вине, с. 228, 229. ↑

146. См. ниже, § 3, (2), (5), а также § 6, «Порядок доказательств». ↑

147. В последующем рассмотрении широко используется Уэйтли: разбор доказательств составляет наиболее ценную часть его труда по риторике и не имеет равного в других руководствах. Кое-что почерпнуто также непосредственно у Аристотеля и у различных авторов, что всякий раз подробно указывается. В главе содержится немало того, чего нет у Уэйтли или что существенно отличается от его взглядов. Здесь сделана попытка расположить материал проще и практичнее, чем это встречалось в существующих трудах. ↑

148. Ср. Дэй, «Искусство речи», с. 117; Вине, с. 180. ↑

149. См. выше, с. 165. ↑

150. Большинство из них объяснено в приложении к «Логике» Уэйтли, хотя и не все удовлетворительным образом. ↑

151. См. Старки, «О доказательствах», предисловие, с. vi; Гринлиф, «О доказательствах», т. I, § 32. ↑

152. Уэйтли, с. 139; Дэй, «Искусство речи», с. 155 и далее. ↑

153. Страница 141. ↑

154. Уэйтли применяет свою теорию к крещению младенцев и епископальному устройству, доказывая, что как существующие установления они должны сохраняться, если только противник не представит достаточного основания отвергнуть их; бремя доказательства такого основания лежит, по его мнению, на противнике. Разумеется, человек продолжает поступать по-прежнему, пока не увидит причины поступить иначе. Но если он отказывается обсуждать желательность перемены на том основании, что противник обязан доказать отрицание его утверждения о добротности и необходимости сохранения установления, он просто уклоняется от спора. Если же он вообще соглашается рассуждать, то тем самым

утверждает желательность своей практики, а значит, несёт бремя доказательства. С другой стороны, возражающий несёт его в отношении каждого выдвигаемого им возражения против данной практики. Кроме того, крещение младенцев и епископальное устройство выступают не как человеческие установления, относительно которых можно предполагать, что люди имели достаточные причины их учредить, а как Божественные установления, для которых, как в другом месте признаёт сам Уэйтли, необходимо предполагать основание в Писании. Следовательно, отсутствие такого основания составляет презумпцию против них. Но ни одна из этих презумпций не меняет бремени доказательства. Оно, как и во всех случаях, остаётся на утверждающем. В этом рассуждении некоторую помощь оказал сильный труд Карсона о крещении, в котором Уэйтли подвергается весьма убедительной критике. ↑

155. См. ниже, § 4. ↑

156. Гамильтон, издание Рида, с. 762; Флеминг, «Философский словарь», с. 42. ↑

157. Изложение этого доказательства см. в «Богословии» Пая Смита, с. 101. ↑

158. Дэй, с. 128–133. ↑

159. Дэй, с. 129. ↑

160. См. Маккош, «О Божественном управлении». ↑

161. Вине, с. 180. Выражение «его природы» (возможно, принадлежащее студенту, по чьим записям воспроизведены лекции) способно запутать; однако примеры показывают, что имеется в виду. ↑

162. См. Флеминг, «Философский словарь», с. 42, 43; полезная книга. ↑

163. Например, Вине (с. 180) и Поттер («Священное красноречие», с. 149) употребляют термины «аналитический» и «синтетический» диаметрально противоположным образом применительно к одним и тем же вещам; каждое употребление может быть оправданно в зависимости от того, с какой стороны рассматривается предмет. Дэй (с. 122), обсуждая близкую тему, употребляет их в третьем смысле, совершенно отличном от обоих. ↑

164. Подробнее см. Уэйтли, с. 75 и далее. ↑

165. Ср. Н. К. Дэвис, «Индуктивная логика», с. 5. ↑

166. Вине, с. 174, 175. ↑

167. «Элементы индуктивной логики», с. 6, 7; там приведён и ряд других определений. ↑

168. Флеминг, «Философский словарь», с. 252. ↑

169. И, несомненно, наоборот. ↑

170. Уэйтли, с. 111. ↑

171. Ср. Милль, «Логика», кн. V, гл. V, § 4; Гамильтон, «Логика», с. 453. ↑

172. «Риторика», II, 20, 9. ↑

173. Гамильтон («Логика», с. 453, 454) утверждает строгий смысл, но допускает и принимает также неточный. Бьюкенен («Аналогия как руководство к истине и помощь вере», с. 59 и далее) возражает против определения Уэйтли как слишком узкого, а против обычного употребления — как слишком неопределённого и расплывчатого. Он говорит (с. 65), что аналогию «можно описать как действительное и коренное сходство двух или более предметов мысли, которое обнаруживается для нас в наблюдении у них одних и тех же характерных свойств, сходных отношений или одинаковых либо сходных следствий». Во второй части определения он принимает взгляд Уэйтли, а третья часть в действительности входит во вторую: произведение «одинаковых или сходных следствий» можно включить в обладание «сходными отношениями». Наблюдение у предметов «одних и тех же характерных свойств» на деле составляет часть индуктивного процесса, и его следует отличать от аналогии в собственном смысле. Таким образом, определение Бьюкенена не представляет действительного продвижения по сравнению с принятым выше определением Уэйтли. ↑

174. Уэйтли, с. 115. ↑

175. Милль, «Логика», кн. III, гл. XX, и кн. V, гл. V, § 6. ↑

176. Епископ Коплстон, у Уэйтли, с. 116 и с. 492 и далее. ↑

177. Кэмпбелл, «Философия риторики», с. 76. ↑

178. Таково решающее возражение против значительной части доказательств покойного профессора Драммонда в его знаменитой книге «Естественный закон в духовном мире». Он доводит аналогию до фактического тождества закона в двух областях. ↑

179. См. Уэйтли, с. 129 и далее. ↑

180. О неудачном выражении «аналогия веры» см. выше примечание на с. 73. ↑

181. Дэй, с. 138, утверждает такое различие, словно оно абсолютно. ↑

182. См. Уэйтли, с. 79–83. ↑

183. Покойный профессор Гексли в споре с доктором Уэйсом (1888) занимал позицию, согласно которой невероятность чудес столь велика, что свидетельства в их пользу не могут её перевесить. Но кто должен судить о ценности свидетельств? Нельзя считать несомненным, что приверженец естествознания будет хорошим судьёй исторических свидетельств. ↑

184. Это доказательство подробнее изложено в труде автора «Иисус из Назарета: три лекции». ↑

185. Можно назвать остроумное небольшое сочинение Шерлока «Суд над свидетелями», в котором свидетельства воскресения исследуются согласно судебным правилам. См. также Гринлифа и Миллигана. ↑

186. Некоторые из изложенных здесь взглядов на свидетельство, а также некоторые другие можно найти у Уэйтли, с. 78–104. ↑

187. Ср. Портер, Hom., лекция XI. ↑

188. Ср. выше, (2), а также § 6, «Порядок доказательств». ↑

189. Ср. об источниках иллюстраций, гл. VIII, § 2 (5). ↑

190. Ср. Уэйтли, с. 102. ↑

191. См. Вине, с. 193–196. ↑

192. Уэйтли, с. 104–109. ↑

193. Здесь мы не рассматриваем вопрос о правильности предположений Гамалиила. ↑

194. Ср. выше, § 1, (3). ↑

195. См. ниже, § 5, (6). ↑

196. Тит. 1:9–11. ↑

197. Вине, с. 177. ↑

198. Ср. о полемических темах, гл. III, § 2. ↑

199. Батлер, «Гудибрас», часть III, песнь III. ↑

200. Уэйтли, с. 188. Ср. выше о свидетельстве, § 3, (5). ↑

201. «Христианская риторика», с. 240. ↑

202. Поттер, «Священное красноречие», с. 179. Проповеди покойного каноника Г. П. Лиддона дают поучительные примеры этого. ↑

203. Вине, с. 179. ↑

204. Вине, с. 179. ↑

205. См. выше, § 4. ↑

206. Вине, с. 185. См. всё его рассуждение, с. 183–186. ↑

207. Уэйтли, с. 182. ↑

208. 3 Цар. 18:27. ↑

209. Ср. Уэйтли, с. 183–187. ↑

210. Там же, с. 188, 189. ↑

211. Там же, с. 193–198. ↑

212. В связи с этим важным учением можно повторить совет: способ рассмотрения, подходящий для богословского трактата, нередко приходится сильно изменять в речи, обращённой к широкому кругу слушателей. ↑

213. Поттер, «Священное красноречие», с. 151. ↑

214. Рассмотрение логических ошибок у Милля («Логика», кн. V) содержит много весьма ценного. Он считает самой распространённой ошибкой petitio principii — принятие за посылку того, что требуется доказать. См. также Маккош, «Логика», с. 169; Джевонс, «Логика», уроки XX, XXI; Н. К. Дэвис, «Элементы дедуктивной логики», с. 183 и далее, и «Теория мысли», с. 252 и далее. ↑

215. Более общая тема построения проповеди будет рассмотрена ниже, в части II. Ср. Фелпс, с. 418, и Дэй, с. 152. ↑

216. Дэй, с. 153. ↑

217. Дэй, с. 154. ↑

218. См. Уэйтли, с. 169, 170. ↑

219. Ср. Уэйтли, с. 201. ↑

220. Ср. один из начальных абзацев этой главы. ↑

221. Рипли, «Священная риторика», с. 81. ↑

222. Рипли, с. 82. ↑

223. Об общем порядке опровержения см. выше, § 5. ↑

224. Ср. особенно § 1 этой главы. ↑

225. Более полный перечень трудов по логике см. в библиографии в конце книги. ↑

226. В этих отношениях многому можно научиться, критически наблюдая за искусными ораторами на политических собраниях и адвокатами, выступающими перед присяжными. ↑

227. Аристотель, «Риторика», II, XXII, 3. ↑

228. Ср. Гресли, «О проповедовании», письмо VIII. ↑

229. «Наставление оратору», V, 12, 5. ↑

230. Портер, Hom., лекция XIII. ↑

231. Ср. Квинтилиан, V, 14, 33. ↑

232. Ср. Сперджен, «Искусство иллюстрации», лекция III; первая серия йельских лекций Бичера, лекция VII; и йельские лекции Филлипса Брукса, с. 175 и сл. ↑

233. Рассмотрено в главах VI, VII и IX; ср. начало главы VI. ↑

234. Часть III, гл. IV. ↑

235. Ср. гл. VI, § 2. ↑

236. Ср. гл. VII, § 2, (3). ↑

237. Ср. гл. VII, § 3, (4). ↑

238. Ср. Уэйтли, с. 164–166. ↑

239. См. часть III, гл. IV; и ср. Брукс, с. 175. ↑

240. Йельские лекции, первая серия, с. 156, 160. ↑

241. Ср. о применении в следующей главе. ↑

242. См. Сперджен, «Искусство иллюстрации», с. 46; и Бичер, первая серия, с. 159. ↑

243. Из сочинений, рассматривающих иллюстрацию, см. «Сила иллюстрации» Даулинга (Нью-Йорк: Sheldon & Co.). В книге Трамбулла «Дети в храме» (1869) есть хорошие замечания об этом предмете (с. 263–270), с упоминанием книг Гроузера «Наглядное преподавание» (Лондон: Союз воскресных школ) и Фримена «Использование иллюстрации в преподавании в воскресной школе» (Нью-Йорк: Carlton & Porter). Хорошие мысли можно найти в «Статьях о проповеди», написанных выпускником Винчестерского колледжа (Лондон, 1861), главы VI и VII. У Гресли (письмо X) и Худа (лекция VIII) встречается кое-что ценное. Бичер даёт несколько прекрасных советов в седьмой лекции первой серии своих йельских лекций; а Сперджен в третьей серии «Лекций моим студентам», посвящённой искусству иллюстрации, рассматривает весь этот предмет в своей живой, самобытной и здравой манере. ↑

244. Ср. Бичер, с. 169; и Сперджен, лекция IV, с. 54 и далее. ↑

245. Ср. о воображении, часть III, гл. V. ↑

246. Ср. о темах религиозного опыта, гл. III, § 4. ↑

247. Ср. гл. V, § 2. ↑

248. Ср. о проповеди на политические темы, гл. III, § 2. См. также лекции Брукса, с. 176. Он говорит, что иллюстрация, взятая из текущих событий, «привносит собственные ассоциации и предубеждения. Она слишком жива». ↑

249. «Энциклопедия анекдотов» Арвайна имеет лишь небольшую ценность. Лучше книга «Библейские иллюстрации» (Нью-Йорк: Sheldon & Co., формат в двенадцатую долю листа). ↑

250. Тренч, «Об уроках пословиц», цитируется в «Статьях о проповеди», написанных выпускником Винчестерского колледжа, с. 96. Ср. в этой последней книге с. 94–105. Немало и о баснях, и о притчах сказано в «Искусстве иллюстрации» Сперджена; а в его «Солонках» собрана довольно обширная коллекция пословиц. ↑

251. «Справочник пословиц» и «Многоязычный сборник иностранных пословиц» Бона — превосходные и недорогие сборники. ↑

252. «Статьи о проповеди», с. 99. ↑

253. Ср. Аристотель, «Риторика», II, 21. ↑

254. Этот недостаток очень часто встречается в обращённых к детям речах. Перед ними проходит лишь вереница рассказов или картин, которые ничему не учат, ничего не запечатлевают в душе и не имеют никакого значения, кроме праздного развлечения. Ср. «Дети в храме», с. 266, 267. ↑

255. Ср. гл. V, § 2. ↑

256. Издание Клода под редакцией Робинсона, II, 457. ↑

257. Много глубоких и плодотворных замечаний о побуждениях см. у Вине, с. 203–222. Ср. Аристотель, «Риторика», I, 10, 7 и далее. ↑

258. Уэйтли, с. 215. ↑

259. Вызывают сожаление замечания Дэя о возбуждении чувств («Искусство речи», с. 171), в которых он настаивает, что оно отлично от убеждения и что «значительная часть кафедрального красноречия» стремится только к возбуждению: такие замечания способны поощрять распространённую ошибку. ↑

260. Батлер, «Аналогия», часть I, гл. V, II. ↑

261. Цицерон, «Оратор», §§ 128–132. ↑

262. Поттер, «Священное красноречие», с. 211. ↑

263. Цитируется у Поттера, с. 213. ↑

264. Ср. Уэйтли, с. 216–219. ↑

265. Рассмотрение отдельных страстей у Аристотеля («Риторика», II, гл. I–XVII) не вполне соответствует тому, что мы могли бы надеяться

найти, однако содержит много любопытного и наводящего на размышления. ↑

266. Кэмпбелл, «Философия риторики», с. 103. ↑

267. См. ниже о воображении, часть III, гл. V. ↑

268. См. выше, гл. VI, § 2. ↑

269. Профессор Фелпс весьма основательно и подробно рассматривает приложение проповеди к жизни, хотя и неудачно включает весь этот предмет в рассуждение о заключении; «Теория проповеди», с. 454 и далее. ↑

270. Здравое рассмотрение построения речи см. в «Практической риторике» Дженанга, с. 260 и далее. ↑

271. Вине, с. 264, 265. ↑

272. Ср. Шедд, с. 214; Эттер, «Проповедник и его проповедь», с. 302 и следующая. ↑

273. Вине, с. 271. ↑

274. Рипли, «Священная риторика», с. 85. ↑

275. Кокрель, «Наблюдения о проповеди», с. 160. ↑

276. Ср. о ясности стиля, часть III, гл. II. ↑

277. О порядке доказательств см. выше, часть I, гл. VII, § 6. ↑

278. Вине, с. 289. ↑

279. Или, как удачно выражается Дженанг («Практическая риторика», с. 263): разграничение, последовательность, нарастание. ↑

280. Этот предмет весьма полно и тщательно рассмотрен у Квинтилиана, IV, 1, и у Клода. См. также Вине, Хоппина, Фелпса и других. ↑

281. Поттер, «Священное красноречие», с. 97. ↑

282. О способе изъяснения с кафедры см. выше, часть I, гл. VI, § 2. ↑

283. Хоппин, с. 342, 343. ↑

284. Ср. Вине, с. 302. ↑

285. Например, проповедь Уэсли о Великом суде. ↑

286. Ср. Отто, Prak. Theol., с. 368. ↑

287. К этому разряду относится чрезвычайно удачное вступление Сперджена: первая серия, проповедь I. ↑

288. В качестве нескольких образцов весьма ярких вступлений учащийся может обратиться к «Надгробной проповеди о герцогине Орлеанской» Боссюэ, хотя в ней есть некоторые очевидные недостатки; к проповеди Моно «Бог есть любовь»; к проповеди Роберта Робинсона «Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди»; к проповеди Ричарда Фуллера «Три еврея в печи», где, по мнению некоторых, первые слова лучше было бы опустить. ↑

289. Они хорошо изложены у Хоппина, с. 344 и далее. Он считает необходимыми для хорошего вступления четыре качества: простоту, скромность, уместность и способность пробуждать мысль. Ср. также подробное рассмотрение у Фелпса, «Теория проповеди», лекции XVI–XVIII. ↑

290. «Братья мои, велик один лишь Бог» — таковы были его первые слова. ↑

291. Вине, с. 105. ↑

292. Ср. Вине, с. 301. ↑

293. Шедд, с. 182. ↑

294. Квинтилиан, IV, 1, 61. ↑

295. Вине, с. 297. ↑

296. Ср. гл. I о значении построения речи. ↑

297. Ср. часть I, гл. IX, о приложении проповеди к жизни. ↑

298. Эттер, с. 303. ↑

299. Ср. гл. I. ↑

300. Вине, с. 276, 277. ↑

301. О выборе текстов ср. часть I, гл. I. ↑

302. Проповедь о трудностях и поддержке христианского служителя, «Сочинения», т. I, с. 140. ↑

303. Примеры особенно удачных планов часто встречаются в проповедях Сорена, Уильяма Джея и Сперджена; см. также Р. Холл, «Слава Божия в сокрытии», и Дж. М. Мейсон, «Престол Мессии»: в последней проповеди разделов и подразделов довольно много, но они разработаны превосходно. Планы Сперджена склонны к формальности; планы Бичера, возможно, слишком свободны и несоразмерны; планы Макларена отличаются особенной ясностью и полнотой. Планы Ф. У. Робертсона, хотя и яркие и хорошие, слишком однообразно держатся двухчастного деления. ↑

304. О том, когда ради тактических соображений уместно отложить объявление тезиса, см. часть I, гл. VII, § 2. Многие авторы трудов по гомилетике, например Фелпс, Хоппин и другие, выделяют тезис в отдельную часть речи и подробно его рассматривают; однако это едва ли необходимо. Ср. начало этой главы. ↑

305. Рипли, с. 54. Ср. с. 52–54. ↑

306. Ср. Отто, Prak. Theol., с. 332; Фелпс, лекции XX–XXV. ↑

307. Термин heads («пункты») практически равнозначен divisions («разделы»). Различие между division и partition, то есть двумя видами деления, слишком тонко для нашей нынешней цели. ↑

308. «Искусство поэзии», 42. ↑

309. Фенелон, «Диалоги о красноречии», диалог II. ↑

310. Говорят, что в последнее время подобное движение возникло среди некоторых проповедников Германии. То же наблюдается во Франции (Поттер, «Произнесённое слово», с. 76); по-видимому, отчасти и в Америке кое-где существует противодействие использованию разделов, которое легко может зайти слишком далеко. См. Филлипс Брукс, Йельские лекции, с. 177 и следующая; Фелпс, с. 365 и далее. ↑

311. «Попечение о душах» (Йельские лекции 1896 года), с. 41 и следующая. ↑

312. «Мысли о проповеди», с. 52. Ср. с. 32. Дабни (с. 214, примечание) ссылается на то же место и даёт такое же объяснение и предостережение. ↑

313. Вине, с. 334. ↑

314. Отто, Prak. Theol., с. 355. ↑

315. Кокрель, с. 149, приводит насмешку над этим обычаем у Лабрюйера, в царствование Людовика XIV. ↑

316. Так Цицерон в речи в защиту закона Манилия рассуждает: «Вы должны избрать полководца; вы должны избрать способного полководца; вы должны избрать Гнея Помпея». Хоппин, с. 386. ↑

317. «Теория проповеди», с. 382 и следующая. ↑

318. Однажды автор получил в качестве упражнения по гомилетике план проповеди с четырьмя разделами, но с подразделами и дальнейшими многократными подразделениями, так что всего их оказалось более ста двадцати. Анализ был почти безупречен, но проповедь из него вышла бы невыносимая. ↑

319. Так Цицерон («О нахождении материала», I, 23) указывает, насколько неуместно было бы доказывать, что алчность, дерзость и сребролюбие противной стороны навлекли на государство многие бедствия: ведь сребролюбие в действительности есть разновидность алчности. ↑

320. Вине, с. 282. ↑

321. «Искусство поэзии», 1. ↑

322. Ср. выше, конец гл. I. Особенности деления тематических, текстовых и изъяснительных проповедей будут рассмотрены ниже, в гл. III. ↑

323. Полезные замечания можно найти у Хоппина, с. 386; Киддера, с. 201; Фелпса, с. 386 и далее. Ср. ниже, о тематических проповедях, гл. III, § 1. ↑

324. О порядке доказательств см. часть I, гл. VII, § 6. ↑

325. О приложении ср. часть I, гл. IX. ↑

326. Так Карл фон Герок (цитируется у Штибрица, Zur Geschichte der Predigt и т. д., II, с. 616) говорит о браке в Кане (Ин. 2:1–11): Благо дому, где Иисус Христос Один есть всё во всём! (1) Там любовь никогда не прекращается; (2) Там дневной труд идёт бодро; (3) Там радость

становится благочестивой и чистой; (4) Там скорбь не останется без утешения. ↑

327. Гагенбах, Hom., с. 123. ↑

328. Ср. Фелпс, с. 411–414, и Брукс, с. 177. ↑

329. Hom., с. 195. ↑

330. Цитируется у Вине, с. 285. См. также Скиннер, «Богословские рассуждения», с. 168. ↑

331. Ср. Вине, с. 317. ↑

332. Покойный Ричард Фуллер. ↑

333. Ср. Рипли, «Священная риторика», с. 102. ↑

334. Там же, с. 103. ↑

335. О различных способах построения тематических, текстовых и изъяснительных проповедей см. ниже, гл. III. ↑

336. См. очерк Маколея об Уоррене Гастингсе; а также Фелпс, с. 496. ↑

337. О различных способах подготовки и произнесения ср. часть IV, гл. I. ↑

338. Вине, с. 323. ↑

339. Ср. выше, часть I, гл. IX. ↑

340. Фелпс, с. 576. ↑

341. Киддер, с. 229, 230. ↑

342. Поттер, с. 228. ↑

343. Помимо уже упомянутого Шедда, заключение необычайно подробно и поучительно рассмотрено у Хоппина, с. 427–443, и у Фелпса, с. 454–575, хотя последний охватывает при этом весь вопрос о приложении. ↑

344. См. Хоппин, с. 444 и далее; Фелпс, с. 28 и далее; Брукс, с. 129 и далее. ↑

345. Фелпс, с. 33. ↑

346. См. часть I, гл. III–V. ↑

347. «Теория проповеди», с. 30. ↑

348. Ср. выше, гл. II, § 2. ↑

349. Часть I, гл. III, § 1. ↑

350. «Сочинения», т. IV, с. 304. ↑

351. Характер, число, порядок и прочие особенности разделов рассмотрены выше, гл. II, §§ 2, 3. ↑

352. «О нахождении материала», I, 23. ↑

353. Для этой цели лучшие из старых английских богословов — Барроу и Саус. Планы Тиллотсона кажутся проще и потому предпочтительнее, но нередко имеют серьёзные недостатки. Из великих французских проповедников Сорен в этом отношении превосходит даже Массильона. Тематические проповеди в строгом смысле особенно часто встречаются у пресвитерианских проповедников; и, вероятно, ни в одном собрании проповедей нет столь большого числа превосходных образцов этого рода, как у Сэмюэла Дэвиса. Если изучение кого-либо из этих старых проповедников приучает человека к чрезмерной формальности, не отвечающей вкусу нашего времени, он может исправить эту склонность, читая «Университетские проповеди» Лиддона или проповеди Р. Фуллера: там он найдёт планы как тематические, так и текстовые, отчётливые и ясные, но не навязчивые и не раздробленные на мелкие подробности. Однако не следует воображать, будто планы величайших проповедников безупречны или даже всегда хороши. Эти проповедники нередко готовились поспешно либо настолько увлекались определённой схемой рассуждения, что не замечали её недостатков или не видели, как их исправить. Эндрю Фуллер обычно делит предмет естественно и хорошо. Но его знаменитая проповедь «Хождение верою» (Сочинения, т. I.), хотя главное деление в ней достаточно просто — сущность и важность хождения верою, — в подробностях прискорбно несвязна и нескладна. В самом деле, поводом к ней послужил случай во время его поездки к месту проповеди. Хорошие мысли могут нахлынуть внезапно, как произошло тогда, но очень редко сразу в хорошем порядке. Уже было отмечено, что Сперджен часто даёт превосходные планы; у него много тематических проповедей, особенно в ранних томах. Позднейшие его проповеди обычно текстовые. ↑

354. Нет необходимости говорить о тематических проповедях подробнее, потому что всё сказанное в главе II о разделах прямо к ним относится. Проповедник, избегающий проповедей такого рода, должен заставлять себя составлять их хотя бы достаточно часто, ради дисциплины ума и должного разнообразия. ↑

355. Шедд, с. 152. ↑

356. Пальмер, Hom., с. 378. ↑

357. Гагенбах, с. 120. Ср. планы Круммахера в его «Давиде» и проповеди Круммахера и Моно об искушении Христа в сборнике Фиша «Избранные речи с французского и немецкого». ↑

358. Цитируется у Шедда, с. 150. ↑

359. Некоторые проповедники, например Саус, очень любят проповеди, в которых одни разделы извлекаются непосредственно из текста, а другие — из природы предмета. Это может показаться несообразной смесью, однако нередко выполняется искусно и действенно. ↑

360. Редакционное исправление: в издании 1898 года здесь напечатано Лк. 24:43; приведённые слова находятся в Лк. 23:43. ↑

361. Приём, часто применяемый к словам “Why will ye die?” («Зачем вам умирать?»), а именно последовательное выделение каждого слова, недопустим потому, что в оригинале ни английскому will, ни уе не соответствует отдельно выраженное слово; поэтому приписывать им какое-либо особое ударение нельзя. ↑

362. Джей, цитируется у Киддера, с. 206. Джей особенно любит этот вид проповедей и нередко составляет удачные планы. ↑

363. С. 272–313. ↑

364. О достоинствах изъяснительной проповеди ср. Уэйленд, «Служение Евангелия», с. 83–86; Дабни, «Священная риторика», с. 76 и далее; У. М. Тейлор, «Служение Слова», с. 161–175. ↑

365. Hom., с. 157. ↑

366. Почти всё сказанное выше, в § 2, о текстовых проповедях прямо относится к изъяснительной проповеди. О плане речи см. также §§ 1, 2. ↑

367. Об исторических темах ср. часть I, гл. III, § 3; об описании — часть I, гл. VI, § 2. ↑

368. О значении единства ср. Фелпс, «Теория проповеди», с. 178, 179; Дабни, с. 109. ↑

369. Пальмер, Hom., с. 380. ↑

370. Вине, с. 148; ср. Шедд, с. 153. ↑

371. У автора сохранились более живые, чем приятные, воспоминания о первой попытке — ряде проповедей по Посланию к колоссянам, который лучший советник проповедника признал в целом решительной неудачей. ↑

372. [Здесь автор имеет в виду своего родственника, знаменитого Эндрю Броддуса-старшего из округа Кэролайн, штат Виргиния. Несмотря на выдающиеся дарования и многочисленные приглашения, он всю жизнь предпочитал служить сельским пастором. — Д.] ↑

373. О живописном изъяснении см. Фелпс, «Теория проповеди», с. 165 и следующая. ↑

374. Этот обычай хорошо высмеян у Кокреля, с. 69. ↑

375. У знаменитого профессора греческого языка в одном из наших американских университетов был молодой помощник, которому однажды неожиданно пришлось провести занятие, хотя он не прочёл заранее урока. Когда потом его спросили, как он справился, тот ответил: «Я просто говорил о том, что понимал, а чего не понимал, того не трогал». «Недурной способ, — сказал старый профессор. — Полагаю, вам лучше придерживаться его до конца жизни». [Близкие автора хорошо знали, что речь шла о докторе Гесснере Харрисоне из Виргинского университета и о нём самом. — Д.] ↑

376. Помимо общих трудов по риторике, гомилетике, сочинению, грамматике и науке о языке учащийся найдёт ценные замечания в очерках о стиле Де Квинси, Бульвера (Caxtoniana) и Герберта Спенсера (Essays, Нью-Йорк, Appleton), а также у Генри Роджерса в работе о духовном красноречии (Reason and Faith, and Other Essays; впервые в Edinburgh Review, октябрь 1840 года). «Английский стиль в публичной речи» Фелпса — весьма полезный и превосходный труд, отчасти продолжающий его «Теорию проповеди», в которой стиль не рассматривается. Хорошая книга — «Принципы письменной речи»

профессора Т. У. Ханта из Принстона; также «Английская проза» профессора Оксфордского университета Джона Эрла. ↑

377. Хоппин, с. 585. ↑

378. Хейвен. «Риторика», с. 241. ↑

379. См. также Дэй, с. 213. ↑

380. Аристотель. «Риторика», III, 1. ↑

381. Цицерон говорит («Оратор», 16): «Когда найдено, что сказать и в каком порядке, остаётся ещё несравненно самое важное — как это сказать»; однако сюда он включает и стиль, и произнесение. ↑

382. 1 Кор. 2:4. ↑

383. Свидетельство тому — главы XIII и XV того же Послания. ↑

384. Прозаический стиль Гёте едва ли превзойдён на каком-либо языке. ↑

385. Ср. Квинтилиан, VIII, 2, 19. ↑

386. Цицерон. «Оратор», 29. ↑

387. «О стиле», с. 66. ↑

388. Вине, с. 353. ↑

389. Хорн Тук в своей неточной и своеобразной, но весьма занимательной книге «Развлечения Пёрли» приводит слова старого Роджера Эскема, наставника королевы Елизаветы: «Как ястреб не взлетает высоко на одном крыле, так и человек не достигает совершенства с одним языком». А императору Карлу V, по свидетельству Брантома, приписывают мудрое замечание: «Autant de langues que l'homme sait parler, autant de fois est-il homme», то есть сколько языков человек умеет говорить, столько раз он человек. ↑

390. Якоб Гримм, цитируется у Тренча и Ангуса. ↑

391. Де Квинси. «О стиле», с. 105. ↑

392. Профессор одного из наших ведущих американских университетов, человек обширных познаний, никогда не изучал немецкого. В истории, литературе вообще, даже в метафизической философии он довольствовался тем, что можно было найти на

греческом, латинском, французском и английском. Но наконец, решив основательно изучить английскую грамматику, он был вынужден выучить немецкий. ↑

393. Например, превосходно «Руководство по английскому языку» Ангуса. Прибавьте к нему «Об изучении слов» Тренча и его «Английский язык в прошлом и настоящем». И непременно прочтите «Философию риторики» Кэмпбелла, книгу II, главы I–IV, и книгу III, главы IV–V, где он рассматривает грамматику. Каждому учащемуся следует постоянно держать под рукой последнее издание одного из больших английских словарей и широко им пользоваться: Вустера, Стормонта, Standard или International, как теперь называется словарь Уэбстера. Желающему познакомиться с современной наукой о языке в её отношении к английскому следует прочесть «Язык и изучение языка» Уитни и два тома Макса Мюллера о науке языка, а затем взяться за «Лекции об английском языке» Марша. Другие книги указаны в библиографии в конце настоящего труда. ↑

394. О правилах риторики ср. выше, «Введение», § 4. ↑

395. О важности изучения англосаксонского языка см. ниже, гл. II. ↑

396. Кошут приобрёл своё удивительное знание английского, изучая Шекспира в тюрьме. ↑

397. «Об ораторе», II, 15–16. ↑

398. Бульвер, о стиле, Caxtoniana, т. I, с. 131. ↑

399. «О христианском учении», IV. ↑

400. Де Квинси. «О стиле», с. 77. ↑

401. «Литература в письмах» Холкомба (Нью-Йорк, Appleton) — восхитительный том, содержащий отборное собрание английских и американских писем, распределённых по разрядам и снабжённых всеми необходимыми пояснениями. ↑

402. Пусть всё написанное им проверяет человек, хорошо знающий правописание; пусть он составляет списки исправленных слов, записывает их правильно и часто просматривает растущий список, каждый раз решая, что эта ошибка — и эта — больше не повторится. Далее, пусть заведёт привычку обращаться к словарю, когда сомневается в написании слова; кроме того, ему следует начать замечать правописание в читаемых книгах и журналах и

интересоваться спорными вопросами. Укоренившиеся привычки в мелочах нам часто труднее исправить, чем привычки в более важных вещах, потому что первые не пробуждают заинтересованного и бдительного внимания. Предлагаемый способ поможет преодолеть эту трудность. ↑

403. «Риторика», III, 5–6. ↑

404. Есть превосходная небольшая работа о пунктуации покойного профессора Джозефа А. Тёрнера из института Холлинс в Виргинии, чья ранняя смерть стала тяжёлой утратой для изучения английского языка в нашей стране. ↑

405. Хорошее практическое рассмотрение пунктуации можно найти в «Руководстве по английскому языку» Ангуса, а также, с многочисленными упражнениями, в «Сочинении и риторике» Квакенбоса и в других трудах по риторике и грамматике. Пусть никто не считает ниже своего достоинства пользоваться для такой цели хорошими школьными учебниками. ↑

406. «О красноречии кафедры», лекция III. ↑

407. О стиле речи без рукописи ср. часть IV, гл. I, § 3 (2). ↑

408. О ясности см. прежде всего Кэмпбелла и «Опыт о стиле» Герберта Спенсера. ↑

409. Ср. Шедд, с. 59. ↑

410. Об оригинальности ср. часть I, гл. V, § 3. ↑

411. Квинтилиан, VIII, 2, 18. ↑

412. Квинтилиан, VIII, 2, 23. ↑

413. Цит. у Шедда, с. 72. ↑

414. «Риторика», с. 307. ↑

415. О влиянии расположения материала на ясность см. часть II, гл. I, (2). ↑

416. В некоторых местах женщины образованнее мужчин, а обычно они также понятливее и внимательнее; но это не меняет принципа, выраженного в словах фермера. ↑

417. Цит. у Фелпса, с. 152. ↑

418. См. замечательный отрывок у Вине, с. 373, 374. ↑

419. О возражении Фостера против употребления таких слов ср. ниже, гл. IV, о красоте стиля. ↑

420. Об изучении английского языка вообще см. выше, гл. I, § 2. Разумеется, было бы нелепо предпочитать англосаксонское слово лишь по его происхождению, если слово латинского или иного происхождения столь же понятно и более уместно. Однако постоянное внимание к англосаксонской части нашего языка помогает находить наиболее ясные и выразительные слова. Прекрасное рассмотрение различных элементов нашего языка можно найти в «Английской прозе» Эрла и в книге Рэмзи «Английский язык и английская грамматика», гл. II, «Источники английского языка». ↑

421. Следует заметить, что рассуждение Вине о точности и о том, что он называет propriety, может запутать учащегося: соответствующие французские и английские термины означают не совсем одно и то же. Эта трудность встречается и в некоторых других частях его ценного труда. ↑

422. «Синонимы» Уэйтли — хорошая книга в пределах охватываемого ею материала. Последние издания всех больших словарей рассматривают наиболее важные синонимы, причём многие из них — весьма поучительно. Для этой и родственных целей полезен также «Тезаурус английских слов» Роже. «Синонимам» Крэбба, получившим известность потому, что других книг у нас не было, недостаёт ясности; нередко они неточны. «Различение синонимов» Смита, вероятно, лучшая книга по этому предмету. «Сто тысяч синонимов и антонимов» Фэллоуза не разбирают значений, но всё же представляют собой полезный труд. ↑

423. Талантливый и весьма образованный молодой человек, ставший профессором естественных наук в одном американском университете, редко встречался с одним из своих друзей, не заговорив о словах. «Как ты думаешь, в чём разница между этим словом и тем? Так трудно найти точное слово для описания физических сил и явлений». Несколько лет спустя один господин, слышавший лекцию профессора, сказал тому же другу: «Он вполне владеет предметом и необыкновенно легко и удачно подбирает слова. Какой удивительный дар! Ему нужно слово — и оно тут как тут». Беглость речи — дар, но точность — плод труда. ↑

424. См. ниже, гл. III. ↑

425. Герберт Спенсер, «О стиле», с. 24. ↑

426. Кэмпбелл, «О красноречии с кафедры», лекция III. ↑

427. Хорошее рассмотрение этого вопроса см. у Кэмпбелла, «Философия риторики», с. 253–265. ↑

428. Эрл, «Английская проза», с. 473. ↑

429. «Практическая риторика», с. 193. ↑

430. Вопрос об абзацах подробно рассмотрен, с несколькими хорошими примерами, у Бэна, с. 142–152, и у Дженанга, «Практическая риторика», с. 193 и далее. Большинство руководств оставляет его без внимания. ↑

431. О связующих словах см. Кэмпбелл, «Философия риторики», часть III, гл. IV и V. См. также указанные выше страницы Бэна. ↑

432. Ср. ниже, часть IV, гл. I. ↑

433. Уэйтли, с. 301, 302. ↑

434. Ср. Уэйтли, с. 315. ↑

435. Уэйтли, с. 302, 303. ↑

436. Роберт Холл говорил о проповедях Чалмерса, что они движутся на петлях, а не на колёсах. ↑

437. Де Квинси, «О стиле», с. 69. ↑

438. «Риторика», III, 12. ↑

439. Кэмпбеллово слово «vivacity» теперь применяется только к разговору и более лёгким литературным жанрам. ↑

440. Есть простой рассказ о проповеднике, который посоветовал сонливому слушателю нюхать табак, чтобы не заснуть, и услышал в ответ: «А нельзя ли вам класть побольше табаку в свои проповеди?» ↑

441. См. Введение, § 2. ↑

442. «Английский стиль в публичной речи», с. 208. ↑

443. С. 217 и далее. ↑

444. Шедд, с. 78. Ср. с. 73–82. Об уместности обращения к чувствам ср. выше, часть I, гл. IX. ↑

445. Некоторые фигуры, например метафора и синекдоха, разумеется, вошли бы в раздел о выборе слов, но многие другие — нет. Предложенное Кэмпбеллом и принятое Уэйтли деление — выбор слов, количество слов и расположение слов — просто и удобно, но не охватывает всего предмета. Недостаток приведённого выше деления состоит в том, что его разделы не исключают друг друга; однако практически оно удобно. ↑

446. Кэмпбелл, «Философия риторики», с. 307, 308. Ср. с. 309–315. См. ниже в этой главе раздел о синекдохе. ↑

447. Личному применению нередко придаёт особую остроту употребление «ты» вместо «вы». В Нагорной проповеди есть многочисленные замечательные примеры такого перехода от общего к частному. Сравните Мф. 5:21 и 23; 27 и 29; 33 и 36; 38 и 39; 6:1 и 2; 5 (в исправном тексте) и 6; 16 и 17; 19 и 22; 7:1 и 3. Сначала наставление излагается в общей форме, а затем обращается к отдельному слушателю. Но заметьте: так не поступают на протяжении всей речи. Это выглядело бы формально и стало бы утомительным. Некоторые проповедники часто употребляют «ты» в изысканно-сентиментальной манере; это совсем другое дело. ↑

448. Уэйтли, с. 221, 222. О нравственном учении в общих и конкретных выражениях ср. выше, часть I, гл. III, § 2. ↑

449. Уэйтли, с. 332 и далее. ↑

450. Ср. Аристотель, «Риторика», III, 2. ↑

451. Ср. Герберт Спенсер, «О стиле», с. 12–14. Его теория недостаточна, но факты изложены хорошо. ↑

452. Ср. выше, гл. II, (2). ↑

453. «Философия риторики», с. 389. ↑

454. Герберт Спенсер, «О стиле», с. 26, 27. ↑

455. Уэйтли, с. 365. ↑

456. Там же, с. 371. ↑

457. Ср. выше, о ясности, гл. II, (2). ↑

458. Кэмпбелл, с. 378. ↑

459. Большинство этих примеров взято у Кэмпбелла, с. 381–383. ↑

460. 4 Цар. 2:24. ↑

461. Уэйтли, с. 364. ↑

462. Практические упражнения такого рода можно найти в «Риторике» Блэра, лекции XX–XXIV, а также в «Искусстве речи» Дэя и во всех лучших руководствах по сочинению — Квакенбоса, Дэя, Бэна и других. Следует остерегаться излишней придирчивости к мелочам. ↑

463. Кэмпбелл, «Философия риторики», с. 353. ↑

464. «Христианская риторика», с. 617. ↑

465. Эти недостатки весьма подробно рассмотрены у Кэмпбелла, с. 358–372. ↑

466. Уэйтли, с. 347. ↑

467. Уэйтли, с. 351. ↑

468. Например, Мф. 19:30 и 20:16; 22:14; 23:12. Иак. 1:12, 17, 27; 2:13, 26; 3:18; 4:17; 5:6. ↑

469. Ср. Уэйтли, с. 356. ↑

470. «Об ораторе», II, 21, 23. ↑

471. Эта тема обстоятельно рассматривается в любом из известных руководств по риторике, особенно у Дэя, Бэна, Хейвена, Харта, Хилла, Дженанга и других. Подробный разбор фигур содержится в «Христианской риторике» Герви, с. 537–628. Книга Лорда «Об образном языке» содержит прекрасное собрание примеров из Писания; некоторые из них приводятся ниже. В употреблении не установилось чёткого различия между словами «фигура» и «троп», но последнее обычно применяется лишь к некоторым фигурам, особенно к метафоре, метонимии и синекдохе. ↑

472. Ср. Хейвен, «Риторика», с. 111. ↑

473. Об опасности впасть в неумеренность см. ближе к концу этой главы. ↑

474. Ср. Уэйтли, с. 328–330; Хейвен, с. 145–155. ↑

475. Ср. Вине, с. 459–465. ↑

476. Ср. выше, о применении, часть I, гл. IX. ↑

477. Уэйтли, с. 334. ↑

478. Ср. Спенсер, «О стиле», с. 36. ↑

479. Ср. выше, часть III, гл. I, § 1. В «Диалоге об ораторах» (печатаемом с сочинениями Тацита), гл. XX, 22, можно найти замечательное описание ложного вкуса, господствовавшего около 75 года по Р. Х.: он постоянно стремился поражать или ослеплять и считал Цицерона вялым и скучным. Автор (гл. XV–XXI) изображает взгляды, очень похожие на широко распространённые ныне: эпоху, которая воображает, будто знает всё, нетерпима к наставлению и тщательному доказательству и жаждет быстрой смены эффектных изречений. В наше время одно из великих препятствий истинному красноречию — беспокойная нетерпеливость людей, оставляющая мало места для спокойствия и чередования, без которых высокое красноречие невозможно. ↑

480. Ср. выше, часть III, гл. I, § 2, (2), о совершенствовании стиля. ↑

481. «Риторика», III, 1. ↑

482. Цит. у Уэйтли, с. 386. ↑

483. «О духовном красноречии», в сборнике «Разум и вера и другие очерки», с. 213. ↑

484. Ср. Вине, с. 349. ↑

485. Об иллюстрациях ср. часть I, гл. VIII, § 3. ↑

486. Ср. Уэйтли, с. 305. ↑

487. Ср. рассуждение о сильных выражениях в предыдущей главе. ↑

488. О преимуществах «библейского тона» в проповедях см. Вине, с. 420. ↑

489. Количество слов здесь имеет второстепенное значение: изящной может быть и сжатая, и пространная речь, хотя первая лучше способствует силе, а часто и ясности. ↑

490. Иностранцы иногда называют его «змеиным языком». ↑

491. Ср. предыдущую главу. ↑

492. В некоторых трогательных местах у Диккенса целый абзац можно было бы разбить на белые стихи, не изменив ни слова. То же встречается в «Лорне Дун» Блэкмора. Но в обращении к присяжным или в проповеди это было бы невыносимо. ↑

493. Ср. Уэйтли, с. 353–355. ↑

494. Мелодика и гармония стиля подробно рассматриваются у Дэя, с. 218–246. См. также Хоппин, с. 727–730. Древние уделяли этому вопросу гораздо больше внимания, чем современные авторы. Помимо Аристотеля («Риторика», III, 3), о ритме весьма обстоятельно говорит Цицерон, хвалясь, что прежде никто не разбирал его столь подробно («Оратор», гл. 50–71). Квинтилиан краток (IX, 4, 45–120) и предостерегает от чрезмерного увлечения этим предметом. С учётом такого предостережения замечания Цицерона окажутся весьма поучительными. ↑

495. «Риторика», III, 2. ↑

496. Ср. сказанное о фигурах выше, в гл. III, (4), а также об иллюстрациях выше, часть I, гл. VIII. ↑

497. Дабни, «Священная риторика», с. 291, — хорошее рассмотрение вопроса. ↑

498. Цит. в книге Паркера «Ad Clerum», с. 36. ↑

499. Цит. у Генри Роджерса, с. 219. ↑

500. Прекрасные образцы простого стиля, одновременно сильного и изящного, можно найти у Беньяна, Сперджена и Макларена, а также в сочинениях Вашингтона Ирвинга и Чарльза Лэма. ↑

501. Спенсер, «Опыт о стиле», с. 46. ↑

502. В предостережение от ошибок в понимании простоты см. хорошее рассуждение в книге Мура «Мысли о проповеди» (Лондон, 1869), гл. VI. ↑

503. Ср. Введение, § 2. ↑

504. См. речь Тиндаля «О применении воображения в естественных науках»; «Историю индуктивных наук» Уэвелла; «Природу поэзии» Э. К. Стедмана, лекция VII. ↑

505. Сравните английские palsy и paralysis («паралич») и некоторые другие подобные случаи. ↑

506. Флеминг, «Философский словарь», с. 194. ↑

507. Рёскин, «Современные живописцы», т. II, с. 166. О воображении вообще см. прежде всего «Метафизику» Гамильтона и ещё более полезную в этом вопросе книгу Портера «О человеческом интеллекте». В только что указанном труде Рёскина есть обширное рассуждение, весьма ценное для публичных ораторов. См. также предисловие Вордсворта к его «Стихотворениям». Хорошая лекция Маккоша «О воображении, его употреблении и злоупотреблении им» переиздана отдельной брошюрой Американским обществом трактатов. Практическое применение воображения занимательно рассматривается в Contemporary Review за сентябрь 1869 года. Об отношении воображения к красноречию написано не слишком много. Есть речь Хейвена «Область воображения в духовном ораторском искусстве» в Bibliotheca Sacra за январь 1867 года, а также в его «Исследованиях по философии и богословию» (1869). Бичер рассматривает этот вопрос в первой серии «Йельских лекций», с. 109 и далее. Есть также весьма интересные рассуждения Н. Дж. Бёртона, «Йельские лекции», с. 82 и далее, и Э. П. Худа, «Призвание проповедника», с. 162 и далее. С ними ср. Квинтилиан, VI, гл. II, 29. Этот предмет заслуживает основательного изучения и допускает множество интересных и плодотворных поясняющих примеров. ↑

508. «О человеческом интеллекте», § 364. ↑

509. «Современные живописцы», т. II, с. 160 и далее. ↑

510. Ср. часть I, гл. IX, о применении. ↑

511. См. часть I, гл. VI, § 2. ↑

512. См. несколько хороших мыслей в лекции Маккоша, с. 39 и далее. ↑

513. Много плодотворных мыслей об искусстве можно почерпнуть из различных трудов Рёскина, а много полезных сведений по этому предмету — из «Основ художественной критики» Самсона (Филадельфия, Lippincott). ↑

514. Абрахам Такер, цит. у Герви, с. 68. ↑

515. Из многочисленных трудов, рассматривающих этот предмет, обратим внимание на труды Уэра (у Рипли), Фенелона, Пальмера, Кокреля, Киддера, Скиннера, Хоппина, Герви, Питтенджера, Худа и Сторрса. См. библиографию литературы по гомилетике в конце книги. ↑

516. Более подробное изложение см. у Герви, «Христианская риторика», с. 543–560. ↑

517. «История Церкви», II, 317. Он не приводит источника в подтверждение утверждения, что проповеди иногда читались; не приводит его и Бингем. Паниэль в своей обширной «Истории проповеди» на немецком языке такого утверждения не делает. Возможно, это лишь вывод из того факта, что было принято произносить чужие проповеди; однако это могли делать, заучивая их наизусть или усваивая ход их мыслей. Учёные, специально занимающиеся историей Церкви, могли бы разрешить для нас этот вопрос. ↑

518. «Средневековая проповедь», введение, с. XXII. ↑

519. Цитируется у Гресли в труде о проповеди, с. 391. ↑

520. «Средневековая проповедь», там же и с. XV. ↑

521. Хоппин, с. 494. ↑

522. «Служение Евангелия», с. 126. См. также рассказ о выступлениях Чалмерса на Генеральной ассамблее в его жизнеописании, составленном Ханной, т. IV, с. 114, 199, 438. ↑

523. Шлейермахер имел обыкновение часами сочинять свои проповеди, высунувшись из окна. ↑

524. См. ниже, гл. II. ↑

525. Кокрель, с. 177. ↑

526. Пальмер, Hom., с. 526, 527. ↑

527. Питтенджер («Импровизированная речь», с. 29) убедительно защищает тот же взгляд. ↑

528. «Мысли о проповеди», с. 142. ↑

529. Obs. Prat. sur la Préd., с. 181 и далее. ↑

530. «Лекции о проповедовании», с. 171. ↑

531. Весь отрывок см. в Ad Clerum, с. 38, и у Питтенджера, с. 29. Герви («Христианская риторика», с. 555) даёт настолько хороший ответ, насколько здесь вообще возможно. См. также У. М. Тейлор, «Служение Слова», с. 150. ↑

532. «Богословские рассуждения», с. 144. В другой статье, с. 185, он называет это лучшей формой произнесения по памяти. ↑

533. Ad Clerum, с. 44, 45. ↑

534. «Служение Евангелия», с. 120. ↑

535. Цитируется у Скиннера, с. 146. ↑

536. У. М. Тейлор. — Статья в обозрении. ↑

537. Мэтьюз («Красноречие и ораторы», с. 29) рассказывает о проповеднике, который наэлектризовал своих слушателей импровизированной речью во время грозы; когда его попросили напечатать её, он ответил, что согласится, если вместе с ней напечатают и грозу! ↑

538. Ср. часть III, гл. I, § 2. ↑

539. «Призвание проповедника», с. 245. ↑

540. «Жизнеописание», составленное Тревельяном, т. I, с. 188, 220. ↑

541. Ф. Б. Цинке, «Обязанность и подготовка к импровизированной проповеди». ↑

542. Шедд, с. 238. ↑

543. «Мой настоятельный совет вам — никогда не пытаться импровизировать, не будучи уверенным в своём материале. Из всех недостатков речи, какие я знал, самый серьёзный — когда нечего сказать». Александер, «Мысли о проповеди», с. 142. ↑

544. Из трудов, названных в библиографии, наиболее ценны для этого предмета сочинения Цицерона и Квинтилиана, Уэйтли (одностороннее, но поучительное), Моно и Макилвейна. Последний — безусловно лучший из существующих трактатов по этому вопросу: он содержит основательное обсуждение принципов и множество полезных советов, причём лишь немногое вызывает серьёзные возражения. В этой и

следующей главе мы будем часто на него ссылаться. Заслуживают знакомства и «Лекции об искусстве произнесения в Кингс-колледже» Пламптра (Лондон, 1870), хотя они плохо построены и часто слабы. Две главы о телесной выразительности в «Священной риторике» Дабни (Ричмонд, 1870) дают краткое, но содержательное и полезное рассмотрение. «Развитие голоса» Расселла — ценный трактат, излагающий в популярной форме значительную часть научного исследования голоса доктором Рашем. Другие труды указаны в библиографии. ↑

545. О различии между поэзией и красноречием ср. выше, часть III, глава IV. ↑

546. Гёте. Фауст, английский перевод Брукса. ↑

547. См. выше, Введение, § 5. ↑

548. Ср. Макилвейн. Искусство произнесения, с. 120. ↑

549. Ср. Макилвейн, с. 103 и далее, 165 и далее; Моно, с. 399 и следующая; Питтенджер, с. 190–192. ↑

550. Ср. выше, Введение, § 5. ↑

551. Каупер. ↑

552. Об ораторе, III, 60. ↑

553. См. рассуждение Бульвера о стиле в Caxtoniana. ↑

554. Хорошее и достаточное описание этих органов дано у Макилвейна, с. 183–198, и вообще в руководствах по искусству произнесения. ↑

555. Автору известен очевидный пример этого. ↑

556. Об ораторе, III, 60 и далее. ↑

557. Ср. Макилвейн, с. 296. ↑

558. Полезные подборки примеров для этой цели можно найти в хрестоматиях для старших школьных классов и в некоторых трудах об искусстве произнесения. У Макилвейна имеются ценные замечания об артикуляции, с. 218–226, и большая поучительная глава о произношении, с. 239–293. ↑

559. Ср. Дабни. Священная риторика, с. 305. ↑

560. Макилвейн, с. 320. Его главы о качествах и возможностях голоса и об их развитии, с. 294–320, содержат много полезного. ↑

561. Пальмер. Гомилетика, с. 538. ↑

562. О произнесении проповедей, с. 402. ↑

563. О темпе и паузе см. Макилвейн, с. 346 и далее. ↑

564. Логическое ударение требует большого внимания при чтении; ниже оно будет рассмотрено в части V. Во время речи правильное ударение возникает само собой, если человек вполне проникнут своим предметом. ↑

565. При рассмотрении этого предмета автор с пользой обращался к записям лекций своего уважаемого коллеги, преподобного Б. Мэнли-младшего, доктора богословия. Из специальных трудов здесь лучше всего Расселл. «Искусство произнесения с кафедры», с. 346–368. ↑

566. Герберт Спенсер. О стиле, с. 11. Квинтилиан (XI, 3) сравнивает также впечатление, производимое на нас картинами. ↑

567. Дабни. Священная риторика, с. 323. ↑

568. У. Г. Блейки. Для дела служения, с. 234. ↑

569. Например, Уэйтли, с. 443, говорит: «Телесную выразительность едва ли следует вообще считать частью ораторского искусства». Подобным образом высказывается автор статьи в London Quarterly за октябрь 1873 года. См. также Аддисон в Spectator, № 407 (Герви, с. 573). ↑

570. Хоппин, с. 667. ↑

571. Квинтилиан, XI, 3, 72. ↑

572. Об ораторе, III, 59. ↑

573. Макилвейн, с. 400. ↑

574. Введение, § 1. Ср. также часть IV, глава I, § 2 (f), о большом преимуществе свободного взгляда у оратора, говорящего без рукописи. Макилвейн, с. 103 и далее, весьма убедительно показывает ценность сочувствия в публичной речи. ↑

575. Расселл. Искусство произнесения с кафедры, с. 357. ↑

576. Расселл, с. 360. ↑

577. Квинтилиан, XI, 3, 85. ↑

578. Ср. выше об осанке. ↑

579. Гресли. О проповеди, с. 282. ↑

580. Расселл, с. 360. ↑

581. Уэйтли, с. 445. ↑

582. Ср. Герви, с. 575. ↑

583. О разнообразии выражения ср. конец главы IV в части III. ↑

584. Руководство пастора всем устройством общественного богослужения относится, собственно, к сочинениям о пастырских обязанностях; однако та часть, которую он совершает сам, непосредственно и почти неразрывно связана с его трудом проповедника и может рассматриваться либо как предмет гомилетики, либо как часть пастырской работы вообще. Лучше всего этот вопрос рассмотрен у Хоппина, Шедда и немецких авторов. Книги о гимнах и общественной молитве указаны ниже. ↑

585. Ср. часть I, гл. II, § 2. ↑

586. При равной образованности и практике женщины чаще читают хорошо, чем мужчины; это неудивительно, если принять во внимание, что женщины обычно быстрее схватывают, тоньше чувствуют и сочувствуют, обладают большей гибкостью голоса и чаще читают друг другу и детям. ↑

587. В книге Макилвейна «Искусство произнесения речи», с. 239–293, этот предмет рассматривается подробно, с множеством полезных примеров распространённых ошибок. Полезна небольшая книга Файфа «Семь тысяч слов, которые часто произносят неправильно», а также «Орфоэпист» Эйрса. ↑

588. Ср. часть IV, гл. I, §§ 2, 4. ↑

589. Откр. 1:3. ↑

590. Некоторые полезные замечания о важности хорошего чтения Писания см. у Расселла, с. 291–294. ↑

591. Никогда не отступайте от произношения этих имён, принятого среди образованных людей, если это не принесёт действительной пользы. ↑

592. Расселл в «Искусстве произнесения с кафедры», с. 295, даёт отчасти сходную классификацию, с замечаниями об отдельных разрядах и хорошими образцами каждой разновидности. ↑

593. Лучший из легкодоступных сборников — «Памятники старинной английской поэзии» Перси, которые можно приобрести в дешёвых изданиях. ↑

594. Ср. Шедд, с. 301–304. ↑

595. Есть удобные сборники Даниэля и Моне; у Тренча есть занимательная небольшая книга «Священная латинская поэзия». Превосходна также книга Даффилда «Латинские гимны». ↑

596. Доктор П. Шафф издал обширный немецкий сборник гимнов, несомненно составленный с тщательным отбором. ↑

597. Из доступных и недорогих сочинений об английских гимнах назовём книги Белчера и Кристофера, а также занимательное сочинение «Вечера со священными поэтами». «Английские гимны» Даффилда, «Поэты Церкви» Хэтфилда и «Примечания к популярным гимнам» Робинсона — всё это полезные и превосходные книги. ↑

598. О ритмических паузах см. ниже. ↑

599. Многочисленные примеры неудачных гимнов, которые было бы поучительно рассмотреть, наряду со многими превосходными, находятся в «Олнейских гимнах» (сочинения Джона Ньютона). ↑

600. По той же причине в некоторых местах по-прежнему уместно, как некогда было очень принято, «задавать» гимн, прочитывая для пения по две строки. Увы, есть немало местностей, где многие белые, как и цветные жители, не умеют читать, и такое задавание гимна служит им большим утешением. Лучше немного досадить ведущим певцам, чем пренебречь нашими немощными братьями и лишить их участия в этой отрадной части поклонения. Иногда, особенно на неформальных собраниях, скажите несколько слов о гимне перед его чтением — о его происхождении, характере, о том, что он нам напоминает, — что-нибудь, что действительно пробудит к нему интерес. ↑

601. Много хороших примеров дано в приложении к «Законам образного языка» Лорда и в «Искусстве произнесения с кафедры» Расселла. Хорошее рассмотрение этого вопроса, главным образом применительно к героическому стиху, есть также в «Основаниях критики» Кеймса. ↑

602. Их можно с пользой изучать по «Руководству по английскому языку» Ангуса, по «Сочинению и риторике» Квакенбоса и в некоторой степени почти по любому трактату о сочинении или грамматике. Есть также книга Эверетта «Английские стихотворные размеры» (или с подобным названием). Особенно хорошее рассмотрение имеется в «Уроках английского для англичан» Сили и Эбботта, а основательное изложение — в «Науке об английском стихе» Сидни Ланье. ↑

603. По этому предмету, кроме немецких авторов и Хоппина, см. «Гомилетику» Портера, «Священную риторику» Дабни (Ричмонд, 1870) и книгу Миллера об общественной молитве. Ценные советы можно найти в «Лекциях о проповеди» Дейла, лекция IX, и в Ad Clerum Паркера, с. 103–123. ↑

604. Нетрудно заметить, что эти разделы соответствуют четырём главным частям настоящего сочинения как трактата о проповеди. Один друг подсказывает, что уместно было бы написать очерк о том, что следовало бы назвать «Гомилетикой общественной молитвы». ↑

605. См. любой из недавно пересмотренных текстов на греческом или английском языке. Отсутствие нескольких важных частей во втором случае (Лк. 11:2–4) и изменение некоторых выражений убедительно доказывают, что Господь не предназначал эту молитву быть неизменной молитвенной формой: при таком предположении пришлось бы признать, что Он Сам не сумел правильно повторить эту форму. Обратите внимание, сколь многое отсутствует в исправленном тексте Луки. ↑

606. Паркер говорит, что некоторые подобные молитвы — «не более чем перечни церковных учреждений и объявления о церковной работе». Ad Clerum, с. 104, с примерами. ↑

607. См. часть II, гл. I. ↑

608. О продолжительности молитв см. ниже, § 4. ↑

609. См. Авв. 1:13, где сказано: «Чистым очам Твоим не свойственно глядеть на злодеяния, и смотреть на притеснение Ты не можешь». ↑

610. Дабни, «Священная риторика», с. 358. ↑

611. Цитируется в Ad Clerum, с. 113. ↑

612. Каупер о благопристойности на кафедре. Ср. Киддер, «Гомилетика», с. 378 и далее. ↑

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн